

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 6105 210 175 480

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 2-й. ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., № 5.

1882 г.

Типографія д-ра М. А. Хана. Поварском пер., № 2.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 Г. НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ издается ежемѣсячно съ 1-го января 1882 г., безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:		За полгода:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулочъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Въ Главной Конторѣ «Наблюдателя» имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. подъ редакцію А. П. Пятковскаго, съ портретомъ автора, факсимиле и статью о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось всего около ста экз.). Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

2) Князь В. О. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковскаго. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Иногородные подписчики «Наблюдателя», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, получаютъ, вмѣстѣ излишне-высланныхъ денегъ, объ поименованныя книги, причемъ пересылку редакція принимаетъ на свой счетъ.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕДУГЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА V.

Когда, послѣ мучительной перевязки и обморока, Викторія открыла глаза на своей постели, первый взглядъ ея упалъ на мужа, который съ чувствомъ цѣловалъ ея руку. Въ первый разъ она увидала на лицѣ его растроганное, почти нѣжное выраженіе, — и, несмотря на страданія, ея собственное лицо озарилось лучемъ счастья и гордости. Глаза Стебальскаго сдѣлались влажны; онъ зналъ, что судьба бѣдной женщины рѣшена, и ей не встать больше съ одра болѣзни. Обѣ ноги ея были раздроблены въ колѣняхъ, и безпрестанный сухой кашель показывалъ, какъ сильно были повреждены легкія.

Настало время тяжкаго испытанія для всѣхъ въ домѣ. Стебальскій и Колевинъ отдали все свое время, всѣ научныя знанія, всѣ заботы, чтобы спасти жизнь Викторіи, и — спасли ее. Но жизнь эта была надломлена въ самомъ корнѣ; Викторія не могла больше сходить съ постели и начала быстро чахнуть. Тринадцатилѣтняя Наташа осталась опять безъ руководительницы, и жертва Стебальскаго оказывалась напрасной...

Но теперь дѣвочка была уже въ такомъ⁹ возрастѣ, что не имѣла нужды въ нянькѣ, и не только не была помѣхой для своихъ отцовъ, но, напротивъ, представляла для нихъ величайшій интересъ. Несмотря на множество занятій, оба они находили время

давать ей уроки по разнымъ предметамъ. Она жаждала знанія и понимала все такъ быстро, что учить ее было не трудомъ, а удовольствіемъ.

Наташа любила читать, и ее не стѣсняли въ выборѣ книгъ.

Она читала все безъ разбора, старыя и новыя произведенія литературы. Несмотря на ея молодость, вѣяніе времени коснулось ее своимъ крыломъ: вопросы о «женскомъ трудѣ», о социальной неурядицѣ, о положеніи рабочаго и крестьянина, все было ей близко, знакомо; все горячо отзывалось въ чуткомъ, молодомъ сердцѣ... Иногда, по вечерамъ, у ея отца или Стебальскаго собирався тѣсный кружокъ знакомыхъ, по большей части, все людей изъ ученаго міра. Наташа жадно прислушивалась къ ихъ разговорамъ и предпочитала ихъ всѣмъ другимъ развлеченіямъ. Передъ ней открывался цѣлый міръ новыхъ идей; мало-по-малу передъ ея умственнымъ взоромъ развертывался весь сложный механизмъ общественной жизни; затрогивалось все, что имѣетъ вліяніе на человѣческую душу и людскія отношенія. Наслѣдственность, воспитаніе, традиція, обрядная сторона жизни—все это взвѣшивалось, разбиралось, всему давалось свое мѣсто, и все было въ зависимости одно отъ другаго. И Наташа приучалась вдумываться въ смыслъ явленій, не довѣрять внѣшности, оцѣнивать вещи по ихъ внутреннему достоинству и не поддаваться вліянію громкихъ и бессодержательныхъ фразъ.

Незамѣтно, какъ мгновеніе, пролетѣли два-три года, и Наташа начала мало-по-малу слагаться въ женщину. Какъ цвѣтокъ на родной почвѣ, она распускалась стройно и гармонично, въ радостномъ сознаніи прибывающихъ умственныхъ силъ. Безъ подругъ и почти безъ развлеченій, она была счастлива только въ обществѣ своихъ короткихъ друзей, и находила, что день ея такъ помонъ, что не остается времени ни для чего другаго.

Въ одно зимнее, морозное и яркое утро, когда Наташа сидѣла за роялю, поглощенная разучиваніемъ труднаго этюда, въ смежной залѣ послышались шаги, голоса, женскій игривый смѣхъ и шелестъ шелковыхъ шлейфовъ. Еще минута—и въ воздухѣ разлился тонкій запахъ модныхъ духовъ и пудры, и Колевинъ, улы-

баясь, ввелъ въ залу двухъ дамъ. Въ первую минуту, у Наташи такъ зарябило въ глазахъ отъ нарядныхъ цвѣтовъ ихъ костюмовъ и ослѣпительной бѣлизны лицъ, что онѣ показались ей совершенно одинаковыми, какъ двѣ капли воды. Но вскорѣ она разсмотрѣла, что одна была уже зрѣлая, хотя еще красивая матрона, а другая совсѣмъ дѣвочка, съ кругленькимъ личикомъ, похожимъ на наливное яблочко.

Старшую изъ этихъ дамъ Наташа знала. Это была вдова, Александра Ивановна Струйская, одна изъ пациентокъ и поклонницъ ея отца, давно уже старавшаяся войти съ ними въ знакомство и дѣлавшая по временамъ набѣги на ихъ домъ.

— Ахъ, ахъ! вотъ она, наша дикарка! заговорила гостя, протягивая къ Наташѣ обѣ руки, обтянутыя свѣжими свѣтло-сѣрыми перчатками и сверкающія браслетами:—ахъ! какъ похорошѣла, какъ выросла!.. Петръ Андреевичъ, не грѣхъ ли вамъ прятать отъ всѣхъ такую прелесть?

Петръ Андреевичъ Колевинъ съ гордостью улыбался, глядя на Наташу. Дѣйствительно, въ ея лицѣ и фигурѣ было нѣчто невыразимо привлекательное, и всѣ ея движенія полны безосознательной граціи. Улыбка освѣщала ея лицо, точно солнечнымъ лучемъ, но въ эту минуту она была серьезна. Ей въ высшей степени не нравились посѣщенія свѣтскихъ пациентокъ ея отца и ихъ старанія вовлечь ее въ свой кругъ.

— Рекомендую вамъ мою дочь, Лизетъ, продолжала Александра Ивановна:—я давно желала познакомиться ея съ mademoiselle Natalie. Молодая дѣвочка—онѣ сейчасъ сойдутся. Только ты смотри, Лизочка—Natalie такая умная, ученая, серьезная, не то, что ты, вѣтреница, егоза... Бери примѣръ.

На кругленькомъ личикѣ Лизы выразилось неудовольствіе, и губки ея тотчасъ капризно надулись.

— Примѣровъ я никогда ни съ кого брать не стану, возразила она задорно:—хуже всего дѣлать изъ себя не то, что есть.

— Я пошутила, не вспыхивай, успокоила ее мать, похлопывая по плечу съ дѣланнымъ смѣхомъ. Я знаю, что ты у меня самая самостоятельная. Вѣдь и вы, Натали, самостоятельная?

прибавила она, подмигивая Колевику на нихъ, какъ на маленькихъ дѣтей.

Наташа не знала, что отвѣчать: ее коробилъ этотъ не натуральный шуточный тонъ. Она обратилась къ Лизѣ, которая между тѣмъ сбрасывала свою бѣлую шляпу, путая волосы.

— Терпѣть не могу носить шляпы, сказала она, усаживаясь на диванѣ и почти ложась на него.

Наташа съ любопытствомъ разглядывала избалованное и капризное личико тостыи.

— Неужели вы не скучаете? спросила та:—Много у васъ знакомыхъ?

— Изъ женщинъ—почти никого, отвѣчала Наташа.

— Я очень рада. Значить, мы съ вами сойдемся; никто не будетъ мѣшать. Приятно имѣть подругу, которой можно все сказать, все повѣрить...

— Развѣ и у васъ тоже нѣтъ знакомыхъ?

Лиза расхохоталась; такъ ей показался наивенъ этотъ вопросъ. У нея нѣтъ знакомыхъ! Да отъ нихъ отбою нѣтъ; она не знаетъ, куда дѣваться отъ нихъ.

И вмигъ развеселившись, она усадила возлѣ себя Наташу, которая, по ея соображеніямъ, ни о чемъ не имѣла понятія. Она начала болтать безъ умолку, рассказывая всевозможные анекдоты, описывая свѣтскую жизнь, балы, спектакли и живыя картины, въ которыхъ она, по словамъ ея, играла первую роль. Между тѣмъ ея мамаша, усѣвшись у окна, между геліотропами и жасминами, занимала Колевина искуснымъ свѣтскимъ разговоромъ, пересыпая его и граціозными шутками, и легкимъ злословіемъ, и осторожной лестью. Колевику былъ самъ достаточно напрактикованъ въ такого рода разговорахъ, чтобъ съ честью поддерживать его, и мадамъ Струйская была въ восторгѣ.

Въ это время дверь отворилась, и вошелъ Георгъ Риднеръ. Теперь онъ былъ уже не юноша, а молодой человѣкъ, казавшійся даже старше своихъ лѣтъ, благодаря холодности и сдержанности обращенія. Онъ сдержалъ все, что обѣщалъ въ дѣтствѣ; имя его было уже извѣстно, какъ піаниста, и выставлялось крупными

буквами на концертныхъ афишахъ. Онъ ѣздилъ въ Берлинъ и въ Вѣну для изученія классической нѣмецкой музыки, и собирался на слѣдующій годъ ѣхать въ Италию.

Наташа очень обрадовалась, когда онъ вошелъ; Струйскія, мать и дочь, были такъ поражены его красотой и представительностью, что умолкли на полусловѣ; а самъ Георгъ, не ожидавшій найти гостей, остановился неподвижно, въ повѣ статуи. Колевинъ представилъ его, и Александра Ивановна тотчасъ защебетала разными любезности: что онѣ давно его знаютъ, восхищались имъ во всѣхъ концертахъ, желали познакомиться поближе. На все это Георгъ отвѣчалъ молчаливымъ поклономъ и сѣлъ возлѣ Наташи.

— А что ваша матушка, мадамъ Стебальская? преслѣдовала его и тамъ Александра Ивановна:—какъ ея здоровье?

— Ея здоровье въ одномъ положеніи, отвѣчалъ Георгъ.

— Ахъ, мученица! святая женщина! Скажите, это съ ней давно, что она не встаетъ съ постели?

— Съ самаго того случая, сказалъ Колевинъ неохотно, зная, что Александрѣ Ивановнѣ все это извѣстно наизусть.

— Ахъ, да, да, съ того случая! одушевленно подхватила она:—какой несчастный случай, неправда ли?

Колевинъ развелъ руками. Георгъ не слушалъ и разговаривалъ съ Наташей; Лиза, перегнувшись черезъ нее и впившись глазами въ лицо Георга, прислушивалась и собиралась сама заговорить.

— Я давно желала сдѣлать визитъ мадамъ Стебальской, продолжала, не унимаясь, Александра Ивановна:—но я боюсь стѣснить ее...

Она вопросительно взглянула на присутствующихъ, ожидая поощренія сдѣлать визитъ; но, не найдя ни въ комъ этого поощренія, искусно отретировалась назадъ.

— Ахъ, да какъ ужъ поздно! вскрикнула она, раскрывъ крошечные золотые часы:—нѣтъ такой пріятной компаніи, которую бы не надо было оставить. Теперь я приступаю къ главной цѣли моего посѣщенія. Monsieur Колевинъ, отпустите съ нами m-me Natalie.

— Съ вами, куда же? спросилъ Колевинъ.

— Къ намъ на цѣлый день. Безъ отговорокъ, m-me Natallie, вы наша, наша! Петръ Андреичъ позволяетъ.

— Я съ удовольствіемъ позволяю, сказалъ Колевинъ:—поѣзжай Наташа, познакомься.

Наташа смотрѣла съ недоумѣніемъ и удивленіемъ. Обѣ гостыи тараторили у нея надъ ухомъ, общая ей какія то неизвѣданныя блага, общество, танцы, музыку и пр. и пр., и любопытство, желаніе новыхъ впечатлѣній начинали брать верхъ въ ея душѣ надъ нежеланіемъ выходить изъ своего домашняго кружка. Еще нѣсколько минутъ колебанія—и Наташа сдалась, и была съ торжествомъ увезена.

ГЛАВА VI.

Поздно вернулась Наташа изъ гостей и бросилась на шею къ отцу съ такимъ же чувствомъ, какъ еслибъ возвратилась изъ ссылки на родину.

— Ну, папа, не посылай меня больше туда, сказала она рѣшительно.—Ты все говорилъ, чтобъ я попробовала,—вотъ я и попробовала, и довольно съ меня; больше не хочу.

Она рассказала, какъ все показалось ей чуждо, притворно, вычурно и скучно въ свѣтскомъ салонѣ Струйскихъ, какъ цѣлый день смѣнялись однѣ гости другими, не имѣя ничего общаго между собою и повторяя однѣ и тѣ же фразы. Больше всего ей бросились въ глаза праздность и скука, царившія въ этомъ обществѣ, отсутствіе всякихъ умственныхъ интересовъ, безцѣльность жизни. Ее привела въ негодованіе бесполезная, затѣйливая роскошь, составлявшая обстановку этихъ пустыхъ людей. Ей было досадно, зачѣмъ они пользуются избыткомъ и комфортомъ, тогда какъ другіе, болѣе ихъ достойные, нуждаются въ необходимомъ.

Стебальскій былъ видимо доволенъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ Наташей; Колевинъ немного смущенъ, но онъ скоро сдался и общалъ Наташѣ не посылать ее больше къ Струйскимъ. Но зато самъ онъ, именно съ этого дня, началъ вести болѣе разсѣян-

ную жизнь; рѣдкій вечеръ можно было застать его дома. Наташа удивлялась; но ей оставался Стебальскій, и отсутствіе отца не было такъ замѣтно; жизнь ея приняла еще болѣе опредѣленное направленіе—уединенія и ученія.

Наступилъ праздникъ Рождества. Колевинъ исчезъ на все утро съ визитами; но вечеромъ Наташа поджидала его непременно, съ тѣмъ, чтобъ провести этотъ вечеръ, всѣмъ вмѣстѣ, у постели больной жены Стебальскаго. За обѣдомъ, Колевинъ, какъ бы забывъ объ этомъ, предложилъ ей повезти ее въ театръ; въ клубъ, куда она пожелаетъ.

— Что ты, папа! прервала его Наташа:—мы сегодня всё соберемся у Викторіи Августовны; это ея праздникъ; у нихъ въ Англіи онъ считается важнѣе всѣхъ другихъ, и она такъ дорожитъ имъ.

— Ну, хорошо, хорошо; только я не могу быть съ вами; я далъ слово, возразилъ Колевинъ.

— Кому же ты далъ слово, папа?.. я и такъ почти не вижу тебя...

— Нельзя же, душа моя; общество тоже налагаетъ обязанности... Онъ замолчалъ на мгновеніе, задумчиво глядя на дочь и машинально покручивая усы.—Впрочемъ, прибавилъ онъ съ какой-то смѣсью нѣжности и шутовскости:—у тебя два отца, Наташа! Если отнимутъ одного, другой останется... Видишь, какая ты богатая!

Онъ поцѣловалъ ее нѣжнѣе обыкновеннаго и скоро уѣхалъ; но Наташѣ почему-то не понравилось его послѣднее замѣчаніе, и долго она не могла стряхнуть съ себя непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ. Она забыла объ этомъ вполне только уже въ комнатѣ у Викторіи Августовны, при веселомъ трескѣ камина, въ обществѣ своихъ друзей—Стебальскаго и Георга. Комната больной была вся обновлена къ этому дню и представляла разные оттѣнки бѣлаго цвѣта—любимаго цвѣта Викторіи, потому что на немъ не могло скрыться ни одного пятнышка. Мебель, занавѣсы, мраморные столики гармонировали своими различными бѣлыми тонами, на которыхъ отчетливо и красиво вырѣзывалась темная зелень растений. Сама Викторія, въ бѣломъ вышитомъ пеньюарѣ и кружевномъ чеп-

чигѣ, лежала до того блѣдная, прозрачная, восковая, что дополняла собою всю бѣлизну этой комнаты. Она была теперь интереснѣе, чѣмъ бывала здоровая, утративши свой холодный, довольный и методическій видъ; ея впалые глаза сверкали безпокойнымъ лихорадочнымъ блескомъ, какъ будто она переживала непрерывныя внутреннія волненія. Взглядъ ея неотступно слѣдилъ за Георгомъ; онъ былъ для нея радостью, гордостью, цѣлью жизни. На Наташу она смотрѣла ласково, но какъ-то снисходительно, какъ будто опредѣляя всѣ ея достоинства по мѣрѣ того, насколько она умѣла цѣнить ея Георга.

Стебальскій — нелюдимый и непреступный въ свѣтѣ — умѣлъ быть душою семейнаго кружка. При немъ всѣмъ становилось весело; даже сдержанный Георгъ охотно разговаривалъ съ нимъ, хотя между ними не было особенной близости.

Викторія начала рассказывать, какъ въ былое время, она проводила этотъ день на своей родинѣ, и какими обрядами онъ ознаменовывался.

— Мы и сегодня припомнимъ кое-что, сказалъ Стебальскій, и велѣлъ принести большую фарфоровую чашу. Въ нее высыпали множество разныхъ лакомствъ: миндаля, фисташекъ, черносливу, изюму, финиковъ; налили туда же спирта и зажгли... Синеватое пламя красиво поднялось надъ краями чаши. Фокусъ состоялъ въ томъ, чтобъ успѣть погрузить руку и достать со дна фруктъ прежде, чѣмъ пламя обожжетъ кожу на рукѣ. Наташу это забавляло отъ всего сердца; она хотѣла непременно сравниться въ ловкости съ Стебальскимъ, который отлично выполнялъ фокусъ; она обжигалась, плескала горящій спиртъ, вскрикивала и хохотала, хохотала до упаду.

— Что это я сегодня такъ много смѣюсь, замѣтила она, вдругъ остановившись: — мнѣ что-то особенно весело: говорятъ, что это передъ бѣдой.

— Какія у тебя еще могутъ быть бѣды? сказала, вздохнувъ, Викторія.

— Ну, какъ знать! важно возразила Наташа.

— Я не зналъ, что вы вѣрите въ примѣты, сказалъ Георгъ.

Теперь онъ говорилъ Наташѣ «вы»; да и вообще по его виду трудно было представить, чтобъ онъ могъ быть съ кѣмъ-нибудь на «ты».

— Я вовсе не вѣрю, возразила Наташа.

— Такъ зачѣмъ же и говорить то, чего не думаете?

— Да просто сорвалось съ языка. Неужели каждое слово обдумывать и взвѣшивать.

— А какъ же иначе?

— Что это, Георгъ, вы точно одинъ изъ семи мудрецовъ! Вѣдь такъ нельзя разсуждать, не доживши до ста лѣтъ.

Георгъ невольно разсмѣялся.

— Идите играть, продолжала Наташа:—я хочу слышать музыку, хорошую, классическую музыку.

Георгъ послушно пошелъ къ роялю, стоявшему въ сосѣдней комнатѣ.

— Когда думаетъ Георгъ ѣхать въ Италію? спросилъ Стебальскій у жены.

— Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, отвѣчала она.

— И надолго.

— Года на два или на три.

— И вы разстанетесь съ нимъ на все это время? спросила Наташа, смотря на ея исхудалую фигуру и невольно думая, что она и не дождется возвращенія сына.

Викторія угадала ея мысли и отвѣчала:

— Хоть навсегда, если это нужно для его счастья.

— Я также поѣду за-границу, сказалъ Стебальскій.

— Когда—когда? встрепенулась Наташа.

— Еще не скоро; можетъ быть, черезъ годъ.

— Ахъ! вздохнула Наташа:—всѣ уѣдутъ... а я!

— И ты когданибудь поѣдешь; а теперь надо учиться.

— Я поступаю на медицинскіе курсы, сказала она.

— Да, пожалуй, со временемъ.

Подали чай, съ неизбѣжнымъ англійскимъ кѣвомъ, который Наташа сама пекла, подъ руководствомъ Викторіи. Вечеръ окончился къ общему удовольствію.

Въ эту ночь Наташа видѣла страшный сонъ: будто къ ней вошло что-то незримое, неосвязаемое, но чудовищное; какая-то туманная, неопредѣленная масса, занявшая собою все пространство, затмившая свѣтъ и мѣшавшая ходить и двигаться.

Эта масса все болѣе и болѣе разрасталась, такъ что Наташѣ стало нечѣмъ дышать; и она проснулась, задыхаясь, вся дрожа.

Но въ комнатѣ, сквозь занавѣсы, сіяло яркое зимнее солнце, вмигъ прогнавшее всѣ ночные страхи. На столѣ, на креслахъ, возлѣ постели, были разложены разныя бездѣлушки—подарки ея отца. Наташа съ радостной улыбкой полюбовалась на нихъ, надѣла изъ нихъ все, что только можно было надѣть, и побѣжала благодарить отца.

Колевинъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, ничего не дѣлая и вертя въ рукахъ потушую сигару. Онъ, кажется, вовсе не ложился послѣ вчерашней пирушки; лицо его было блѣдно и измучено; на столѣ валялись скомканныя бѣлыя перчатки.

— Ты боленъ, папа? съ безпокойствомъ спросила Наташа.

Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе при ея входѣ и ничего не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ, какъ преступникъ, не поднимая на нее глазъ, и губы его слегка дрожали. И было отчего. Онъ долженъ былъ сообщить ей новость неожиданныю, ошеломляющую его самого. Въ эту ночь онъ сдѣлался женихомъ Александры Ивановны Струйской; ихъ поздравляли, пили шампанское; всѣ родные невесты тутъ присутствовали. Какъ это случилось, почему? что было общаго между имъ и ею?— онъ самъ не зналъ хорошенько. Это готовилось давно, исподоволь; но онъ не замѣчалъ, ему не приходило въ голову, что все это могло кончиться серьезно. Онъ допускалъ себя заманивать, ласкать, обожать, считая все это пустой свѣтской интрижкой, до тѣхъ поръ, пока вдругъ увидѣлъ, что возвратъ невозможенъ... Видя себя нравственно-связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, чувствуя, что онъ не можетъ выбиться изъ-подъ захватившей его силы, онъ, очертя голову, бросился въ омутъ и сдѣлалъ предложеніе, будто бы своей собственной волей, стараясь обставить его какъ можно торжественнѣе, чтобъ ужъ и не надѣяться на возвратъ... Но на душѣ его было нехорошо, и, главное — совѣстно

противъ дочери. Надо было, однако, рѣшиться. Колевинъ облегчилъ свою душу полнымъ признаніемъ и объявилъ, что свадьба его будетъ черезъ двѣ недѣли. Наташа слушала молча, измѣнившись въ лицѣ и едва понимая, что онъ говоритъ ей. — Неужели, думала она съ ужасомъ, — эти двѣ женщины, которыя такъ не нравились ей — будутъ теперь ей близки... Зачѣмъ онъ?.. Зачѣмъ не кто-нибудь другой?.. И она чувствовала, какъ слезы подступали къ ея глазамъ, но она не смѣла плакать, боясь огорчить отца.

Въ сущности Наташа была слишкомъ молода и неопытна, чтобы понять вполне значеніе совершившагося факта. Она утѣшалась тѣмъ, что все останется по прежнему. — «Что-же въ томъ, разсуждала она мысленно»: «что онѣ будутъ жить съ нами! Ничто не перемѣнится. Я сама по себѣ, а онѣ сами по себѣ».

Кончилось тѣмъ, что Наташа, видя тревогу и огорченіе отца, бросилась къ нему на шею и стала горячо ласкать и утѣшать его. Мало-по-малу Колевинъ успокоился, видя, что она не сердится и не упрекаетъ его.

ГЛАВА VII.

Прошло около двухъ лѣтъ послѣ вторичной женитьбы Колевина. Квартира его уже не въ одномъ домѣ со Стебальскимъ, но на англійской набережной, въ бель-этажѣ. Она гораздо тѣснѣе и неудобнѣе прежней, но зато убрана, какъ на выставку, и потому обходится чрезвычайно дорого. Мебель вездѣ бархатная, хоть и не слишкомъ покойная, столы и стулья изъ настоящаго орѣха, зеркала, цвѣты, акваріумы — все собрано тутъ, чтобъ показать, что хозяева понимаютъ, какъ надо жить. Это именно была выставка; вездѣ царствовалъ какой-то мертвый порядокъ, чистота нежилыхъ комнатъ, церемонная чинность: нигдѣ ни уютнаго уголка, ни слѣдовъ семейной, общей жизни.

Въ парадной гостиной, у окна съ тяжелыми драпировками, сидѣла одиноко Наташа, устремивъ задумчивый взглядъ на большое стѣнное зеркало, совершенно заставленное подзеркальнымъ

столикомъ съ массивными бронзовыми часами. Наташа выросла и похудѣла; съ ея нѣжнаго лица успѣлъ уже отчасти слетѣть тотъ бархатистый пухъ первой юности, который—увы!—касается петербургской молодежи только мимоходомъ, какъ будто для того, чтобъ показать ей, чѣмъ бы она могла быть при другихъ условіяхъ быта, климата и воспитанія. Но отсутствіе дѣтской свѣжести не вредитъ мыслящимъ, выразительнымъ фізіономіямъ, и лицо Наташи ничего не потеряло оттого, что щеки ея похудѣли, глаза оттѣнились темной полосой, и губы сурово сжались. Взглядъ ея принялъ какое-то вопросительное выраженіе.

Дѣйствительно, она спрашивала себя, куда ушла вся ея прежняя счастливая, занятая жизнь! какъ и когда все выскользнуло изъ ея рукъ? Она не могла припомнить ни одного рѣзкаго случая, ни одной катастрофы, ни одной сцены; въ первое время женитьбы отца, казалось, все шло по прежнему; Наташа не могла ни на что пожаловаться. Мачиха была вовсе не злая, даже не капризная; съ виду нисколько не деспотка; а между тѣмъ—незамѣтно и постепенно,—какъ геологическій переворотъ, какъ наносъ одной почвы на другую,—съ водвореніемъ Александры Ивановны, началось радикальное измѣненіе привычекъ, образа жизни и всего духа дома Колевиныхъ. Всѣ ея требованія и нововведенія казались вполне разумными; нельзя было ничего сказать противъ примѣрнаго порядка и аккуратности, которые она желала завести въ домѣ. Но когда ея стараніями установились строго опредѣленные часы для каждаго занятія, когда назначенъ былъ бюджетъ расходовъ для каждаго мѣсяца, такъ что выйти изъ этого бюджета не допускалось ни для чего на свѣтѣ, когда чистоплотность дошла до того, что не позволялось дотрогиваться руками до политуры столовъ и ставить ноги на скамеечки—тогда всѣ въ домѣ почувствовали себя чѣмъ-то задавленными, лишенными свободы и воздуха.

Прежде всего прервались короткія отношенія со Стебальскимъ, хотя Александра Ивановна всячески старалась удержать его, не знала, куда посадить, какъ угостить, какъ поддѣлаться къ нему. Она питала безграничное уваженіе ко всему успѣвающему въ своей карьерѣ. Но самъ Стебальскій не могъ выносить ни ея угодли-

восты, ни ея разговора, ни ея знакомыхъ; въ ея неуютной гостиной онъ испытывалъ «gêne», разстроивавшую ему нервы. Даже разговаривать съ Наташей по просту нельзя было; потому что теперь онъ сталъ на правахъ не друга дома, но самаго почетнаго церемоннаго гостя, котораго хозяйка непрерывно занимала. Кончилось тѣмъ, что онъ бѣжалъ изъ этого, когда-то роднаго дома, съ глубокою жалостью о Наташѣ, и почти съ презрѣніемъ къ ея отцу за то, что онъ, казалось, свылся съ новымъ своимъ положеніемъ. На самомъ дѣлѣ, положеніе Колевина можно было сравнить съ тѣмъ, какъ еслибъ его, шута, погрузили въ огромную яму пуха... Ему не больно, не страшно; онъ пытается встать, но все уходитъ ниже и ниже въ пухъ, и ему все мягче и мягче, а приподняться уже нельзя... Александра Ивановна придавила его, какъ мягкимъ пухомъ, своей ласковостью, услужливостью и заботами о немъ. Она была увѣрена, что поступаетъ превосходно во всемъ: что она прекрасная жена, благоразумная хозяйка, нѣжная мать и рѣдкая мачиха. И въ самомъ дѣлѣ, она дѣлала все для этого; но—какъ натура мелкая и ничтожная—она привязывалась только къ формѣ и вѣщности; на мѣсто важнѣйшихъ интересовъ она ставила пустѣйшіе; сущность вещей совершенно ускользала отъ нея, какъ отъ крота, роющагося въ землѣ, ускользаетъ свѣтъ солнца.

Одно только успѣлъ сдѣлать Стебальскій для Наташи: устроить, чтобъ она ходила на курсы. Тутъ онъ вздохнулъ свободнѣе: по крайней мѣрѣ, она направлена на путь.

Лиза, дочь Александры Ивановны, вѣчно скучающая и недовольная, всей тяжестью своей скуки обрушилась на Наташу. Она не давала ей ни минуты покоя, вѣчно жалуясь на судьбу и неудовлетворенность жизни. Теперь Наташа пріютилась у окна въ гостиной, чтобъ избѣжать общества этой надоедливой особы. Онѣ жили въ одной комнатѣ, и потому Наташѣ некуда было спастись отъ нея. Изъ сосѣдней комнаты до Наташи долетали смѣхъ, пискливые голоса и звонъ чашекъ. Это Александра Ивановна угощала кофеемъ своихъ пріятельницъ: около нея всегда были двѣ или три изъ нихъ.

Но Наташа не слушала, погруженная въ тоскливыя думы о

своихъ отсутствующихъ друзьяхъ, которыхъ она любила, какъ прежде. Гдѣ Стебальскій? гдѣ Георгъ? Первый отправился за границу руководить лѣченіемъ одного важнаго лица, и неизвѣстно когда воротится. Георгъ уже два года въ Италіи, и не пишетъ ей.

Она одна, и ей некому повѣрить свою грусть, недовольство, тревогу, планы на будущее. Посѣщенія матери Георга доставляли мало отрады Наташѣ. Викторія Августовна, оставленная мужемъ на рукахъ опытной сидѣлки и надежнаго доктора, окруженная комфортомъ и внимательной прислугой, находилась въ той степени чахотки, когда самое существованіе есть ничто иное, какъ страданіе. Взволнованная и несчастная разлукой съ сыномъ, тревожимая заботой о немъ, она постоянно раздражалась на все и на всѣхъ. Она любила Наташу, и потому Наташа была ея жертвой. То она горько жаловалась, что та рѣдко навѣщаетъ ее; то, напротивъ, принимала ее сухо, не глядя, отыскивала какія-то ея вины и осыпала колкими намеками. Съ ней ужь, положительно, Наташа не могла говорить о себѣ: эгоизмъ и ожесточеніе страданія погасили въ Викторіи всякую искру участія къ другимъ. Отецъ одинъ оставался Наташѣ, но и съ отцомъ она начинала уже чувствовать внутренній разладъ; онъ слишкомъ скоро примирялся съ тѣмъ, съ чѣмъ ей никогда не примирится.

Обо всемъ этомъ раздумывала она, когда чья-то рука дружески хлопнула ее по плечу.

— Философствуешь? спросила ее Александра Ивановна, вошедшая затѣмъ, чтобъ ровно въ четверть третьяго поднять опущенныя отъ солнца сторы.

— Философствуешь, что ли? повторила она, смѣясь: — отвѣчай!

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа, нехотя усмѣхаясь.

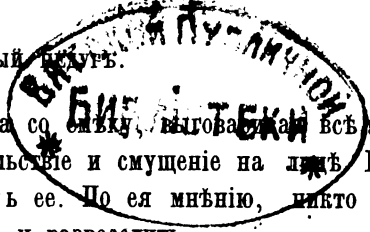
— Кофейку не хочешь ли?

— Я ужь пила.

— Еще можно выпить. Это ты для цвѣта лица боишься, признайся, шутила Александра Ивановна.

— Да нѣтъ же.

— Право, для цвѣта лица. Ну, чего же ты хочешь? Чаю? молока? масла?.. Нѣтъ! ну, танцовать не хочешь ли?

Александра Ивановна помирала со смѣхоу, выговаривая всѣ эти милыя шутки. Замѣтивъ неудовольствіе и смущеніе на лицѣ Наташи, она старалась разсмѣять ее. По ея мнѣнію, никто не умѣлъ лучше ея всѣхъ успокоить и развеселить.

— Ну, вотъ и разсмѣялась, а то такая серьезная, сказала она, сжавъ двумя пальцами щеки дѣвушки, для изображенія улыбки, и ушла къ своимъ гостямъ рассказывать въ подробности, какъ она потчивала свою падчерицу всѣмъ, даже танцами.

— Такъ вотъ ты гдѣ! вскричала Лиза, вбѣгая въ гостиную:— я цѣлый часъ вездѣ тебя ищу. Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Ничего, отвѣчала Наташа: зачѣмъ я тебѣ понадобилась?

— Да такъ. Тоска какая!

Лиза подсѣла къ Наташѣ подъ бокъ и оперлась на нее.

— Неужели тебѣ весело, Наташа?

— Зачѣмъ ты на меня все наваливаешься, Лиза! вѣдь это тяжело, возразила Наташа съ досадою.

— Ну вотъ, я къ ней, а она сейчасъ толкаться!.. Ну, будь добренья, Наташа, утѣшь меня чѣмъ нибудь.

Она всѣмъ прилегла на Наташу и положила голову ей на плечо.

— Въ чемъ тебя утѣшать-то? спросила та.

— Со мной Богъ знаетъ, что дѣлается... Какое-то недовольство жизнью, равнодушіе ко всему, сантиментальничала Лиза. Выѣзжаешь, танцуешь и серьезнымъ дѣломъ занимаешься (она была членомъ благотворительнаго общества), а все не то! Какъ-то все это не интересно.

— Мало что-ли ухаживаютъ за тобою?

— Ухаживаютъ-то многіе, но это не то, чего бы я хотѣла. У меня большія требованія отъ жизни.

— Вижу, что большія, сказала Наташа, насильно приподнявъ ея голову и отодвигаясь.

Лиза звѣнула.

— Наташа, расскажи что нибудь про Георга.

— Что я могу про него рассказать!

— Ну про Стебальскаго. Вотъ у тебя есть короткіе друзья

между мужчинами, а у меня никого. Развѣ это не несчастье? Нѣтъ, расскажи, Наташа, чтонибудь. О чемъ ты съ ними разговаривала?

Наташа, чтобъ отвязаться, встала и пошла въ чайную, гдѣ сидѣла ея мачиха съ гостями. Лиза догнала ее и схватила подъ руку. Избалованная, не умѣя ничѣмъ сама заняться, Лиза не могла, чтобъ на комънибудь не виснуть.

Въ чайной ораторствовала одна изъ пріятельницъ, полная дама, вся обсыпанная пудрой и спеленатая по модѣ въ свѣтло-сѣрое платье.

— Я всегда твержу Alexandrin'ѣ, говорила она:—что она слишкомъ не эгоистична, слишкомъ думаетъ о другихъ и забываетъ себя. Нынче вѣкъ эгоизма: надо идти за вѣкомъ!

Александра Ивановна скромно улыбалась.

— Въ чемъ же она такъ ужъ забываетъ себя, замѣтила другая гостыя, позавидовавшая, что хвалить не ее.

— Во всемъ, возразила первая. Ну, какъ это, тогда, оставить обѣдать какую-то совсѣмъ незнакомую дѣвушку, какъ будто вы обязаны непременно предлагать ей обѣдъ! Кто это сдѣлаеть, кромѣ Alexandrine.

Наташа вспыхнула при этихъ словахъ.

— Это я просила тогда оставить обѣдать Матвѣеву, заговорила она:—она вмѣстѣ съ нами ходитъ на курсы, и зашла ко мнѣ за книгой, сдѣлала такой крѣкъ, версты три... Домой ей идти тоже три версты; какъ же можно не...

— Душечка моя, мало-ли кто съ вами ходитъ на курсы, нельзя же всѣхъ обѣдами кормить.

— Ну, что это, mesdames, полноте! жеманно благодушествовала Александра Ивановна:—я всякаго готова накормить; вы не повѣрите, это моя слабость,—голоднаго накормить, холоднаго обогрѣть! хохотала она. Ну, конечно, нужны средства... А вы знаете, mesdames, что у меня остаются сбереженія отъ мѣсяца...

— Такъ лучше на эти сбереженія повезти вашихъ дѣвицъ лишній разъ въ театръ, возразила гостыя. А вѣдь за ваши обѣды вы никакой благодарности себѣ не получите отъ этихъ...

— Господи, вскричала Наташа:—неужели еще благодарности

требовать за то, что разъ подѣлились крупницей со стола! Послѣ этого не стоитъ и быть богатымъ.

— Ахъ, ахъ! заволновались дамы:—какъ богатымъ? кто же это богатъ по вашему?

— Да мы богаты, отвѣчала Наташа.

— Мы!! повторила Александра Ивановна въ оцѣпенѣніи.

— А какъ же, возразила, недоумѣвая, Наташа:—у насъ такая квартира... роскошь... и столяръ, и туалетъ...

— Ну, что это, перебила Лиза, толкая ее локтемъ:—тебѣ все кажется роскошью. А развѣ мы такъ живемъ, какъ Щербинины, или какъ Охотскіе. У тѣхъ чуть не каждый мѣсяць мѣняютъ всю мебель, и шляпы онѣ себѣ покупаютъ подъ цвѣтъ платья; сколько платьевъ, столько и шляпъ!

— Ахъ, какъ она мила! засмѣялась Александра Ивановна, обращаясь къ Наташѣ и потянувшись потрепать ее по щекѣ:—какъ наивно она это говорить. Нѣтъ, душечка, ты не знаешь, какихъ это стоитъ трудовъ и хлопотъ, чтобъ только отъ другихъ не отстать, а гдѣ ужъ роскошничать! Еслибъ не экономія и не расчетливость моя, мы не были бы въ состояніи купить вотъ эти богатые часы съ бронзой.

— Да на что они? спросила Наташа:—въ столовой висятъ стѣнные часы, и у васъ есть маленькіе...

Дружный хохотъ прервалъ ея слова. Пріятельницы кивали на нее головами, какъ на ребенка, ничего не понимающаго. Наташа рѣзко встала и ушла въ свою комнату заниматься. Это былъ праздникъ, и на курсы идти не предстояло.

— Однако характерецъ у вашей падчерицы, замѣтила ядовито одна изъ дамъ.

— О, я со всякимъ характеромъ умѣю ладить, отвѣчала съ хохотомъ Александра Ивановна. Это ужъ мое достоинство. Никто во всю жизнь не могъ про меня сказать, чтобъ я съ кѣмъ нибудь не ужилась.

Гости разѣхались. Александра Ивановна совершила весь утренній циклъ своего дня: гуляла извѣстное время по извѣстной улицѣ, зашла въ кондитерскую за пирожнымъ; прийдя, перемѣнила костюмъ,

обувь и головной уборъ, и, въ ожиданіи обѣда, сѣла, какъ гостья, на диванѣ въ гостиной. Апетитъ у нея былъ, по обыкновенію, прекрасный, и она не сводила глазъ съ своихъ любимыхъ бронзовыхъ часовъ, думая въ это время о томъ, не положить ли кухарка слишкомъ много масла въ шпинатъ. Но мало по малу ея довольное лицо начало выражать неудовольствіе и неодобреніе. Стрѣлка приближалась къ четыремъ часамъ, а звонокъ хозяина еще не раздавался.

«Неужели опять опоздаетъ, разсуждала она: чего бы лучше приходите всегда въ четыре часа безъ десяти минутъ! Не Богъ знаетъ, что тамъ случится, если онъ уйдетъ раньше,—нѣтъ, это ужь собственная его неаккуратность. А въ жизни это много значить—аккуратность. Вотъ я...»

Александра Ивановна могла нескончаемо разсуждать на эту тему, находя все новые и новые доводы въ пользу аккуратности; но бой часовъ прервалъ теченіе ея думъ, и въ то же время кухарка поставила на столъ суповую чашку.

— Подано на столъ, а Петра Андреевича нѣтъ! обратилась она къ вошедшимъ дочерямъ, краснѣя отъ волненія:—что онъ съ нами дѣлаетъ! Придется опять относить супъ назадъ.

— погоди, я возьму, вскричала Лиза и, безцеремонно сбросивъ крышку миски, налила себѣ полную тарелку и принялась ѣсть, сказавъ кухаркѣ:—Теперь отнеси.

— Лучше бы было тебѣ подождать, пробормотала Александра Ивановна, давно уже съ горестью покорившаяся тому, что новое поколѣніе не признаетъ принциповъ стараго.

— Ждать—если хочешь ѣсть! Гдѣ тутъ смыслъ? презрительно пожала плечами Лиза. Она очень гордилась передъ матерью своимъ современнымъ развитіемъ.

Наташа молчала, обезпеченная отсутствіемъ отца. Александра Ивановна сѣла за столъ на свое хозяйское мѣсто, сжавъ губы и держась прямо и неподвижно, въ доказательство, какъ она была оскорблена. Съ полчаса длилось натянутое молчаніе, прерываемое только стукомъ Лизиной ложки о пустую тарелку.

Наконецъ звонокъ, хозяйскій звонокъ!.. Наташа обрадовалась;

Александра Ивановна еще величественнѣе укрѣпилась на мѣстѣ и велѣла подавать супъ. Колевинъ вошелъ съ завязанной рукой.

— Что это у тебя, папа? вскричала Наташа.

— Порѣзался скальпелемъ, коротко отвѣтилъ онъ. А вы меня долго ждали? напрасно не обѣдали.

— Я боюсь, что ты не станешь ѣсть супъ, холодно сказала Александра Ивановна:—онъ совсѣмъ простылъ.

— Какъ же это ты порѣзался, папа? спрашивала Наташа:—глубоко? что ты дѣлалъ скальпелемъ?

— Ахъ, ну, въ анатомическомъ театрѣ—довольно съ тебя! Ты забыла, что у насъ не говорятъ о такихъ вещахъ за обѣдомъ.

— Конечно, подтвердила Александра Ивановна съ чопорнымъ видомъ:—кто же объ этомъ говорить за обѣдомъ.

Колевинъ принялся за супъ, какъ будто съ аппетитомъ, но, послѣ трехъ-четыреухъ ложекъ, оставилъ его. Слѣдующее кушанье онъ также взялъ и также не ѣлъ.

— Какъ это справедливо, что аппетитъ проходитъ, когда ѣшь не во время, замѣтила поучительно Александра Ивановна:—вотъ ты на полчаса опоздалъ, и оттого не ѣшь.

Встали изъ за стола. Колевинъ наскоро совершилъ обрядъ цѣлованія руки у жены, разъ навсегда заведенный ею, и ушелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ успѣшно развязалъ руку и сталъ примачивать какимъ-то составомъ.

— Это больно, папа? покажи мнѣ, произнесъ за нимъ голосъ Наташи, проскользнувшей въ кабинетъ.

— Зудить, сказалъ Колевинъ, подставляя ей свою руку. На ладони былъ незначительный, но довольно глубокой порѣзъ, обведенный, какъ будто, синеватой каемкой. Наташа безотчетно вздрогнула при видѣ ранки; неприятныя мурашки побѣжали у нея за спиною.

— Это скальпелемъ? спросила она.

— Да; мы вмѣстѣ съ однимъ докторомъ рѣзали трупъ; вдругъ мой скальпель какъ-то сорвался и воткнулся мнѣ въ лѣвую руку, объяснилъ Колевинъ.

— Ты промывалъ рану? спросила Наташа, вся блѣдная.

— Еще бы! мы тотчас употребили всё средства, прижиганія, промыванія. Я отъ этого и запоздалъ. Теперь ничего не будетъ. Я лягу отдохнуть; что-то очень усталъ сегодня.

Наташа молча спустила стору окна, и молча вышла. Придя въ свою комнату, она сѣла въ уголь и долго смотрѣла прямо передъ собой, ничего не видя, безумно расширенными отъ испуга глазами...

ГЛАВА VIII.

Черезъ два дня весь городъ былъ взволнованъ извѣстіемъ, что докторъ Колевинъ заразился трупнымъ ядомъ и лежитъ при смерти. Весь факультетъ перебывалъ у него; всё средства были пущены въ ходъ; но человѣческая наука оказалась безсильна... Улица передъ домомъ была устлана соломой; Александра Ивановна, окруженная прислугой, спиртами и примочками, лежала постоянно въ обморокахъ, увѣряя, что не въ состоянїи войти въ комнату больнаго. Лиза съ утра убѣгала къ знакомымъ и ночевала тамъ, чтобъ не присутствовать дома при тяжелыхъ эпизодахъ. Наташа, подавленная отчаянїемъ, не спала, не ѣла и не плакала: ее нельзя было утѣшить ложной надеждой; она какъ нельзя лучше понимала тщету всѣхъ употребляемыхъ средствъ: недаромъ она была ученица двухъ докторовъ. Она телеграфировала Стебальскому въ Вѣну, предполагая, что онъ тамъ; но телеграмма ея такъ и осталась безъ отвѣта и безъ результата.

На пятый день отецъ ея умеръ. Безполезно рассказывать, какъ Наташа пережила эти мрачные дни своей жизни, когда тьма сгустилась надъ нею до того, что не пропускала ни одного луча свѣта и утѣшенія...

Александра Ивановна была искренно огорчена и даже оскорблена несправедливостью судьбы, отнимавшей у нея то, что она себѣ завоевала съ такими трудами.

— Не знаю, говорила она своимъ друзьямъ:—какими грѣхами я это заслужила. Подумайте: вѣдь это второй у меня умираетъ.

Еслибъ еще первый, ну ужъ такъ и быть. А то второй! Только было успокоилась, что вотъ я не беззащитная вдова, имѣю покровителя, имѣю значеніе въ свѣтѣ, какъ вдругъ опять очутиться въ томъ же положеніи. Это ужасно!

— Былъ капиталъ у вашего мужа? спросилъ кто-то.

— Ахъ, какой тамъ капиталъ! Онъ не умѣлъ наживать и тратить все, что получалъ. На имя Наташи лежитъ въ банкѣ бездѣлица какая-то: тысячу рублей съ небольшимъ. А мнѣ и совсѣмъ ничего; но я не жалуясь, Богъ съ нимъ! Мнѣ его-то жаль: какъ я буду опять безъ мужа: легко сказать—все сама!

Она заплакала.

— Послѣ второго мужа бываетъ и третій, замѣтили ей:—вотъ ужъ если третій умретъ, тогда шабашъ!

— Это, конечно,—серьезно отвѣчала Александра Ивановна.

Это замѣчаніе значительно утѣшило ее. «Что же, пришло ей на умъ: вѣдь я только два года была за нимъ замужемъ; не успѣла ни постарѣть, ни подурнѣть. Авось Богъ поможетъ»!..

И въ ожиданіи, пока приличіе позволитъ составлять новые матримоніальные планы, Александра Ивановна облеклась въ платье *cachemire-double* съ плерезами, заказала дочерямъ также траурные костюмы и зажила по прежнему. Теперь она, уже безъ помѣхи, не смущаемая неаккуратностью мужа, разлиневала весь свой день по клѣточкамъ и съ какимъ-то наслажденіемъ вращалась въ одномъ извѣстномъ кругѣ. По ней, какъ по солнцу, можно было узнавать время. Многіе жильцы изъ сосѣдняго дома распредѣляли свои дѣла сообразно тому, поднимала ли она, или опускала шторы, сидѣла ли въ той или въ другой комнатѣ, и выходила она пѣшкомъ или выѣзжала. У нея часто собирались родные и знакомые, и всѣ восхваляли ее, какъ рѣдкую мачиху, продолжающую такъ-же нѣжно любить падчерицу безъ мужа, какъ и при мужѣ. Александра Ивановна скромно улыбалась и, нарочно при гостяхъ, дарила Наташѣ коробку конфетъ или бархатку на шею.

«Какъ эта портниха широко сшила тебѣ платье», говорила она ей, не замѣчая, что Наташа похудѣла, какъ спичка, и сдѣлалась тѣнью самой себя. Стебальскій не ѣхалъ. Онъ не получилъ теле-

граммы Наташи, путешествуя на югъ, и узналъ только изъ газетъ о смерти Колевина; письмо его къ Наташѣ было полно теплоты и участія, но не обѣщало скорого свиданія, и много горькихъ слезъ пролила она надъ нимъ...

Г Л А В А IX.

Въ одно сѣрое петербургское утро, Наташа сдѣлала то, чего прежде никогда не дѣлала: она, безъ приглашенія, вошла въ комнату своей мачихи. Та сидѣла въ своихъ траурныхъ одеждахъ на траурномъ диванѣ, подь портретомъ мужа, задернутымъ черной кисеей, и томно ѣла мятныя лепешечки. Она удивилась посѣщенію Наташи и, не донеся до рта своего лакомства, посмотрѣла на нее вопросительно. Ей тотчасъ пришло въ голову, что молодая дѣвушка явилась требовать своей доли пенсіи, которую друзья Колевина хлопотали для его вдовы и дочери.

Наташа все еще молчала, оглядывая комнату, которую видѣла въ первый разъ въ ея вычурномъ траурномъ убранствѣ, и слабая ироническая улыбка мелькнула на ея губахъ. На ней было очень простое черное платье; черная вязаная косынка скрещивалась на груди и сзади завязывалась узломъ; темные блестящіе волосы, небрежно заплетенные въ одну косу, висѣли за спиной. Она стояла, прислонившись къ косяку двери и заложивъ руки назадъ. Вообще, она, казалось, желала — своей позой, одеждой и видомъ, усилить еще болѣе контрастъ между собой и мачихой.

— Поди, поди сюда, моя птичка! заговорила вдругъ не натуральнымъ голосомъ Александра Ивановна: — вздумала навѣстить меня — какъ мила!

— Я пришла вамъ сказать, что я отъ васъ переѣзжаю на квартиру, выговорила спойкойно и отчетливо Наташа.

— Что такое? что — что? не слышу, возразила мачиха, приставая на диванѣ.

— Я желаю жить особенно, совсѣмъ независимо, не стѣсня никого собой, объяснила Наташа. Мнѣ будетъ удобнѣе заниматься.

— Такъ тебѣ у меня неудобно, тебѣ дурно, я тебя притѣсняю?.. Ты жалуешься?

— Я не жалуясь. Мнѣ у васъ слишкомъ хорошо, слишкомъ роскошно, слишкомъ праздно. Я не на такую жизнь себя готовлю. Всѣ мои подруги по курсамъ трудятся и зарабатываютъ свой хлѣбъ; я хочу также трудиться и учиться, и не выдѣляться изъ ихъ среды. Иначе я никогда не стану на свои ноги. Я уже прискала себѣ квартиру; я буду жить съ одной подругой—Пахомовой.

Съ самого начала рѣчи Наташи, ея мачиха закрыла глаза, нюхая нашатырный спиртъ, и все время качалась и слегка стонала, дѣлая видъ, что ей дурно. Потомъ, будто очнувшись, она раскрыла большіе глаза и, притворяясь, будто ничего не помнитъ, начала говорить отрывисто:

— А?.. что?.. это ты, Наташа. Голова кружится. Про что ты мнѣ говорила?

— Я уже все сказала, что нужно, возразила та: — теперь я пойду укладываться; къ вечеру уѣду.

— Постой, постой! вскричала въ смятеніи Александра Ивановна: что это? ты не хочешь со мной говорить! Ну, вернись же, сядь. Признайся, ты вѣдь пошутила... Хотѣла пофорсить,—молоденькія дѣвушки любятъ форсить! Ну, скажи: да? ну, котеночекъ, ну, пташечка—да, пошутила?

И Александра Ивановна, щекоча Наташу подъ подбородкомъ, начала уже легонько хохотать, хотя ей было не до смѣху. Но это была ея манера; для чего она говорила всѣ эти не натуральные слова, она сама не знала. Разъ усвоивъ себѣ приемъ шуточки, въ которомъ считала себя очаровательной, она примѣняла его безъ разбора ко всему. На Наташу это всегда производило тягостное дѣйствіе, и она, отстранивъ руку мачихи, порывисто встала, чтобъ выйти.

— Да погоди же... что же ты со мной-то дѣлаешь! вскричала Александра Ивановна уже безъ всякаго буфонства, слезливымъ и оскорбленнымъ голосомъ. Что обо мнѣ подумаютъ послѣ этого? Да, наконецъ, на какія же средства ты будешь жить?

— Я имѣю же кое-что изъ пенсій отца, сказала Наташа.

— Да вѣдь на твою долю придется какихъ нибудь четыреста рублей!

— Это слишкомъ много. Другія не имѣютъ и половины этой суммы, а живутъ.

— Это другое дѣло: онѣ привыкли ѣсть пустыя щи и мерзнуть въ ваточныхъ пальтишкахъ, а ты нѣтъ.

— И я привыкну.

— Ты даже не сумѣешь распорядиться своими деньгами, если отдать ихъ тебѣ въ руки; ты растратишь ихъ по пустому.

— Это мое дѣло. Больше ассигнованной суммы я у васъ просить не буду, твердо сказала Наташа.

Александра Ивановна размышляла. Согласіе Наташи довольствоваться такой ничтожной суммой казалось ей невѣроятнымъ, и она подозрѣвала въ немъ ловушку. Притомъ самолюбіе ея сильно оскорблялось самовольнымъ поступкомъ падчерицы. Любимымъ конькомъ Александры Ивановны было — внушать удивленіе своей способностью со всѣми ладить; вліяніемъ, которое она будто бы умѣла приобретать надъ всѣми, и покореніемъ себѣ самыхъ строптивыхъ характеровъ. Хотя эта репутация была создана ея собственной фантазіей и ничѣмъ не оправдывалась на дѣлѣ, Александра Ивановна твердо въ нее вѣрила и считала себя скомпрометированной неприличной выходкой падчерицы.

— Да что же это такое! вскричала она, вдругъ заволновавшись, и слезливымъ голосомъ: — это самовольство, буйство, это погибель твоя!.. Я не позволю, я не допущу... Ты несовершеннолѣтняя; я твоя опекунша и имѣю право не выдать тебѣ ни копейки, если ты уйдешь безъ моего согласія.

— И все-таки я уйду, сказала Наташа.

— Безъ денегъ-то?

— Я буду давать уроки музыки.

— Прекрасно—такъ вотъ какъ! Я—слово, а ты два. Чѣмъ бы попросить совѣта, послушаться, а ты зубъ за зубъ. Ну, такъ вѣдь и я же могу тебя просто не пустить, могу черезъ полицію это сдѣлать.

Наташа вспыхнула отъ негодованія.

— Конечно, вы можете сдѣлать мнѣ много вреда, возразила она:—вы можете лишить меня на время науки и образованія, но только на время... Я буду держаться за нихъ крѣпко.

— Вотъ къ чему повели эти курсы!.. Конечно, это была воля твоего отца, и я не протестовала... Но ты подумай, Наташа, какъ ты оскорбляешь память отца! Еслибъ онъ только видѣлъ, голубчикъ, ангелъ, какъ ты противъ меня неблагодарна. Онъ меня за святыню почиталъ, поклонялся мнѣ, онъ бы этого не вынесъ!

Александра Ивановна закрыла лицо платкомъ и театрално указала пальцемъ на портретъ. Наташа вздохнула. Какъ все казалось ей фальшиво и неестественно въ этой комнатѣ, какъ противны эти траурные чахлы и мишурные плерезы, и все это горе на показъ! Глаза ея остановились на портретъ, задернутомъ кисеей, скрывавшей отъ нея дорогія черты отца... О, какъ бы ей хотѣлось унести съ собой это изображеніе, а на мѣсто его подсунуть пустую холстину. И годы прошли бы прежде, чѣмъ неутѣшная вдова замѣтила бы подлогъ, съ горечью думала Наташа. Она сдѣлала было шагъ къ двери, но мачиха опять остановила ее пронзительнымъ голосомъ:

— Такъ ты вправду рѣшилась ѣхать, и сегодня? И ты будешь жить съ какой-то Пахомовой?

Наташа нетерпѣливо кивнула головой, и узенькій кончикъ ея ботинки быстро и нервно застучалъ по ковру.

— А на какой улицѣ?

— На Садовой, отвѣтила Наташа, стиснувъ зубы.

— Каково это — на Садовой!.. Но вѣдь это нельзя же такъ вдругъ; ты должна прежде обдумать.

— Я все обдумала давно.

— А что скажетъ Стебальскій, Левъ Николаевичъ? Ты даже съ нимъ не посоветовалась?

При имени Стебальскаго, губы Наташи задрожали, и она отвернулась.

— Или ты къ нему писала? подозрительно спросила мачиха.

— Нѣтъ. Какое ему до меня дѣло! чтó я для него теперь?.. Онъ забылъ и думать обо мнѣ, сорвалось неволью съ губъ Наташи,

— Никакъ онъ не могъ этого забыть. Онъ твой попечитель; я опекунша, а онъ попечитель; онъ самъ писалъ въ опеку, просиль, чтобъ его назначили. Такъ какъ же онъ можетъ забыть? логично доказывала Александра Ивановна. Я этого человѣка очень уважаю, и онъ меня безконечно уважаетъ; онъ тебя за это не поблагодарить, что ты такъ со мной обошлась.

— Да какъ же я съ вами обошлась? вскричала Наташа, теряя терпѣнiе.

— Чѣмъ тебѣ у меня дурно? чѣмъ ты недовольна? за что ты меня срамишь? Притѣсняла ли я тебя, била ли, морила ли съ голоду? Скажи, морила я тебя съ голоду?

— Ахъ, да не то, Господи! проговорила Наташа.

— Такъ зачѣмъ же ты уходишь? какая у тебя цѣль уходить? кто тебя сбиваетъ?

— Никто. Я сама желаю.

— Нѣтъ, это не бываетъ, чтобъ сама. Кто нибудь да сбиваетъ, съ убѣжденiемъ возразила Александра Ивановна. Ну, скажи, чего тебѣ нужно? я все тебѣ куплю.

Въ эту минуту шумно вбѣжала Лиза.

— Мама, гости! Крутикова съ сестрой, прокричала она.*

— Самъ Богъ ихъ посылаетъ, сказала патетично Александра Ивановна, и, къ изумленiю Наташи, вдругъ громко, истерично зарыдала и, вся въ слезахъ, бросилась къ гостямъ.

— Ахъ, ахъ! извините, *mesdames*... не могу... такой ужъ характеръ... не могу сдержаться, всхлипывала она, между тѣмъ какъ ужаснувшiяся гости сажали ее, терли ей виски, разстегивали платье. Не было на свѣтѣ болѣе спокойнаго и хладнокровнаго характера, какъ у Александры Ивановны, и въ то же время ничего не было для нея легче, какъ возбудить въ себѣ истерику. Она даже находила въ этомъ нѣкоторое удовольствiе, какъ въ необходимомъ возбужденiи нервной системы, которая, безъ этого, совсѣмъ бы отупѣла.

Затѣмъ, оправившись, Александра Ивановна краснорѣчиво рассказала своимъ друзьямъ, что задумала сдѣлать съ ней ея падче-

лица. Услышавъ это, Лиза первая заревѣла, какъ маленькая, и побѣжала къ Наташѣ.

— Пойдемте всѣ къ ней, сказала Александра Ивановна, взявъ гостей за руки. Вотъ если вы мнѣ не вѣрите, то пусть она при васъ скажетъ. По крайней мѣрѣ, вы будете свидѣтельницами, что не я виновата. Я надѣюсь, что вы меня оправдаете.

— Оправдаемъ, оправдаемъ, отвѣчали дамы, сами заливаясь слезами при видѣ слезъ Александры Ивановны.

Плачущее трио вошло въ комнату, гдѣ Наташа, вся блѣдная и измученная, выбивалась изъ цѣпкихъ объятій Лизы, которая колотилась объ нее головой, приговаривая:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не уѣдешь. Какъ же я одна буду! Не смѣй, не смѣй уходить. Скука какая!... Да что тебѣ тамъ веселѣе что ли будетъ? спросила она, уже другимъ голосомъ, будто пораженная внезапною мыслью.

— Какое веселье! возразила Наташа: — я иду затѣмъ, чтобъ учиться и ничѣмъ не развлекаться. Та жизнь мнѣ больше по вкусу, чѣмъ ваша.

— А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ та жизнь лучше? сказала Лиза. Есть же причина, что ты идешь... Знаешь что? и я съ тобой переѣду!

Наташа не на шутку испугалась.

— Вотъ видите сами, говорила между тѣмъ съ пафосомъ Александра Ивановна, указывая на увязанный чемоданъ и туго набитый сакъ-вожатъ: — видите, у нея и вещи всѣ уложены, хочеть сегодня же ѣхать.

— Ахъ, Боже мой, Наталья Петровна, чего же вамъ не достаеть? заговорили гости.

— Скажи мнѣ, чего тебѣ не достаеть, подхватила Александра Ивановна: — я все для тебя сдѣлаю.

— Я объ одномъ прошу: дайте мнѣ свободу жить, какъ мнѣ хочеться, говорила Наташа.

— Сдѣлай милость—все, что тебѣ угодно. Кто тебя стѣсняетъ? весь свѣтъ видѣлъ, какъ я съ тобой держалась. Какъ съ дочерью; не правда ли, mesdames?

— Какъ съ дочерью, подтвердили дамы.

— Ну, и ты все-таки хочешь уѣхать! хочешь жить сама по себѣ на квартирѣ? Съ Пахомовой? На Садовой улицѣ? допрашивала Александра Ивановна, какъ пункты обвиненія.

— Да, да, да! отвѣчала съ отчаяніемъ Наташа.

— Слышите сами, обратилась ея мачиха къ гостямъ. Ну, послушай, Наташа, поговоримъ благоразумно. Не лучше ли это твое намѣреніе перемѣнить? все это по боку; чемоданъ разложить и остаться?

— Не отговаривайте, мама, вмѣшалась Лиза: — и я тоже съ ней поѣду, и я хочу жить самостоятельно.

— Ты еще куда! съ досадой сказала мать.

— Что же это, въ самомъ дѣлѣ — она можетъ поступать по своему, а я не могу! избалованно возразила Лиза. Ты думаешь, у тебя очень весело. Съ тоски не знаешь, куда дѣваться.

— Мы съ тобой объ этомъ послѣ поговоримъ, сказала ей мать, и опять обратилась къ Наташѣ:

— Ну, такъ какъ же — размыслила ли ты, что все это очень глупо? Давай развяжемъ чемоданы, поѣдемъ съ тобой въ гостинный дворъ, купимъ чего нибудь. И все это забудется, и ничего этого не надо. Не такъ ли, Наташа?

Наташа вскочила и начала надѣвать шляпу.

— Куда ты, куда, куда? раздались голоса.

— Я иду къ Викторіи Августовнѣ Стебальской... проститься съ ней, выговорила Наташа прерывающимся голосомъ.

— Иди, иди; а мы повамѣсть чемоданы развяжемъ.

— Дѣлайте, что хотите.

— Наташа, и я съ тобой пойду къ Стебальской, спохватилась Лиза, но уже поздно: Наташа исчезла.

Г Л А В А X.

Черезъ полчаса, Наташа сидѣла у постели больной англичанки, положивъ голову на ея грудь и испытывая гнетущую тоску

нравственного одиночества. Она вспоминала всю свою прошлую жизнь, вспоминала, какой любовью и нѣжностью окружали ея дѣтство, какъ она была центромъ и утѣшеніемъ семейнаго кружка, и какъ затѣмъ все измѣнилось, опошлилось вокругъ нея, какъ мало по-малу отъ нея отдалили всѣ ея привязанности, чтобъ замѣнить ихъ только обществомъ двухъ антипатичныхъ ей женщинъ... Она испытывала въ отношеніи къ Стебальскому то же чувство, какъ еслибъ онъ умеръ вмѣстѣ съ отцомъ ея; съ тою разницей, что грусть ея по отцѣ была теперь глухая и спокойная, тогда какъ сожалѣніе о Стебальскомъ жгло и мучило ее, какъ острая боль разѣдающей раны. Она потеряла его почти съ перваго дня женитьбы отца; не стало больше между ними ни долгихъ бесѣдъ, ни уроковъ, ни чтенія вмѣстѣ. А когда она приходила навѣстить его жену, его или не было дома, или онъ былъ по-горло занятъ. Уѣхавъ онъ за границу, почти не простаясь съ нею, и теперь сталъ для нея какимъ-то воспоминаніемъ счастливаго прошлаго. Но это воспоминаніе могло принять каждую минуту плоть и кровь, и стать яркой дѣйствительностью... Мысль о его возвращеніи такъ волновала Наташу, что она боялась даже о немъ думать. Она сознавала только одно: что въ домѣ маички ей лучше и не видаться со Стебальскимъ; — иначе, между ею и имъ утратится послѣднее звено симпатіи и пониманія. Не говоря уже о другихъ мотивахъ, одного этого было достаточно, чтобъ внушить ей рѣшимость уйти.

Англичанка не говорила ни слова, предоставляя Наташѣ свободу отдаваться своимъ думамъ. Въ комнатѣ пахло цвѣтами. Наташа подняла голову: надъ нею склонялась граціозная вѣтка жасмина вся въ цвѣту. Года два тому назадъ, Наташа сама воткнула крошечный отводокъ въ горшокъ, и вотъ теперь онъ цвѣлъ и благоухалъ, какъ будто благодаря за дарованную ему жизнь.

— Ты цвѣтешь, а я отцвѣтаю, сказала она грустно, и крупныя слезы побатились по ея щекамъ.

Викторія взяла платокъ и нѣжно отерла ея лицо.

— Тебѣ страшно того, на что ты рѣшилась? спросила она своимъ тихимъ, слабымъ голосомъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! вскричала Наташа, вставая и стряхивая съ себя уныніе: — пора мнѣ уходить оттуда. Пора разорвать съ этою жизнью, которая только портитъ меня и поднимаетъ во мнѣ безсильную злость. Ахъ! какая тамъ фальшь во всемъ, какая ложь, еслибъ вы знали!.. Я не могу даже рассказывать про все, до того это пошло и притворно.

— А все-таки перемена жизни будетъ для тебя слишкомъ рѣзка, замѣтила Викторія. Этотъ міръ для тебя чуждый, незнакомый.

— Ахъ, меня всегда тянуло въ этотъ міръ бѣдныхъ и протестующихъ! Тамъ только настоящій смыслъ жизни: тамъ, по крайней мѣрѣ, можно быть хоть кому-нибудь полезной!

— Но знаешь ли ты людей, съ которыми будешь жить?

— Да... отчасти, отвѣчала Наташа, колеблясь:—эта Пахомова, кажется, хорошая, трудящаяся дѣвушка.

Викторія покачала головою.

— Она не изъ той среды, гдѣ ты выросла, сказала она. У насъ въ Англіи образованіе почти равное въ высшихъ и низшихъ классахъ; но здѣсь не то. Ты можешь совершенно разойтись въ понятіяхъ съ твоими новыми знакомыми, или—они могутъ отвергнуть тебя, какъ бѣлоручку, какъ аристократку.

— Никогда! съ жаромъ сказала Наташа:—я такая же, какъ они, я ничѣмъ не отличаюсь отъ нихъ. Понятія ихъ мнѣ тоже извѣстны, и ужь никакъ не могутъ разойтись съ моими.

— Хорошо, если такъ; я мало знаю въ этомъ: я сужу по словамъ моего мужа, который часто выражалъ такія мысли. Я сама уже не причастна міру и не могу ничего совѣтовать, добавила Викторія, съ утомленіемъ опускаясь на подушки.

— Георгъ тебѣ не пишетъ? спросила она черезъ минуту, подозрительно глядя на Наташу.

— Нѣтъ.

— И ко мнѣ давно не писалъ. О! еслибъ мнѣ увидать его! Ты не забыла его, Наташа?

— Конечно, нѣтъ.

— Смотри же, когда я умру, будь для него вѣрнымъ другомъ, люби его, береги его.

Наташа поцѣловала руки и лицо своей воспитательницы, и простилась съ нею.

Воротившись домой поздно вечеромъ, она прошла по черной лѣстницѣ прямо къ себѣ въ комнату. У ея мачихи были гости; голоса ихъ раздавались изъ гостиной, и изъ отрывковъ, долетавшихъ до нея, Наташа могла понять, что она служитъ предметомъ разговора, что всѣ съ наслажденіемъ накинулись на свѣжую новость и разбирають по своему ея поступокъ, мотивы, и весь ея характеръ.

Не желая повторенія утреннихъ сценъ, Наташа собрала свои вещи и, ни съ кѣмъ не простясь, сѣла на извозчика и уѣхала. На улицѣ ей стало дышать свободнѣе; не смотря на падавшій снѣгъ, въ воздухѣ уже пахло весной, и Наташѣ показалось, что для нея тоже наступаетъ новая весна жизни...

П. Лѣтневъ.

(Конецъ первой части).

НА ПОЛПУТИ.

Тревогой жизни искушенный,
Людей успѣль я оцѣнить,
И не умѣю, утомленный,
Мечтать, какъ прежде, и любить.

Мои остыли увлеченья,
Спокойнѣй я на свѣтъ гляжу,
И прежнихъ темъ для восхищенья,
Какъ ни ищу, не нахожу.

Растетъ кругомъ развратъ душевный,
Какъ змѣй, вползаетъ въ грудь людей,
И въ вѣкъ фразерства, вѣкъ плачевный,
Кто занять торжествомъ идей?

Не повлонился кто-жъ кумиру,
Кто въ битвѣ жизни устоялъ?
И кто изъ насъ, на радость міру,
Себя сто разъ не продавалъ?

И нѣту горя никакого,
Что умъ завялъ, что сердце спитъ,
Когда въ конторѣ у иного
«Текущій счетъ» уже открытъ.

Когда на звонкую монету
Оцѣнены и долгъ, и честь,

А непродажное все въ Лету
Потокомъ дней успѣло снести.

Средь этой пошлости позорной
Кого любить? О чемъ мечтать?
Кому, въ порывахъ грусти черной,
Мольбу и стонъ свой передать?

Не знаю! Честныхъ *словъ* такъ много,
Людей же честныхъ не видать,—
А жизни краткая дорога
Не поворачиваетъ вспять!

А. Тамбовцевъ.

ИЛЛЮМИНАЦІЯ.

Воспоминаніе по случаю дождя.

(Изъ Владислава Сырокомли).

I.

Настали осенніе дни съ вечерами—
На скуку людскую!
Нахмурилось небо и дождь лиль ручьями
На землю сухую.

По мокрому грунту повозка скрипѣла,
Хандру нагоняя;
Богъ вѣсть, почему-то и мной овладѣла
Тоска гробовая!

Какъ вѣтеръ осенній, что мечется въ полѣ
Съ березы на елву,
Такъ точно и мысль иногда по неволѣ
Гуляетъ безъ толку.

Мечталось о прошломъ—и думы, какъ птицы,
 Слетались въ стаю,—
 И капля дождя-ли скатилась съ рѣсницы,
 Слеза-ли?—не знаю.

Чтобъ слезъ не стыдиться, я, вѣки сомкнувши,
 Бесѣдовалъ съ тьмою,—
 И образъ забытый, далекій, минувшій
 Возсталъ предо мною.

II.

• Когда-то, давно ужь, какъ въ эту же пору,
 Стояло ненастье;
 Но только, въ то время, все шло еще въ гору—
 И радость, и счастье.

Затѣяли ѣхать по слякоти этой
 Друзья на охоту!
 И я, хоть и не былъ охотникъ отпѣтый,
 Поѣхалъ для счету.

Собрался я мигомъ и взялъ для порядку,
 Что нужно въ дорогу:
 Взялъ книжку, табакъ, карандашъ, да тетрадку—
 Всего понемногу.

И съ дружескимъ хохотомъ въ путь мы пустились,
 Бесѣдуя мило;
 А ѣхать до мѣста, гдѣ звѣри водились,
 Версть пять таки было.

Промочли до нитки и ружья смочили;
 Лилъ дождь, какъ изъ кадки...
 За то ужь и рады-радехоньки были,
 Приставши у хатки!

Тамъ егеръ устроилъ намъ ужинъ приличный
И высушилъ платье;
Когда же хватилъ онъ изъ фляжки обычной—
Мы стали, какъ братья.

Старушка-хозяйка, больная, но все же
Красивая станомъ,
О князѣ Несвижскомъ безъ умолку тоже
Пела чудеса намъ:

Своими глазами она ихъ видала
Съ пеленовъ, дитѣю,
Когда Станиславъ еще Августъ, бывало,
Гостилъ тамъ порою.

Ей чуждъ былъ духъ вѣка, и въ ней противъ воли
Лишь прошлое жило...
Однимъ изъ разсказовъ, старушка до боли
Меня поразила.

Онъ простъ, но его пропитала слезами
Былая утрата;
Я вамъ передамъ его тѣми словами,
Какъ слышалъ когда-то.

III.

«Да что ужь! Подобнаго князя едва ли
Отъищешь другого!
Не слышали уши, глаза не видали
Богатства такого!»

«Ляховичъ, Буковскій, Шибницкій Василій
Живуть и понынѣ:
Пускай-ка разскажутъ, въ какой они жили
Тогда благостынѣ.»

«Ужь вотъ-то поѣли! и пили же люто!
 А хоры-то, хоры?!
 Какіе, бывало, самъ князь во хмѣлю то
 Разводитъ узоры!

«Дурятъ вѣдь съ богатства, сказать между нами,
 Больше вельможи;
 А ты-то, бѣднякъ, и платися слезами,
 И лѣзь имъ изъ кожи!

IV.

«Случилось это... чтобъ вамъ не солгать бы,
 Хоть такъ передамъ ужь:
 Какъ разъ черезъ годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы,
 Какъ вышла я замужъ.

«А жили мы съ мужемъ въ нуждѣ, да истомѣ,
 Лишь сыты, да здравы...
 Онъ дворникомъ былъ при Ароновомъ домѣ,
 У Слуцкой заставы.

«Въ Несвижѣ справляли день Карла Святаго
 Особенно пышно:
 Самъ князь имянинникъ, — и съѣзду такого
 Нигдѣ, чай, не слышно.

«Мой мужъ... не припомню, уѣхалъ куда-то...
 Ахъ, да!.. за мукою;
 А Богъ наградилъ насъ, его и меня-то,
 Въ то время дитю.

«Родился сыночекъ... съ отцомъ они были
 Двѣ ягодки въ полѣ;
 Въ честь дѣда, Антономъ дитя окрестили
 Въ приходскомъ костѣлѣ.

«Ну, золото-мальчикъ! Позднѣйшія дѣти
Не то уже были...

Теперь отъ него не осталось на свѣтѣ,
Пожалуй, и пыли.

«И жилъ бы онъ, можетъ... да князя не встати
Случись имянины;

А тутъ еще оспа пристала къ дитяти, —
Ужъ дѣло судьбины.

«Но, видите, оспа не очень сурова
Къ малюткѣ была бы,

Да вышелъ приказъ, чтобъ на Карла Святаго
Я факелы жгла бы.

«Весь замокъ, всѣ окна сіяли огнями,
Народу — кишѣло;

Самъ ректоръ ракеты своими руками
Пускалъ, какъ стемнѣло.

«Иголку, и ту бы при площадяхъ съискали —
Такой былъ огнеище;

А факелы, я ужъ сказала, пылали
При каждомъ жилищѣ.

«Для факеловъ этихъ вкопали, мой милый,
Столбы у забора;

Всѣ дворники до-поту, общемою силою,
Трудились въ ту пору.

«А мнѣ-то вотъ горе! я факель съ смолою
Зажечь опоздала:

Возилась ужъ долго съ больнымъ-то дитѣю,
Его все качала.

«И помню, что подъ-гору наше жилище
Стояло немножко.

Изъ ратуши парень во весь кулачище
Стучался въ окошко.

«— Эй, дворникъ! копайся! кричалъ онъ—и звонко
Стекло затрещало.

Не знаю, идти ли, качать ли ребенка—
Совсѣмъ одичала.

«Тамъ свѣту по горло, а тутъ передъ смертью
Дитя я покину!

Вбѣжалъ это въ избу посыльный, и плетью
Огрѣлъ меня въ спину.

«Бѣгу я, шальная... а вѣтеръ ужасный—
И гаснетъ мой пламень;

Въ окно заглянула: тамъ крошка несчастный
Хладѣетъ, какъ камень.

«Кричитъ онъ и весь почернѣлъ отъ натуги,
И я чуть не вою;

Вбѣжала бы въ избу, да грозные слуги
Стоять за спиною.

«Раздула я факель,—а вѣтра сильнѣе
Порывы несутся!

Посыльный торопитъ: скорѣй да скорѣй!
Въ толпѣ же смѣются!

«И горьво заплакавъ, какъ-будто нарочно,
Я стала смѣлѣе:

Огни запылали,—а мальчикъ мой точно
Кричитъ все сильнѣе.

«Забрался, вишь, вѣтеръ сквозь свѣжія щели
Къ ребенку на ложе,

А съ вѣтромъ и смерть подошла къ колыбели...

О, Боже мой! Боже!

«Но связаны были и ноги, и руки
Мнѣ барской потѣхой...
Ужь въ полночь изъ замка слышались звуки,
Какъ выстрѣловъ эхо.

«Тамъ «многія лѣта» желали вельможѣ
Веселые люди;
А въ хатѣ дитя коченѣло на ложѣ...
Безъ матерней груди!

«Народу князь выставилъ бочки большія,
Все меду тройнаго,
Такъ въ ратушу шли и мѣщане сѣдые
За чаркой хмѣльнаго.

«И вотъ, какъ вельможной семьѣ загремѣли:
«На многія лѣта!»—
Вернулась и я къ дорогой колыбели...
Нѣмой, безъ привѣта!

«А утромъ, когда еще всѣ вспоминали
Вчерашнія шутки,
Несла я на кладбище гробикъ, въ печали
По миломъ малюткѣ.

«И все-то я слышу тѣ звуки глухіе,
И чую въ тѣхъ звукахъ—
И сморщенный лобикъ, и ручки худыя,
Застывшія въ мугахъ.

«Скончался... никто не избѣгнетъ судьбины —
Ее и вини же!
А шумно справляли подчасъ именины
Въ роскошномъ Несвижѣ...»

Опулевскій.

ПАРИЖЪ ВЪ 1881 ГОДУ.

(До и послѣ выборовъ).

III.

Великіе люди на бульварахъ.—Луиза Мишель.—Женская наука.—Чего ждать отъ новаго министра просвѣщенія?—Возвращенные коммунары.—Борьба города съ центральной властью.

Вы сидите на бульварѣ вечеромъ и пѣте неизбежный парижскій мазагранъ. Осенняя ночь тепла. Все залито свѣтомъ шаровъ Яблочкова. Густая толпа движется вверхъ и внизъ. Вечерній воздухъ пронизываютъ крики:—*L'assassinat de M-r Gambetta par Louise Michel. Dix centimes, deux sous!*

Это продаютъ памфлетный листокъ; но выкрикиваютъ заглавіе серьезнымъ тономъ, такъ что иной иностранецъ могъ бы въ самомъ дѣлѣ подумать, что нѣсколько часовъ передъ тѣмъ теперешній первый министръ палъ жертвою политическаго фанатизма...

Вотъ такіе факты ежедневной парижской «*blague*» показываютъ, какъ парижанинъ способенъ относиться къ свободѣ слова и къ самимъ идоламъ внутренней политики. Какой бы тайной властью ни пользовался чедовѣкъ въ теперешнее время, ему уже нельзя претендовать на то, чтобы съ его именемъ никто не осмѣливался обращаться слегка. Пресса черезчуръ развилась, чтобы можно было теперь требовать особеннаго отношенія къ той или иной личности. Точно также и какая-нибудь Луиза Мишель дѣлается предметомъ ежедневной парижской «*благн*». Все, что держится за бульварную жизнь Парижа, не долюбливаетъ выходокъ непримиримой партіи; а въ особенности, когда роль народъ-

наго трибуна возьметъ на себя женщина, да еще безобразная собой. По этой части, свободомыслеіе французовъ пошло еще очень недалеко. Но фактически женщина можетъ, не смотря на то, что она еще до сихъ поръ не имѣетъ избирательныхъ правъ, поступать, какъ ей угодно. Мы, русскіе, любимъ распространяться на эту тему, негодовать на то, что французы такъ отстали въ женскомъ вопросѣ. Но вотъ вамъ одинъ фактъ, въ которомъ нѣтъ ничего исключительнаго: онъ долженъ немножко посмягчить наши протесты. Училась въ парижской медицинскій школѣ русская дѣвица Скворцова. Она была не единственная; но остановимся сначала на ней. Дѣвица Скворцова не могла бы у насъ поступить ни въ одинъ русскій университетъ и ни на какой факультетъ. Она даже не могла бы выдержать или, лучше сказать, быть допущенною до экзамена на такъ называемую «зрѣлость». А во Франціи и Скворцова, и Ѳедорова, и Семенова, и кака-нибудь Дюранъ или Дюпаркъ можетъ быть допущена до экзамена на степень бакалавра, безъ чего, какъ извѣстно, на французскіе факультеты не принимаютъ. Вотъ она поучилась пять-шесть лѣтъ, и ей даютъ степень доктора безъ всякихъ возраженій и систематическихъ противодѣйствій. Есть-ли у насъ что-нибудь подобное? Развѣ женщины не находятся еще у насъ, въ дѣлѣ высшаго образованія, въ какомъ-то неопредѣленномъ, двойственномъ положеніи? Учатся онѣ на частныхъ курсахъ, не имѣютъ ни факультета, ни настоящаго прочнаго слушанія лекцій; дипломовъ имъ не даютъ, и даже въ медицинскій практикѣ, гдѣ онѣ проходятъ одинъ и тотъ же курсъ съ мужчинами, не желаютъ до сихъ поръ приравнять ихъ. Наша дѣвица Скворцова не только получила степень доктора, но, защищая диссертацию, вызвала сочувственное обращеніе къ себѣ первой парижской знаменитости, профессора Шарко, избрана была тотчасъ членомъ медицинскаго общества; а этой чести не успѣваютъ добиться по цѣлымъ годамъ и профессора, и опытные практиканты.

Стало быть, въ принципѣ права женщины на высшее умственное развитіе признаны. И какъ бы разные забавники парижской прессы ни потѣшались надъ тѣми женщинами, которыя выступа-

ютъ въ роли общественныхъ дѣятелей, все-таки вы чувствуете, что времена перемѣнились; теперь нужно съ этими женщинами бороться. Пока еще есть одна такая Луиза Мишель — въ непримиримомъ лагерѣ, да двѣ-три женщины въ радикально-республиканскомъ. Отъ нихъ нельзя еще требовать ни чувства мѣры, ни настоящего пониманія своей роли; но уже и теперь радикальныя идеи согласимы съ болѣе мягкими формами. Еще одна генерация, — и мыслящая, дѣятельныя женщины въ своихъ рѣчахъ, протестахъ, брошюрахъ, статьяхъ не будутъ прибѣгать къ банальной фразеологii, повторять все одно и то же, раздражать безъ всякой надобности пугливаго буржуа. Но съ поднявшими голову женщинами каждому вожаку внутренней политики надо будетъ считаться. Если Жюль Ферри, сдѣлавшій довольно много для народнаго образованія, съ его болѣе широкимъ отношенiемъ къ образованiю женщины, не пользовался все-таки популярностью, то отъ Гамбетты и его министровъ потребуютъ, конечно, въ десять разъ больше. Всякая французская женщина, освободившая свой умъ, сильнѣе мужчинъ ненавидитъ клерикаловъ и влiянiе духовенства на школу и семью. Тутъ нуженъ такой свободный мыслитель, какъ теперешнiй министръ народнаго просвѣщенiя Поль Беръ, пугающiй консерваторовъ своимъ дарвинизмомъ. Уже послѣ выборовъ видно было, что если Гамбетта попадетъ въ первые министры, то портфель народнаго просвѣщенiя онъ поручитъ человѣку въ родѣ этого радикально-мыслящаго ученаго, охотника до публичныхъ чтенiй, до бесѣдъ съ толпой. Его конференция (вскорѣ послѣ выборовъ) на щекотливую тему «вѣры и научнаго принципа», происходила подѣ предсѣдательствомъ Гамбетты. Всѣ монархическiя, клерикальныя и фальшиво-охранительныя газеты, разумѣется, возмутились тогда, и не только возмутились, но стали безпощадно травить этого будущаго министра народнаго просвѣщенiя, выставляя его шарлатаномъ, фразеромъ, циникомъ, исчезаеиъ новѣйшаго безвѣрiя. Тогда, — а давно ли это: какихъ-нибудь три съ половиной мѣсяца назадъ, — такой смѣлый протестантъ во имя научныхъ принциповъ еще не стѣснялся министерскимъ портфелемъ; теперь онъ, уже прихвативъ и портфель духовныхъ дѣлъ, считаетъ нужнымъ успо-

ковать то большинство, которое необходимо его пріятелю Гамбеттѣ, желаетъ поддерживать конкордагъ, и принужденъ такъ или иначе ладить съ своей духовной командой. Такъ будетъ еще очень долго, до тѣхъ поръ, пока умственный строй народной французской массы, а въ особенности мелкой и крупной буржуазіи, не пройдетъ чрезъ обновленную школу, не очистится отъ всѣхъ те-перешнихъ немощей.

Между выборами и образованіемъ новаго министерства случился и рядъ скандаловъ въ партіи парижскихъ непримиримыхъ. Впервые возвращенные изъ ссылки, и каторжной работы, помилованные коммунары начали мыть передъ всей публикой свое грязное бѣлье. Конечно, это было на руку врагамъ не однихъ только «интрансигентовъ», но и всей республики. Впечатлѣніе было дѣйствительно тягостное на томъ разбирательствѣ, гдѣ обличался въ измѣнѣ Люлье, игравшій роль во время осады Парижа войсками Тьера. Врядъ ли когда-либо кого-нибудь подвергали такой нравственной пыткѣ въ присутствіи огромнаго сборища враждебно настроенныхъ зрителей? Этимъ сейчасъ воспользовались хроникеры и публицисты консервативной прессы, и превратили все дѣло въ какой-то шабашъ демагогіи. Намъ можно, глядя со стороны, отнестись и къ такимъ фактамъ вполне объективно. Можетъ быть, бывшимъ коммунарамъ и всѣмъ ихъ единомышленникамъ несовсѣмъ выгодно было для самихъ себя устраивать подобное разбирательство; но что-же оно въ сущности дало? Прежде всего доказательство тому, что формальное правительство вело борьбу съ осажденнымъ Парижемъ самыми возмутительными средствами: подкупами, коварствомъ и трусливой кровожадностью. Вѣдь и культъ Тьера, еще недавно очень распространенный во Франціи, былъ также большой фальшью или большимъ недомысліемъ. Парижанъ нисколько нельзя обвинять за то, что они не очень-то сладко относятся теперь къ памяти маленькаго великаго человѣка. Я говорю о парижанахъ не тѣхъ кварталовъ, которые считали Тьера своимъ избавителемъ. Исторія будетъ писаться не трусливыми буржуа, а людьми широкихъ принциповъ и безпристрастной обработки фактовъ. Городъ Парижъ, въ лицѣ людей, страстно чувствующихъ его безусловныя права и самобыт-

ное развитіе, долго не въ состояніи будетъ простить тѣмъ, кто ставилъ доктринерство выше самой ихъ жизни. И въ доказательство того, что теперь и полубуржуазная масса иначе относится къ вопросу о коммунѣ и о высокихъ патріотическихъ заслугахъ Тьера—исторія съ его статуей въ Сень-Жерменѣ не вызвала вовсе общаго негодованія.

— Невѣроятное легкомысліе! воскликнуть, можетъ быть, многіе. Но теперь надо добиваться того, чтобы непримиримые примирялись, а не ожесточались.

Немало попадается патріотовъ, восклицающихъ:

— «Вотъ вамъ еще примѣръ черной неблагодарности и легкомыслія! Тьера уже забыли или позволяютъ безнаказанно оскорблять его память. Великій патріотъ, очистившій Францію отъ нѣмецкаго захвата! Самъ Гамбетта назвалъ его когда-то, въ порывѣ гражданскаго одушевленія: *le libérateur du territoire*. И вотъ какъ оплачиваемъ мы за такіе патріотическіе подвиги!»

На взглядъ многихъ, такіа обвиненія совершенно основательны. Но жизнь націй не состоитъ въ повтореніи однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Теперь Франція, въ лицѣ тѣхъ, кто додумался до лучшихъ идеаловъ соціального устройства—знаетъ, что умиротвореніе послѣ коммуны было только внѣшнее, формальное, стоившее потоковъ крови, что патріотъ, выплатившій съ такой аккуратностью и быстротой эпическіе пять милліардовъ, не въ состояніи былъ вдохнуть новую душу въ измученное тѣло Франціи. Онъ жилъ и умеръ политиканомъ, защитникомъ благой середины, упорнымъ государственнымъ—централистомъ, продолжавшимъ монархическую традицію въ званіи президента. Вовсе не одни коммунары и крайніе непримиримые разсуждаютъ теперь такъ. Да и вообще, еслибы возвращенные послѣ амнистіи изгнанники и ссыльно-каторжные могли побольше отрѣшиться отъ своего мундира, держать себя по-проще, приобрѣтать вліяніе путемъ постоянной, но ловкой борьбы, не дѣлая, конечно, унижительныхъ уступокъ, они, въ теченіе одного года, повліяли бы на внутреннюю политическую жизнь Парижа несравненно больше. Парижъ, какъ городъ, не переставалъ быть во враждѣ съ притязаніями центральной власти. Было это при всѣхъ

правительствѣхъ, и только вооруженная реакція удерживала представительство Парижа отъ его вѣковыхъ освободительныхъ поползновеній. Въ муниципальные совѣтники и будутъ всегда попадать крайніе радикалы. Тѣ изъ возвращенныхъ коммунаровъ, которые не хотятъ довольствоваться бранью въ газетахъ, трескучими рѣчами на мелкихъ сходкахъ, словомъ, показываніемъ кукиша въ карманѣ, начали дѣйствовать легальнымъ путемъ. До сихъ поръ имъ еще не удалось проникнуть въ представительство; нѣкоторые изъ нихъ баллотировались въ муниципальные совѣтники и не попали въ число избранныхъ. И этому удивляться не слѣдуетъ. Даже самый «красный» Парижъ, самые демократическіе его округа чувствуютъ себя теперь иначе, чѣмъ передъ возстаніемъ 18-го марта 1871 года. Все это поумнѣло и выросло послѣ такихъ жертвъ, послѣ ужасовъ тьеровскихъ репрессалій. Любой рабочій, искренно желающій, чтобы пролетарій былъ обезпеченъ въ своемъ матеріальномъ и нравственномъ быту, скажетъ вамъ:

— «Мы знаемъ, что изъ ссылки и каторжной работы вернулось много хорошаго народа, но они уже не создадутъ ничего; они прожили десять лѣтъ въ отчужденіи, сдѣлались или узкими фанатиками, или же устали. Пускай они сами присмотрятся къ тому, что теперь нужно, сами послужатъ нашимъ интересамъ, а о прежней роли нечего имъ и мечтать».

И такіе бывшіе коммунары уже есть. Каторга, ссылка, жизнь эмигранта отрезвили ихъ. Они вернулись не ренегатами, но людьми, изошрившими свое гражданское чувство и умственный анализъ. Диктаторскія и демагогическія замашки улеглись въ нихъ. Они знаютъ теперь, чего можно и чего нельзя достигнуть революціонной агитаціей. Они видятъ, что неустанная работа надъ поднятіемъ самосознанія въ народной массѣ даетъ прочные плоды только въ связи съ участіемъ такъ называемыхъ руководящихъ классовъ. А Парижъ почти отрѣшился отъ всякихъ національныхъ и мѣстныхъ предрасудковъ. Каждый человѣкъ съ идеями, съ энергіей, съ истинной любовью къ общему благу, долженъ рано или поздно выдвинуться. Не выберутъ васъ одинъ, два раза въ представители города, выберутъ на третій или

на четвертый разъ. Не нужно теперь для этого ни ценза, ни каменныхъ домовъ, ни титуловъ. Примѣръ самый доказательный, это—безвѣстный молодой человекъ, родомъ полякъ, изъ русской Польши, Сигизмундъ Крыжановскій, попавшій не только въ председатели муниципальнаго совѣта, что соответствовало бы мэру города Парижа (еслибъ ихъ опять возстановили); но выдвинутый на выборахъ, какъ серьезный противникъ Гамбетты. Кто же этотъ Сигизмундъ Крыжановскій, принявшій въ Парижѣ имя Лакруа? Бывшій employé въ парижской ратушѣ. Его прошедшее даже несовсѣмъ безукоризненно въ радикальномъ смыслѣ. Консервативныя газеты обличали его въ томъ, что онъ при Наполеонѣ III воспитывался на бонапартистскій счетъ въ одномъ изъ лицеевъ Парижа. Взялъ онъ не талантомъ трибуна, не эффектами политической пропаганды, а просто дѣльностью, знаніемъ вопросовъ городского хозяйства, умѣньемъ вести систематическую борьбу съ притязаніями и захватами центральной власти. И если званіе мэра города Парижа, прославленное въ революціонной исторіи Франціи, будетъ опять возстановлено (что весьма возможно при Гамбеттѣ), то такой Сигизмундъ Крыжановскій, еще недавно безвѣстный молодой полякъ, принявшій французскую натурализацію, сдѣлается хозяиномъ «столицы міра».

И вотъ съ такими-то людьми, какъ Лакруа и вообще дѣловитые борцы за самостоятельность и кровные интересы города Парижа, и нужно установившимся коммунарамъ вступить въ честный и добровольный союзъ. Новое министерство, конечно, будетъ иначе дѣйствовать въ своихъ отношеніяхъ къ городу или къ общинѣ, къ этой коммунаѣ, какъ ее все-таки приходится называть, говоря о Парижѣ. Но Гамбетта можетъ столкнуться съ общиной города Парижа, быть можетъ, очень скоро. Столкновение будетъ сильнѣе и ярче, чѣмъ въ послѣднія десять лѣтъ при Тьерѣ и Макъ-Магонѣ, и при министрахъ Жюля Греви. Послѣ выборовъ въ августѣ, душевная связь между тайнымъ диктаторомъ Франціи и рабочей массой Парижа (а ея около миліона) нарушена. Изъ одного духа оппозиціи центральному правительству, Парижъ, въ лицѣ своего муниципальнаго совѣта, будетъ выбирать въ президенты такихъ

людей, какъ Лакруа, лично ненавистныхъ Гамбеттѣ. Вотъ на этомъ-то оселкѣ тайный диктаторъ, сдѣлавшійся явнымъ первымъ министромъ, и покажетъ: дѣйствительно-ли его любовь къ родинѣ — любовь чловѣка, который ставитъ сущность выше формы, не боится социальныхъ реформъ, не пробавляется только постоянными компромиссами между якобинскими замашками и собственными диктаторскими поползновениями. Не нынче — завтра городъ Парижъ и новый первый министръ должны потягаться.

IV.

Вчерашніе и нынѣшніе люди.—Луи-Бланъ и Рошфоръ.—Чего ждетъ Парижъ?

Все дѣло для настоящаго момента и заключается въ борьбѣ «вчерашнихъ» личностей съ личностями «нынѣшними». Эти «вчерашніе» не одного возраста; есть и очень старенькіе, есть и средніе, и даже новые, но все-таки добивающіеся роли на основаніи своего прошедшаго, а не того, что они теперь дѣлаютъ. Успѣхъ, громкая роль, личные испытанія — все это бываетъ отрезвляющей школой только для крошечнаго меньшинства. Обыкновенно-же чловѣкъ упорно остается тѣмъ, чѣмъ судьбѣ угодно было побаловать его когда-то, или тѣмъ, что ему вдолбили другіе, когда у него кипѣла кровь или колобродилъ мозгъ.

Возьмемъ двѣ личности, характерныя именно для этого обобщенія, и возьмемъ ихъ за самое послѣднее время, передъ министерствомъ Гамбетты. Это—Луи-Бланъ и Рошфоръ.

Луи-Бланъ—все равно, что Викторъ Гюго въ литературѣ, только другихъ размѣровъ и меньшей популярности. Прочтите любое стихотвореніе Виктора Гюго, написанное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и возьмите что-нибудь, написанное двадцать пять—тридцать лѣтъ назадъ, даже нѣсколько больше, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ республиканцемъ:—это все однѣ и тѣ же идеи, одинъ и тотъ же подъемъ чувства, одна и та же фразеологія. А если вы выдѣлите мыслителя-моралиста, то можете спокойно брать любую его вещь, написанную пятьдесятъ лѣтъ назадъ и больше; это все тотъ-же фразистый

деизмъ, все та-же трескучая игра въ моральныя антиноміи; творческій аппаратъ дѣйствовалъ неустанно и блистательно, но мозгъ, въ своихъ ассоціаціяхъ идей, вовсе не двигался, а если и двигался, то только во второстепенной работѣ подробностей. При этомъ, чѣмъ натура крѣпче, сочнѣе и нервнѣе въ хорошемъ смыслѣ, тѣмъ постоянство это будетъ прочнѣе.

Точно то же и Луи-Бланъ, политическій мыслитель и дѣятель. И онъ, наравнѣ съ Викторомъ Гюго, застылъ въ своемъ деизмѣ сороковыхъ годовъ; голова его не чувствовала надобности въ освѣженіи. Казалось-бы, чего-же удобнѣе, проживъ восемнадцать лѣтъ въ Англіи, изучивъ языкъ и литературу этой страны, переработать и свои философскія воззрѣнія? Одна опытная англійская психологія излѣчила-бы Луи-Блана отъ кузеновскаго прекрасномыслія. Но онъ занимался совсѣмъ другимъ: писалъ исторію великой революціи, слѣдилъ за общественной и политической жизнью Англіи; какъ писатель, дошелъ до полного своего развитія; какъ изгнанникъ-радикалъ уврѣплялся въ своихъ идеалахъ, ничѣмъ не поступился и, послѣ паденія имперіи, пріѣхалъ въ Парижъ такимъ-же человѣкомъ, въ мыслительномъ и политическомъ отношеніи, какимъ засѣдалъ въ февральскую республику въ Люксембургскомъ дворцѣ. Его идеалы и до сихъ поръ еще очень широки для Франціи, особенно по части соціальныхъ реформъ; но еслибъ Луи-Бланъ былъ даже и помоложе, онъ не въ состояніи уже былъ-бы сдѣлаться настоящимъ вожакомъ движенія. Онъ жилъ и живетъ у себя въ кабинетѣ и въ палатѣ своими вчерашними идеями, формулами и мечтаніями. То, что Франція пережила съ войны по настоящей моментъ, для него есть только доказательство какихъ-нибудь собственныхъ теорій и воззрѣній. Такіе люди не могутъ уже перерабатываться подъ натискомъ дѣйствительной жизни, и даже въ своей партіи, въ парламентской группѣ, они играютъ роль какихъ-то священныхъ сосудовъ или бюстовъ. Ихъ ставятъ на почетное мѣсто, дѣлаютъ ихъ предсѣдателями совѣщаній и комиссій, подъ шумокъ подсмѣиваются надъ ними, говорятъ:

— Ужь его не передѣлаешь. Это почтенная руина.

А руина еще совсѣмъ не такъ дряхла. Луи-Бланъ—маленькій,

нервный человѣчекъ, сохранившій до сихъ поръ всё свои симпатіи и антипатіи, при случаѣ даже ехидный и пылкій. Но ему нельзя не носиться съ своимъ *profession de foi* и съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Участвуя въ самыхъ горячихъ вопросахъ, держа знамя очень радикальной программы, онъ все-таки уже не *мысленный* дѣятель, и никто не пойдетъ прямо по его стопамъ. Молодые люди, представляющіе собою то, чѣмъ онъ былъ сорокъ лѣтъ назадъ, гораздо менѣе метафизики: они въ философіи сторонники научнаго закона; они не мечтаютъ по книжкамъ, а хотятъ крупныхъ реформъ путемъ изученія жизни. Сообразите же, какъ торжествующая политика, какъ программа, хотя бы того же самаго Гамбетты мало еще отвѣчаетъ на потребности истинно-радикальныхъ французовъ, если и Луи-Бланъ изображаетъ уже собою теоретическаго старичка, а вѣдь онъ (прочтите его книги и брошюры по политическимъ и социальнымъ вопросамъ) гораздо шире, смѣлѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ тотъ агломератъ изъ разныхъ компромиссовъ съ прибавкой умѣреннаго якобинства, какой практикуетъ теперешній первый министръ Франціи. Гамбетта, сравнительно съ людьми въ родѣ Луи-Блана, потому только не *очерашный* человѣкъ, что онъ не стѣсняется программой, что онъ именно экспериментируетъ надъ живыми людьми, какъ бы ни объяснять его дѣятельность—патріотизмомъ или непомѣрнымъ личнымъ честолюбіемъ на подкладкѣ итальянскаго двоедушія.

Живетъ въ Парижѣ и менѣе старый человѣкъ, почти ровесникъ Гамбетты, его первый и непримиримый врагъ. Вы сами, конечно, подсказали имя Рошфора. Проходя по Avenue de l'Oréga, я привлеченъ былъ разъ въ одномъ эстампномъ магазинѣ двумя карриатурами, которыя попадали въ нервъ минуты. На двухъ большихъ листахъ, какой-то безвѣстный рисовальщикъ, съ несомнѣннымъ талантомъ, набросалъ нѣсколькими размахами карандаша и акварельной кисти двѣ типичныя фигуры: одну толстую, пузатую, другую—худощавую, какъ жердь. Онъ ихъ повернулъ лицомъ одну къ другой и обѣ одѣлъ въ костюмы временъ директоріи. Самый выборъ костюмовъ чрезвычайно удаченъ: теперешнее республиканское время во Франціи не есть время суровыхъ нравовъ и ужасовъ террора.

разноцвѣтные фраки директоріи больше идутъ къ нему. Въ толстой фигурѣ каждый узнавалъ Гамбетту, въ худой—Рошфора. Они смотрятъ другъ на друга въ лорнетъ. Гамбетта, какъ и Рошфоръ, въ трехъугольныхъ шляпахъ съ кокардами, и оба опираются на сучковатыя палки, какія тогда носили, такъ называемые, *incroyables*. На Гамбеттѣ фракъ съ зелеными полосами и жилетъ, испещренный красными изображеніями фригійскаго колпака, короткіе трехцвѣтные панталоны и такой-же трехцвѣтный большой галстухъ. Подъ жилетомъ цѣпь и на цѣпи колоколь, въ какой онъ звонилъ въ званіи президента палаты. Только, вопреки тогдашней модѣ, у него сильно сѣдѣющая борода. И Рошфоръ сохранилъ свою мефистофелевскую бородку. Фракъ на немъ кроваваго цвѣта, панталоны и чулки темныхъ цвѣтовъ. Итакъ они стояли другъ противъ друга въ вызывающей позѣ, точно выхваченные изъ какой-нибудь оперетки въ родѣ *La fille de M-me Angot*. Всегда кто-нибудь глазѣлъ на эти каррикатуры, но не покупалъ. Черезъ нѣсколько дней прохожу опять мимо магазина и вижу обоихъ благопріятелей. Они мнѣ понравились; я купилъ ихъ за баснословно дешевую цѣну: только въ Парижѣ и возможно что-нибудь подобное. Безвѣстный рисовальщикъ, работающій на эстампныя и писчебумажныя лавки, сдѣлалъ Рошфора мевѣ каррикатурнымъ, а въ жизни не знаю, кто болѣе пригоденъ для смѣхотворнаго изображенія: теперешній первый министръ, несмотря на его претензіи, дурной вкусъ и диктаторскія замашки, или журналистъ, допекающій своего врага ежедневно и чуть не ежечасно?

Я давно знаю Рошфора, столько же, сколько и Луи-Блана, т. е. съ конца шестидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ уже эмигрантомъ. Помню:—пришелъ я къ нему въ Брюсселѣ и засталъ за писаніемъ номера «*Lanterne*»; тогда этотъ журналъ еще гремѣлъ на весь міръ и проникалъ во Францію въ большомъ количествѣ. Рошфоръ былъ на высотѣ своей репутаціи, но уже началъ терять почву. Безусловно силенъ онъ былъ только нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, живя въ Парижѣ, не разлучаясь съ бульваромъ; въ Брюсселѣ ему уже пришлось повторяться. Въ немъ шельмъ тогда нервнаго, довольно добродушнаго и очень тщеслав-

наго памфлетиста, въ частной жизни простаго, имѣвшаго что-то студенческаго. Помню, что съ нимъ жила его дочь, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, блондинка, очень красивая, прижатая имъ, кажется, съ какою-то англичанкой. И тогда не трудно было предсказать, что этотъ человекъ не призванъ играть настоящую политическую роль. Остроуміе и беспощадно-ѣдкое политическое благированіе подняли его. Депутатомъ онъ не выказывалъ никакихъ талантовъ; потомъ, во время осады, опять-таки попалъ не на свое мѣсто. Едва-ли не самая серьезная полоса его публицистической жизни, — это роль журналиста во время коммуны: въ немъ тогда сказывалась, рядомъ съ привычкой во чтобы то ни стало острить, съ повтореніемъ неразборчивыхъ приемовъ памфлетиста, порядочная доля здраваго смысла и, главное, независимости. Этотъ человекъ не любитъ ни передъ кѣмъ преклоняться и, не будь онъ непримиримый и радикаль, онъ давнымъ давно подвергнулъ-бы очистительной критикѣ и многіе звонкіе лозунги устарѣлаго якобинства. Нечего доказывать, сколько въ этомъ человекѣ живетъ упругой нервности: онъ это доказалъ, когда бѣжалъ изъ ссылки. Житье эмигрантомъ въ Европѣ вставило его опять въ неблагоприятѣйшія рамки памфлетиста, удаленнаго отъ мѣста дѣйствія, отъ настоящей политической и соціальной арены. Какъ романистъ, онъ не пошелъ дальше обыкновенной беллетристической манеры. Романы свои писалъ онъ не какъ художникъ, любящій изящное творчество, а какъ человекъ, желающій во что бы то ни стало возбуждать любопытство публики, не говоря уже о чисто матеріальной необходимости жить перомъ.

Вернули его въ Парижъ; онъ и пріѣхалъ въ него со всѣми своими вчерашними ненавистями, замашками, прибаутками, дурными привычками безконтрольнаго памфлетиста, который можетъ разсыпать брань, издѣвательство, даже клевету направо и налево. По натурѣ онъ остался тѣмъ же. Въ немъ сидитъ житель латинской страны и посѣтитель кафе большихъ бульваровъ, вивёръ, любитель картинъ и карточной игры, но обязанный, въ силу своего прошедшаго, а, главное, въ силу мозговаго темперамента, во что бы ни стало держаться на высотѣ самой яркой

«непримиримости». Тщеславіе не умерло, а даже усилилось. Какъ человѣкъ, который всегда говорилъ только отъ собственного лица, онъ, разумѣется, выбралъ своей' исключительной мишенью не группу людей, не цѣлую партію, не извѣстный строй идей, а первѣе всего человѣка же, личность, раздражавшую его своей фактической властью, своимъ быстрымъ и всепоглощающимъ обаяніемъ.

Одинъ изъ передовиковъ «Фигаро» передавалъ въ подробностяхъ свой разговоръ съ Рошфоромъ по возвращеніи его въ Парижъ, въ мастерской живописца-реалиста, писавшаго его портретъ къ послѣдней ежегодной выставкѣ. Кстати сказать, портретъ этотъ оригиналенъ, но совсѣмъ не хорошъ. Легитимистъ и клерикаль, занимающійся въ «Фигаро» изображеніемъ во весь ростъ современныхъ знаменитостей, съ видимымъ сочувствіемъ относится къ Рошфору, какъ къ натурѣ, и въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, даже и для отъявленнаго ретрограда. Можно очень легко допустить, что Рошфора, какъ человѣка аристократическаго происхожденія, обратившагося въ радикализмъ, съ другимъ воспитаніемъ, съ тонкимъ, язвительнымъ умомъ, истиннаго любителя искусствъ, литературы, врага всякой грубой фразы и поддѣлки (правда, не въ себѣ, а въ другихъ) должна глубоко возмущать натура Гамбетты: итальянско-гасконскаго типа, шумная, съ приѣмами выскочки, съ рѣчами, полными общихъ мѣстъ, а, главное, съ постояннымъ поддѣльваніемъ подъ то, что выгодно. Рошфоръ сидѣлъ съ Гамбеттой за однимъ столомъ, когда они были членами правительства народной обороны. Онъ его могъ достаточно изучить тогда.—Онъ и повторяетъ каждому, кто съ нимъ заводитъ объ этомъ рѣчь, какъ тогда этотъ самый первый министръ, желающій на дипломатическихъ вечерахъ имѣть внѣшность и приемы барски-воспитаннаго сановника,—грубо поддѣльвался подъ якобинскій тонъ, приходилъ на засѣданія умышленно грязнымъ, употреблялъ въ разговорахъ грубыя и циническія выраженія, игралъ, словомъ сказать, въ трибуна 93-го года. А самъ Рошфоръ и въ своей внѣшности, и въ приѣмахъ, и въ туалетѣ, даже въ полемикѣ остался однимъ и тѣмъ же, съ того момента, какъ онъ сталъ издавать красненькія книжки, доведившія Наполеона III и его су-

пругу до истерики. Эта антипатія сама по себѣ естественна; но вотъ въ чемъ сказывается вчерашній человекъ. Рошфоръ не привезъ съ собою ни изъ Каледоніи, ни изъ европейскихъ городовъ, гдѣ онъ доживалъ свой эмигрантскій срокъ, обновленнаго міровоззрѣнія. Онъ не отрезвился; онъ все еще вѣрить въ то, что можно посредствомъ благерства, личнаго остроумія и безцеремоннаго обращенія съ фактами, съ людьми, ихъ честью и добрымъ именемъ—вести плодотворную политическую и общественную борьбу. Онъ глубоко ошибается. Поэтому его пѣсенка въ сущности пропѣта. Встрѣтили его въ Парижѣ съ энтузіазмомъ; газета, заведенная имъ, пошла сейчасъ же полнымъ ходомъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она превратилась въ чисто памфлетный органъ, не опасный ни для консервативныхъ партій, ни для тѣхъ министерствъ, какія находятся во власти. И отчего же Рошфоръ не знаетъ себѣ удержу: постоянно повторяетъ однѣ и тѣ же выходки, вѣрить каждой сплетнѣ, печатаетъ заведомо ложныя извѣстія, пускаетъ въ ходъ всевозможныя безцеремонныя обличенія и принужденъ безпрестанно оговариваться, сознаваться въ чистѣйшихъ выдумкахъ или же упорно и нахально поддерживать всякій вздоръ? Отчего? Оттого, что онъ уже вчерашній человекъ, такой же, какъ Луи-Бланъ, только помоложе. Онъ вѣрить въ свои прежніе приемы, бывшіе пригодными четырнадцать—пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ не отрѣшился даже отъ замашекъ бреттѣра-журналиста; онъ все еще возится съ дуэлями, оскорбленіями, вызовами, со всей этой нечистоплотной и смѣшной трескотней, не чувствуя, что она есть наслѣдіе прежнихъ нравовъ, что всѣмъ этимъ промышлялъ и бонапартовъ режимъ, что онъ во всемъ этомъ только выученикъ или собратъ какого-нибудь Поляде-Кассаньяка, да еще съ той разницей, что у Кассаньяка неизмѣримо больше выдержки. Кассаньякъ состоитъ изъ мышцъ, а Рошфоръ изъ возбужденныхъ, болѣзненныхъ нервовъ. Эта сторона всегда вліяла на его жизнь. Многіе находятъ, что онъ даже серьезно разстроены, объясняютъ психическими аффектами разныя его выходки; я это слышалъ и не отъ однихъ журналистовъ враждебнаго лагеря, а отъ людей очень достовѣрныхъ.

Вотъ вамъ два типическихъ человѣка, одинъ изъ февральской революціи, другой изъ эпохи Наполеонова погрома. Парижъ не пойдетъ ни за тѣмъ, ни за другимъ: онъ ждетъ новыхъ людей, — и они найдутся...

П. Боборыкинъ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Извѣстно, что въ 1875 году была учреждена коммиссія съ цѣлю пересмотра университетскаго устава. Коммиссія эта, въ которой, кромѣ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, находился и одинъ профессоръ московскаго университета, имѣя своимъ предсѣдателемъ статсъ-секретаря И. Д. Деянова, начала свою дѣятельность личнымъ осмотромъ университетовъ. Переѣзжая изъ одного университетскаго города въ другой, она посѣщала лекціи, осматривала лабораторіи, музеи, клиники и другія учрежденія при университетахъ, приглашала профессоровъ для личныхъ объясненій по вопросамъ, ею заранѣе разосланнымъ каждому преподавателю, и составила такимъ путемъ сборникъ матеріаловъ, который могъ бы имѣть большую цѣну, еслибы всѣ члены ея были достаточно компетентны въ исполненіи принятой на себя обязанности и еслибы нѣкоторые изъ нихъ не приступили къ дѣлу съ явно предвзятыми цѣлями. Путешествіе этой коммиссіи, болѣе чѣмъ неудачно составленной, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчаемо университетскими корпораціями съ недоумѣніемъ, которое возростало по мѣрѣ того, какъ нѣкоторые изъ ея членовъ высказывались въ болѣе и болѣе рѣшительномъ тонѣ о недостаткахъ современнаго университетскаго устройства и раскрывали планъ необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, преобразованій. Планъ этотъ былъ ими, затѣмъ, формально высказанъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, происходившихъ осенью 1876 года въ Петербургѣ съ участіемъ новыхъ членовъ, въ число которыхъ были приглашены преимущественно ректоры русскихъ университетовъ. Не смотря

на то, что авторы плана преобразований постоянно оставались въ этой усиленной комиссіи въ меньшинствѣ, результатомъ совѣщаній ея былъ составленный въ ихъ духѣ проэктъ новаго университетскаго устава, который, вѣроятно, и былъ бы осуществленъ, еслибы тому не помѣшало послѣдовавшее въ апрѣлѣ 1879 года увольненіе графа Толстаго отъ должности министра народнаго просвѣщенія.

Жалѣть ли, что труды учрежденной въ 1875 году комиссіи, вѣдвшей, писавшей, засѣдавшей, препиравшей съ ректорами и составившей новый уставъ, пропали даромъ? Мы увидимъ, что жалѣть объ этомъ нѣтъ основаній. Но прежде всего нужно познакомиться съ характеромъ неутвержденнаго устава, а познакомиться съ нимъ тѣмъ легче, что онъ напечатанъ, даже и съ сопровождавшими его «соображеніями», въ вышедшей осенью 1881 года книгѣ г. Любимова *). Въ общихъ чертахъ характеръ неутвержденнаго устава рисуется въ слѣдующемъ видѣ. По отношенію къ управленію университетомъ, усиливается власть попечителя и его прямое вмѣшательство въ дѣла ученой коллегіи, ограничиваются права совѣта и ректора, вводится въ правленіе чиновникъ съ именемъ совѣтника по хозяйственной части, а для надзора за студентами поставляется инспекторъ по назначенію отъ попечителя, съ помощниками, выбираемыми самимъ инспекторомъ. Это значитъ: отнимается у университета значительная доля автономіи, предоставленной ему уставомъ 1863 г. Вводятся, далѣе, важныя измѣненія въ устройствѣ учебной части. Количество кафедръ, какъ и штатныхъ преподавателей, вообще сокращается, но увеличивается число профессуръ, въ виду того, что уничтожается званіе штатнаго доцента; расширяется институтъ приватъ-доцентовъ на основаніяхъ, принятыхъ въ нѣмецкихъ университетахъ; студентамъ предоставляется свобода слушанія лекцій у того или другаго профессора, или приватъ-доцента, съ обязательствомъ платить каждому слушаемому преподавателю установленную плату. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

*) Заглавіе этой книги слѣдующее: «Мой вкладъ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки *Н. А. Любимова*, профессора московскаго университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881».

приняты мѣры къ стѣсненію университетской автономіи и въ дѣлѣ преподаванія. Преподаватели обязываются составлять планы преподаванія впредь на каждое полугодіе; планы эти препровождаются къ министру, который дѣлаетъ на нихъ замѣчанія и обязываетъ преподавателей къ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ; по окончаніи полугодія, университеты обязываются представлять министру отчетъ о выполненіи преподаванія по утвержденнымъ планамъ. Расширены права министра по назначенію преподавателей. Такимъ образомъ, выборъ университетомъ кандидатовъ на кафедру получаетъ значеніе только рекомендаціи, для министра нисколько не стѣснительное; для усиленія преподаванія министру предоставляется право назначать профессоровъ и совершенно помимо инициативы университетовъ; предоставляется читать лекціи въ университетѣ членамъ академіи наукъ прямо въ силу своего званія, но съ вознагражденіемъ, установленнымъ для приватъ-доцентовъ. Введены также существенныя перемѣны по отношенію къ экзаменамъ. Экзамены, для выслушавшихъ полный университетскій курсъ или часть его, производятся комиссіями, члены которыхъ назначаются министромъ. Это такъ называемые государственные экзамены, по нѣмецкому образцу; факультетамъ же предоставлено право экзаменовывать лишь на ученые степени, изъ которыхъ степень кандидата уничтожается. Для того, чтобы подвергнуться экзамену во внѣ-университетской комиссіи, слѣдуетъ при прошеніи внести сумму въ 20 рублей, которая идетъ въ вознагражденіе экзаменаторамъ. Есть, наконецъ, въ неутвержденномъ уставѣ измѣненія, касающіяся сроковъ профессорской службы, пенсій, правъ и обязанностей студентовъ, стипендій, платы за слушаніе лекцій и нѣкоторыя другія.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ уставѣ было все хуже, чѣмъ въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ 1863 года. Есть въ немъ, безспорно, и улучшенія. Нельзя не одобрить заботливости новаго устава объ обезпеченіи профессоровъ, оставляющихъ службу раньше двадцатипятилѣтняго срока, равно какъ и объ увеличеніи размѣра полной профессорской пенсіи. Найдутся, быть можетъ, и другія стороны, которыми неутвержденный уставъ выгодно отличается отъ дѣйствующаго въ настоящее время. Но, говоря вообще, проектъ новаго устава не можетъ рассчитывать

на сочувствіе людей, желающихъ здороваго развитія научной жизни въ своемъ отечествѣ.

Прежде всего, онъ вводитъ, въ сильныхъ дозахъ, бюрократическій элементъ въ такую сферу, гдѣ элементъ этотъ умѣстенъ всего менѣе. Если самоуправленіе оказывается началомъ прогресса и правильнаго развитія въ жизни государственной и общественной, если оно составляетъ наиболѣе неоспоримый политическій принципъ нашего времени и является, вообще, ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ спасенія для государствъ, обезсилѣвшихъ отъ административной опеки и гнета централизаціи, то нигдѣ оно не является болѣшимъ источникомъ жизни, какъ въ учрежденіяхъ, по самой сущности своей, коллегіальныхъ и стремящихся къ независимости своей внутренней жизни. Можно легко понять, что университетская автономія оказывается подчасъ неудобною для бюрократическихъ пріемовъ какого-нибудь строптиваго и склоннаго къ произволу министра; можно допустить, что пользующаяся автономіей корпорація обнаруживаетъ иногда склонность къ злоупотребленію своими правами въ пользу господствующей въ ней партіи и въ ущербъ интересамъ науки и высшаго образованія; но представить себѣ, чтобы наука лучше разрабатывалась и съ большимъ умѣньемъ и энергіей преподавалась, когда дѣятельностью ея представителей распоряжаются департаментскіе чиновники или хотя бы члены министерскаго совѣта, нѣтъ возможности. Составители проекта новаго устава думаютъ, что преподаваніе пойдетъ успѣшнѣе, если предметъ лекцій и количество недѣльныхъ часовъ на чтеніе ихъ профессоромъ будутъ назначаемы всякій разъ съ согласія министерства, которому затѣмъ долженъ представляться отчетъ объ исполненіи программы. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Въ дѣлѣ университетскаго преподаванія не тотъ профессоръ хорошъ, который читаетъ много лекцій, а тотъ, который читаетъ основательно и дѣйствуетъ возбуждительно на слушателей, не тотъ, кто можетъ читать разные предметы, смотря по обстоятельствамъ, а кто знаетъ глубоко дѣло, на изученіе котораго онъ посвятилъ наиболѣе времени, которое онъ любитъ и за наученіе которому онъ сознательно несетъ передъ слушателями и отечествомъ нравственную отвѣтственность. Какая польза студен-

тамъ слушать восемь лекцій въ недѣлю, читаемыхъ профессоромъ по принужденію, слѣдовательно, формально, вяло, безцвѣтно или по готовому учебнику? Какой имъ интересъ посѣщать подобныя лекціи? Не лучше ли было бы для нихъ слушать три-четыре лекціи того же профессора, но такія, въ которыхъ онъ является воодушевленнымъ своимъ предметомъ, лекціи, полныя содержания и обнаруживающія процессъ самостоятельной работы лектора. Спора нѣтъ, есть предметы и бываютъ обстоятельства, когда профессору нужно читать шесть и восемь лекцій. Но почему объ этомъ лучше можетъ судить министръ, а не самъ онъ или не факультетъ, обязанный слѣдить затѣмъ, чтобы преподаваніе велось въ надлежащей полнотѣ и правильности? Нераціональность вмѣшательства канцеляріи въ способъ университетскаго преподаванія такъ очевидна для всякаго, имѣющаго понятіе о томъ, что такое университетская наука, что ее нѣтъ нужды и доказывать. Одного этого вмѣшательства, т. е. ограниченія университетской автономіи въ самомъ неприкосновенномъ ея пунктѣ было бы достаточно для того, чтобы подрѣчь въ корнѣ жизненные силы университета и ихъ правильное развитіе. А если къ этому присовокупить цѣлую систему вмѣшательствъ во внутренней строй университетской жизни, право попечителя входить въ совѣтъ со всевозможными предложеніями къ обсужденію и, во многихъ случаяхъ, къ исполненію, устраненіе коллегіи отъ инспекціи надъ студентами и порученіе ея лицу, не имѣющему нравственной связи съ корпораціей, введеніе въ управленіе хозяйствомъ заведенія лица, чуждаго интересамъ преподаванія и обученія, право министра назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію, то трудно и исчислить всѣ пути, какими была бы окружена научная жизнь въ университетахъ, еслибы проекту новаго устава посчастливилось удостоиться законодательной санкціи.

Другая слабая и вредная сторона проектированнаго устава заключается въ томъ, что онъ въ значительной своей части представляетъ рабское подражаніе порядкамъ, существующимъ въ нѣмецкихъ университетахъ, имѣющимъ тамъ свое историческое или національное основаніе, но не имѣющимъ для себя точки опоры въ нашихъ нравахъ и понятіяхъ. Спора нѣтъ, германскіе университеты живутъ роскошною научною жизнью и во

многихъ отношеніяхъ могутъ составлять предметъ зависти не для насъ однихъ. Они обыкновенно обставлены многочисленными и нерѣдко значительными научными силами, въ нихъ господствуютъ строгіе научные методы, въ нихъ наука и ея преподаваніе свободны отъ всякаго сторонняго вмѣшательства, въ средѣ ихъ и около нихъ дѣйствительно цвѣтетъ на всей волѣ научная жизнь, словно у себя на родинѣ. Какъ не желать, чтобы всѣ эти блага привились и на нашей почвѣ, чтобы и у насъ было изобиліе преподавателей и притомъ лучшаго качества, чтобы и наши университеты сдѣлались дѣйствительными центрами новой, свободной и строгой науки, вліяніе которой чувствовалось бы кругомъ на широкомъ пространствѣ и проникало бы, какъ въ Германіи, всѣ отправления общественной и гражданской жизни! Но думать, что такая благодать всего легче придетъ къ намъ оттого, что мы заведемъ у себя нѣкоторыя своеобразныя внѣшности нѣмецкихъ университетовъ, заставимъ студентовъ платить профессорамъ и приватъ-доцентамъ деньги за ихъ лекціи, уничтожимъ курсы и будемъ считать учебное время семестрами, предоставимъ студентамъ слушать профессоровъ и приватъ-доцентовъ по выбору, да заставимъ ихъ держать экзаменъ не у профессоровъ, а у лицъ, спеціально для этого назначенныхъ министромъ—это такая наивность, для которой трудно придумать и эпитетъ. Она можетъ равняться развѣ легкомыслію тѣхъ музыкантовъ, въ баснѣ Крылова, которые воображали, что стоитъ имъ лишь сѣсть въ извѣстномъ порядкѣ, какъ тотчасъ же изъ нихъ составитя оркестръ на славу. Стыдно и жалко становится, когда читаешь «Соображенія», которыми сопровождается введеніе этихъ германскихъ порядковъ въ проектъ новаго устава. Трудно гдѣ-нибудь встрѣтить столько отреченія отъ всякой самостоятельной мысли, столько умственного убожества и унижительнаго пресмыкательства передъ чужими воззрѣніями и привычками, какъ въ этихъ «Соображеніяхъ». Вотъ гдѣ г. Аксаккову слѣдуетъ искать образцовъ того умственного и нравственнаго холопства, въ которомъ онъ такъ беззастѣнчиво упрекаетъ своихъ политическихъ противниковъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть что-либо противнѣе требованіямъ здраваго смысла, оскорбительнѣе для нравственнаго чувства, какъ подражаніе чужому по явному неуваженію къ требованіямъ своей жизни,

признаніе,—по мотивамъ ничтожнымъ, призрачнымъ или сомнительнымъ,—идеаломъ для насъ того, что даже на мѣстѣ своего происхожденія возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе и желаніе перемѣны? Нѣмецкіе студенты платяты профессорамъ и приватъ-доцентамъ, лекціи которыхъ они желаютъ слушать, опредѣленный гонораръ: почему же не платитъ его и русскимъ студентамъ, которые до сихъ поръ вносили плату за ученіе не преподавателямъ, а университету, какъ пріютившему ихъ заведенію? Въ Германіи, гдѣ много молодыхъ людей посвящаетъ себя научнымъ занятіямъ, находится между ними немало такихъ, которые соглашаются читать лекціи безъ вознагражденія отъ казны или отъ университета, довольствуясь тѣми грошами, какіе они могутъ собрать отъ предполагаемыхъ слушателей: отчего же и у насъ не завести въ возможно большемъ количествѣ такихъ любителей безхлѣбной науки съ тѣмъ же нѣмецкимъ званіемъ приватъ-доцентовъ, которые, отрекшись отъ всѣхъ прелестей міра, будутъ, какъ ихъ нѣмецкіе первообразы, ждать цѣлыхъ три года по окончаніи университетскаго курса полученія должности, не оплачиваемой никакимъ жалованьемъ, кромѣ сомнительнаго гонорара отъ слушателей? До сихъ поръ приватъ-доцентура у насъ слабо развивалась и не оказывала никакого ощутительнаго вліянія на ходъ преподаванія, хотя она обыкновенно вознаграждалась или казеннымъ жалованьемъ, или пособіемъ изъ спеціальныхъ средствъ университета: отнимемъ у нея это жалованье и всякое вознагражденіе изъ университетскихъ средствъ, поставимъ ее такимъ образомъ въ тяжелыя условія, въ какихъ она находится въ Германіи, и тогда она у насъ разцвѣтетъ, сдѣлается разсадникомъ профессоровъ и заставитъ этихъ послѣднихъ слѣдить за собой внимательнѣе! До сихъ поръ у насъ достаточно было получить степень кандидата и представить какую-нибудь печатную диссертацию, хотя ту-же кандидатскую, лишь съ самымъ поверхностнымъ измѣненіемъ, защититъ ее, прочесть двѣ пробныхъ лекціи, и молодой ученый получаетъ право читать съ кафедръ, хотя бы по окончаніи имъ университетскаго курса прошло не болѣе мѣсяца. Но и при этихъ легкихъ условіяхъ, охотниковъ дѣлаться приватъ-доцентами у насъ находилось очень мало, въ особенности, если не представлялось возможности тотчасъ-же получить такъ называемыя обязатель-

ныя лекціи съ вознагражденіемъ штатнаго доцента. Составители проекта новаго устава рѣшили такъ: въ Германіи къ доцентурѣ допускаются молодые ученые лишь спустя три года по выходѣ изъ университета и, притомъ, по полученіи докторской степени; если мы установимъ въ Россіи для ищущаго званія привать-доцента также трехлѣтній срокъ по окончаніи университетскаго курса, да потребуемъ отъ него магистерскаго или докторскаго диплома, или, по крайней мѣрѣ, выдержанія магистерскаго экзамена, то это также поведетъ къ тому, что въ наши университеты будетъ наплывъ привать-доцентовъ. Такова логика тѣхъ, кто составлялъ знаменитый уставъ, отъ котораго г. Катковъ и К^о ждали поднятія нашихъ университетовъ! Думали-ли эти господа, что новѣйшіе наши ученые, прошедшіе *классическую* школу графа Толстаго, необходимо должны сдѣлаться идиотами и, ради приманки студентскаго гонорара, въ какихъ-нибудь пятьдесятъ или сто рублей въ семестръ, способными оставить отца и мать и прилѣпиться всѣми силами къ университету,—сказать трудно, а выходитъ, что составители устава были крайне нелестнаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ будущихъ привать-доцентовъ. Правда, есть въ проектѣ устава указаніе на то, что одинъ студентскій гонораръ считался составителями этого устава недостаточнымъ для привлеченія молодыхъ ученыхъ къ привать-доцентскому званію: одинъ параграфъ устава говоритъ, что «попечителю предоставляется», по ходатайству ли факультета черезъ совѣтъ, или по собственному его усмотрѣнію, «представлять привать-доцента, послѣ истекшаго полугодія успѣшнаго преподаванія, къ *поощрительному вознагражденію* изъ особой суммы» и т. д. Но чтобы удостоиться этого *поощрительнаго вознагражденія*, нужно заслужить расположеніе факультета, т. е., того профессора, для конкуренціи съ которымъ, по мысли устава, привать-доцентъ собственно и назначается, и, вдобавокъ, попечителя. Но коль скоро полученіе какого либо блага зависитъ отъ личнаго расположенія нашихъ соперниковъ или начальниковъ, то это для знающаго себя цѣну ученаго приманка столько-же сомнительная, сколько и непривлекательная. Болѣе смысла имѣетъ то соображеніе, что перспектива сдѣлаться со временемъ профессоромъ сама по себѣ уже достаточна для того, чтобы выдержать нѣсколько лѣтъ труда, плохо оплачиваемаго и поставленнаго въ тяжелыя условія

борьбы съ трудомъ лицъ, окрѣпшихъ въ своей дѣятельности, авторитетныхъ и вліятельныхъ въ университетской коллегіи. Но есть въ проектѣ новаго устава одинъ параграфъ, который въ этомъ отношеніи не даетъ мѣста никакимъ особенно свѣтлымъ мечтамъ и иллюзіямъ. Параграфъ этотъ гласитъ слѣдующее: «преподаваніе приватъ-доцентовъ находится *подъ наблюденіемъ попечителя и ближайшимъ надзоромъ ректора и факультета въ лицѣ его декана, которые обязаны сообщать попечителю свои замѣчанія* объ успѣшности и характеръ преподаванія приватъ-доцента. *Въ случаѣ преподаванія, нарушающаго требованія научной серьезности, а также въ случаѣ направленія чтеній, признаннаго вреднымъ, при неуспѣшности сдѣланныхъ указаній, попечитель можетъ при концѣ семестра и даже во время его лишать приватъ-доцента права преподаванія*». Не будь этого параграфа, можно бы еще было предположить, что нашлись бы хоть немногіе молодые люди, которые рѣшились бы попытать свои силы на приватъ-доцентскомъ поприщѣ; но упомянутый параграфъ отнимаетъ у всякаго человѣка, не лишеннаго чувства достоинства, возможность покушенія на должность, гдѣ судьба человѣка всецѣло отдается на жертву произвола. Чтò можетъ быть легче, какъ усмотрѣть въ чьихъ-либо лекціяхъ недостатокъ серьезности, въ особенности человѣку невѣжественному или лично нерасположенному къ лектору? Чтò можетъ быть ужаснѣе перспективы прослыть нежданно-негаданно за человѣка вреднаго направленія? А между тѣмъ это такъ легко, коль скоро вы расходитесь хотя бы въ педагогическихъ взглядахъ (бывали примѣры) съ начальствомъ, или затмѣваете своимъ талантомъ и массой своихъ слушателей лекціи другихъ членовъ факультета. Всего страннѣе то, что такой параграфъ стоитъ въ проектѣ устава, провозглашающаго якобы *свободу преподаванія*. Избави Богъ отъ такой свободы!

Мы впрочемъ не пишемъ критики *отложеннаго*, какъ выражается г. Любимовъ, устава. Мы только указываемъ на его духъ и приводимъ въ примѣръ явной его несостоятельности нѣкоторыя его постановленія. Такъ какъ, по увѣренію философовъ, нѣтъ на свѣтѣ ничего абсолютно хорошаго и абсолютно дурнаго, то и въ «отложенномъ» уставѣ, составленномъ двумя-тремя членами комиссіи 1875 года, есть отдѣльныя статьи, съ которыми

можно помириться, которыя можно даже одобрить; но, взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ законодательный проектъ, несостоятельный въ принципѣ, вредный въ приложеніи и пропитанный духомъ какой-то затаенной мести и заботы объ униженіи всѣхъ, кого онъ непосредственно касается. Можно благодарить судьбу, что этотъ проектъ «отложенъ» или, какъ мы желали бы вѣрить, совсѣмъ отброшенъ въ сторону. Бѣдная русская наука, имѣющая свой главный пріютъ въ университетахъ, совсѣмъ зачала бы въ этой душной атмосферѣ канцелярскаго произвола и лицемѣрнаго законодательства, которое, вдобавокъ ко всему, не задумывается самымъ грубымъ образомъ насиловать наши нравы и понятія, навязывая намъ узкія и своеобразныя формы чужаго быта, намъ глубоко антипатичныя. О наукѣ ли тутъ было бы думать университетскому преподавательскому персоналу, когда надобно употреблять всѣ усилія для охраненія чести заведенія отъ покушеній ничѣмъ не связанной съ его жизнью канцелярщины, когда приходилось бы ежеминутно дрожать за неприкосновенность права человека науки говорить по убѣжденію, а не по предписаніямъ министерской или попечительской канцеляріи! Сколько было бы столкновеній съ попечителемъ, съ «совѣтникомъ по хозяйственной части», съ инспекторомъ студентовъ—съ лицами, чуждыми коллегіи, далекими отъ ея существенныхъ интересовъ и назначенными лишь исполнять волю пославшаго ихъ. Какія невозможныя, при нашихъ понятіяхъ, установились бы отношенія между студентами, — которые стали бы смотрѣть на преподавателей прямо, какъ на своихъ наемниковъ, — и профессорами, которые и теперь, при болѣе независимомъ положеніи, уже утратили силу нравственнаго вліянія на учащееся въ университетахъ юношество! Реакціонная партія думала введеніемъ устава, лишающаго университеты пріобрѣтенной ими съ 1863 года автономіи, возстановить виѣшній порядокъ, нерѣдко нарушаемый студентами въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, и держать профессоровъ на привязи у администраціи. Не знаемъ, въ чемъ заключается въ этомъ уставѣ талисманъ, имѣющій чудесную силу успокаивать волненіе умовъ и вносить миръ въ души недовольной молодежи, но можемъ сказать навѣрное, что процентъ выдающихся талантовъ и научнымъ авторитетомъ профессоровъ сократился бы еще болѣе, а упадокъ чувства до-

стойства и духа независимости несомненно отразился бы на университетахъ еще большимъ оскуднѣемъ научной производительности *), равно какъ и пониженіемъ жпвости и энергіи въ преподаваніи. Очень можетъ быть, что, при правѣ министерства назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію, вакантныхъ кафедръ было бы меньше, чѣмъ теперь, но научная жизнь въ университетахъ, оттого что они будутъ наполнены безцвѣтными и благонадежными, съ департаментской точки зрѣнія, лицами, ничего не выиграеть, какъ не выиграеть и значеніе университета въ глазахъ студентовъ и общества.

Такъ мы смотримъ на проектъ новаго устава, которымъ думалъ было наградить наши университеты графъ Толстой накануне своего паденія съ министерскаго поста. Между тѣмъ создатели этого неутвержденнаго устава не считаютъ себя окончательно побѣжденными. Они все еще надѣются на торжество интриги, которая столько лѣтъ давала имъ преобладающій голосъ въ дѣлѣ нашего народнаго просвѣщенія и до сихъ поръ парализуетъ всякую попытку къ его улучшенію. Объ этихъ надеждахъ свидѣтельствуетъ, если не прямо, то косвенно, и упомянутая книга г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ. Книга эта, составленная изъ статей, писанныхъ московскимъ профессоромъ въ пользу отмѣны нынѣ дѣйствующаго устава 1863 года, назначается авторомъ именно въ оправданіе проекта новаго устава, не получившаго законодательной санкціи.

Н. А. Любимовъ былъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ въ фалангѣ ненавистниковъ университетскаго строя, созданнаго въ періодъ реформъ прошлаго царствованія. Есть основаніе думать, что именно на него была возложена обязанность не только ближе изучить недостатки настоящаго состоянія русскихъ университетовъ, но и представить теоретическія основанія для того порядка вещей, который долженъ былъ выразиться елико-возможнымъ стѣсненіемъ автономіи университетовъ и подчиненіемъ ихъ министерской канцеляріи. По-

*) „Всякая излишняя власть оскорбляетъ ученыхъ и самая ихъ упражненія дѣлаетъ имъ неприятными“—такъ писалъ Озерецковскій еще въ началѣ царствованія Александра I. См. Иконникова, «Русскіе Университеты», въ «Вѣст. Евр.» окт., 1876.

водомъ къ агитаціи, имѣвшей въ виду устраненіе начала самоуправленія изъ жизни университетовъ, было, какъ извѣстно, забаллотированіе въ 1872 году совѣтомъ московскаго университета, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ графу Толстому, нынѣ покойнаго, профессора Леонтьева на новое пятилѣтіе профессорской службы. Не мѣсто здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько правъ былъ московскій университетъ, удаляя изъ своей среды лицо, въ началѣ своей профессорской карьеры приносявшее университету несомнѣнную пользу, но затѣмъ все больше и больше отстававшее отъ занятій предметомъ своей катедры въ интересахъ публицистической дѣятельности, а въ послѣдніе годы еще болѣе удалившееся отъ строгаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей принятіемъ на себя обузы руководительства школой, извѣстной подъ именемъ «лица Цесаревича Николая». Но исторія нашего образованія не должна забывать того ближайшаго факта, въ силу котораго университетскій уставъ, еще не выдержавшій и десятилѣтняго опыта, признанъ былъ несостоятельнымъ. Полежали министерскіе циркуляры къ попечителямъ и запросы въ университеты о необходимости измѣненій въ уставѣ «съ цѣлью вполнѣ и достойно замѣщать своевременно всѣ вакантныя катедры и усилить занятія студентовъ»; зашумѣли «Московскія Вѣдомости»; стали наполняться статьями объ университетскомъ вопросѣ страницы «Русскаго Вѣстника»; была образована комиссія, начались разѣзды ея по университетамъ, однимъ словомъ, «пошла писать губернія». Во всей этой агитаціи Н. А. Любимовъ, повторяемъ, игралъ весьма замѣтную роль. На его долю, между прочимъ, выпала обязанность доказать путемъ печати, что въ нашихъ университетахъ нѣтъ *ни свободы преподаванія, ни свободы ученія*, и что стоитъ только усилить власть надъ ними министра и попечителя, опутать ихъ дѣятельность канцелярскими распоряженіями и постояннымъ вмѣшательствомъ стоящей внѣ ихъ учебной администраціи, какъ зацвѣтетъ «академическая свобода», а вмѣстѣ съ нею и наука. Читатель можетъ подумать, что выраженія: *свобода преподаванія, свобода ученія, академическая свобода* приводятся нами въ шутку, когда рѣчь идетъ о задачѣ, принятой на себя г. Любимовымъ, однимъ изъ авторовъ проекта новаго устава, съ характеромъ котораго мы уже познако-

мились. Но напрасно: выраженія эти выливаются изъ подъ пера г. Любимова постоянно; никто болѣе его не говоритъ о свободѣ преподаванія и свободѣ ученія, никто болѣе его не защищаетъ ее, не видитъ въ ней идеала университетской жизни. Какъ ни страненъ ближайшій сотрудникъ г. Каткова, говорящій о свободѣ и во имя свободы, какъ ни комиченъ съ такимъ знаменемъ въ рукахъ одинъ изъ авторовъ проекта устава, подрывающаго университетское самоуправленіе и поручающаго попечителю, ректору и декану строго-на-строго слѣдить за тѣмъ, не обнаруживается ли въ лекціяхъ приватъ-доцентовъ вреднаго *направленія*, а между тѣмъ это такъ. Бываютъ случаи, когда и чортъ проповѣдуетъ правила нравственности: что же удивительнаго, если профессоръ, въ преслѣдованіи университетскаго самоуправления, прикрывается фразами о свободѣ преподаванія? Наполеонъ III, злодѣйски захватившій власть во Франціи, въ одной изъ своихъ тронныхъ рѣчей говорилъ о томъ, что Франція, при его правленіи, пользуется *всѣми видами свободы*, какъ-то: свободой хлѣбопеченія, свободой торговли, свободой фабричнаго труда и т. д., и что онъ не понимаетъ, какой еще свободы дожидается оппозиція. Есть такія слова, которыя, даже и при самомъ безстыдномъ извращеніи ихъ смысла, все еще сохраняютъ свое обаяніе: ловкіе люди знаютъ это и пользуются ими, чтобы заставить публику себя слушать, въ расчетѣ, что среди нея всегда находится не мало простаковъ и легковѣрныхъ, готовыхъ принимать фольгу за золото и неспособныхъ отличать пустой фразы отъ дѣла. Мы не удивляемся поэтому, что и почтенный Н. А. Любимовъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ этому приему, коль скоро взялъ на себя нелестную задачу доказывать, что бѣлое черно, а черное бѣло. Этимъ, впрочемъ, мы вовсе не хотимъ сказать, что г. Любимовъ враждебенъ сущности академической свободы по принципу: такой враждебности трудно допустить въ профессорѣ, въ лицѣ, привыкшемъ обращаться съ наукой и преподавать ее другимъ. Но съ той минуты, какъ онъ долженъ былъ дѣлать одно дѣло съ графомъ Толстымъ и г. Георгіевскимъ, коль скоро онъ избранъ былъ орудіемъ университетской реформы, въ видахъ уничтоженія университетскаго self-government, оказавшагося въ критическую минуту не на сторонѣ Леонтьева, выраженія: *академическая сво-*

бода, свобода преподаванія и ученія могли раздаваться только въ глумительномъ или коварномъ смыслѣ. Графъ Толстой, г. Георгіевскій и г. Катковъ—поборники академической свободы! Этого только и не доставало для глумленія надъ здравымъ смысломъ русскаго общества.

Легко понять, какое впечатлѣніе должна производить книга, старающаяся убѣдить читателя въ томъ, что вся бѣда нашихъ университетовъ—въ отсутствіи академической свободы, и что эту необходимую для процвѣтанія университетовъ свободу и хотѣлъ доставить имъ графъ Толстой въ составленномъ гг. Георгіевскимъ и Любимовымъ, подъ наблюденіемъ г. Каткова, проектѣ устава. Путь къ этому идеалу—отнятіе у университетовъ самоуправленія и строжайшее подчиненіе ихъ попечительскому надзору и распоряженіямъ министерской канцеляріи. Таковъ отвратительный смыслъ книги, проникнутой ложною любовью къ наукѣ и ея разсадникамъ, университетамъ! Фальшивая идея требуетъ и фальшивыхъ путей для своего развитія. И дѣйствительно, какъ это намъ ни прискорбно заявить о трудѣ, въ которомъ авторъ обличаетъ не мало изученія, путь г. Любимова ложенъ отъ начала до конца. Авторъ возстаетъ противъ устава 1863 г. не потому, чтобы ему была видна его практическая или теоретическая несостоятельность, а потому, что онъ во многомъ отступаетъ отъ уставовъ нѣмецкихъ университетовъ и создалъ у насъ университетскую жизнь, не совсѣмъ похожую на жизнь германскихъ университетовъ. При всякомъ случаѣ, онъ ссылается на порядки нѣмецкихъ университетовъ до дерптскаго включительно и, уснащая свою книгу цитатами изъ мнѣній нѣмецкихъ профессоровъ, защищавшихъ существованіе особенностей академической жизни своей страны, воображаетъ, что, въ виду такихъ аргументовъ, безсильны всякія возраженія. Всѣ своеобразности нѣмецкой жизни въ его глазахъ имѣютъ видъ авторитета, передъ которымъ можно только склоняться, и не признавать котораго было бы мальчишескимъ легкомысліемъ. Ничѣмъ онъ такъ не восхищается, какъ тѣмъ, что нѣмецкіе студенты платятъ гонораръ своимъ преподавателямъ. Гонораръ—это у него капитальный пунктъ въ университетскомъ устройствѣ, безъ котораго невозможно думать ни о какихъ улучшеніяхъ и безъ котораго въ особенности немислимы ни сво-

бода преподаванія, ни свободѣ ученія. Въмѣстѣ съ гонораромъ, его приводитъ въ особенный восторгъ приватъ-доцентура, чисто германское учрежденіе, объясняемое историческими и экономическими условіями нѣмецкихъ университетовъ и нигдѣ, кромѣ Германіи, не имѣющее надлежащей почвы для своего развитія. Но и тамъ періодъ процвѣтанія этого учрежденія прошелъ, и тамъ охотниковъ проходить этотъ искусъ скудно оплачиваемаго труда становится меньше и меньше. Учрежденіе приватъ-доцентуры, т. е. разряда преподавателей, не получающихъ за свои труды казеннаго жалованья, можетъ соблазнить, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что тамъ, гдѣ оно привилось бы, усилился бы составъ преподавателей (какого достоинства, это—другой вопросъ), въ чемъ наши университеты безспорно нуждаются. Трудно только понять, почему именно у насъ, какъ и въ Германіи, нужно, чтобъ въ университетѣ были преподаватели, не получающіе жалованья и называющіеся *приватными*. Нельзя же думать, чтобъ преподаватель былъ лучше оттого, что не получаетъ жалованья, а принужденъ довольствоваться нѣсколькими рублями добровольнаго студентскаго подаванія. Но въ Германіи есть приватъ-доценты и жалованья они не получаютъ: значитъ, это—хорошее заведеніе, коли такъ въ Германіи. Такъ разсуждаетъ г. Любимовъ и не только разсуждаетъ, но и увѣряетъ, что въ приватъ-доцентахъ по германскому образцу, да въ устройствѣ экзаменовъ по тому же образцу, заключается «истинный ключъ университетской реформы» (стр. 144). Вся сила въ томъ, чтобы все было по германскому образцу, а тамъ уже само собой придетъ всякое преуспѣваніе. Въ Германіи, окончившихъ курсъ студентовъ экзаменуютъ не бывшіе ихъ преподаватели, а назначенные министромъ чиновники. Необходимо и у насъ ввести такой порядокъ, необходимо безъ всякихъ соображеній о томъ, будутъ ли чиновники экзаменовать лучше профессоровъ, равно какъ и о томъ, какъ введеніе этого сторонняго экзамена по опредѣленной программѣ, къ которой будутъ скоро приготовлены и руководства, отзовется на слушаніи студентами профессорскихъ лекцій, на стремленіи ихъ къ научнымъ занятіямъ, и возможно ли, наконецъ, по нашимъ условіямъ, образованіе сколько нибудь сносныхъ комиссій для испытанія окончившихъ курсъ студентовъ въ университетѣ.

Противъ этихъ стремленій облагодѣтельствовать наши университеты всяческими нѣмецкими порядками, даже такими, которые съ перваго взгляда представляются къ намъ непримѣнимыми, единодушно и постоянно высказывались представители русскихъ университетовъ въ той комиссіи, гдѣ г. Любимовъ развивалъ свои взгляды на реформу университетовъ, въ трогательномъ согласіи съ г. Георгіевскимъ. Но г. Любимовъ, издавая свои статьи отдѣльной книгой, не придавалъ обстоятельнымъ и энергическимъ заявленіямъ своихъ компетентныхъ товарищей никакого значенія. Между тѣмъ и гонораръ, и привать-доцентура, и министерскія комиссіи для экзаменовъ, все это, какъ и многое другое, вмѣстѣ съ предлагаемой, въ видѣ данайскаго подарка, свободой ученія, было разобрано и оцѣнено, какъ само въ себѣ, такъ и по отношенію къ нашимъ нравамъ, понятіямъ и условіямъ, и все было отвергнуто въ томъ видѣ, въ какомъ предлагалось обожателями нѣмецкихъ порядковъ и вкусовъ.

Вотъ что между прочимъ говорили восемь членовъ комиссіи по пересмотру университетскаго устава противъ мнѣній г. Любимова съ товарищами о гонорарѣ, привать-доцентурѣ, экзаменахъ и о всемъ прочемъ, что онъ пріурочиваетъ къ академической свободѣ преподаванія и ученія.

«Германская система преподаванія—таково заключеніе длиннаго возраженія, подписаннаго гг. Воскресенскимъ, Питра, Кремневымъ, Осокинымъ, Леонтовичемъ, Рахманиновымъ, Бекетовымъ и Коссовичемъ—неоднократно подвергалась порицаніямъ въ самой Германіи. Профессоръ Бона-Мейеръ проэктировалъ для германскихъ университетовъ мѣры, которыя, по его мнѣнію, были бы весьма полезны, и замѣчательно, что эти мѣры имѣютъ большое сходство съ положеніями нашего нынѣ дѣйствующаго устава, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что этому профессору нашъ уставъ не былъ извѣстенъ. Вообще намъ кажется, что неправильно мнѣніе, будто бы отъ той или другой системы такъ много зависитъ, что стоитъ только ввести новую систему, чтобы достигнуть огромныхъ результатовъ въ наукѣ и образованіи. Дѣло успѣха зависитъ прежде всего отъ хорошаго исполненія и, кромѣ того, отъ денежныхъ средствъ, употребляемыхъ на научныя пособія университетовъ: когда въ бібліотекахъ нѣтъ многихъ

необходимыхъ книгъ, въ клиникахъ, лабораторіяхъ, кабинетахъ нельзя надлежащимъ образомъ работать или нужно отказывать себѣ и студентамъ на всякомъ шагу въ исполненіи того или другаго опыта или наблюденія, то не можетъ быть значительнаго успѣха въ занятіяхъ. Что германская система преподаванія не есть такой талисманъ, при помощи котораго только и возможны успѣхи науки и просвѣщенія, это доказываютъ другія западно-европейскія страны съ высокою культурой и совершенно различными системами преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Англія имѣетъ совершенно своеобразную систему, во Франціи она также совершенно не похожа на германскую: а между тѣмъ кто можетъ сказать, чтобы Англія въ научномъ отношеніи, въ особенности въ области научныхъ открытій, и по капитальнымъ ученымъ сочиненіямъ, проливающимъ новый свѣтъ на науку, стояла ниже Германіи? Также точно, кто рѣшится утверждать, что французская нація сдѣлала для науки менѣе, чѣмъ германская, хотя французы учились въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, не похожихъ на германскія? То же самое можно сказать о скандинавскихъ университетахъ, которые имѣли громадное вліяніе на высокую степень образованія этихъ странъ и изъ которыхъ вышли такіа свѣтила науки, какъ Линней, Берцелиусъ, Эліасъ Фрисъ и прочіе, а между тѣмъ скандинавскіе университеты имѣютъ также свои особенности. Было - бы, вѣроятно, весьма полезно для Россіи, еслибы типъ нашихъ университетовъ, получившій свое начало съ 1804 года, сохранился, и университеты, имѣвшіе, слѣдовательно, также свою исторію, не подвергались коренному преобразованію, копируя германскіе университеты. Несправедливо было бы сказать, что наши русскіе университеты, не смотря на многія неблагоприятныя условія ихъ развитія, не смотря на сравнительно малыя средства, которыя на нихъ положены, не принесли огромной пользы отечеству: кому же обязана Россія тѣми учеными, литераторами, всеми образованными людьми на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, какъ не университетамъ почти исключительно? *).

*) См. Журналы засѣданій Высочайше учрежденной 21 сентября 1875 года комиссіи по пересмотру университетскаго устава, № 12. (Засѣданіе 3 октября 1876 г.).

Въ приведенныхъ строкахъ мнѣнія представителей русскихъ университетовъ невѣрно только одно—слишкомъ большая роль, какая въ немъ приписывается нашимъ университетамъ въ произведеніи ученыхъ, литераторовъ и вообще образованныхъ людей. Ученые, литераторы и образованные люди производятся университетами только отчасти, а большая часть ихъ производится и производится другими учебными заведеніями, каковы: духовныя академіи, бывшій главный педагогическій институтъ, прежніе наши лицеи—Царскосельскій, Ришельевскій, графа Безбородко, Демидовскій, разныя нынѣ существующія академіи, и институты спеціального назначенія. Если взять во вниманіе массу образованныхъ людей, выпускаемыхъ теперь или выпускавшихся прежде этими и другими высшими учебными заведеніями, не говоря о среднихъ, которыя также доставляли и доставляютъ значительный контингентъ образованныхъ людей и даже литераторовъ, то дѣйствующая у насъ на разныхъ поприщахъ масса людей, собственно университетскаго образованія, окажется весьма незначительною. Даже среди самихъ университетскихъ профессоровъ далеко не ничтоженъ процентъ лицъ, получившихъ образованіе внѣ университетовъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что университетъ у насъ еще далеко не играетъ той роли, какую онъ себѣ приписываетъ, судя по заявленію его представителей въ вышеупомянутой комиссіи. Даже среди восьми лицъ, подписавшихъ возраженіе противъ мнѣнія гг. Любимова, Георгіевскаго, Гезена и Варадинова, двое (Воскресенскій и Осюкинъ) получили высшее образованіе внѣ университета, а третій (г. Питра) заграничнаго образованія. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мнѣніе восьми членовъ комиссіи, направленное противъ фальшивой точки зрѣнія, по которой процвѣтаніе университетской науки въ Россіи признается возможнымъ лишь при условіи введенія нѣмецкихъ порядковъ въ организацію университета, заслуживаетъ полнаго уваженія. Оно такъ ярко выставляетъ фальшивость пути, которымъ идетъ г. Любимовъ къ заключенію о необходимости новаго устава, долженствующаго измѣнить и систему нашего университетскаго преподаванія, и способъ университетскаго управленія, что дѣлаетъ излишнею всякую дальнѣйшую полемику съ книгой московскаго профессора.

Какъ постановленія неутвержденнаго проекта новаго уни-

верситетскаго устава, которымъ предполагалось измѣнить строй жизни въ нашихъ университетахъ, такъ и мотивы къ нимъ, заключающіеся въ книгѣ г. Любимова и составляющіе общую собственность составителей новаго устава, съ точки зрѣнія университетскихъ корпорацій и ихъ представителей въ означенной комиссіи, обнаруживаютъ явную несостоятельность. Журналы засѣданій комиссіи по пересмотру университетскаго устава включаютъ въ себя драгоцѣнный сборникъ противоположныхъ мнѣній, принадлежащихъ, съ одной стороны, партіи министерскихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ г. Любимовымъ, съ другой—представителямъ университетовъ (ректорамъ или ихъ замѣстителямъ, равно какъ и нѣкоторымъ профессорамъ), поддерживаемымъ иногда предсѣдателемъ и нѣкоторыми другими членами. Самая простая справедливость требуетъ признать, что убѣдительность, равно какъ естественность и искренность заявленій стоятъ рѣшительно на сторонѣ представителей университетовъ, а искусственность, натянутость и нелогичность доводовъ столь же рѣшительно выступаютъ наружу на сторонѣ ихъ противниковъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ, по нашему мнѣнію, все, что эти послѣдніе говорили о недостаткахъ университетскаго преподаванія, экзаменовъ, администраціи, избранія профессоровъ, организаціи студентскаго быта, было придумано, преувеличено и вообще отзывалось недобросовѣстностью, не значитъ также, чтобы всѣ указанія ихъ на университетскій бытъ въ Германіи были излишними или не заслуживающими вниманія; но общій характеръ мнѣній противниковъ университетскаго устава 1863 г. таковъ, что невольно побуждаетъ къ защитѣ этого устава, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда несовершенство его постановленій очевидно. Понятно, поэтому, что возраженія представителей университетовъ въ этой комиссіи носятъ столь побѣдоносный характеръ и располагаютъ въ свою пользу даже тогда, когда они являются не дѣйствительнымъ опроверженіемъ противныхъ мнѣній, а адвокатскою защитой существующаго. Университетскіе представители отстаивали уставъ 1863 года въ его цѣлости и имѣли къ тому основаніе, въ виду явныхъ покушеній противниковъ наложить руку на то, чѣмъ не можетъ не дорожить никакая ученая коллегія,—на независимость своей внутренней жизни, на право самоуправленія.

Между тѣмъ уставъ 1863 года заключаетъ въ себѣ важные недостатки. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ, увеличивши количество кафедръ и преподавательскихъ должностей, не облегчилъ, если еще болѣе не затруднилъ, достиженіе профессуры, чѣмъ это было въ прежнее время. Онъ оставилъ неприкосновенными всѣ три ученыя степени: кандидата, магистра и доктора, какія и до того времени слѣдовало пройти русскому ученому, чтобы получить вполне законную санкцію для занятія профессорской должности. Если видѣть облегченіе въ томъ, что устные магистерскіе экзамены уставомъ 1863 г. сѣужены въ своемъ объемѣ и болѣе специализованы, а докторскіе и вовсе уничтожены, то необходимо признать важное затрудненіе въ томъ, что уставъ 1863 г. соединилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ приобрѣтеніе званія профессора съ обладаніемъ докторскою степенью, не допуская ни въ какомъ случаѣ возведенія магистра въ исправляющіе должность экстраординарнаго и ординарнаго профессора, какъ это постоянно практиковалось во время дѣйствія устава 1835 года, хотя также требовавшаго для полученія профессуры обладанія докторскою степенью. Эта невозможность для магистра или кандидата получить званіе профессора и послужила одною изъ важнѣйшихъ причинъ, почему такое множество кафедръ въ нашихъ университетахъ, послѣ изданія устава 1863 года, оставались и остаются вакантными, не смотря на цѣлыя массы молодыхъ людей, посылаемыхъ за границу, равно какъ и готовившихся дома къ профессорскому званію. Шутка-ли дѣло получить три ученыхъ степени, или выдержать два устныхъ экзамена по предметамъ своей специальности и написать три диссертации, изъ которыхъ двѣ должны быть защищены публично! Но главное: зачѣмъ такое обиліе формальныхъ условій для признанія человѣка ученымъ и способнымъ читать лекціи въ званіи профессора? Если отъ количества сданныхъ экзаменовъ и защищенныхъ диссертаций зависитъ степень учености, то въ такомъ случаѣ русскіе профессора должны быть ученѣйшими въ свѣтѣ и уступать развѣ только китайцамъ, которые сдаютъ еще больше экзаменовъ, чѣмъ наши ученые. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Русскіе профессора не только не могутъ считаться болѣе свѣдущими въ наукахъ, чѣмъ нѣмцы, которые держатъ одинъ, и то до крайности упрощенный, экзаменъ на ученую сте-

пень, именно на степень доктора, но значительно уступают имъ. Это доказывается не только несравненно меньшею степенью производительности русской науки, въ сравненіи съ нѣмецкою, но и характеромъ нашихъ профессорскихъ лекцій, обыкновенно стоящихъ въ зависимости отъ нѣмецкихъ университетскихъ курсовъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Ясное дѣло, что обиліе экзаменовъ не служитъ гарантіей большой учености въ нашемъ профессорскомъ сословіи, какъ не служитъ ею и цѣлый рядъ диссертаций, представляемыхъ факультету въ подтвержденіе способности производить ученія работы. Извѣстно, что нѣмецкіе ученые представляютъ факультету только одну диссертацию и притомъ столько же ничтожную по объему, сколько и по ученому достоинству, а между тѣмъ тѣ самые люди, которые открываютъ свой дебютъ въ наукѣ такой невзрачной диссертацией, оказываются впоследствии настоящими двигателями науки, передъ которыми кажутся иной разъ просто младенцами наши магистры и доктора съ своими, доходящими иногда до тысячи страницъ, книжищами. Въ то время, какъ въ Германіи,—гдѣ въ людяхъ, стремящихся къ профессорскому званію, есть избытокъ,—установленъ только одинъ экзаменъ на ученую степень, и притомъ давно уже обратившійся въ пустую формальность, у насъ, гдѣ, искатели ученой карьеры являются въ видѣ рѣдкихъ и странныхъ феноменовъ, устроенъ цѣлый рядъ заставъ, преграждающихъ доступъ къ профессорскому званію.

Замѣчательнѣе всего, что такое положеніе дѣла защищается всего болѣе самими университетами. Ректоры и профессоры, бывшіе членами пресловутой комиссіи по пересмотру университетскаго устава, высказались энергически, въ засѣданіи 24-го ноября 1876 года, въ пользу оставленія неприкосновенными трехъ ученыхъ степеней и представили записку, по истинѣ, удивительную, если ее разсматривать не какъ одинъ изъ актовъ желанія во что бы то ни стало отстоять уставъ 1863 года во всѣхъ подробностяхъ, а какъ серьезное мнѣніе экспертовъ по очень важному вопросу. Чѣмъ больше эту записку читаешь, тѣмъ больше удивляешься, какъ она могла быть написана или, по крайней мѣрѣ, подписана, между прочимъ, такими почтенными лицами, какъ А. Н. Бекетовъ, К. А. Коссовичъ, И. И. Рахманиновъ, Ѳ. И. Леонтовичъ. Сущность вопроса,—то

именно, что установленіе трехъ ученыхъ степеней—дѣло излишнее для оцѣнки научныхъ познаній и въ то же время рѣшительно вредное, такъ какъ оно не только отбиваетъ охоту искать профессорской дѣятельности, но и портитъ нравственно тѣхъ, которые рѣшаются пойти на эти мытарства,—эта сущность осталась въ запискѣ совершенно незатронутою. Вся аргументація почтенныхъ представителей университетовъ и ихъ единомышленниковъ сводится къ утвержденію, что «градація трехъ ученыхъ степеней» у насъ существовала издавна и что она имѣетъ разумное основаніе;—но принесло ли ея существованіе благодѣтельные плоды и въ чемъ заключается ея разумная основа, этого гг. представители университетовъ въ комиссіи разъяснить не потрудились. Но вотъ, впрочемъ, важнѣйшія мѣста ихъ коллективнаго мнѣнія:

«Съ самаго основанія нашихъ университетовъ существуютъ у насъ три ученыхъ степени: кандидата, магистра и доктора, которыя призналъ полезнымъ узаконить и дѣйствующій уставъ университетовъ. Каждому понятно (?), что установленіе этихъ степеней вызвано благимъ намѣреніемъ правительства всѣми мѣрами содѣйствовать поднятію образованія, и многолѣтній опытъ доказалъ (чѣмъ?) всю пользу (а можетъ быть, весь вредъ?) установленія этихъ трехъ степеней, начиная со степени кандидата, какъ побуждающей значительную часть университетской молодежи къ усиленію своихъ занятій, чтобы не ограничиться полученіемъ званія дѣйствительнаго студента, а добиться ученой степени кандидата, которая въ глазахъ и студентовъ, и общества успѣла пріобрѣсти значительную цѣну» *).

Такъ начинается и оканчивается первый аргументъ. Спрашивается: есть ли въ немъ что-либо, кромѣ фразъ, прямо утверждающихъ то, что слѣдовало доказать, но ровно ничего не доказывающихъ? И не доказываетъ ли это. отсутствіе всякихъ реальныхъ или философскихъ доказательствъ въ мнѣніи столь почтенныхъ людей именно того, что они взялись защищать дѣло совершенно несостоятельное какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія?

*) См. Журналы засѣданій комиссіи по пересмотру университетскаго устава, № 35.

Еще ниже, если только это возможно, по силѣ доказательствъ, вторая половина аргументаціи представителей университетовъ въ пользу удержанія трехъ ученыхъ степеней, которыми у насъ обусловлено достиженіе профессуры.

«Принятая у насъ издавна градація трехъ ученыхъ степеней, имѣеть за себя *разумное основаніе*. Степень кандидата, даваемая университетомъ по экзамену и диссертациі, свидѣтельствуетъ объ общемъ факультетскомъ образованіи лица *). Степень магистра, даваемая также по экзамену и печатной диссертациі, свидѣтельствуетъ о специальномъ образованіи въ той или другой факультетской наукѣ; степень доктора, даваемая только по ученому труду (безъ экзамена) *очевидно установлена въ видахъ большаго содѣйствія обогащенію нашей ученой литературы*. Эта градація ученыхъ степеней находится въ связи и съ преподавательскими должностями въ университетахъ. Кандидатъ, по выполненіи имъ извѣстныхъ требованій, можетъ быть только приватъ-доцентомъ; должность штатнаго доцента можетъ быть занята только лицомъ, имѣющимъ степень магистра; для полученія же должности профессора, ищущій ея поставляется въ необходимость, *въ видахъ содѣйствія развитію ученой литературы (!)*, представить вновь печатный ученый трудъ и этимъ путемъ получить высшую ученую степень доктора. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что отжѣна первой ученой степени кандидата повлечетъ за собой пониженіе требованій отъ ищущаго высшихъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. А такое пониженіе требованій, очевидно, служило бы у насъ подрывомъ для науки, парализовало бы *ту прекрасную цѣль*, съ которою установлены у насъ три ученыхъ степени».

Такимъ образомъ, по мнѣнію представителей университетовъ, существованіе у насъ трехъ ученыхъ степеней хорошо прежде всего тѣмъ, что оно ведетъ свое начало съ основанія университетовъ и узаконено дѣйствующимъ уставомъ; дадѣе, оно хорошо тѣмъ, что «вызвано благимъ намѣреніемъ правительства содѣйствовать поднятію образованія» и побуждаетъ

*) Не всегда. Тамъ, гдѣ факультетъ подраздѣленъ на отдѣленія, какъ въ Кіевѣ, кандидатскій экзамень свидѣтельствуетъ только объ изученіи извѣстной отрасли факультетскихъ предметовъ.

учащихся не довольствоваться низшею степенью, а добиваться высшихъ. Какъ ни прелестны эти аргументы первой части профессорскаго мнѣнія, но вторая часть представляетъ намъ доводы еще болѣе *убѣдительные*. Гг. представители университетовъ увѣряютъ, что двѣ изъ трехъ степеней, свидѣтельствуя будто бы о различныхъ степеняхъ факультетскаго образованія, нужны потому, что какъ разъ подходятъ у насъ къ должностямъ приватнаго и штатнаго доцентовъ, изъ которыхъ для перваго требуется будто бы, или, по крайней мѣрѣ, считается достаточнымъ общее факультетское образованіе, а для втораго—спеціальное.

Кажется, трудно найти примѣръ разсужденія, болѣе произвольнаго и болѣе несостоятельнаго; однако мы находимъ его въ дальнѣйшемъ ходѣ записки. Таково ея мѣсто, гдѣ эти представители университетовъ оправдываютъ существованіе докторской степени тѣмъ, что она, «очевидно, установлена въ видахъ большаго содѣйствія обогащенію нашей ученой литературы». Это значитъ, что меня заставляютъ подвергаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нравственной пыткѣ, обязывая писать книгу по вкусу факультета или его представителя по данному предмету и затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ ждать, удостоится ли она снисходительнаго одобренія лица, зачастую понимающаго гораздо меньше меня; лишаютъ меня, далѣе, права занимать вакантную кафедру—не потому, что не увѣрены въ моихъ талантахъ и учености, а единственно въ *видахъ обогащенія русской литературы моею диссертацией!* Милосердные боги! неужели это—здоровое разсужденіе? Неужели въ немъ можно находить какое-либо основаніе для удержанія въ нашемъ университетскомъ уставѣ трехъ ученыхъ степеней, изъ которыхъ одна, какъ оказывается, требуется лишь для обогащенія русской литературы? Извѣстно, что проектъ новаго устава составленъ безъ всякаго вниманія къ мнѣніямъ университетскихъ представителей, засѣдавшихъ въ комиссіи. Еслибы всѣ ихъ мнѣнія были такого-же достоинства, то составителей устава нельзя было бы, за недостатокъ вниманія къ нимъ, подвергнуть никакому упреку.

Впрочемъ, какъ ни странно мнѣніе о необходимости удержанія трехъ патентованныхъ степеней русской учености,—мало, какъ извѣстно, отъ того выигрывающей,—но оно у насъ распространено, и, конечно, больше безсознательно, чѣмъ сознатель-

но, повторяется многими. Собственно здѣсь имѣется въ виду магистерская и докторская диссертациі, которыя будто-бы составляютъ дѣйствительное и важное обогащеніе нашей ученой литературы. Въ такомъ смыслѣ высказалась по этому вопросу комиссія въ цѣломъ своемъ составѣ *), хотя часть ея, т. е. члены, составлявшіе «отложенный» уставъ, и не раздѣляли мнѣнія университетскихъ представителей о необходимости сохраненія кандидатской степени, которой и дѣйствительно не оказалось въ проэктированномъ уставѣ.

Нѣтъ нужды говорить, что такая точка зрѣнія вполне несостоятельна уже потому, что она даетъ предмету совершенно стороннее, несвойственное ему, назначеніе. Ученыя степени учреждаются не для того, чтобы при помощи ихъ обогащать литературу (такая идея, кромѣ нашихъ административныхъ философовъ, никому на свѣтѣ не приходила въ голову), а для того, чтобы онѣ свидѣтельствовали объ ученыхъ занятіяхъ лица тою или другою отраслю наукъ и о достаточности его познаній въ этой отрасли. Говоримъ въ *отрасли*, а не въ отдѣльной наукѣ, потому что не можетъ быть ученаго по исторіи, чуждаго научнаго знакомства съ филологіей, нельзя себя представить сколько-нибудь серьезнаго спеціалиста по римской литературѣ, не занимавшагося греческою, какъ не можетъ быть химика, не знающаго физики, или фізіолога, не знающаго анатоміи. Только наши ученые и администраторы, составлявшіе уставъ 1863 г., умудрились открыть степени магистра и доктора русской исторіи, общей исторіи, греческой словесности, римской словесности, физики, химіи и т. д. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Дѣло въ томъ, что ученыя степени имѣютъ назначеніемъ свидѣтельствовать объ успѣшномъ занятіи лица науками и даютъ ему право, такъ сказать, на принадлежность къ ученому сословію. Диссертациі, которыя пишутся для приобрѣтенія ученыхъ степеней, служатъ только наиболѣе удобнымъ средствомъ для экзаменующихъ убѣдиться въ томъ, что ищущій степени магистра или доктора дѣйствительно занимался наукой и знакомъ съ научными приемами. Ничего больше отъ этихъ диссертациій обыкновенно и не требуется. Въ прежнее время, до изданія новаго устава, фа-

*) Журналы засѣданій комиссіи и проч., № 22.

культеты не ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы диссертациі на ученые степени печатались, и многія изъ нихъ, дѣйствительно никогда не видали свѣта Божьяго, хотя авторы ихъ и получали степени и дѣлались вслѣдъ затѣмъ профессорами экстраординарными и ординарными. Такимъ образомъ, до изданія устава 1863 г., когда диссертациі на высшія ученые степени часто не печатались, не заводилось и рѣчи о связи ученыхъ степеней съ обогащеніемъ ученой литературы. Обогащеніе это, какъ основаніе для удержанія нѣсколькихъ ученыхъ степеней, вмѣсто одной или двухъ, есть выдумка новѣйшаго времени, не имѣющая ничего общаго съ основаніемъ ученыхъ степеней.

Но есть ли, съ другой стороны, обогащеніе ученой литературы диссертациями фактъ положительный и не кроется ли, скорѣе, въ обязанности для будущаго профессора написать три диссертациі, причина обѣднѣнія нашей литературы значительными учеными сочиненіями? Въ самомъ дѣлѣ, что такое диссертациі на ученую степень, чѣмъ можетъ она быть и что есть въ дѣйствительности въ огромномъ большинствѣ случаевъ? Диссертациі есть трудъ, написанный для факультета и представляемый факультету. Назначеніе его—доказать умѣнье обращаться съ научными фактами и пользоваться научными приѣмами. Это трудъ, такъ сказать, подневольный и потому долженствующій сообразоваться съ учеными вкусами коллегіи, слѣдовать господствующей въ ней рутинѣ ученыхъ приѣмовъ и методовъ изслѣдованія, и даже не уклоняться отъ взглядовъ на предметъ лица, произносящаго отъ имени коллегіи судъ надъ сочиненіемъ. Можетъ ли такой трудъ отличаться большими достоинствами? Можетъ ли онъ содержать въ себѣ полетъ мысли, полную независимость сужденія и свободу изложенія, однимъ словомъ то, что необходимо для ученаго труда, представляющаго собой дѣйствительный вкладъ въ литературу народа и обнаруживающаго влияние на дальнѣйшее ея развитіе? Диссертациі, рассчитывающая на непремѣнное одобреніе факультета, этихъ достоинствъ имѣть не можетъ, и если таковыя встрѣчаются въ диссертацияхъ, то обыкновенно въ такихъ, которымъ приходится странствовать изъ одного университета въ другой, чтобы получить требуемое одобреніе. Отсюда происходитъ, что научный уровень диссертациі, представляемыхъ на ученые степени, очень посредственный,

а литературныя достоинства ихъ большею частью такъ малы, что рѣдная изъ нихъ находитъ себѣ читателей внѣ факультета или внѣ ограниченнаго круга специалистовъ, которые читаютъ ее (если читаютъ) больше по обязанности, чѣмъ изъ любопытства или удовольствія. Таковъ удѣлъ диссертаций не только у насъ, но и вездѣ въ Европѣ. Поэтому во Франціи ученые нерѣдко передѣлываютъ свои диссертации вслѣдъ за полученіемъ ученой степени и пускаютъ ихъ въ свѣтъ въ видѣ болѣе свѣжемъ и литературномъ.

Между тѣмъ на составленіе этихъ диссертаций тратится много силъ и много времени. Если положить пять лѣтъ на сдачу магистерскаго экзамена и на приготовленіе, печатаніе, рассмотрѣніе и одобреніе диссертаций магистерской и докторской, то мы скорѣе уменьшимъ, чѣмъ увеличимъ средній періодъ требующагося для этой процедуры времени. Авторъ этихъ строкъ даже не знаетъ примѣра, чтобы магистерство и докторство получались въ теченіе только пяти лѣтъ или менѣе. Самъ онъ, начавши магистерскій экзаменъ осенью 1861 года, получилъ степень доктора лишь осенью 1868 года и, сколько можно припомнить, этотъ семилѣтній періодъ достиженія двухъ высшихъ ученыхъ степеней былъ, сравнительно, очень скорымъ и успѣшнымъ окончаніемъ столь труднаго у насъ дѣла. Какой же бываетъ обыкновенно результатъ этихъ усилій, по окончаніи университетскаго курса и полученіи кандидатской степени, — которую мы не беремъ въ расчетъ, какъ приобретаемую вмѣстѣ съ выходомъ изъ университета или въ скоромъ послѣ того времени, — выдержать магистерскій экзаменъ и написать двѣ ученыхъ диссертаций? Результатъ всеѣмъ извѣстный, но не завидный. Измученные этими диссертациями, обыкновенно пропадающими и для науки, и для общества, наши ученые, вмѣстѣ съ достиженіемъ профессорской должности, обыкновенно прекращаютъ учено-литературную дѣятельность, или же довольствуются мелкими трудами и замѣтками, изрѣдка помѣщаемыми въ специальныхъ и мало читаемыхъ изданіяхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что представленіе двухъ печатныхъ диссертаций, поглощающихъ силы ученыхъ въ ихъ молодые и дѣятельные годы, служитъ скорѣе причиной обдѣвнія нашей ученой литературы

важными и плодотворными трудами, чѣмъ источникомъ ея обогащенія.

Но наибольшій вредъ отъ обилія ученыхъ степеней несутъ не отдѣльные лица, которыя осуждены на мытарства экзаменовъ и представленія въ факультетъ трехъ диссертаций, и не литература, которая вмѣсто настоящихъ и полезныхъ трудовъ получаетъ нигѣмъ не читаемыя диссертациі, а сами университеты. Излишество ученыхъ степеней есть, безспорно, самая главная причина какъ запустѣнія многихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ, такъ и замѣщенія ихъ кѣмъ Богъ послалъ. Довольствуйся мы одною ученою степенью, какъ это водится въ дѣйствительно просвѣщенныхъ странахъ, напр. докторскою, или пожалуй, двумя—кандидатскою и докторскою, можно навѣрное сказать, что количество лицъ, которыя бы стали искать профессорскаго званія, у насъ вскорѣ удвоилось бы и утроилось, а со временемъ, пожалуй, и удесятерилось бы. Объ этомъ всего легче судить по медицинскому факультету, гдѣ существуетъ лишь одна ученая степень. Количество людей, получившихъ до послѣдняго времени докторскіе дипломы по медицинскимъ и хирургическимъ наукамъ въ университетахъ и въ бывшей медико-хирургической академіи, считалось ежегодно многими десятками. Ничего подобнаго не представляютъ другіе факультеты. Проходить годъ, иногда и нѣсколько лѣтъ, а на историко-филологическомъ факультетѣ того или другаго университета нѣтъ ни одного диспута на степень магистра или доктора, и это бываетъ не только въ наиболѣе слабыхъ и удаленныхъ отъ центра университетахъ. Такъ напр., въ московскомъ университетѣ въ 1880 г. не произведено ни одного магистра и ни одного доктора по всему историко-филологическому факультету. Но не многимъ счастливѣе филологическаго факультета физико-математическій и юридическій. Въ томъ же году, въ московскомъ университетѣ, по физико-математическому факультету, явились только два новыхъ доктора: одинъ по ботаникѣ, а другой по физикѣ; не болѣе двухъ докторовъ произвелъ за то же время и юридическій факультетъ: одного по государственному, а другаго по полицейскому праву. Но за тотъ же періодъ времени и въ томъ же университетѣ *десять* человѣкъ защитили докторскія диссертациі по медицинскому факультету. Скажутъ, что на медицин-

скомъ факультетѣ гораздо больше учащихся. Это правда. Но, во-первыхъ, количество студентовъ медицинскаго факультета не превышаетъ же въ пять разъ количество студентовъ, напр. юридическаго; во-вторыхъ, докторскій экзаменъ по медицинскому факультету принадлежитъ къ труднѣйшимъ, такъ какъ сдается изъ всѣхъ предметовъ факультета, а магистерскій и даже кандидатскій на другихъ факультетахъ ограничены: первый—избранною спеціальною, а второй (хотя и не вездѣ)—предметами факультетскаго отдѣленія. Обстоятельство, что на медицинскомъ факультетѣ сдается лишь одинъ экзаменъ на ученую степень и защищается одна диссертация, производитъ то, что замѣщеніе медицинскихъ каедръ въ нашихъ университетахъ обыкновенно не представляетъ никакихъ затрудненій. На каждую открывшуюся медицинскую кафедру всегда найдется въ Россіи нѣсколько претендентовъ съ полными правами: все затрудненіе состоитъ лишь въ выборѣ достойнѣйшаго или въ примиреніи интересовъ партій, которыя всегда есть на медицинскомъ факультетѣ. Нѣчто подобное этой легкости пріобрѣтенія профессорствъ непременно открылось бы и для другихъ факультетовъ вскорѣ послѣ того, какъ у насъ были бы уничтожены кандидатская и магистерская степени или, по крайней мѣрѣ, одна магистерская, если университетамъ такъ жаль разстаться съ кандидатскою, не представляющею, впрочемъ, никакихъ затрудненій для лицъ, внимательно слѣдившихъ за профессорскими лекціями.

Уничтоженіе одной изъ высшихъ ученыхъ степеней мы считаемъ самымъ настоятельнымъ дѣломъ университетской реформы, безъ котораго мы никогда не дождемся ни своевременнаго, ни удачнаго замѣщенія каедръ преподавательскими силами. Чѣмъ легче будетъ пріобрѣтеніе диплома, обуславливающаго достиженіе профессуры, тѣмъ шире будетъ кругъ людей, ищущихъ профессорскаго званія. Явится конкуренція, которая теперь для занятія каедръ по факультетамъ историко-филологическому, физико-математическому и юридическому почти совсѣмъ не существуетъ,—не та искусственная, неравная и нераціональная конкуренція, какую хотѣлъ установить «отложенный» уставъ между приватъ-доцентами и профессорами въ чтеніи лекцій, а конкуренція въ занятіи наукой, въ пріобрѣтеніи извѣстности обращающими на себя общее вниманіе трудами и учеными открытіями.

Трудами этими явятся не рутинныя диссертации, приготовляемыя для факультета, ради исполненія необходимой формальности, а такія ученые работы, которыя будутъ расчитывать на одобреніе уже значительно расширившихся ученыхъ круговъ, или же на сочувствіе образованнаго общества, если ученый имѣеть въ виду не столько движеніе науки впередъ, сколько ея широкую пропаганду и практическое примѣненіе. Каждый имѣеть право играть въ ученой республикѣ ту роль, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его таланту, особенно въ профессорскомъ званіи или при приготовленіи къ нему. Для профессора очень важно, чтобы онъ былъ сильный специалистъ, но также важно и то, чтобы его образованіе было широко и чтобы онъ могъ спеціальныя познанія передавать съ талантомъ и живостью, т. е. быть полезнымъ не только наукѣ, но и своимъ слушателямъ. Поэтому, нельзя не считать прискорбною ту, начинающую у насъ господствовать, точку зрѣнія, по которой годность лица къ профессорской должности измѣряется степенью узкости его спеціальныхъ занятій и по которой иногда невѣжественные люди, не знакомые даже съ своею наукой въ общемъ ея объемѣ, возводятся въ геніи и знаменитости. Мы помнимъ одного профессора ботаники, который не зналъ названія нѣкоторыхъ обыкновенныхъ комнатныхъ растений и даже гордился этимъ, заявляя, что онъ занимается не систематикой, а физиологіей растений. Говоримъ это къ тому, чтобы показать, какое благодѣяніе для нашихъ университетовъ можетъ представить возможность выбора преподавательскихъ силъ изъ представителей разныхъ направленій въ научной дѣятельности, изъ которыхъ каждый, стараясь превзойти своего конкуррента, будетъ стараться побороть его тѣмъ именно, чѣмъ онъ въ наукѣ чувствуетъ себя особенно сильнымъ: глубиною ли спеціальныхъ знаній, широкимъ ли пониманіемъ науки, яснымъ ли и отчетливымъ ея изложеніемъ. Во всякомъ случаѣ, только при возможности выбора изъ нѣсколькихъ претендентовъ (что теперь большая рѣдкость внѣ медицинскаго факультета) является и возможность замѣщенія кафедръ достойными представителями; а объ этой возможности выбора нельзя думать до тѣхъ поръ, пока не облегчится полученіе ученой степени, дающей доступъ къ профессорскому званію.

Читатель помнитъ нарисованную нами въ первой статьѣ картину страшно тяжелыхъ мытарствъ, какія предстоитъ теперь пройти всякому молодому ученому, добивающемуся профессорской карьеры. Главная тяжесть этихъ мытарствъ сосредоточивается въ магистерскомъ экзаменѣ и въ приготовленіи, по вкусу факультета, двухъ диссертаций. Кому, при настоящихъ условіяхъ, охота обречь себя на муку многихъ лѣтъ для того, чтобы, въ концѣ концовъ, все пропало, благодаря капризу экзаменатора по второстепенному предмету или придирчивости рецензента диссертации? Сдѣлайте у насъ пріобрѣтеніе докторской степени доступнымъ, если и не въ такой степени, какъ она доступна въ Германіи, гдѣ она можетъ обойтись даже безъ всякаго труда, то, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы лицо, добивающееся ея, не было поставлено въ безусловную зависимость отъ воли и вкуса экзаменаторовъ и рецензентовъ. Чтò будетъ тогда? А вотъ чтò: для каждаго талантливаго и трудолюбиваго учителя откроется возможность пріобрѣтенія высшей ученой степени, и многіе изъ учителей непременно воспользуются этою возможностью, или какъ средствомъ выдвинуться въ кругу своихъ товарищей и въ глазахъ начальства, или же прямо съ цѣлю перешагнуть изъ гимназіи въ университетскіе преподаватели. Пріобрѣтеніе степени доктора сдѣлается скоро нравственною потребностью и для каждаго занимающагося наукою, и какъ бы освященіемъ ученой дѣятельности. А сколько въ странѣ докторовъ, почти столько же и кандидатовъ на профессорскую должность. Положимъ, между этими, безъ особеннаго труда получившими свой дипломъ, докторами многіе и даже бôльшая часть будутъ ниже уровня профессорскихъ знаній и способностей; такіе и не попадутъ на кафедру, которая тогда дѣйствительно можетъ доставаться только лицамъ, «сдѣлавшимся извѣстными трудами по предметамъ замѣщаемой кафедры и даромъ преподаванія», какъ то значится въ уставѣ дерптскаго университета и какъ того желали бы у насъ не одни составители «отложеннаго» устава.

Замѣщеніе кафедръ даровитыми и wybranными изъ ряда конкурентовъ, а не случайными, какъ теперь, людьми, мы считаемъ кардинальнымъ пунктомъ университетскаго вопроса. Все остальное въ этомъ вопросѣ или безразлично, или можетъ быть

удовлетворительно рѣшено только при условіи созданія достойнаго профессорскаго персонала. Жалуются на недостатокъ матеріальныхъ средствъ въ нашихъ университетахъ, но никакія денежныя средства не принесутъ пользы тамъ, гдѣ ими будутъ распорядяться не стоящіе на высотѣ научныхъ требованій, таланта и сознанія долга представители преподаванія. Жалуются на охлажденіе студентовъ къ занятіямъ, на нерѣдкое предпочтеніе ими сходовъ и демонстрацій правильному посѣщенію лекцій: какъ же можетъ быть иначе, когда сплошь да рядомъ студенты не видятъ въ профессорѣ достаточнаго руководителя и по совѣсти считаютъ посѣщеніе его лекцій бесполезнымъ? Какой бы стороны дѣла мы ни коснулись, качество преподавательскихъ силъ играетъ въ университетѣ первостепенную роль: съ этимъ качествомъ стоитъ въ связи обаяніе науки, обаяніе учрежденія, въ которомъ она нашла для себя убѣжище. А чего нельзя сдѣлать въ нравственномъ отношеніи и для молодежи, и для общества съ этимъ обаяніемъ?

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что за университетами должна быть не только сохранена полученная въ 1863 году автономія, но даже увеличена. Самоуправленіе для такихъ учреждений, какъ университеты и академіи, составляетъ столь насущную потребность, что, въ этомъ отношеніи, между сколько-нибудь просвѣщенными и добросовѣстными людьми нѣтъ никакого спора ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, нигдѣ на свѣтѣ. Что такое значитъ самоуправленіе для университетовъ, это всего лучше доказываетъ исторія образованія во Франціи. Извѣстно, что Наполеонъ I, въ числѣ другихъ учреждений, пользовавшихся внутреннею независимостью, сокрушилъ и независимость университета, разбивши его на совершенно отдѣльные факультеты и подчинивши весь ихъ внутренній порядокъ вѣдѣнію министерства. И что же? Исторія французскаго университета (въ общеевропейскомъ, а не въ специально французскомъ нынѣшнемъ смыслѣ) со времени Наполеона I до основанія третьей республики, т. е. до нашего времени, есть исторія его постояннаго паденія. Дошло до того, что къ концу правленія Наполеона III сами французы стали сомнѣваться въ существованіи у нихъ высшаго факультетскаго образованія, видя постепенное паденіе обаянія французской науки въ Европѣ и

несомнѣнное превосходство университетовъ въ сосѣднихъ странахъ, въ особенности въ Германіи и Швейцаріи. По признанію безпристрастныхъ и глубоко знакомыхъ съ состояніемъ Франціи людей, какъ профессоръ Гиллебрандъ, авторъ известной книги «Frankreich und die Franzosen», если Франція, послѣ разгрома французскаго университета, не совершенно упала съ своей прежней умственной высоты, то благодаря, почти единственно, существованію нѣсколькихъ старыхъ ученыхъ учреждений, успѣвшихъ при общемъ крушеніи и сохранившихъ до нѣкоторой степени свою автономію, каковы: основанная Францискомъ I Collège de France, основанная Ришельё французская академія (Académie Française), а за ней академія надписей и изящной словесности (Académie des inscriptions et belles lettres). Не будь этихъ учреждений, въ которыхъ цѣлые вѣка процвѣтала французская наука и гдѣ она нашла необходимую для себя независимость въ то время, какъ все остальное сгибалось подъ игомъ всемогущей бюрократіи, могла ли бы Франція, предоставленная съ 1870 года сама себѣ, такъ быстро возвратить себѣ тотъ необыкновенный полетъ умственной жизни, передъ которымъ стоитъ въ изумленіи Европа? Если недостатокъ автономіи въ состояніи убить развитіе науки тамъ, гдѣ она утвердила свое существованіе процвѣтаніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, то какъ онъ можетъ отозваться въ странѣ, гдѣ наука еще находится чуть не въ пеленкахъ и гдѣ умственная жизнь еще не приобрѣла права вполне законнаго существованія, гдѣ всякая книга можетъ быть конфискована и уничтожена, куда произведенія мысли другихъ странъ доходятъ лишь настолько, насколько то позволяетъ напризная и подозрительная цензура? При такомъ положеніи вещей, лишить известной степени самостоятельности университеты,—почти единственные очаги, на которыхъ еще тлѣетъ у насъ огонь научной мысли,—значитъ отнять у Россіи на долгое время самую надежду сдѣлаться страшною просвѣщенною.

Но, пользуясь нѣкоторою степенью автономіи, университеты обязаны доказать, что эта автономія идетъ на пользу наукъ и отечественному просвѣщенію. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что время самоуправленія русскихъ университетовъ (съ 1863 года по настоящую минуту) не было временемъ

ихъ процвѣтанія. Мы даже замѣтили, что никогда наши университеты не обнаруживали такъ мало вліянія на общество, никогда не были менѣе авторитетными въ лицѣ своихъ представителей, какъ именно за этотъ періодъ. Тяжело заявить, а есть у насъ университеты, которымъ автономія пришлось словно не по плечу, гдѣ она явилась скорѣе источникомъ всевозможныхъ дразгъ, интригъ и взаимныхъ пререканій членовъ корпораціи, чѣмъ источникомъ новой и богатой научной жизни и дѣятельности. Есть на югѣ Россіи одинъ университетъ, который во все время министерства графа Толстаго добровольно лѣзъ подъ ярмо попечителя, постоянно признавая свою неспособность самому управиться съ своими дѣлами. Понятное дѣло, что идея самоуправленія не находитъ еще у насъ своего естественнаго примѣненія и что мы, даже въ лицѣ людей науки, недостаточно ею пропитаны. А если это такъ, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что мы не воспользовались правами, данными намъ уставомъ 1863 г., въ томъ смыслѣ, какъ этого требовали интересы науки и высшаго образованія. Едва ли хоть одинъ университетъ свободенъ отъ упрека, что, при замѣщеніи каеедръ, имъ не всегда руководило чувство справедливости къ лицамъ, являвшимся претендентами, что забаллотировывались лица, представлявшія наиболѣе данныхъ къ достойному представительству каеедры, и выбиралсь другія, болѣе удобныя и болѣе пріятныя большинству въ другихъ отношеніяхъ. Есть университеты, гдѣ научная сторона дѣла, при выборахъ преподавателей, всего менѣе обращала на себя вниманія и гдѣ чуть не каждый университетскій вопросъ обыкновенно служилъ поводомъ къ борьбѣ личныхъ самолюбіи и цѣлыхъ партій, причемъ въ наибольшемъ наглядѣ оставались именно интересы науки и преподаванія.

Требуется во что бы то ни стало увеличить гарантіи болѣе цѣлесообразнаго замѣщенія каеедръ. Нерѣдко случается, что факультетъ выбираетъ лицо, которое отвергается совѣтомъ, — учрежденіемъ, несравненно менѣе компетентнымъ въ выборѣ хорошихъ преподавателей. Ясное дѣло, что слѣдуетъ предотвратить возможность вредныхъ послѣдствій столкновенія двухъ учрежденій въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ замѣщеніе каеедръ достойными ихъ представителями. Въ своемъ отдѣльномъ

мнѣніи, представленномъ въ 1873 г., по поводу обсужденія со-
вѣтомъ кievскаго университета министерскаго предложенія о
перемѣнахъ въ университетскомъ уставѣ, я высказалъ мысль,
что въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ отвергаетъ рѣшеніе фа-
культета въ дѣлѣ замѣщенія кaeдры, мнѣніе его не должно
быть рѣшающимъ, а рѣшать дѣло должна высшая инстанція,
или же совѣтъ и вовсе долженъ быть устраненъ отъ баллотировки
избранныхъ факультетомъ преподавателей. Нельзя сказать, чтобы
устраненіе совѣта отъ баллотировки преподавателей было всегда
гарантіей болѣе правильнаго и удачнаго ихъ выбора; ибо бы-
ваетъ и такъ, что совѣтская баллотировка избавляетъ универ-
ситетъ отъ профессора, проводимаго факультетомъ безъ уваженія
истинныхъ интересовъ университета. Но въ огромномъ боль-
шинствѣ случаевъ совѣтское вмѣшательство въ дѣла факультета
является излишнимъ, тормозящимъ, или даже и прямо враж-
дебнымъ пользѣ заведенія. Научные интересы университета тре-
буютъ, чтобы центръ тяжести университетской жизни былъ не
въ совѣтѣ, а въ факультетахъ, въ которыхъ сосредоточивается
все, относящееся до науки и ея преподаванія. Совѣтъ есть
учрежденіе не ученое, а административное, т. е. высшая адми-
нистрація университета, автономически управляющагося; по-
этому не его дѣло класть рѣшенія въ дѣлахъ, касающихся
науки, куда относится и вопросъ о годности того или другаго
лица быть представителемъ кaeдры; компетентное сужденіе въ
такомъ вопросѣ можетъ принадлежать въ университетѣ един-
ственно факультету. Ему и книги въ руки!

Развитіе факультетской жизни, въ ущербъ прерогативамъ
совѣта, много содѣйствовало бы къ поднятію нравственнаго
уровня университетской коллегіи, ослабило бы борьбу партій и
выдвинуло для каждаго члена корпорации на первый планъ
науку и ея преподаваніе, а не борьбу въ совѣтѣ, какъ это те-
перь сплошь да рядомъ встрѣчается. Наибольшее развитіе фа-
культетской жизни и есть настоящая почва для примѣненія
началъ самоуправленія, такая почва, гдѣ всего менѣе можетъ
быть мѣста вмѣшательству внѣшней администраціи уже по при-
чинѣ ея слабой компетентности въ вопросахъ науки и препо-
даванія. Но широкая научная жизнь въ факультетѣ возможна
лишь въ томъ случаѣ, когда въ немъ есть полнота ученыхъ и

преподавательскихъ силъ, когда, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія кафедрны обставлены авторитетными представителями. А мы уже знаемъ, что, при настоящихъ условіяхъ полученія ученыхъ степеней, равно какъ и при подавляющемъ значеніи совѣта, ни полнота преподавательскихъ силъ, ни высокое качество ихъ на всѣхъ кафедрахъ—явленія недостижимыя.

Вся сущность университетскаго вопроса заключается въ хорошей организаціи преподаванія. Передъ этой стороною дѣла блѣднѣютъ всякіе другіе вопросы, касающіеся нашихъ университетовъ. Организація экзаменовъ и преобразование инспекціи надъ студентами, такъ много озабочивавшія составителей «отложеннаго» устава, въ нашихъ глазахъ имѣютъ лишь второстепенное или даже третьестепенное значеніе въ университетскомъ вопросѣ. Отдѣленію экзаменовъ отъ преподаванія, съ которымъ они до сихъ поръ связывались, хотя бы преподаватель ограничился лишь одною, и даже малою, частью науки, мы не можемъ въ принципѣ противопоставить никакого серьезнаго возраженія. Экзамены въ университетахъ дѣйствительно плохо организованы и ведутся спустя рукава, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ истинное бремя для трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ профессоровъ, отъ котораго многіе изъ нихъ искренно рады были бы избавиться. Пусть экзамены ведутся по особымъ программамъ и въ особыхъ комиссіяхъ: мѣшать этому университетамъ нѣтъ разумныхъ основаній. Отъ этого могутъ только принять болѣе правильный характеръ отношенія студентовъ къ преподавателямъ и преподавателей къ студентамъ. Одни будутъ только учить, а другіе только учиться: отношенія ясныя и, при фактической, равно какъ и при узаконенной свободѣ ученія, чисто нравственнаго свойства. Представители университетсвъ въ комиссіи по пересмотру устава, кромѣ практическихъ затрудненій найти для состава внѣ-университетскихъ комиссій по экзаменамъ достаточное число компетентныхъ экзаменаторовъ, выставляли на видъ то соображеніе, что отдѣленіе экзаменовъ отъ университетскаго преподаванія вредно отразится какъ на самомъ преподаваніи, которое тогда должно, будто бы, примѣняться къ требованіямъ экзаменаціонныхъ комиссій, такъ и на отношеніи къ профессорскимъ лекціямъ самихъ студентовъ, для которыхъ тогда будутъ важнѣе приспособленные къ новому экзамену учеб-

ники и руководства *). Не подлежит сомнѣнію одно, что, при отдѣленіи экзаменовъ отъ университетскаго преподаванія, лекціи слабыхъ или недобросовѣстныхъ профессоровъ совсѣмъ лишились бы слушателей. Но отъ этого не могло бы быть потери ни для университета, который бы сталъ строже относиться къ замѣщенію каедръ, ни для студентовъ, которые тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стали бы предаваться занятіямъ подъ руководствомъ серьезныхъ и полезныхъ преподавателей.

Что же касается вопроса о преобразованіи инспекціи надъ студентами, то это вопросъ, выдвинутый совершенно случайными и, во всякомъ случаѣ, чуждыми университетской наукѣ и жизни обстоятельствами и соображеніями, и потому существеннаго значенія не имѣющей. Никакая инспекція не окажется удовлетворительною, пока не исчезнутъ внѣ-университетскія причины волненій для студентовъ, а для обыкновеннаго порядка вещей исполнѣ достаточно и та, которая создана уставомъ 1863 года.

Собственно университетскій вопросъ въ Россіи, еще разъ повторяемъ, заключается въ лучшей организаціи преподаванія, въ такой организаціи, при которой каждая кафедра была бы обставлена наилучшими учеными и преподавательскими силами, какими наша страна обладаетъ, и обставлена полно, такъ, чтобы наука преподавалась всесторонне, преподавалась теоретически и практически. Хорошее качество этихъ силъ можетъ быть не случайно, а обиліе ихъ возможно, только при существованіи значительнаго контингента лицъ, изъ котораго университетскіе преподаватели могли бы быть выбираемы. Контингентъ же этотъ можетъ образоваться, какъ мы говорили, только при условіи сокращенія количества ученыхъ степеней, т. е. въ сущности—облегченія въ полученіи докторской степени. Какъ затѣмъ будутъ называться преподаватели, не достигшіе званія профессора,—доцентами, приватъ-доцентами, или, по старому, адъюнктами, это для дѣла не имѣетъ большаго значенія. Важно только, чтобы при кафедрѣ состоялъ не только профессоръ, но и его помощникъ, или даже нѣсколько помощниковъ. Эти помощники,—рядомъ съ которыми могутъ находиться нерѣдко и экстраординарные или сверхштатные профессора, дѣйствующіе независимо

*) См. Журналы засѣданій комиссіи и пр. № 17.

отъ главнаго профессора, излагающіе науку по своимъ методамъ и съ своей точки зрѣнія,—не только дополняютъ теоретическіе курсы представителя кафедръ, но и помогаютъ ему въ практическихъ занятіяхъ съ студентами, въ тѣхъ занятіяхъ, которыя вводятъ молодыхъ людей ближайшимъ образомъ въ науку, открываютъ предъ ними, такъ сказать, ея лабораторію. Защитники «отложеннаго» устава, пародируя нѣмецкіе нравы, желали водворить у насъ конкуренцію между профессорами и приватъ-доцентами. Конкуренція эта является большею частью фиктивною и въ самой Германіи, и есть въ сущности не научное соперничество, а погоня за гонораромъ, который для приватъ-доцента составляетъ иногда единственный источникъ существованія. Какое же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть соперничество въ наукѣ между лицомъ авторитетнымъ и лицомъ начинающимъ, если только титулованный представитель кафедры сколько-нибудь заслуживаетъ своего положенія? Всякій, кому научныя занятія знакомы не по наслышкѣ, а по собственному опыту, знаетъ, что огромная разница—заниматься наукой два-три года и заниматься ею лѣтъ пятнадцать-двадцать. Хорошее преподаваніе то, гдѣ въ каждомъ словѣ слышится строгость метода, твердость тона, вѣрное разграниченіе доказаннаго отъ недоказаннаго, точнаго отъ шаткаго и сомнительнаго. Многіе годы упорнаго труда требуются для того, чтобы разобратъся въ наукѣ и занять въ ней прочную позицію. Не таково положеніе юноши, начинающаго ученое поприще. Талантъ его можетъ привлечь къ себѣ много слушателей и вызвать увлеченіе, но вполне зрѣлое руководство ихъ занятіями начинающему преподавателю недоступно; онъ самъ еще нуждается въ руководствѣ другаго, хотя и не всегда сознается въ этомъ. Поэтому мы допускаемъ нѣкоторую пользу отъ лекцій приватъ-доцентовъ, но никогда не согласимся, что онѣ могутъ составить дѣйствительную конкуренцію преподаванію настоящаго профессора, если только этотъ послѣдній, говоримъ мы, достойно носить свое званіе. Приватъ-доценты могутъ существовать при нашихъ университетахъ, но дѣйствительную опору кафедры долженъ составлять профессоръ и его помощникъ, доцентъ или адъюнктъ, съ которымъ онъ раздѣляетъ и трудъ, и отвѣтственность за преподаваніе. Этотъ второстепенный представитель

каедры долженъ быть дѣйствительнымъ помощникомъ профессора, особенно въ практическихъ занятіяхъ, которыя могутъ имѣть мѣсто не въ однихъ естественныхъ, а и во всѣхъ другихъ наукахъ, какъ въ филологическихъ и историческихъ, такъ и въ юридическихъ. Онъ долженъ дѣйствовать по возможности въ согласіи съ профессоромъ, какъ хозяиномъ каедры, и сообразоваться съ нимъ какъ въ выборѣ предметовъ для чтенія, такъ и вообще въ ходѣ преподаванія, имѣя въ виду прежде всего славу своего университета, честь каедры, интересъ учащихся, а не тайное или явное соперничество, которое можетъ въ данномъ случаѣ послужить лишь въ ущербъ полнотѣ и правильности преподаванія. Скорѣе мы желали бы видѣть—и это было бы гораздо полезнѣе для русскаго просвѣщенія—соперничество между университетами, соперничество въ привлеченіи каждымъ изъ нихъ лучшихъ ученыхъ и преподавательскихъ силъ, соперничество въ процвѣтаніи какъ отдѣльныхъ каедръ, такъ и цѣлыхъ факультетовъ. Вотъ истинное, разумное и вполне патріотическое соперничество! Когда оно водворится у насъ, то это будетъ вѣрнымъ признакомъ, что русскіе университеты, а съ ними и русское просвѣщеніе и русская наука, вступили на путь процвѣтанія; а это процвѣтаніе умственной жизни, въ свою очередь, будетъ свидѣтельствомъ гражданской зрѣлости Россіи, твердо и бодро идущей къ исполненію своей роли въ судьбахъ рода человѣческаго *).

В. Модестовъ.

*) Въ первой статьѣ г. Модестова оказалась опечатка: на страницѣ 30-й, 10-я строка снизу, вмѣсто *Законъ*, напечатано: *Законъ*.

СУДЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Изъ дневника бывшаго мирового судьи).

Я вступилъ на судейское поприще, какъ въ лѣсъ темный; законы зналъ лишь потоплику, поколику ихъ невѣдѣніемъ запрещено отзывать, въ судахъ и тяжбахъ никогда не бывалъ, къ мировому судѣ въжалъ только въ гости. При такой подготовкѣ естественно, что я взялся за новое дѣло съ превеликимъ страхомъ, успокоивая себя тѣмъ, во-первыхъ, что отказаться не долго, какъ скоро увижу свою непригодность; а, во-вторыхъ, я такъ разсуждалъ: «Не важная же, въ самомъ дѣлѣ, штука быть мировымъ, разбирать придется дѣла все не мудрыя, мелочишку»... Далеко не то вышло на практикѣ, и я очень скоро уразумѣлъ, что нерѣдко мировому судѣ приходится разрѣшать вопросъ о послѣднемъ кускѣ хлѣба цѣлой семьи, отправлять въ тюрьму единственную ея опору.

Съ такимъ тяжелымъ приговоромъ было одно изъ первыхъ разобранныхъ мною дѣлъ; не могу не передать его. Обвинился мѣщанинъ Копильцевъ *) въ покушеніи на кражу изъ незапертаго чулана купца Торбанова; всѣ улики были ясны и неотразимы, ни усомниться, ни задуматься не надъ чѣмъ. Тѣмъ не менѣе, по непривычкѣ, объявляя приговоръ, я едва выговаривалъ слова отъ волненія.

— Мы желаемъ окончить миромъ, обратился ко мнѣ обвинитель.

— По закону этого нельзя, отвѣтилъ я.

— Ваше высокородіе, сдѣлайте милость... взмолился Копильцевъ. — Я человекъ одинокій, вдовый... четверо ребятшекъ... съ голоду, съ холоду поволюбютъ, — тоскливымъ голосомъ

*) Всѣ имена измѣнены.

говорилъ онъ, озираясь по сторонамъ растеряннымъ взглядомъ.

— По закону—не могу.

— Г. судья, упрасивалъ Торбановъ. — Сдѣлайте милость. Что же теперь, губить, что ли ихъ, ребятиншекъ-то... Кабы лѣто, побирались бы, а нонѣ холодъ, куда они годятся разутые, раздѣтые... Будьте милостивы. Я ему прощаю, ничего не ищу. Я и въ прошеніе-то вошелъ, чтобы попугать только; я вѣдь не зналъ, что острогъ будетъ, что мириться не дозволите.

— Ничего не могу сдѣлать,—настаивалъ я. — Довольны вы приговоромъ, или будете обжаловать?

— Доволенъ, отвѣтилъ Торбановъ. — Только нельзя ли? Сдѣлайте милость.

— А вы?

— Что же, и я доволенъ. Копильцевъ низко опустилъ голову.—Чего тутъ обжаловать; все по закону. Ваше высокородіе! помилосердствуйте! Если можно... чуть не рыдалъ онъ.— Бѣдность... дѣтишки-то... вѣрное слово подохнуть безъ меня... осень, самые базары, имп только и живемъ, только и заработка почитай на весь годъ...

— Г. судья,—вступился Торбановъ, — нельзя ли хоть поверменить, подождать сажать. Я его могу взять на поруки.

По моей неопытности, я совершилъ первое противозаконіе—отпустилъ Копильцева на поруки. Впослѣдствіи такія отсрочки были разрѣшены особымъ правительственнымъ распоряженіемъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а и теперь не твердо пишетъ рука такіе приговоры, не бойко языкъ выговариваетъ ихъ на судъ, и крѣпко не по себѣ бываетъ. Въ особенности смущаетъ меня предварительный арестъ. Такъ тяжело,—передать нѣтъ словъ,—какъ вспомнишь, что разъ я засадилъ несчастнаго мужиченку, обвинявшагося въ растратѣ и не могшаго представить ни поручительства, ни залога въ 20 р., — цѣна растраченнаго. Бѣдняга просидѣлъ почти мѣсяцъ въ арестантской и затѣмъ былъ оправданъ съѣздомъ. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, тридцать пройдетъ, а я не забуду этого случая, не прощу себѣ этой ошибки, которую ни исправить, ни загладить ничѣмъ невозможно. Легко сказать—мѣсяцъ кутузки, мѣсяцъ бездѣлья для

крестьянина, только и живущаго своимъ скуднымъ заработкомъ, своими руками кормящаго семью. Сдѣлано, прошло — не вернешь, а на душѣ и теперъ тошно. Неужели нельзя эту статью (125 уст. уг. суд.) смягчить, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ мѣстнымъ обывателямъ? Я не говорю о пришлыхъ и завзятыхъ ворахъ; эти, конечно, могутъ, вслѣдъ за обвинительнымъ приговоромъ, утечь и не быть никогда разысканы, а куда скроется мѣстный житель отъ дома, семьи и собственности? Между тѣмъ, сколько времени тратится на эти предварительныя сидѣнья. Въ моей арестантской одинъ молодецъ высидѣлъ подъ предварительнымъ арестомъ *одинадцать* мѣсяцевъ, а полтора, два мѣсяца идутъ заурядъ. Нѣкто мѣщанинъ Б. былъ мною приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, а въ арестантской у меня и въ сѣздѣ просидѣлъ не въ зачетъ четыре мѣсяца. Кромѣ того, всѣ эти кутузки наши только и пригодны для содержанія такихъ арестантовъ, которымъ нѣтъ надобности и охоты уходить. Къ этому вопросу мнѣ, впрочемъ, придется еще разъ возвратиться.

По поводу вообще уголовныхъ приговоровъ нельзя не припомнить указанія В. Н. Никитина («Судъ присяжныхъ въ Петербургѣ») на встрѣчающуюся въ нашихъ законахъ несоразмѣрность наказанія съ проступкомъ. Для присяжныхъ есть исходъ въ оправдательномъ вердиктѣ, въ томъ случаѣ, когда по ихъ убѣжденію кара далеко несоотвѣтствуетъ совершенному дѣянію; окружный судъ имѣетъ возможность ходатайствовать передъ высочайшею властью о смягченіи наказанія, о помилованіи. Не то въ мировыхъ судахъ:—доказанъ проступокъ формально, подходитъ подъ извѣстную статью устава о наказаніяхъ, и дѣлу конецъ—садись въ тюрьму на мѣсяцы, хотя бы все дѣло выѣденнаго яйца не стоило. Вотъ примѣръ: обвинялся желѣзно-дорожный дровокладъ въ кражѣ трехъ свинцовыхъ пломбъ, оцѣненныхъ дорожнымъ начальствомъ въ $\frac{1}{2}$ коп.; свидѣтели удостовѣрили, что эти пломбы зачастую просто бросаютъ на пути. Обвиняемый, дурковатый малый, лѣтъ 19, бурчалъ только: «не знаю... былъ пьянъ... ребятамъ на свинчатки, значитъ бабки заливать»... И такого-то почти идиота приходилось за свинчатку запрятать въ острогъ на выучку; хорошъ бы онъ оттуда вышелъ! Къ счастью, никакой кражи доказано не было. Въ томъ же родѣ и тоже недоказаннымъ было обвиненіе станціоннаго сторожа въ

кражѣ двухъ полѣнъ дровъ; на этотъ разъ острогъ грозилъ очень почтенному отставному служивому, украшенному нѣсколькими медалями. Въ подобныхъ случаяхъ, въ судѣ присяжныхъ полный просторъ «правдѣ и милости». У мирового судьи всякая вина виновата, и нерѣдко плутоватый негодяй правъ. За примѣрами ни у одного судьи дѣло не станетъ, ихъ можно привести десятки, сотни.

Иныя обвиненія просто забавны. Разъ ко мнѣ явился желѣзно-дорожный жандармъ съ молодымъ человѣкомъ, у котораго на головѣ, вмѣсто шапки, былъ повязанъ теплый шейный шарфъ. Жандармъ обвинялъ юношу въ томъ, что онъ на ходу выпрыгнулъ изъ вагона.

— Г. судья,—говоритъ юноша, улыбаясь и разводя руками,— я не зналъ, что это проступокъ. Впрочемъ, позвольте васъ покорнѣйше просить поскорѣе оштрафовать меня, а то я боюсь опоздать къ слѣдующему поѣзду—у меня спѣшное дѣло.

Жандармъ смѣется.

— Ваше высокородіе, что же ихъ держать-съ, — говоритъ онъ,—извольте оштрафовать ихъ по собственному сознанию.

— Г. судья,—пристааетъ виновный,—сдѣлайте милость оштрафуйте... Ей Богу, некогда, черезъ часъ поѣздъ, опоздаю — бѣда мнѣ будетъ...

— Вы зачѣмъ же прыгали на ходу?

— Шляпу вѣтромъ снесло, я за нею и спрыгнулъ. Поѣздъ чуть двигался, тутъ меня и схватили сторожа, а то и шляпа была бы цѣла, и я успѣлъ бы опять сѣсть.

— А что же со шляпой?

— Покатилась по платформѣ... меня держать, ну снесло на рельсы и исковеркало... Пожалуйста, г. судья, оштрафуйте. А то ужъ я знаю, вы вотъ оправдаете и пойдетъ канитель... они обжалуютъ, придутъ повѣстки... мамаша перепугается, Богъ знаетъ, что подумаетъ!.. Г. судья, сдѣлайте одолженіе... сколько прикажете?..

Жандармъ втихомолку хохочетъ, письменоводитель тоже. Потѣха, а не судъ. Юноша былъ правъ; судья другаго уѣзда оправдалъ одного такого прыгуна, и дѣло чуть ли до сената не доходило. Къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ оно разрѣшено. Одинъ изъ охранителей желѣзно-дорожныхъ порядковъ (не безпоряд-

ковъ ли?) пресерьезно увѣрялъ меня, что выходъ изъ поѣзда, остановившагося на пути, а не у платформы, есть тоже проступокъ, подлежащій суду и карѣ по закону. Мы еще спорили, когда поѣздъ остановился у станціи, гдѣ мнѣ нужно было выходить; нашъ вагонъ стоялъ саженьяхъ въ двадцати отъ платформы, и приходилось прыгать въ снѣгъ.

— Г. охранитель, — закончилъ я споръ, — какъ прикажете поступить? прошу точнаго указанія. Нарушать опасуюсь, не желаю, а выходить необходимо...

Дружный хохотъ пассажировъ заглушилъ безсвязное бормотанье блюстителя. Я спрыгнулъ на откосъ дороги и поплелся на станцію, волоча дорожный мѣшокъ.

Крестьянинъ Лоскутовъ былъ долженъ своему односельцу, крестьянину Шилкину, по роспискѣ, тридцать пять рублей; оба, конечно, неграмотные. Въ разное время Лоскутовъ уплатилъ долгъ работою, хлѣбомъ и частію деньгами, но росписки не получилъ обратно; Шилкинъ сказалъ, что затерялъ ее. Прошло четыре года, сосѣди повздорили, поссорились. Нашлись добрые люди, совѣтчики изъ грамотѣевъ, объяснили Шилкину, что росписка еще годится, только не въ его рукахъ, — такъ какъ ему пришлось бы по ней взыскивать въ волостномъ судѣ, гдѣ всѣмъ и каждому достовѣрно извѣстно, что должникъ съ нимъ давно расплатился; слѣдовательно, росписку уничтожатъ и чего добраго... доберутся до самого взыскателя. Лучше къ мировому. Сказано — сдѣлано, росписка передана по надписи мѣщанину, и судья принужденъ былъ присудить по ней вторичную уплату. Тогда Лоскутовъ обвинилъ Шилкина въ сокрытіи платежа. Толпа свидѣтелей подъ присягою подтвердила фактъ уплаты; нѣкоторые показали, что Шилкинъ предлагалъ имъ взять росписку для взысканія, причемъ высказывалъ, что она оплачена, и ему хочется только насолить Лоскутову. Такимъ образомъ, сокрытіе платежа и взысканіе вторичныхъ денегъ были доказаны несомнѣнно, и Шилкинъ былъ обвиненъ. Съѣздъ отмѣнилъ этотъ приговоръ на томъ основаніи, что оплата обязательства должна быть доказана на судѣ гражданскомъ, чего не могло быть въ данномъ случаѣ по невозможности доказывать уплату долга сви-

дѣтелями. Что-же? Правильно, только по правдѣ-ли? Въ томъ-то и горе, что нерѣдко, очень нерѣдко у насъ правда и правосудіе не сходятся, особливо въ дѣлахъ темнаго, неграмотнаго люда. Для него наши суды все еще слишкомъ формальны и письменны, и, къ сожалѣнію, становятся съ каждымъ годомъ все формальнѣе и письменнѣе. Подъ вліяніемъ канцеляризма, мировой судъ въ практикѣ далеко отклонился отъ первоначальнаго своего назначенія быть судомъ словеснымъ. Канцелярщина и бумага совершенно псказали первоначальную идею законодательства. Неужели безповоротно и навсегда?

Въ настоящее время слышатся толки о преобразованіи волостныхъ судовъ. О нихъ я надѣюсь поговорить обстоятельно въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же укажу только на странное различіе въ наказаніяхъ за кражу, мошенничество и пр., совершонныя крестьянами между собою и крестьянами у лицъ инаго сословія; въ первомъ случаѣ расправа домашними средствами по старинѣ, во-второмъ, непременно тюрьма. О тюрьмахъ много говорено и писано, даже утвержденъ проэктъ ихъ реформъ. Все это прекрасно, но все это не то. Я считаю полезнымъ и желательнымъ, во-первыхъ, всѣ дѣла о кражахъ и мошенничествахъ, безъ сословныхъ исключеній, подчинить мировому суду и, во-вторыхъ, совсѣмъ исключить изъ мпроваго устава о наказаніяхъ тюремное заключеніе—въ острогахъ. Не только возможно, но и должно устроить въ городахъ мѣста заключенія для приговоренныхъ мировыми судами особо отъ острога, подъ названіемъ хотя бы арестнаго дома. Тутъ переимѣнится не одно названіе, а вся суть. Сидѣть будутъ лица одного сорта и, самое важное, будетъ возможно устранить главный, гибельный элементъ острожной жизни—вѣчную праздность. Въ тюрьмахъ большая часть работъ невозможна по неудобству допустить рабочіе инструменты изъ боязни взломовъ, побѣговъ и преступленій. Такой опасности не можетъ предвидѣться для неважныхъ арестантовъ, высиживающихъ извѣстный, болѣе или менѣе короткий срокъ по приговорамъ мировыхъ судей. Имъ бѣжать не за чѣмъ и некуда. Въ экономическомъ отношеніи я не вижу никакихъ затрудненій. Содержаніе арестантовъ въ острогѣ ничѣмъ не окупается; въ арестномъ домѣ они могли бы оплачивать его работой и иногда выносить съ собою избытокъ зара-

ботка. Постройка помѣщеній обошлась бы недорого, во всякомъ случаѣ дешевле расширенія тюремныхъ помѣщеній;—нѣтъ никакой надобности воздвигать *зѣмки*; къ такому помѣщенію легко приспособить любой домъ, даже деревянный. Военный караулъ не нуженъ для нашихъ *сидѣльщиковъ*, какъ они себя называютъ. Объ этомъ стоитъ подумать.—А дѣти-то, дѣти! Я видѣлъ въ тюрьмѣ 12-лѣтняго мальчишку, сидящаго по приговору судьи за кражу двухъ куръ съ барскаго двора, 14-лѣтняго—за кражу ремешка.

— Ты это зачѣмъ же своровалъ? спросилъ я у послѣдняго.

— На кнуташко, былъ отвѣтъ.

Въ ясныхъ дѣтскихъ глазенкахъ свергали слезы. Что-то будетъ съ этими бѣдными ребятками? Вполнѣ-ли они понимали и понимаютъ, что надѣлали, сознавали-ли, что ихъ ждетъ острогъ, а не пучекъ крапивы, которымъ бы они и отдѣлались, еслибы стащили курицу и ремешокъ у крестьянина, а не у «иносословнаго» лица. Боже мой! да развѣ ребятишки только плохо понимаютъ у насъ... Мнѣ пришлось приговорить одного мѣщанина къ 3-мѣсячному тюремному заключенію за обманъ при расчетѣ платежа, т. е. по просту за то, что онъ обесчиталъ крестьянина на 6 рублей. Мѣщанинъ, богатый, торгующій не на одну тысячу, былъ такъ удивленъ приговоромъ, что долго не хотѣлъ вѣрить въ его серьезность; когда же, наконецъ, пришлось убѣдиться, что съ нимъ не шутятъ, то пренаивно воскликнулъ: «Какъ же теперь торговать! Это, значитъ, всѣ дѣла бросать надо, а не то и не выходи изъ острога... Дозвольте, г. судья, мнѣ съ этимъ подлецомъ помириться, я его вполнѣ ублагодворю».

— Мириться нельзя, отвѣтилъ я. — А вотъ, если не желаете отправляться подъ арестъ, то благоволите представить залогъ.

Аханью и удивленію мѣщанина, знатока російской коммерціи, конца не было. Потѣшно онъ распорядился съ своимъ адвокатомъ изъ мелкотравчатыхъ: привезъ онъ его изъ губернскаго города и договорилъ за 50 р. въ этомъ дѣлѣ *выблнить*, а пока оно протянется, орудовать другія его дѣла по взысканіямъ, жить же и кормиться въ домѣ кліента. Для вѣрности мѣщанинъ отобралъ у адвоката паспортъ. Когда съѣздъ утвердилъ приговоръ, адвокатъ добросовѣстно исполнилъ обязатель-

ство, подалъ кассационную жалобу и спросилъ паспортъ для отъезда во свояси.

— Нѣтъ, говоритъ коммерсантъ, — отдай-ка тебѣ видъ, тогда и поминай какъ звали. Сенатъ-то, самъ говоришь, отмѣнить и передастъ въ другой сѣвздъ, а тебя и искать негдѣ будетъ. Погоди, другъ сердечный, у меня такъ просто не сорвешься...

И не сорвался адвокатъ; долго сидѣлъ онъ у кліента, по случаю отобранія вида на жительство и, наконецъ, съ тоски и бездѣлья, запилъ мертвую чашу.

Со времени введенія «патентовки» частныхъ повѣренныхъ, вольнопрактикующіе охочіе люди почти совершенно перевелись. Всѣ оставшіеся безъ свидѣтельствъ молодцы обратились къ иной дѣятельности; одного я встрѣтилъ поваромъ, плохимъ впрочемъ, другой сидитъ въ кабацѣ прикащикомъ, нѣкоторые совсѣмъ исчезли. Всѣ они пописываютъ изподтишка кое-какія кляузы, но въ судахъ уже не показываются. Впрочемъ аферисты, писатели кляузъ, еще не особенно вредный народъ, а такъ больше надѣдливы, и довольствуются малымъ, отъ двугривеннаго до рубля; патентованные дороже, безъ «трѣшницы» пера въ руки не берутъ, нельзя же—фраками обзавелись, поношенными, конечно. Мнѣ пришлось познакомиться съ инымъ, болѣе опаснымъ видомъ чужездныхъ. Вотъ какую они изобрѣли хитрую штуку:— задолжаетъ крестьянинъ кому нибудь рублей сотню или мѣтѣ, является аферистъ.

— Хочешь, дядя Митяй, я тебя освобожу отъ долга? предлагаетъ онъ задолжавшему, за косушкою водки.

— Ничего-бы... соглашается дядя Митяй.

— Подпиши дворъ и все имущество на меня. Пускай-ка тогда взыщутъ.

Слѣдуетъ приличная выпивка, увѣренія въ дружбѣ и вѣрности дѣла, затѣмъ поѣздка къ нотариусу; въ результатъ получается гербовый листъ съ прописаніемъ, что все до ложки дяди Митяй продалъ дворянину N и деньги сполна получилъ. Съ этимъ листомъ N является къ судѣ и предъявляетъ требованіе объ отобраніи у Митяя проданнаго имущества. Митяй сознаетъ продажу и проситъ только дозволить малое время пожить въ проданномъ домѣ. Судья присуждаетъ передать имущество покуп-

щику и выдаетъ исполнительный листъ; съ нимъ въ рукахъ, при содѣйствіи судебного пристава, Н дѣлается фактическимъ владѣльцемъ Митяева дома и движимости, а Митяй ставовится квартирантомъ, точно въ меблированныхъ комнатахъ. Кредиторъ, ничего не подозревая, начинаетъ взысканіе съ Митяя; продѣлывается вся процедура до описи имущества включительно. Тутъ то и является Н третьимъ лицомъ и неотразимо доказываетъ, что все принадлежитъ ему, а у Митяя, кромѣ рваного зипуна, ничего нѣтъ. Кредиторъ остается при печальномъ интересѣ. А дядя Митяй? Годикъ поживаетъ себѣ ничего, благодарить Н за выручку, другимъ указываетъ, и другіе попадаютъ въ ту же ловушку; а потомъ и Митяй, и эти другіе дѣлаются временно-обязанными данниками ловкаго избавителя отъ долговъ. Похоже на сказку, а я могу указать десятки такихъ дѣлъ; достоверно знаю, что до сихъ поръ продѣлывается то же. Въ моемъ участкѣ угомонились, — я припугнулъ прокуроромъ, — струсили. Но толку въ этомъ немного, то же самое дѣлается еще болѣе упрощеннымъ и удешевленнымъ способомъ, помимо меня, при помощи 30 статьи устава гражд. судопроизводства. (По этой статьѣ, какъ извѣстно, мировой судья можетъ принять къ своему разсмотрѣнію «всякій споръ и искъ гражданскій, если обѣ тяжущіея стороны будутъ просить его о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти»).

Являются мѣщанинъ и крестьянинъ.

— Что вамъ нужно?

— Къ вашему высокородію разобратъсь по 30 статьѣ, объясняетъ разбитная поддѣвка.

— О чемъ же это вамъ желательно разобратъсь.

— Да вотъ онъ состоитъ мнѣ долженъ 3,000 р., — такъ по 30 статьѣ-сь...

— Вы должны? обращаюсь я къ крестьянину.

— Стало, теперъ долженъ... нерѣшительно мямлитъ зипунъ.

— А должны—такъ отдайте.

— Ишь нечѣмъ... потому, какъ у меня земля, ну, такъ мы того...

— То есть, ваше в-діе, вступается мѣщанинъ,— они мнѣ задолжали, значить, 3000 р., такъ вотъ-сь эту землю съ аукціона... просимъ разобратъ и выдать исполнительный листъ...

— Чего же тутъ разбирать? Никакого спора нѣтъ, стало быть и разбирать нечего.

— Это онъ только такъ сказалъ, ваше высокородіе... Онъ можетъ оспаривать, начинается путаться поддѣвка.

— Ну, вы впередъ сговоритесь. Васъ сколько братьевъ? обращаюсь я къ крестьянину.

— Трое...

— Давно въ раздѣлѣ?

— Годовъ пять будетъ.

— Земли сколько?

— Тридцать четвертей.

Это около девяноста десятинъ.

— Записана по владѣнной записи вся за вами однимъ?

— Стало быть, за мною.

— Ну, такъ ступайте домой и стыдитесь грабить братьевъ,— передъ Богомъ грѣхъ и передъ людьми стыдно будетъ. А не то и подъ судъ за такія дѣла попасть можете.

Выпроводилъ я молодцовъ. Но, увы, ни грѣха не боятся, ни стыда, ни страха не имѣютъ; отъ меня они отправились въ другой уѣздъ, тамъ разобрались «по совѣсти», и мѣщанинъ приобрѣлъ на аукціонѣ всѣ тридцать четвертей. Двое братьевъ, въ ущербъ которыхъ совершена мошенническая сдѣлка, превратились изъ богатыхъ крестьянъ въ нищихъ. Приходили они ко мнѣ выть о своей бѣдѣ. Я отправилъ ихъ къ порядочному адвокату; не знаю, что изъ этого выйдетъ, навѣрное же можно сказать, что адвокату—хлѣбъ, а мужицкая мошна захудаетъ.

Въ другой разъ пожаловали ко мнѣ, съ подобною же просьбою, помѣщикъ и крестьянинъ. Я тоже отказалъ, баринъ обидѣлся.

— Вы-съ, г. судья, напрасно такъ поступаете. Я законъ самъ хорошо знаю,—заявилъ онъ.

— Вамъ и книги въ руки. А разбирать я все-таки не стану.

— Почему-съ?

— Потому, что это сдѣлка, клонящаяся къ ущербу третьихъ лицъ, и я не желаю освящать ее именемъ и силою закона.

— На васъ можно жаловаться.

— Конечно, можно.

— Знаете, что это такое по закону? Это-съ отказъ въ правосудіи!

— И чудесно. Вы пожалуйста, тогда и выяснится, что это такое, а, быть можетъ, выяснятся характеръ и цѣли вашей сдѣлки.

Баринъ уѣхалъ и не жаловался.

Еще разъ входитъ дама въ шиньонѣ, въ шляпѣ съ перьями, выпивши; за нею супругъ съ форменною фуражкою въ рукѣ, тоже не изъ самыхъ трезвыхъ, и купецъ, ихъ родственникъ, совсѣмъ пьяный.

— Г. судья, объясняетъ дама, позвольте мнѣ получить исполнительный листъ.

— По какому дѣлу?

— Вотъ съ ними, она указываетъ на купца.—Мы желаемъ въ двѣнадцать или въ пятнадцать тысячъ.

— Это по 30 статьѣ, догадался я.—Извините, не могу.

— Почему-съ? вступается супругъ.

— Я не разбираю такихъ дѣлъ.

— Всѣ разбираютъ, и вы должны-съ...

— Такъ вы и обратитесь къ тѣмъ, кто разбираетъ.

— Помилуйте, г. судья, когда же тутъ? жалобно выговариваетъ пьянымъ языкомъ купецъ.—Послѣ завтра торги... что же это будетъ?—разорять... совсѣмъ разорять...

Уѣхали и эти безъ исполнительнаго листа. Такъ я во все мое судейство ни разу не разбиралъ *по совѣсти*. Полагаю, что уничтоженіе 30 статьи будетъ встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Въ разговорѣ со мною предсѣдатель одного окружнаго суда назвалъ ее темнымъ пятномъ на нашихъ судебныхъ уставахъ, и онъ совершенно правъ. Я видѣлъ въ рукахъ полнѣйшаго пролетарія исполнительный листъ въ 10,200 руб., представленный ко мнѣ для расчета кредиторовъ, причемъ дѣйствительнымъ займодавцамъ пришлось получить по 6 коп. за рубль. Одинъ изъ нихъ горько плакалъ, когда ему отсчитали 24 рубля за его кровные 400, единственный плодъ многолѣтнихъ сбереженій. Знакомый мнѣ судья въ крупномъ торговомъ городѣ такъ разлакомилъ купцовъ исполнительными листами въ десятки тысячъ, что къ нему явились съ требованіемъ чудо-

дѣйственной бумаги на *милліонъ*! Онъ струсилъ и отказалъ. Напрасно, валяя бы до милліарда, бумага все терпитъ...

Гражданскія дѣла у деревенскихъ судей возникаютъ въ довольно правильной періодичности: въ январѣ и февралѣ взысканія по роспискамъ,—это платежи къ Николѣ, Рождеству и къ масляницѣ; въ маѣ и сентябрѣ дѣла о возстановленіи владѣній; въ іюлѣ и августѣ взысканія за неисполненныя работы и о принадлежности описанныхъ имуществъ, по преимуществу хлѣба.

Съ мелкими росписками происходитъ въ большинствѣ случаевъ простое водотолченіе; онѣ подаются ко взысканію часто для того только, чтобы должникъ получилъ отъ судьи повѣстку. Тогда росписка переписывается съ приращеніемъ самыхъ безбожныхъ процентовъ, и истецъ, и отвѣтчикъ успокоиваются до новаго срока; тогда опять продѣлывается то же самое и такъ до тѣхъ поръ, пока долговое обязательство не выростетъ до крупной суммы, которая, наконецъ, присуждается займодавцу; выдается исполнительный листъ, и происходитъ окончательный разгромъ должника или переходъ его въ кабалу къ благодѣтелю, какъ говорено выше; во всякомъ случаѣ одною семьею нищихъ становится на Руси больше. Я лично могъ прослѣдить возрастаніе росписки отъ 40 руб., въ три года, до 180 руб. посредствомъ 6 или 7 переписокъ; это случай не исключительный, а заурядный. Въ моемъ участкѣ проживаетъ нѣсколько деревенскихъ банкировъ-пьявицъ, представителей всѣхъ безъ исключенія сословій. Въ десятокъ лѣтъ они составили этимъ путемъ довольно крупныя состоянія въ деньгахъ и въ землѣ, пустивши по міру сотни крестьянскихъ семействъ. Чего только не продѣлываютъ искусники-обиралы съ нашимъ мужикомъ, и чего-чего продѣлывать надъ собою не помогаетъ имъ самъ мужикъ по своей простотѣ, неграмотности и непониманію, иногда подъ гнетомъ нужды безысходной, по большей части подъ вліяніемъ спаиванія и нерѣдко соблазненный на мошенническую продѣлку, отъ которой самъ же гибнетъ потомъ.

Государственные крестьяне получили въ 64 году владѣнныя записи на свои земли. Не только вначалѣ, но и до сихъ поръ

они не понимаютъ, что это за штука. Сами составители записей едва-ли понимали, что дѣлали; по крайней мѣрѣ, они не потрудились объяснить крестьянамъ значенія этихъ записей. Отъ этого произошла невообразимая путаница, на которую давно пора бы обратить вниманіе и распутать ее, не то и распутывать будетъ поздно, а пожалуй и нечего,—ловкіе люди все разберутъ и къ рукамъ приберутъ. Весьма желательно, чтобы мой слабый голосъ дошелъ до кого слѣдуетъ. Дѣло вотъ въ чемъ: при составленіи владѣнныхъ записей никто не потрудился удостовериться въ томъ, что извѣстный земельный участокъ, или извѣстное количество земли принадлежитъ именно тому лицу, за которымъ записывается, а отмѣчались участки какъ попало, по подворнымъ спискамъ на сходахъ, куда являлись сынъ за отца, братъ за всѣхъ братьевъ, дядя за племянниковъ, даже опекунъ за опекаемыхъ... словомъ, кому вздумалось. Въ списокѣ выставлялся номеръ по порядку, вписывалось случайно сказанное имя, отмѣчалось количество земли, слѣдующая съ нея подать, и конецъ дѣлу. Скоро, просто и... прескверно. Послѣдующіе переходы, по наслѣдству, по раздѣламъ и т. под., нигдѣ не отмѣчались. Въ настоящее время всѣ эти списки не вѣрны съ дѣйствительностью и ровно никуда не годятся. Все дѣло необходимо передѣлать съизнова, но только правильнымъ порядкомъ, какъ можно скорѣе и не жалѣя расходовъ.

Вслѣдствіе этой путаницы и осложненій ея уступочными актами между крестьянами, арендными и разными сдѣлками съ кулаками, возникаетъ масса дѣлъ о возстановленіи нарушенныхъ владѣній... Вообще очень мудро разбирать дѣла о нарушеніи владѣній крестьянскими землями, подвергающимися частымъ передѣламъ, причѣмъ владѣльцы обмѣниваются участками, уступаютъ ихъ другъ другу на одинъ или на нѣсколько постѣвовъ, иногда за уплату только податей; все это на словахъ или по безграмотнымъ запискамъ, въ кабакѣ, за выпивкой, послѣ которой иногда стороны и свидѣтели не помнятъ толкомъ подробностей сдѣлки; въ памяти остаются одни магарычи. Къ довершенію путаницы, въ дѣло вмѣшивается вездѣсущій кулакъ, снявшій спорный участокъ въ наемъ или у одного изъ тяжущихся, или у схода за неплатежъ податей. Такія дѣла невозможно окончить миромъ, всѣ считаютъ себя правыми; разсудить

же по правдѣ крайне трудно, приходится иногда доискиваться до настоящаго владѣльца не за шесть мѣсяцевъ назадъ, какъ указано закономъ, а за нѣсколько лѣтъ, такъ какъ фактически земля находилась въ рукахъ съемщиковъ. Разобрать въ одно засѣданіе всю эту путаницу почти никогда нельзя, тяжущіеся стороны указываютъ на новыхъ свидѣтелей, они являются и оказываются совсѣмъ не свидѣтелями, а третьими лицами. Втолковать крестьянину значеніе «третьяго лица» рѣшительно невозможно, по его мнѣнію,—все свидѣтель. И вотъ-вотъ по второму, по третьему вызову разъяснится дѣло и явится возможность твердо и опредѣлительно сказать, кто кого изобидѣлъ захватомъ, и «судильщики» (если между ними нѣтъ кулака-мѣщанина) уходятъ успокоенные и довольные. При такихъ обстоятельствахъ, обжалованія бывають рѣдко; вся суть заключается въ томъ, чтобы доискаться правды «по Божьи», хотя бы съ отступленіемъ отъ строгаго соблюденія всѣхъ судопроизводственныхъ порядковъ, формъ и обрядовъ. Нашъ народъ не знаетъ ихъ, не понимаетъ и просить только суда и правды, до которыхъ не умѣетъ, а иногда не можетъ добраться. Изъ множества случаевъ припомню одинъ. Приходитъ ко мнѣ баба.

— Ты, батюшка, будешь судья?

— Я тетенька. Что тебѣ нужно?

— Вишь ты, родимый, я къ тебѣ изъ своихъ изъ обидовъ... Начинается длинный и безсвязный рассказъ о томъ, что, при семейномъ раздѣлѣ, ее съ малолѣтними дѣтьми кругомъ обобрали и оставили не причемъ.

— Я тебѣ, тетенька, не могу помочь. Ты должна жаловаться сходу, старикамъ.

— Жалилась, кормилецъ, во-какъ жалилась. Они мнѣ разсудку не даютъ.

— Ты на нихъ жалуйся въ крестьянское присутствіе. Знаешь, въ городѣ?

— Ходила, родимый, и туда жалилась. Ничего толковъ нѣту. Ужъ куда-куда я не ходила... была и у слѣдственника, и въ земской управѣ... нѣту толковъ. Прослышала это я про сиротскій судъ, думаю:—сирота я, стало, тотъ судъ по мнѣ будетъ. А и тамъ отказъ, онъ вишь для мѣщанъ... Теперь, окромя тебя, некуда.

— Ну, я твоего дѣла разбирать не могу, у васъ свое начальство, свои судьи.

— Куда же теперь идти? Ахти, Господи!.. Понадѣлали этихъ судовъ и конца въ нихъ не сыщешь... Будь отецъ родной, разсуди хоть ты по Божьи, завопила вдругъ баба и повалилась въ ноги.

— Не могу я, тетенька, мнѣ не указано эти дѣла судить.

Кое-какъ я уговорилъ ее встать.

— Куда-же теперь жалиться? Съ голоду что-ли помирать съ сиротами!.. съ отчаяніемъ, почти со злостью говорила баба.

— Говорю же тебѣ, ступай къ непремѣнному члену. Знаешь его?

— Была я у его... нѣтъ толковъ... моихъ рѣчей не принимаетъ. А болѣ мнѣ некуда?

— Можешь жаловаться губернскому присутствію, къ самому губернатору.

— И до него пойду... пойду, пойду, куда хошь пойду... по міру пустили... съ ребятишками... И-и, Господи! И судовъ этихъ только понадѣлали... ворчала себѣ подъ носъ баба, выходя въ прихожую.

Такъ-то путешествуетъ темный людъ по судамъ, прося и умоляя разсудить «по Божьи», а тѣмъ временемъ пропускаются сроки, о которыхъ крестьяне понятія не имѣютъ и иногда не вѣрятъ даже, что можно проиграть самое правое дѣло за пропускомъ одного дня. А въ сущности не мудрено и просто было бы помочь народу, создавъ единство суда.

Взысканія съ крестьянъ денегъ, забранныхъ впередъ подъ полевые работы, и неустоегъ за неисполненіе работъ значительно убавились со времени распоряженія, стѣснившаго продажу крестьянскаго имущества. Эта прекрасная мѣра скоро принесетъ свои плоды и придержитъ развитіе кабалы на крестьянъ, грозившей со временемъ превратиться въ нѣчто, похожее на крѣпостное право, даже худшее, быть можетъ. Но и эта мѣра—обоюдоострая и бьетъ «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Крестьяне и, въ особенности, батраки забираютъ деньги впередъ при наймѣ,—безъ этого нельзя нанять,—и въ самое горячее рабочее время оставляютъ

наимателей и уходить на поденщину. Судись—не судись съ ними, а взять съ нихъ нечего. Сколько разъ бывало, что прїѣдетъ ко мнѣ сосѣдъ-помѣщикъ съ заявленіемъ иска противъ сбѣжавшихъ рабочихъ, насчитываетъ на нихъ десятки, сотни рублей за прогулъ и уходъ.

— Толку-то что же будетъ? вопрошаешь сосѣда.—Присужу я вамъ эти деньги, и все-таки вы ничего не получите. Продать у нихъ нечего.

— Какъ нечего? удивляется взыскатель.—У нихъ лошади есть, хлѣбъ, домъ...

— Нельзя продать, лошадь у каждаго одна,—и т. далѣе объясняешь всѣ причины.

— Заставьте отработать...

— Тоже невозможно...

Покачаетъ головою хозяинъ, разведетъ руками, плюнетъ иногда съ досады: «а ну ихъ къ чорту!»—тѣмъ и покончить. А хозяйство страдаетъ, страдаетъ и кредитъ крестьянскій; землевладѣльцы перестаютъ давать деньги подъ работы, и крестьяне волей-неволей попадаютъ въ лапы деревенскихъ банкировъ, умѣющихъ обходить всякій законъ при наученіи и содѣйствіи благопріятелей нотаріусовъ. Есть у насъ... т. е. *могъ бы быть* сравнительно дешевый мелкій кредитъ для крестьянъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, но... на нашемъ черноземѣ самые лучшіе злаки получаютъ способность быстро перерождаться въ плевелы и тернія, благодаря умѣнью кулаковъ захватывать въ свои руки ихъ воздѣлываніе.

Въ дѣлахъ о принадлежности имущества, описаннаго за чужой долгъ, главная задача состоитъ въ томъ, чтобы разобрать и понять, въ чемъ собственно заключается самая суть, т. е. кто тутъ кого норовитъ «обработать», должникъ взыскателя, или взыскатель въ союзѣ съ должникомъ—третье лицо. По большей части это самое обработываніе и составляетъ основу всего дѣла. Затѣмъ дѣло усложняется страннымъ отношеніемъ другъ къ другу сторонъ: отвѣтчиковъ два—взыскатель и должникъ; они составляютъ одну сторону, тогда какъ интересы ихъ совершенно противоположны,—взыскателю нужно доказать, что все, описанное имъ, принадлежитъ должнику, а должникъ весьма часто хлопочетъ, чтобы имущество было признано при-

надлежащимъ противной сторонѣ, на которой, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ отецъ, мать или жена, или пріятель ради выручки изъ бѣды. Истецъ говоритъ: «имущество мое»; одинъ изъ отвѣтчиковъ подтверждаетъ то же самое; происходитъ путаница, увеличивающаяся разными росписками и фиктивными сдѣлками, а подчасъ и свидѣтельскими показаніями, удивительными до невѣроятія.

На нѣкоего Трофима Кученева, отставленнаго сельскаго старосту, былъ сдѣланъ значительный начетъ. Трофимъ заблаговременно продалъ свой домъ, движимость частью тоже распродалъ, частью перетащилъ въ домъ отца. За начетъ на Трофима описали разное имущество старика Сергѣя Кученева, нежилой срубъ, бревна, кое-какую движимость. Сергѣй доказываетъ, что все описанное принадлежитъ ему, а не сыну; Трофимъ, конечно, утверждаетъ тоже. Повѣренный общества—зыскатель говоритъ весьма основательно: «Г. судья, еслибы Трофимъ не былъ домохозяиномъ, то не могъ бы и въ старостахъ ходить; стало быть, домъ его, и все *имущество* при домѣ состоятъ. А Сергѣй, старикъ ветхій, онъ давно отклонился, все сыну передалъ и годовъ десять на сходѣ не былъ».

— Ваше благородіе, возражаетъ Трофимъ своему соотвѣтчику,—я, такъ точно, ходилъ въ старостахъ и домохозяиномъ былъ, да послѣ того домъ и все прочее продалъ. Теперича живу у отца, все равно какъ въ работникахъ.

— Это вѣстимо, подтверждаетъ старикъ Кученевъ.

Начинается допросъ свидѣтелей.

— Чей домъ и кто хозяйствуетъ?

— Домъ, онъ... кто-е знаетъ, отвѣчаетъ первый свидѣтель.

— Какъ же вы не знаете, живя въ одномъ селѣ, Трофимъ ли хозяинъ дома, или старикъ?

— Видно, теперича будетъ Трушка...

— Это какъ же такъ? вступаетъ Трофимъ.—Домъ чей? Стариковъ... Мой-то гдѣ? Аль не знаешь? Съ тобой магарычи пили, какъ я его кумъ—Кузькѣ продалъ...

— Магарычи пили, это точно; а домъ Трушкинъ, настаиваетъ свидѣтель.

— Почему вы полагаете, что онъ Трофимовъ, а не Сергѣевъ? спрашиваю я.

— Сергѣю гдѣ?.. Допрежъ его былъ, точно... А теперь гдѣ ему, онъ старикъ изошлый...

— Что это значить—изошлый?

— Такъ значить, гдѣ ему дядѣ Сергѣю-то... на печи сидѣть. Гляди на него... куда онъ годится? Изошлый вовсе...

— Срубъ противъ дома чей? Лѣсъ тамъ за срубомъ?

— Его же, извѣстно, Трушкино... Дядѣ Сергѣю гдѣ... какой онъ...

— Въ домѣ у нихъ кто большой? Кто распоряжается?

— Въ дому-то?.. Въ дому, кто ихъ знаетъ... а на счетъ въ хозяйствѣ, гдѣ ему... все больше Трушка, и въ полѣ Трушка.

Другой свидѣтель.

— Чей домъ? Кто хозяйствуетъ?

— Хозяйствуетъ Трофимъ, а домъ стариковъ—онъ родитель. Трофимъ что!.. свое-то все спустилъ, да къ старику и вшолъ опять. Накошлялъ вотъ, теперь и старика-то ввязываетъ.

— Срубъ чей, лѣсъ, лошади?..

— Да стало, какъ старикъ живъ,—онъ родитель,—стало до-кеда его и будетъ. А Трофимъ-отъ, гдѣ ему... свидѣтель махаетъ рукою на бывшего старосту. — Доколѣ при родителѣ, до тѣхъ поръ и житель. Онъ тоже знаешь, каковъ есть...

Третій свидѣтель.

— Чей домъ? Кто хозяинъ?..

— Вотъ онъ. Свидѣтель тычетъ пальцемъ въ сторону Трофима.

— А не Сергѣй?

— Ну... гдѣ ему...

— Такъ, стало быть, чье-же имущество?

— Да, стало быть, тоже Трофимово докуда... Только малость старикъ его содержитъ... (т. е. удерживаетъ отъ пьянства), а умри теперича старикъ, все рѣшено...

— Стало быть, по вашему разсужденію, имущество это надо продать за Трофимовъ долгъ, что онъ на себя наворочалъ?

— За Трофимовъ-то? Нѣтъ, это, ваше благородіе, не приходится... потому докудова все-таки старикъ... у нихъ семей-

ство. Трофимъ, какъ наворочалъ, такъ и пушай раздѣлывается...

И такъ далѣе.

Кажущаяся нелѣпость этихъ свидѣтельскихъ показаній только кажется такою нелѣпою; въ сущности же въ нихъ есть свой смыслъ, затемненный для насъ тѣмъ, что мы говоримъ съ крестьянами на разныхъ языкахъ, живемъ и думаемъ по разному, и не понимаемъ другъ друга. Чей на самомъ дѣлѣ домъ Кученевыхъ и прочее имущество? Очевидно, общее, всей семьи; хозяйствуетъ и распоряжается всѣмъ Трофимъ, а *содерживаетъ* его старикъ, *изошлый* Сергѣй, годный только на печкѣ лежать да обуздывать пьянство сына. Трофимъ и на сходъ ходитъ, и всѣмъ орудуетъ, но все это онъ дѣлаетъ не самъ по себѣ, не отъ своего лица, а за старика; очень возможно, что даже въ приговорахъ вписывается не его имя, а стариково. Это чуть-ли не повсемѣстный обычай. Въ бытность мою мировымъ посредникомъ въ другой губерніи, я разъ встрѣтилъ бабу съ бляхою сотскаго на груди и съ бадикомъ, символомъ власти, въ рукѣ. Она ходила сотскимъ за мужа, ушедшаго на заработки въ Крымъ по паспорту. У мировыхъ судей часто можно встрѣтить въ качествѣ обвиняемаго не то лицо, которое привлечено къ отвѣту,—отца вмѣсто сына и наоборотъ. У моего товарища, судьи другаго участка, былъ такой случай: онъ приговорилъ за что-то одного крестьянина подъ арестъ. Обвиняемый остался доволенъ приговоромъ, и судья приказалъ отправить его въ арестантскую; тогда обвиненный крестьянинъ сталъ отпрашиваться домой.

— Ваше благородье, вы мнѣ дозволейте отлучиться, я приплю старика сидѣть.

— Какого старика? удивился судья.

— Своего старика, сирѣчь родителя.

— Этого нельзя, судья разсмѣялся. — Вы виноваты, вы и отсидите, а не родитель.

— Да оно и виноватъ-то родитель; я только на судѣ за него стоялъ, какъ ему не время, а ужъ сидѣть, пусть самъ сидитъ, я не согласенъ.

Во все время суда ни обвинитель, ни свидѣтели ни словомъ не обмолвились о томъ, что въ отвѣтъ не то лицо. Для нихъ это дѣло обычное, пришелъ не чужой, не наемный аблакатъ, а родной сынъ за отца,—*все едино* значитъ.

По согласію, пожалуй, и отсидѣть могъ бы.

Въ дѣлахъ о принадлежности описаннаго за чужой долгъ имущества, огромное затрудненіе для тяжущихся, въ особенности для истцовъ, представляетъ раздѣленіе подсудности этихъ дѣлъ между мировыми и общими судами. Какъ ни будь мала цѣнность описанной недвижимости, дѣло о ея принадлежности относится къ вѣдѣнію окружнаго суда; владѣлецъ хаты, амбарушки, курника, для предотвращенія продажи ихъ за чужой долгъ, вынужденъ ѣхать за сотни верстъ въ губернской городъ, тратить деньги на дорогу, на наемъ повѣреннаго, на всякіе судебные сборы и пошлины. Такія деньги могутъ найтись только у зажиточныхъ крестьянъ, у богачей; самый же предметъ спора часто стоить меньшую сумму, чѣмъ затрата на судъ о немъ. Нѣкоторые земства ходатайствовали о подчиненіи такихъ дѣлъ мировому суду; очень желательно, чтобы такія ходатайства увѣнчались успѣхомъ. Препятствій къ тому, на мой взглядъ, не предвидится, такъ какъ третье лицо,—въ этомъ случаѣ, истецъ—должно доказать лишь свое фактическое владѣніе спорнымъ предметомъ, и суду предстоитъ удостовѣриться лишь въ фактѣ владѣнія, не касаясь самаго права *), что совершенно доступно мировому суду и удобнѣе сдѣлать на мѣстѣ. Для измѣненія подсудности въ указанномъ смыслѣ, даже новаго закона не требуется; достаточно кассационнаго разъясненія сената; въ существующихъ законахъ и въ предшествовавшей кассационной практикѣ имѣются къ тому основательные мотивы.

Дѣла о потравахъ рѣдко доходятъ до суда, въ большинствѣ случаевъ все кончается, по домашнему, загономъ скота и выкупомъ, безъ особенныхъ формальностей, иногда съ руганью и выпивкою въ заключеніе; иногда доходитъ до побоища и насильственнаго угона скота; тогда дѣло изъ гражданскаго превращается въ уголовное.

Уголовныя дѣла у мировыхъ судей раздѣляются на два главныхъ вида: 1) между частными лицами и 2) по обвиненію администраціею и казенными управленіями.

*) См. рѣшенія гр. касс. д-та сената № 232 — 1876 г. и № 295—1877 г.

Большинство дѣлъ перваго рода составляютъ оскорбленія словами и иногда дѣйствіемъ, т. е. сначала поругаются, а закончатъ въ рукопашную. До постановленія приговора, судящіеся мирятся не охотно, ждуть, какое будетъ назначено наказаніе, чтобы съ нимъ соразмѣрить запросъ и предложеніе для мировой. Рѣзкаго разграниченія между обидою и клеветою простой народъ не можетъ себѣ уяснить такъ же, какъ не понимаетъ разницы между «оскорбленіемъ» и «насиліемъ». Повелось сначала всякіе побои, даже совсѣмъ не легкіе, называть обидою; такъ и ведется. Въ этомъ заключается главная причина, почему у насъ мало дѣлъ о клеветѣ и почти совсѣмъ нѣтъ дѣлъ о насиліи. Въ мою службу, впрочемъ, одинъ тарханъ выдумалъ новый, небывалый видъ клеветы; онъ подалъ мнѣ жалобу «на причиненіе ему клеветы дѣйствіемъ, *посредствомъ* обысканія его воза, *посредствомъ* сотскаго, отъ чего его торговый промыселъ можетъ прійти въ униженіе». Въ дѣлахъ объ обидахъ большая часть прошеній представляетъ такіе же курьезы, напримѣръ: «учинилъ надо мною оскорбленіе дѣйствіемъ, ударомъ въ заднюю часть головы, при помощи палки». Другое: «нанесъ мнѣ оскорбленіе по уху дѣйствіемъ до крови». Или: «оскорбилъ меня очень тяжело, даже невыносимо, до той точки, что я сталъ безъ памяти». — «Наносилъ мнѣ многократно оскорбленія дѣйствіемъ, сшибъ съ ногъ и билъ, сколько ему хотѣлось».

Разборъ всѣхъ ругательствъ и оскорбленій также мало разнообразенъ, какъ и самыя прошенія, и не представляетъ ровно никакого интереса. Апелляціи въ этихъ дѣлахъ рѣдки, стороны или мирятся, или подписываютъ удовольствіе. Только въ рабочее время приговоренные къ аресту просятъ отсрочки до болѣе свободнаго времени, затѣмъ являются сами съ объясненіемъ; что «отдѣлались — прикажите отсидѣть, да позвольте захватить отъ бездѣлья лаптишки поковырять». Конечно, все это дѣлается безотказно, не отрывать же у семьи работника въ самое нужное время, — у крестьянина иной день годъ кормить. На это мнѣ представлялось иногда возраженіе: наказанье ли для мужика высидка на недѣлю, на двѣ въ хорошей комнатѣ, при хорошемъ содержаніи, съ лаптишками въ рукахъ? Не страшнѣе ли былъ бы штрафъ? Пришелъ я къ тому выводу, что штрафъ тогда лишь страшнѣе, когда больно задѣваетъ карманъ, т. е. караетъ не

только виноватаго, но и ни въ чемъ неповинную его семью. Къ тому же вопросъ о степени чувствительности штрафа совершенно неразрѣшимъ въ средѣ населенія, гдѣ для одного обывателя рубли ничего не стоятъ, а для другаго фунтъ соли составляетъ предметъ сокрушительныхъ думъ. «Сольцы купить, недѣлю безъ соли ѣдимъ... намъ-то туда-сюда, ребятишки просятъ»...—кто не слыхалъ этихъ словъ въ черноземныхъ губерніяхъ? Въ нихъ порою звучитъ настоящая драма. Штрафъ почти всегда дѣлается основаніемъ мировой сдѣлки; съ суммы приговореннаго штрафа начинается торгъ между потерпѣвшимъ и обвиненнымъ; оба остаются въ барышахъ, а больше всѣхъ — кабакъ. Штрафъ оказывается преміей для обвинителя и для свидѣтелей, которыхъ крайне неудобно заинтересовывать обвинительными приговорами. Говорю это по многолѣтнему и горькому опыту. Кутузка же совсѣмъ не такъ легка, какъ это кажется,—«въ гостяхъ хорошо, а дома лучше». Я часто навѣщаю арестованныхъ и достовѣрно знаю, что, при всѣхъ внѣшнихъ удобствахъ, они сильно скучаютъ, высчитываютъ дни и часы своего срока. Часто мнѣ случалось слышать, какъ передъ началомъ суда уговариваютъ тяжущихся мириться. «Здѣсь, братъ, знай, штрафа за эти дѣла не бываетъ... Тутъ вашего брата эфтимъ не балуютъ... Кланяется тебѣ, умоляетъ... чего еще нужно? Онъ что? Мужикъ смирный, во хмѣлю малость... Такъ и самъ ину-пору хмѣленъ живешь»...—Это уговариваютъ обвинителя; въ другой разъ обидчика усовѣщиваютъ: «Проси мириться. Чего топыришься? Какъ судъ... какъ судъ»... передразниваетъ уговаривающій.—«Судъ уже мы знаемъ. Онъ, судья-то, вашу братью не балуетъ, недѣли на двѣ запятитъ тебя въ кутузку, иное заговоришь. Здѣсь штрафомъ не отойдешь»... Старая поговорка: «не накажи мужика дубьемъ, накажи рублемъ»,—покончила свое существованіе вмѣстѣ съ дубинною расправою.

Всякое «воздѣваніе рукъ» къ фізіономіи ближняго лицами состоятельными или привилегированными вызываетъ въ мѣстныхъ аблакатахъ самые плотоядные инстинкты. Тутъ имъ праздникъ и кусокъ пирога. Разводится канитель нескончаемая съ заочными рѣшеніями, пересмотрами, отсрочками и всякими проволочками, подаются апелляціи и кассаціи въ сенатъ. Конецъ же одинъ: въ случаѣ обвинительнаго приговора — примиреніе съ

уплатою пострадавшему приличной контрибуціи, большая часть которой поступаетъ въ карманъ адвоката,—что, въ сущности, только и требовалось.

Сказанное выше безусловно примѣнимо ко всемъ дѣламъ, могущимъ оканчиваться миромъ.

Самоуправствомъ простой народъ называетъ все на свѣтѣ, начиная отъ гражданскаго правонарушенія и кончая грабежемъ, кражею со взломомъ. Оно, впрочемъ, и не диво: отличительные признаки «самоуправства» крайне не точны; въ ихъ опредѣленіяхъ путаются и судьи, и слѣдователи, и прокуроры. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ; къ слову скажу, я видѣлъ дѣло, начатое по обвиненію въ ограбленіи пастуха; поводомъ послужило отобраніе у пастуха кнута въ доказательство впуска скота на чужую землю. Мнѣ было подано однимъ крестьяниномъ прошеніе о *самоуправномъ* взломѣ ночью замка и увозѣ разнаго имущества изъ амбара.

Примирительное разбирательство по дѣламъ, неподсуднымъ мировому судѣ, не разъ ставило меня въ тупикъ и, вѣроятно, не меня одного. Что дѣлать мировому, если къ нему не явится обвиняемый?—Никто навѣрное не знаетъ. У меня былъ разъ такой случай; я передалъ дѣло слѣдователю, признавая неявку обвиняемаго явнымъ признакомъ его нежеланія мириться. Дѣло сошло, но вызвало споры. Мнѣ доказывали, что я поступилъ неправильно, что должно было приказать привести обвиняемаго*). Многіе судьи такъ и практикуютъ. Я же нахожу страннымъ и смѣшнымъ таскать человека противъ воли, подъ карауломъ, мириться. Картина: ведетъ сотскій обывателя по улицѣ, встрѣчается знакомый. «Что, другъ, попался? Куда вѣдутъ?—Къ судѣ?—Въ чемъ попался?—Ни въ чемъ...—Какъ ни въ чемъ, когда за караулъ взяли?—Такъ, ни въ чемъ. Ве-

*) Того же мнѣнія держится, повидимому, и извѣстный адвокатъ г. Спасовичъ, который, въ процессѣ г. Стасюлевича съ редакціей «Новаго Времени», предлагалъ дѣйствовать на противную сторону путемъ пр и в о д а. Впрочемъ, петербургскій мировой судья не послѣдовалъ этому предложенію,—и хорошо сдѣлалъ. Каковъ бы ни былъ поступокъ «Нов. Времени» самъ по себѣ, но насильственное примиреніе могло бы повести только къ новому скандалу при самомъ «отправленіи правосудія».

дутъ мириться съ Петровымъ.—Зачѣмъ же подѣ конвоємъ?— Да самъ-то я съ нимъ не хочу мириться, такъ взяли подѣ стражу и ведутъ насильно...» Такую картину я видѣлъ два ра за и рѣчи эти слышалъ. Сбѣжался народъ, давка, хохотъ; всѣ идутъ смотрѣть, какъ Иванова съ Петровымъ будутъ насильно мирить. Привели; обвинитель Петровъ говоритъ: «Я желаю кончить миромъ, если онъ...»—«А я съ нимъ, скотомъ, и говорить не желаю, заявляетъ озлившійся Ивановъ.—Меня и сюда-то насильно привели...» Публика помираетъ со смѣха. Иванова изъ подѣ караула освобождаютъ; онъ идетъ домой и ругается во всю мочь; за нимъ, словно за медвѣдемъ, полъ-села бѣжитъ... стонъ стоитъ отъ гама и хохота... За что же и зачѣмъ его таскали подѣ стражею при всемъ честномъ народѣ, чего ради сдѣлали предметомъ всеобщей потѣхи?! Судъ—не комедія.

Роль судьи при склоненіи сторонъ къ примиренію крайне щекотлива. «Судебный Вѣстникъ» задаетъ судѣ такую мудреную задачу: «Примирительное разбирательство,—говорится въ № 4 этого журнала за 1866 годъ,—должно быть со стороны, судьи не простымъ исполненіемъ извѣстнаго обряда, а дѣятельнымъ склоненіемъ къ миру противниковъ.» Съ другой стороны, указаніе несоглашающимся на примиреніе возможности строгой отвѣтственности по закону—«Судебный Вѣстникъ» возводитъ въ нравственное насиліе надъ волей тяжущихся, называя такое дѣйствіе судьи неразборчивостью въ средствахъ. Вотъ и извольте лавировать между Сцилой и Харибдой!

Мнѣ было передано дѣло о кражѣ со взломомъ дочерью у матери изъ сундука двухъ холстовъ, которые найдены и возвращены по принадлежности. Какъ ни обливалась слезами у меня въ камерѣ молодая бабенка, какъ ни умоляла мать о прощеніи, какъ ни уговаривалъ я старуху,—мать стояла на своемъ: «не прошу, суди по закону.»

— Хорошо. Я передамъ дѣло слѣдователю, оно пойдетъ въ окружный судъ. А знаете ли вы, чему по закону подвергается ваша дочь?

— Нѣтъ, батюшка, гдѣ намъ знать... Да все, чай, не похвалятъ.

— Не только не похвалятъ, а могутъ отправить въ арестантскія роты, а не то и въ Сибирь.

— Какъ въ Сибирь? удивилась старуха.—За холсты-то?

— Не за одни холсты, а за то, что крышку у коробки топоромъ своротила.

— Въ Сибирь!.. Этого мы не желаемъ. Будь ваша милость, нельзя-ли ее здѣсь постращать.

— Здѣсь уже вы ее, кажется, довольно постращали, можно бы и простить.

— А не прошу—такъ въ Сибирь?

— Или въ арестантскія роты.

— Слышь, Дунька, куда угодила! Тагъ прощать?

На Дунькѣ лица не было; стращать долѣ становилось опаснымъ.

— Простите, говорю я.—Вѣдь ваша дочь, ваше рожденіе...

— Мое, батюшка, мое.. Пишите—простила, молъ, Сибири мы не желаемъ, пли этихъ лестанскихъ ротъ... оборони Господь, Царь небесный... Теперь ничего не будетъ, родимый? спрашивала уже далеко не спокойно старуха.

— Нѣтъ, коли простила, такъ ничего не будетъ.

— Ну, покорно-те благодаримъ... Кланяйся, Дунька, кланяйся, глупая.. Э—эхъ, во было куда угодили, грѣхъ-то какой! Мотри, кормилецъ, чтобы теперь уже ничего... чтобы вѣрно было.

Какъ-же послѣ такихъ сценъ не объяснять этимъ людямъ, что вмѣсто стращанья можетъ выйти настоящая бѣда, не говоря уже, въ данномъ случаѣ, о безцѣльности сложной процедуры слѣдствія, обвинительнаго акта, суда присяжныхъ.

Спросите любого деревенскаго судью, и онъ вамъ скажетъ, что часто, очень часто самыя дѣла затѣваются единственно ради стращанія какого-нибудь баловника, безобразничающаго черезъ мѣру.

Вообще примиреніе родителей съ дѣтьми, при доброй волѣ судьи, достигается безъ особаго труда и безъ малѣйшаго насилія надъ волей тяжущихся. Совсѣмъ иное въ дѣлахъ примиренія супруговъ; тутъ опасно указывать на послѣдствія суда совсѣмъ въ другомъ отношеніи, именно въ томъ, что тогда примиреніе совсѣмъ не состоится. И что это за дѣла бываютъ, чего въ нихъ не встрѣчается!.. — «Били меня, жаловалась мнѣ крестьянка, —

и мужъ, и свекоръ, и свекровь безъ милости, чѣмъ попада, большимъ боемъ»... Одну женщину въ нашемъ селѣ мужъ привязалъ длинными, прекрасными косами къ оглоблѣ, въ видѣ пристяжной, ѣхалъ такъ версты четыре и билъ все время кнутомъ до тѣхъ поръ, пока она повалилась безъ чувствъ на снѣгъ. Это онъ *поучилъ* ее. Впереди и сзади ѣхало нѣсколько подводъ, народъ возвращался съ праздника, и ни одна душа христіанская не вступилась за несчастную. Знакомый мнѣ рыболовъ отдалъ дочь, замѣчательно красивую, честную и работающую дѣвушку, насильно замужъ за глупаго и плюгаваго малаго въ богатый дворъ. Здоровая, сильная женщина долго выносила побои и издѣвательства супруга, наконецъ не выдержала и ушла къ отцу, но была опять водворена въ домъ мужа. Тогда наругательства и всякія истязанія дошли до невозможнаго, и она, обезумѣвши отъ физическихъ и нравственныхъ пытокъ, собственноручно расправилась съ мужемъ шворнемъ, случайно подвернувшимся подъ руку. Какъ остался живъ этотъ плюгавецъ, понять невозможно. Примиренія, конечно, не состоялось.

— Ваше благородіе, говорила на судѣ молодая женщина, — не могу я у нихъ жить... не мужъ онъ мнѣ... злодѣй, извергъ! Не свекоръ это... а дьяволъ, грѣхотворникъ старый!.. Не могу я... Не въ чемъ мнѣ виниться, я честная, не гулящая... за что меня тиранятъ! Ведите мнѣ жить у батеньки... не то!.. если опять къ нимъ... Ея темные глаза горѣли и искрились, нервная дрожь была все тѣло, какъ лихорадка. — Въ острогъ отправьте меня отъ грѣха... въ Сибирь... въ Сибирь... ради Господа Бога. Одной милости прошу... въ Сибирь!...

Сельскія власти и общественное мнѣніе обывателей, даже женщинъ, крайне рѣдко становится на сторону избиваемыхъ женъ; нужно что нибудь очень выдающееся, чтобы дошло до суда. Духовенство, священники могли бы многое сдѣлать, въ ихъ рукахъ великая нравственная сила. Только они могли бы защитить несчастную русскую бабу; но, увы... протопопъ Сильвестръ не одобряетъ лишь «сокрушенія» женскихъ реберъ; а наши сельскіе попы даже и къ этому остаются равнодушными; ихъ дѣло повѣнчать, а потомъ... потомъ, когда мужъ заколотитъ бабу и одовѣветъ, то повѣнчать его вторично...

Расскажу кстати оригинальное, по своимъ мотивамъ, дѣло

между мужемъ и женою. Нѣкто, Осипъ Николаевичъ, содержался въ тюрьмѣ, какъ подслѣдственный, по обвиненію въ кражѣ со взломомъ и съ употребленіемъ въ дѣло оружія при поимкѣ. Сидѣлъ онъ уже мѣсяца три и подалъ мнѣ, черезъ прокурора, жалобу на жену, будто бы обокравшую его, когда онъ еще былъ дома. Сообразивши, въ чемъ штука, я назначилъ разборъ этого дѣла не у себя въ камерѣ, а въ городѣ. На судъ явились обвиняемая и свидѣтели, обвинителя привели изъ тюрьмы съ конвоемъ. Послѣ опроса, Осипъ Николаевичъ заявилъ, что прощаетъ жену и проситъ прекратить дѣло. На другой день мнѣ нужно было зайти въ тюремный замокъ; на дворѣ встрѣчается Осипъ Николаевичъ.

— Здравія желаю, раскланивается онъ, называя меня по имени.

— Здравствуйте, Осипъ Николаевичъ.

— Не грѣхъ это вамъ будетъ, какъ вы со мною поступили?

— Чѣмъ я вамъ не угодилъ, Осипъ Николаевичъ?

— Какъ же дѣло-то мое здѣсь назначили... несчастному погулять не дали.

— Это вы вѣрно, Осипъ Николаевичъ. И сами не пробуйте, и другимъ скажите, чтобы не пробовали. Хотите задать тягу, подыскивайте другое средство.

— Дѣлать нечего, придется. А все таки грѣшно это... вамъ что за дѣло, а я бы теперь далеко былъ и не услышали бы обо мнѣ.

Къ намъ арестантовъ водятъ не только съ сотскими, но и съ десятниками, т. е. съ ребятишками 12—15 лѣтъ, состоящими въ волости для посылокъ; военнаго же конвоя не даютъ, не смотря на важность пересылаемаго арестанта. Не убѣгаетъ только тотъ, кто не желаетъ уходить. Этимъ-то и рассчитывалъ воспользоваться Осипъ Николаевичъ. Впослѣдствіи онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ, отправленъ, бѣжалъ и пойманъ на желѣзно-дорожной станціи близъ моей усадьбы. Въ это время меня не было дома; жаль, онъ человекъ интересный, неглупый и очень откровенный. Не менѣе интересный въ томъ же смыслѣ юноша—Степочка Сен..., онъ же Чур..., онъ же Иванъ...; такъ и въ справкахъ о судимости значится подъ тремя фамиліями; теперь, можетъ быть, уже и подъ четвертою. Яснымъ, лѣтнимъ вече-

ромъ сотскій и староста привели ко мнѣ почти мальчишку, пойманнаго съ краденою лошадыю. На спросъ онъ назвался Степаномъ Сен., мѣщаниномъ, проживающимъ въ торговомъ селѣ М. Я посадилъ его въ арестантскую и послалъ соотвѣтствующіе запросы. Отвѣты получились, что никто нигдѣ не слыхивалъ о мѣщанинѣ Степанѣ Сен... Въ ту же ночь приснакалъ верховой съ запискою отъ смотрителя арестантской, объясняющею, что Степанъ бѣжалъ и похитилъ тулупъ и шапку сторожа. Все село подняли на ноги; молодецъ пропалъ, какъ въ воду канулъ. Прошло полтора мѣсяца; утромъ будятъ смотрителя, говорятъ—пришелъ Степочка. Смотритель глазамъ не вѣритъ, передъ нимъ стоитъ Степанъ въ кумачной рубашкѣ, въ суконныхъ шароварахъ, въ хорошемъ картузѣ, настоящимъ франтомъ.

— Я, дяденька, опять къ вамъ. Соскучился, — добродушно объясняетъ арестантъ.

Приводятъ его ко мнѣ.

— Гдѣ былъ, Степочка? спрашиваю я.

— Кое-гдѣ походилъ. Былъ я въ городѣ Моршанскомъ... тамъ побаловался малость...

— Чѣмъ же ты тамъ баловался?

— Этого я вамъ, баринъ, не скажу, плутовски улыбається Стѣпочка.—А оттуда прошелъ въ городъ Шацкой. По дорогѣ въ селѣ,—въ какомъ не скажу,—(та же добродушно-мошенническая улыбочка),—украсть я вотъ рубаху... новая рубаха, да картузъ, да три рубля денегъ у одной дѣвицы. Вотъ штаны справилъ... ишь, штаны-то хорошіе... Пришелъ въ Шацкой, тамъ ярмарка... сейчасъ требуютъ пашпортъ, сцапали, посадили въ полицію. Скверно у нихъ тамъ, кормятъ голодно, грязь опять, не то, что у насъ здѣсь... Я посмотрѣлъ—посмотрѣлъ и ушелъ отъ нихъ...

— Какъ же ты ушелъ?

— Въ окошко улѣзъ. Оттуда и уходитъ скверно... Стѣпочка смѣется и разстегиваетъ воротъ.—Ишь весь изодрался, да высоко... грохнулся я, часа два безъ памяти лежалъ, насиду уполозъ, сутки цѣлыя въ оврагѣ провалился, думалъ помру... У насъ тутъ лучше...

— Ну, теперь признавайся, Степочка, кто ты такой и какъ зовутъ? Не то я тебя, какъ бродягу, отправлю въ острогъ.

— Звать Степаномъ, только не Сен., а Иван... Я села М. крестьянинъ.

— Это правда или опять врешь?

— Нѣтъ, правда, баринъ, ей Богу правда. Я вамъ никогда врать не стану.

— А зачѣмъ же прежде-то солгалъ?

— Это тогда, теперъ не стану.

— А убѣжишь опять?

— Нѣтъ, отъ васъ и бѣгать не стану.

Пошли запросы, все подтвердилось. Въ арестантской Степочка разсказалъ сторожамъ, что въ Моршанскѣ обокралъ ночью церковь въ соучастіи съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ. Оказалось, что онъ все насочинилъ, навралъ на себя для пущей важности. Тѣмъ не менѣе, пришлось сообщить объ этомъ въ Моршанскъ. Въ отвѣтъ получилое требованіе слѣдователя о высылкѣ Степана Чур., онъ же Сен. или Иван., по дѣлу о кражѣ имъ лошади въ соучастіи съ сыномъ священника. Отослали Степochку. Прошло три мѣсяца, вдругъ неожиданно-негаданно является нашъ милѣйшій квартирантъ.

— Ты откуда?

— Къ вамъ пришелъ. Соскучился...

— Зачѣмъ?

— Сидѣть.

— Какъ сидѣть? Ты бѣжалъ? Откуда?

— Изъ этапа ушелъ. Водили это, водили, измотали вовсе... Вижу я—одна пустота, шатаемся зря, безъ дѣла... Ну ихъ... Я опять сюда. Нѣтъ, баринъ, въ какихъ мѣстахъ я не сидѣлъ, лучше нашего нигдѣ нѣтъ... что изъ пищи, что изъ прочаго... ни тебя бьютъ, тетенька (жена смотрителя) желанная, ласковая... она-те и примолвить, и поругаетъ, и голову повычешетъ...

Послѣ долгой переписки и справокъ, я приговорилъ Степochку по совокупности проступковъ къ году тюремнаго заключенія, и приговоръ вмѣстѣ съ арестантомъ передалъ окружному суду для дальнѣйшаго сужденія. Гдѣ теперъ Степанъ, подъ какимъ именемъ странствуетъ, судится и бѣгаетъ,—не знаю. Въ тотъ день, когда его отправляли, я случайно заѣхалъ въ арестантскую. У

крыльца стояла парная подвода сотскаго, въ комнатѣ смотрителя прощался Степапъ.

— Готово, Степа, съ Богомъ въ путь, говорилъ смотритель.

— Прощай, дяденька... спасибо тебѣ. Степочка поклонился въ ноги.—Прости, Христа ради, что за меня оштрафовали, какъ я убѣгъ... Прости...

— Ну, Богъ проститъ, Богъ проститъ...

— Тетенька, рѣдная... прости ты меня!.. Степапъ поклонился въ ноги доброй старухѣ.

— Господь съ тобою, Степа... старуха крестила его.—Не воруй ты больше, голубчикъ...

Они обнялись и оба горько заплакали.

— Эхъ, Степа, Степа!.. тебѣ-ли не быть человѣкомъ!.. рыданья перервали ея голосъ.

— Тетенька, рѣдная!.. прости ты меня... горькій я!.. Эхъ-ма... Степочка утеръ кулакомъ глаза такъ, что чуть ихъ не выворотилъ, и махнулъ рукою.

— Прощайте, баринъ... арестантъ обратился ко мнѣ.—Благодарю... благодарю... спасибо вамъ... вы тутъ всѣ добрые.

Онъ перекрестился на образа и быстро вышелъ.

— Степапъ, смотри, другъ, съ дороги не убѣги, сказалъ я ему вслѣдъ.

— Небось, теперь не побѣгу...

— Да помни, что тетенька-то говорила, не воруй больше...

Степочка какъ-то неизъяснимо горько усмѣхнулся и закуталъ лицо арестантскимъ халатомъ. Телѣга мягко застучала по дорогѣ нешинованными колесами и скрылась въ облакъ пыли.

— Эхъ, Степа... шептала старуха, утирая глаза концомъ шейнаго платка.—А вѣдь чѣмъ бы не малый... анъ вотъ на—поди!.. Э-эхъ!..

М. Р.

(Окончаніе будетъ).

ЭГОИСТЪ.

Романъ Вернера.

IV.

Въ гостинной, куда вошли оба брата, не было никого, но на террасѣ стояла Фрида. Она, должно быть, не замѣтила вошедшихъ братьевъ, потому что, когда Сандовъ подошелъ къ ней и она къ нему быстро обернулась, глаза у нея были заплаканы. Хотя она тотчасъ же вытерла лицо платкомъ, но слезъ стереть не успѣла. Не въ характерѣ комерсанта было обращать вниманіе на кого-либо; но въ настоящемъ случаѣ, слезы дѣвушки онъ приписывалъ не-пріятному недоразумѣнію за обѣдомъ и, въ порывѣ участія, хотѣлъ изгладить дурное впечатлѣніе.

— Зачѣмъ вы хотите скрыть, что плакали, миссъ Пальмъ, сказалъ онъ. — Вы, вѣроятно, тоскуете по родинѣ?

Сверхъ всякаго ожиданія, онъ угадалъ причину слезъ, и Фрида отвѣчала ему самымъ искреннимъ, проникнутымъ скорбью, голо-сомъ:

— Да... ужасно тоскую!

— Ну, конечно; вы только нѣсколько недѣль какъ пріѣхали сюда, равнодушно отвѣчалъ Сандовъ. — Всѣ нѣмцы сначала тоскуютъ, а потомъ привыкаютъ. Кому же повезетъ въ новомъ свѣтѣ, тотъ скорешенько забываетъ старый и радуется, что отвязался отъ него... Не смотрите на меня съ такимъ ужасомъ, точно я рассказываю вамъ нѣчто невѣроятное. Я говорю это по собственному опыту.

Фрида дѣйствительно съ ужасомъ смотрѣла на него. Глаза ея

были еще влажны отъ слезъ, но они сверкнули какимъ-то гнѣвомъ и яростью, при ея возгласѣ:

— Вы, конечно, шутите, мистеръ Сандовъ! Мнѣ забыть свою родину, отвернуться отъ нея и не думать о ней?... никогда!

Сандова точно покоробилъ этотъ горячій протестъ молчаливой дѣвушки, и онъ съ полупрезрительной, полуснисходительной улыбкой отвѣчалъ ей:

— Я, все-таки, это совѣтую вамъ. Большая часть нѣмцевъ потому и несчастливы здѣсь, въ Америкѣ, что упорно цѣпляются за прошлое и, вслѣдствіе этого, часто оставляютъ безъ вниманія настоящее и будущее. Тоска по родинѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ болѣзненныхъ, искусственно возбуждаемыхъ ощущеній, которыя можно назвать и поэтическими, и душевными, но которыя въ сущности только бесполезно тормозятъ жизнь. Кто хочетъ здѣсь добиться чего-нибудь, тому нечего зѣвать и мечтать, а надо искать благоприятнаго случая и пользоваться имъ. Вамъ тоже надо искать здѣсь средствъ къ существованію, и потому вздохи и мечты тутъ вовсе не у мѣста.

Повидимому, рѣзкія и безсердечныя слова эти были сказаны все-таки отъ души. Неосторожно высказанное мнѣніе о товарищѣ по торговлѣ не только не раздражило и не ожесточило Сандова, но, напротивъ того, кажется, возбудило въ немъ интересъ къ молодой дѣвушкѣ, которую онъ прежде едва замѣчалъ. Фрида ни единымъ словомъ не возразила на наставленіе, которое онъ снисходительно высказалъ ей и которое холодомъ пронзило ее до глубины души. Да и что могла она возразить? Но зато ея вопросительный взоръ ясно выражалъ упрекъ, и ея серьезные, черные глаза странно дѣйствовали на вообще непреклоннаго Сандова. На этотъ разъ онъ не опустилъ передъ ними своихъ глазъ, а прямо взглянулъ на дѣвушку и спросилъ, неволью смягчивъ тонъ:

— Вы еще такъ молоды, миссъ Пальмъ, слишкомъ молоды, чтобы пробиваться въ жизни одной. Неужели у васъ тамъ, на родинѣ, не было никого, кто могъ бы дать вамъ пріютъ?

— Нѣтъ... никого! тихо, почти неслышно слетѣло съ устъ дѣвушки.

— Да, вѣдь вы сирота! А родственникъ, къ которому вы ѣхали въ Нью-Йоркъ, умеръ до вашего приѣзда?.. такъ рассказывала мнѣ племянница.

Фрида чуть-чуть опустила голову, какъ бы въ знакъ согласія, но при этомъ лицо ея покрылось густой краской, и глаза смотрѣли внизъ.

— Это, конечно, очень печально. Но какимъ же образомъ вы нашли себѣ пріютъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ вы никого не знали.

Щеки дѣвушки покраснѣли еще болѣе.

— Мои путевые товарищи приняли во мнѣ участіе, нерѣшительно проговорила она. — Меня привезли къ соотечественникамъ, къ священнику нѣмецкаго прихода, и тамъ я встрѣтила радушный пріемъ.

— И этотъ господинъ рекомендовалъ васъ моей племянницѣ? Я знаю, что у ея матери было много знакомыхъ въ Нью-Йоркѣ, и Джесси поддерживаеъ съ ними переписку. Она съ такимъ участіемъ относится къ вамъ, что вамъ нечего бояться за будущее. Заручившись рекомендаціей Клиффордова дома, вамъ не трудно будетъ найти подходящее мѣсто въ нашемъ городѣ.

Фрида, очевидно, была такъ-же неопытна по части лжи, какъ и Джесси. Передъ Джесси ей незачѣмъ было притворяться, такъ какъ она съ самаго начала была въ заговорѣ, но передъ хозяиномъ дома разъ принятая роль должна быть сыграна, тѣмъ болѣе теперь, когда онъ въ первый разъ высказывалъ участіе. Лицо дѣвушки ясно показывало, какъ трудна ей эта роль. Она не сказала ни слова. Сандовъ уже зналъ, какъ она робка и молчалива, но это упорное молчаніе, повидимому, разсердило его. Не получая никакого отвѣта, онъ повернулся и пошелъ въ садъ.

Фрида тяжело перевела духъ, точно избавилась отъ чего-то тяжелаго, и быстро вернулась въ гостинную. Тутъ она нашла Густава, который, повидимому, равнодушно сидѣлъ въ углу комнаты, но не пропустилъ ни единого слова изъ разговора.

— Послушай, Фрида, я вовсе тобой недоволенъ, строго заговорилъ онъ. — Зачѣмъ ты, въ сущности, приѣхала сюда? Что это значитъ, что ты постоянно избѣгаешь моего брата, даже просто

бѣгаешь отъ него? Ты не дѣлаешь ни малѣйшей попытки къ сближенію, и рѣдкіе случаи, представляющіеся тебѣ для этого, ты оставляешь безъ вниманія и упорно молчишь, когда онъ начинаетъ съ тобою говорить. Я расчистилъ тебѣ путь, теперь пора тебѣ дѣйствовать самой.

Фрида молча выслушала упреки, но потомъ выпрямилась и отрывисто, рѣзко сказала:

— Я не могу!

— Чего ты не можешь?

— Не могу сдержать того обѣщанія, которое дала тебѣ. Ты знаешь, что оно было вырвано у меня почти силой. Я противъ воли поѣхала сюда за тобой, противъ воли взялась за роль, которую ты самъ приказалъ играть. Но играть ее болѣе не могу, это выше моихъ силъ. Пусти меня домой, на родину, здѣсь я ничего не добьюсь.

— Вотъ какъ! сердито вскричалъ Густавъ.—Славныя дѣла. Такъ вотъ зачѣмъ я переѣхалъ съ тобою весь океанъ и не на животъ, а на смерть разсорился со своимъ издателемъ и редакторомъ, не желавшимъ отпускать меня! Такъ я здѣсь терпѣливо сижу за конторкой и позволяю миссъ Клиффордъ высказывать свое презрѣніе и обращаться со мною, какъ съ безмозглымъ ренегатомъ, для того чтобы миссъ Фрида, коротко и ясно, объявила мнѣ: «больше я не желаю!» Но только ты ошибаешься! Я не пушу тебя на понятный, черезъ какую нибудь недѣлю. Ты останешься здѣсь и исполнишь то, что мы задумали.

Черные глаза дѣвушки печально и серьезно обратились на Густава, и точно упрекали его за тотъ тонъ, которымъ онъ говорилъ съ ней.

— Не считай меня неблагодарной! Я знаю, какъ многимъ я тебѣ обязана, какъ много ты для меня сдѣлалъ, но я не думала, что задача эта будетъ мнѣ такъ трудна. Я не могу чувствовать расположенія въ суровому, холодному человѣку, какъ и онъ никогда не будетъ чувствовать расположенія ко мнѣ, это я ясно вижу. Еслибы я хоть одинъ разъ подмѣтила теплый лучъ въ его взорѣ, еслибы услышала ласковое слово изъ его устъ, я непременно

попыталась бы сблизиться съ нимъ; но его ледяная холодность, которую ничто не можетъ согрѣть, ничто не можетъ уничтожить, отталкиваетъ меня все дальше и дальше.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Густавъ взялъ ее за руку и посадилъ подлѣ себя на софу.

— Развѣ я говорилъ тебѣ, что задача твоя будетъ легка? спросилъ онъ.—Она очень трудна, труднѣе, чѣмъ я думалъ, но не невозможна. Боязливостью и робостью ты ничего не достигнешь. Тебѣ слѣдуетъ напасть на врага; онъ сильно укрѣпился и взять его тебѣ надо штурмомъ.

— Не могу! горячо проговорила Фрида.—Говорю тебѣ, что въ душѣ у меня ничего не говорить въ его пользу, и любви ему я не могу дать, и не могу возбудить ее,—такъ зачѣмъ-же мнѣ оставаться? Чтобы добиться родины и состоянія? Этого ты желать не можешь, а еслибы дѣйствительно пожелалъ, то я отказалась бы отъ того и другаго, такъ какъ онъ можетъ предложить ихъ съ той же холодностью, съ какой предложилъ пріютъ у себя въ домѣ.

Она вскочила при послѣднихъ словахъ, но Густавъ спокойно посадилъ ее опять на диванъ.

— Опять забурлила и заволновалась, и, въ концѣ концовъ, съ упрямствомъ скажешь нѣтъ. Не знай я, отъ кого ты унаслѣдовала упрямство и глубокую страстность, при кажущейся замкнутости, я иначе поговорилъ бы съ тобой. Но этотъ недостатокъ въ тебѣ наслѣдственный, и противъ него ничего не подѣлаешь.

Дѣвушка, съ мольбой, обѣими руками обхватила его правую руку.

— Пусти меня, пусти меня обратно домой, умоляю тебя! Ну, что за важность, что я бѣдна, вѣдь ты не бросишь же меня; я молода, и могу работать. Тысячи людей находятся въ такомъ положеніи, какъ я, и принуждены бороться съ жизнью. Я готова на это въ десять разъ скорѣе, чѣмъ просить о томъ, въ чемъ мнѣ отказываютъ. Я исполняла только твое желаніе, отправляясь въ твоему брату. Мнѣ не нуженъ ни онъ, ни его богатство.

— Но ты ему нужна, съ особеннымъ удареніемъ сказалъ Густавъ.—И любовь твоя ему нужнѣе, чѣмъ ты думаешь.

На устахъ дѣвушки появилась горькая усмѣшка.

— Въ этомъ ты, конечно, ошибаешься! Я, правда, мало знаю свѣтъ и людей, но тѣмъ не менѣе, я чувствую, что мистеръ Сандовъ не нуждается и не требуетъ любви. Самъ онъ тоже никого на свѣтѣ не любилъ, не любить даже Джесси, которая, какъ дочь, выросла у него на глазахъ, не любить тебя, своего единственнаго брата. Я очень хорошо видѣла, какъ онъ далеко себя держитъ отъ васъ обоихъ. Онъ ничего не признаетъ, вромѣ жажды жизни, а, кажется, ужъ достаточно богатъ. Правда ли, точно ли правда, что онъ имѣетъ дѣла съ этимъ Дженкинсомъ, что человекъ съ такой репутацией можетъ считаться его другомъ?

— Этого, дитя, тебѣ не понять, уклончиво отвѣчалъ Густавъ. — Кто, подобно брату, лишился всякой надежды въ жизни, передъ кѣмъ всякое счастье обращалось въ несчастье, всякое благословеніе въ проклятіе, тотъ или погибаетъ въ такой катастрофѣ, или оставляетъ въ ней свое прежнее я и выходитъ совсѣмъ инымъ человекомъ. Я вѣдь знаю, какимъ онъ былъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и то, что въ немъ тогда жило, не могло же совсѣмъ умереть. Ты должна пробудить это въ немъ; для того я привезъ тебя сюда; ты должна, по крайней мѣрѣ, хоть попытаться.

Эти, серьезно сказанныя, слова произвели впечатлѣніе на Фриду, но она тихо покачала головой.

— Я чужая ему и чужой останусь. Ты самъ запретилъ мнѣ говорить ему что либо о нашихъ отношеніяхъ.

— Ну, конечно, я говорилъ это, такъ какъ, еслибы онъ теперь узналъ правду, то, вѣроятно, сурово оттолкнулъ бы тебя, а такая упрямецъ, какъ ты, не потерпѣла бы ни минуты, и тогда погибло бы все. Но сблизиться тебѣ съ нимъ необходимо. Вѣдь вы почти не говорили другъ съ другомъ. Ты говоришь, что въ душѣ твоей не слышится никакого голоса? Но этотъ голосъ долженъ заговорить какъ въ тебѣ, такъ и въ немъ, и онъ пробудится, когда вы сами начнете другъ съ другомъ говорить.

— Попробую! сказала Фрида, тяжело вздохнувъ. — Но если я ничего не добьюсь, если на мою долю достанется только суровость и презрѣніе...

— Тогда ты скажи себѣ, что съ этимъ человѣкомъ было дурно поступлено, перебилъ ее Густавъ;—такъ дурно, что теперь онъ имѣетъ право быть суровымъ и высказывать презрѣніе въ такихъ случаяхъ, когда другой бросился бы съ открытыми объятіями. Ты въ этомъ не виновата, ты отвѣчаешь за вину другихъ, но вина эта, тѣмъ не менѣе, тяготитъ надъ тобою.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала, но изъ глазъ ея скатились двѣ горячія слезы, въ то время, какъ она положила голову на плечо Густава. Онъ нѣжно погладилъ ее по головѣ.

— Бѣдное дитя! Да, тяжело въ твои года, когда все должно бы казаться свѣтлымъ и яснымъ, знать уже ненависть, раздоръ и горе человѣческой жизни. Нелегко мнѣ было все это рассказывать тебѣ; но я считалъ своею обязанностью сообщить все. Вѣдь Фрида моя не принадлежитъ къ числу слабыхъ и нерѣшительныхъ; въ ней есть частичка энергіи и даже суровости другаго, мнѣ знакомаго, характера. Ну, нечего падать духомъ; своего мы добьемся!

Фрида вытерла слезы и принудила себя улыбнуться.

— Ты правъ! Я неблагодарная и надоѣдаю тебѣ, который столько для меня сдѣлалъ. Ты...

— Лучшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ, перебилъ ее Густавъ.—Ну, конечно, я таковъ, и глубоко оскорбленъ тѣмъ, что миссъ Клиффордъ никакъ не хочетъ замѣтить этого; хотя ты такъ трогательно увѣряешь ее въ моихъ добродѣтеляхъ. Но иди теперь на воздухъ. Ты разстроена и глаза у тебя заплаканы; тебѣ надо изгладить слѣды слезъ. А я подожду здѣсь Джесси. Мы еще съ ней сегодня ни разу не поругались, а это сдѣлалось для меня такой потребностью, безъ которой я, право, обойтись не могу.

Фрида повиновалась; она вышла изъ салона и пошла черезъ террасу въ садъ. Тихо шла она по изящно раскинутому, почти до самага морскаго берега, саду, надъ которымъ садовникъ изоощрилъ все свое искусство. Она прошла къ своему любимому мѣстечку въ отдаленной части сада. Тамъ стояла простая скамейка подъ тѣнью двухъ громадныхъ деревьевъ, и съ этой скамейки отрывался видъ на безграничное море, что, съ перваго же дня, плѣнило Фриду.

Свѣжій морской вѣтерокъ освѣжилъ пылающія щеки Фриды и

стеръ слѣды слезъ съ ея глазъ, но не могъ прогнать мрачныхъ думъ, омрачавшихъ ея чело. Эти думы становились все мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ она погружалась въ задумчивость, глядя на волны, разбивающіяся о берегъ.

Въ саду не было такъ пусто, какъ казалось сначала, такъ какъ, гдѣ-то неподалеку, слышались голоса. Около желѣзной рѣшетки, окружавшей виллу, стоялъ Сандовъ съ садовникомъ и осматривалъ новыя куртины, только что оконченныя въ послѣдніе дни.

Садовникъ съ очевидной гордостью указывалъ на куртины, убранныя дѣйствительно съ большимъ вкусомъ, но хозяинъ какъ-то невнимательно слушалъ его. Онъ разсѣянно взглянулъ на цвѣты, какъ то холодно выразилъ свое одобреніе и пошелъ обратно домой. При этомъ ему пришлось проходить мимо той скамейки, на которой сидѣла Фрида.

— Вотъ какъ! миссъ Фрида! Вы выбрали себѣ самый отдаленный и уединенный уголокъ сада.

— Но и самый прелестнѣйшій! Видъ на море тутъ такъ хорошъ.

— Это дѣло вкуса, замѣтилъ Сандовъ.—Мнѣ этотъ приливъ и отливъ волнъ кажется чѣмъ-то убійственно-однообразнымъ. Я никогда не могъ долго выносить этого.

Онъ сказалъ это, точно мимоходомъ, и хотѣлъ пройти мимо.

Фрида, вѣроятно, оставила бы его замѣчаніе безъ отвѣта, и тѣмъ разговоръ бы и кончился, еслибы нотация Густава не принесла плодовъ. Молодая дѣвушка не умолила по обыкновенію, но отвѣчала такимъ взволнованнымъ тономъ, что непременно должна была обратить на себя вниманіе.

— Я страстно люблю море, и—хотя вамъ мистеръ Сандовъ это можетъ показаться смѣшнымъ—никакъ не могу забыть, что тамъ, за этими волнами, лежитъ моя родина.

Сандовъ, повидимому, не расположенъ былъ шутить. Онъ остановился, и глаза его невольно обратились въ ту сторону, куда указывала дѣвушка, и потомъ остановились на лицѣ Фриды, какъ-бы отыскивая въ немъ что-то.

День былъ пасмурный и непріятный. Тучи тяжело нависли надъ

синимъ моремъ, потонувшимъ въ туманѣ. Туманъ скрывалъ горизонтъ, а пѣнящіяся волны были какого-то неприятнаго, свинцоваго цвѣта. Волны безконечно налетали на берегъ и разбивались о песокъ. Вдали, въ туманѣ, слышался морской гулъ; двѣ чайки носились у самаго берега и затѣмъ скрылись въ туманѣ. Глаза Фриды задумчиво слѣдили за ними, и она даже вздрогнула, когда Сандовъ, прервавъ молчаніе, спросилъ:

— Какъ фамилія того пастора, у котораго вы жили въ Нью-Йоркѣ?

— Пасторъ Гагенъ.

— И тамъ то вы слышали укорительныя выраженія о Дженкинсѣ и К^о?

— Да, мистеръ Сандовъ.

Фрида точно хотѣла еще что-то прибавить, но рѣзкость тона, которымъ ей былъ сдѣланъ послѣдній вопросъ, заставилъ ее замолчать.

— Оно и понятно! господа священники, съ своими странными взглядами на нравственность, всегда готовы высказать приговоръ, когда люди поступаютъ не по ихъ шаблону. Съ каеэды, конечно, удобно смотрѣть на грѣховный міръ, въ которомъ, однако-же, намъ приходится вращаться. Этимъ господамъ не мѣшало бы попробовать спуститься въ эту жизнь, гдѣ каждому приходится бороться, чтобы не быть затертымъ. При этомъ, конечно, они потеряли бы нѣсколько своего кажущагося спокойствія и безупречности, но зато выучились бы судить поскромнѣе о вещахъ, которыхъ положительно не поднимаютъ.

Суровый сарказмъ этихъ словъ, можетъ быть, запугалъ бы кого нибудь другаго. Но Фрида энергично запротестовала.

— Пасторъ Гагенъ—олицетворенная кротость и деликатность! горячо и рѣшительно заявила она.—Онъ, конечно, напрасно никого не осудилъ бы. Только боязнь за его соотечественниковъ могла заставить его высказать такой строгій приговоръ.

— Вы хотите этимъ сказать, что онъ былъ правъ? спросилъ Сандовъ, какъ бы съ угрозой подходя къ ней.

— Не знаю, я вѣдь ни съ кѣмъ незнакома. Но вы, мистеръ

Сандовъ, имѣете съ этимъ человѣкомъ дѣла, и потому должны его знать...

Она не рѣшилась договорить, чувствуя, что каждое дальнѣйшее ея слово можно будетъ принять за оскорбленіе, а Сандовъ, повидимому, дѣйствительно такъ и хотѣлъ принять ихъ. Ласковый тонъ, которымъ онъ говорилъ съ ней въ началѣ, смѣнился его обыкновенной холодной суровостью.

— Во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ, — мнѣ очень странно слышать, какъ имя и репутація человѣка мараются въ извѣстныхъ кружкахъ. Вы еще совсѣмъ дитя, миссъ Пальмъ, и мало понимаете такія вещи. Вы не можете знать, какимъ вліяніемъ пользуется имя Дженкинса въ торговомъ мірѣ. Но люди, распространяющіе подобную клевету, должны бы сообразить это и быть осторожнѣе.

Это замѣчаніе было рѣзко, но ничуть не убѣдительно. Въ силѣ и вліяніи этого человѣка вѣдь никто не сомнѣвался, а сомнѣвались только: благодѣтельно ли это вліяніе? Фрида; конечно, и не подозрѣвала, какого рода товарищество существовало между Дженкинсомъ и домомъ Ылиффорда; но одно сопоставленіе этихъ именъ пугало ее.

— Вы сердитесь на меня за мои необдуманные слова о нашемъ товарищѣ, тихо проговорила она. — Я безъ всякаго умысла повторила то, что слышала, и вѣдь мнѣніе пастора Гагена касалось только опасности, которой подвергаются наши переселенцы вслѣдствіе подобныхъ предпріятій. Вѣдь въ Нью-Йоркѣ у него ежедневно передъ глазами тысячи людей, благосостояніе которыхъ близко касается его. Вы, конечно, знать этого не можете; интересы вашего банкирскаго дома слишкомъ далеки отъ подобныхъ спекуляцій.

— Ну, а вы то откуда знаете все такъ точно? спросилъ Сандовъ, съ нѣскольکو принужденной насмѣшкой.

Разговоръ этотъ началъ надоѣдать ему, тѣмъ не менѣе онъ не пытался прервать его, такъ какъ все-таки невольнo былъ заинтересованъ.

Фрида становилась все смѣлѣе и смѣлѣе. Предметъ разговора,

очевидно, въ высшей степени интересовалъ ее, и она сильно взволнованнымъ голосомъ отвѣчала:

— Я только разъ, одинъ только разъ видѣла картину такого бѣдствія, но она неизгладимо врѣзалась мнѣ въ память. Въ то время, какъ я была въ Нью-Йоркѣ, къ намъ забрели переселенцы - нѣмцы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселились на западѣ и теперь возвращались. Они легкомысленно повѣрили безсовѣстному агенту и все оставили въ этихъ лѣсахъ! Большая часть ихъ погибла отъ климата, а остальные оставили тамъ всё свои средства, надежды и силы, — однимъ словомъ, все! Нѣмецкій священникъ предупреждалъ ихъ заранѣе, но они не повѣрили ему, и онъ далъ имъ средства вернуться на родину. Ужасно было видѣть людей, нѣкогда такихъ сильныхъ и бодрыхъ, совершенно разбитыми и слышать ихъ жалобы. Я никогда не забуду этого!

Она приложила руку къ глазамъ, какъ бы преслѣдуемая воспоминаніемъ. Сандовъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ обернулся и вперилъ взоры въ туманъ. Точно пораженный, слушалъ онъ рѣчь, страстно выливавшуюся изъ молодой груди.

— Вѣдь я видѣла на пароходѣ, гдѣ вмѣстѣ со мною ѣхали сотни переселенцевъ, сколько везутъ они съ собою горя и страха, сколько желаній и надеждъ. Вѣдь только несчастье заставляетъ ихъ бросать свою родину! У многихъ это ужъ послѣдняя надежда, послѣдняя попытка спасти свою жизнь! И вдругъ всё эти надежды должны рухнуть; никакіе труды и хлопоты не помогутъ бѣднякамъ, и они должны погибнуть только потому, что кому нибудь одному хочется разбогатѣть, что находятся такіе люди, которые завѣдомо и сознательно толкаютъ своихъ ближнихъ къ несчастію, чтобы извлечь изъ этого пользу! Я никогда не повѣрила бы этому, еслибы сама не видала и не слышала этихъ несчастныхъ!

Она замолчала, испугавшись мертвой блѣдности неподвижно стоявшаго передъ нею человѣка. Онъ, по обыкновенію, казался совершенно сповойннымъ, но только въ лицѣ у него не осталось ни ервинки, и оно приняло какое-то зловѣщее выраженіе. Онъ не

замѣтилъ вопрошающаго, тревожнаго взгляда молодой дѣвушки, и только ея внезапное молчаніе заставило его опомниться. Онъ быстро всталъ и провелъ рукою по лбу.

— Вы, однакоже, храбро защищаете своихъ соотечественниковъ! глухо и съ усиліемъ проговорилъ онъ, точно ему было трудно говорить.

— И вы точно также защищали бы ихъ, еслибы вамъ представилась возможность, непринужденно отвѣчала Фрида.—Вы, конечно, всѣмъ вѣсомъ вашего имени и вашего положенія выступили бы противъ подобнаго предпріятія и, конечно, могли бы сдѣлать больше никому неизвѣстнаго священника, у котораго, кромѣ того, очень мало времени и не мало хлопотъ съ бѣдными своего прихода. Мистеръ Сандовъ! воскликнула она, подходя къ нему ближе:—я, право, не хотѣла оскорбить васъ своими необдуманными словами. Общественная молва приписываетъ тому человѣку подобныя планы. Можетъ быть, молва къ нему несправедлива, можетъ быть, и пасторъ Гагенъ ошибается. Вы молвъ этой не вѣрите, я вижу это по вашему лицу и по волненію, которое вы стараетесь скрыть, а вѣдь вы товарища своего должны лучше знать.

Дѣйствительно, Сандовъ былъ взволнованъ; онъ съ такой судорожной силой схватился за спинку скамейки, точно хотѣлъ сломать рѣзбу, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ говорить ни слова.

— Невеселый мы начали разговоръ! торопливо проговорилъ онъ.—Но я никакъ бы не подумалъ, что робкая, тихая дѣвочка, жившая въ продолженіе недѣли у меня въ домѣ и едва осмѣливавшаяся поднять глаза и раскрыть ротъ, можетъ съ такимъ жаромъ защищать чужіе интересы. Отчего это вы никогда не показывались намъ съ этой стороны?

— Я не смѣла. Я такъ страшно боялась....

Фрида не договорила, но глаза ея, не то робко, не то довѣрчиво встрѣтившіеся съ его глазами, досказали то, чего она не рѣшилась сказать словами, и были поняты.

— Кого же вы боялись? Можетъ быть, меня?..

— Да, проговорила дѣвушка, тяжело вздохнувъ.—Я страшно васъ боялась... до настоящей минуты!

— Нѣтъ, дитя, вамъ не слѣдуетъ меня бояться!

Въ голосѣ Сандова слышалась нотка, много лѣтъ уже не звучавшая въ немъ, нотка теплая и мягкая.—Я кажусь вамъ, можетъ быть, строгимъ и холоднымъ, и, дѣйствительно, я, можетъ быть, таковъ и есть въ дѣловой жизни, но съ юной гостью, пріютившейся подъ защиту моего дома, я такимъ быть не могу. Не отстраняйтесь отъ меня съ такой робостью, какъ вы отстранялись до сихъ поръ. Меня вамъ бояться нечего.

Онъ протянулъ ей руку, но Фрида колебалась, взять ли ее, или нѣтъ. Лицо ея то блѣднѣло, то краснѣло, точно въ душѣ у нея происходила какая-то борьба. Въ эту минуту съ террасы слышался голосъ Джесси, обезпокоившейся, что Фрида такъ долго не приходила. Фрида вздрогнула.

— Меня зовутъ миссъ Клиффордъ, мнѣ надо идти къ ней! Благодарю васъ, мистеръ Сандовъ, я... я не стану болѣе бояться васъ!

Онъ не успѣлъ опомниться, какъ она быстро прижала къ своимъ губамъ его протянутую руку и скрылась въ кусты.

Съ удивленіемъ и смущеніемъ смотрѣлъ Сандовъ ей вслѣдъ. Странная дѣвушка! Что это за смѣсь робости и смѣлости, пылкой откровенности и замкнутости! Онъ ничего понять не могъ, а между тѣмъ Фрида, своей внезапною и неожиданныю смѣлостью, достигла того, чего не достигнула бы самымъ мудрымъ расчетомъ; она глубоко расположила въ свою пользу человѣка, вообще ко всему равнодушнаго. Онъ имѣлъ поводъ сердиться на эту странную дѣвушку, но, не смотря на это, черные глаза производили на него такое дѣйствіе, котораго онъ не могъ объяснить себѣ. Онъ забылъ,— можетъ быть, въ первый разъ въ жизни,—что у него на столѣ, въ кабинетѣ, лежали важныя письма. Тихо опустился онъ на скамейку и сталъ смотрѣть на бурное море.

«Убийственно однообразнымъ» называлъ онъ это вѣчно-безпокойное море. Любовь къ красотамъ природы давно вымерла въ немъ, какъ вымерло и многое другое; но слова эти, какъ-то без-

сознательно, сохранились въ памяти. Да, конечно, за этимъ океаномъ лежала его родина! Сандовъ много лѣтъ не вспоминалъ о ней; и что ему было за дѣло до его родины! Вѣдь онъ давно сталъ чужимъ для нея и давно пустилъ корни въ новую почву, которой былъ обязанъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Прошедшее лежало за нимъ такъ-же далеко, какъ лежала эта невидимая, родина за туманомъ.

Гордый, богатый купецъ, фамилія котораго гремѣла во всѣхъ большихъ городахъ, привыкшій вертѣть сотнями тысячъ, конечно, съ жалкимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на прошлое, на скромную жизнь маленькаго чиновника въ незначительномъ провинціальномъ городѣ. Какъ узокъ, какъ ограниченъ былъ тогда горизонтъ его жизни и какъ изворачивался онъ съ своимъ незначительнымъ содержаниемъ, пока, наконецъ, послѣ долгихъ надеждъ и ожиданій, не добился мѣста, дозволившаго ему обзавестись хозяйствомъ. И какъ маленькое хозяйство его было освѣщено счастливой взаимной любовью, какъ онъ былъ счастливъ, встрѣчая дома прелестную жену и цвѣтущаго ребенка, какъ мечталъ о счастливомъ будущемъ, которому, однакоже, не суждено было осуществиться.

Одинъ изъ друзей молодости Сандова, съ которымъ онъ выросъ, вмѣстѣ учился въ школѣ, а потомъ вмѣстѣ поступилъ въ университетъ, вернулся на родину послѣ многолѣтняго отсутствія. Онъ былъ человѣкъ съ независимымъ состояніемъ, и ему не надо было бояться за свое существованіе, какъ его другу, который съ распростертыми объятіями встрѣтилъ его и познакомилъ съ своей молодой женой. Тутъ началась одна изъ тѣхъ семейныхъ трагедій, которыя такъ часто разыгрываются втихомолку, пока какая нибудь катастрофа не произведетъ взрыва. Обманутый человѣкъ и не подозрѣвалъ, что сердце жены у него отнято, что измѣна кроется у него въ домѣ. Его любовь и твердая увѣренность ослѣпляли его, и когда, наконецъ, глаза у него открылись, было уже слишкомъ поздно, такъ какъ счастье и честь его были разбиты. Доведенный чуть не до помѣшательства отчаяніемъ, онъ потерялъ самосознаніе и бросился на похитителя своего счастья. Судьба его избавила однакоже отъ послѣдняго несчастія и не дала ему сдѣ-

латься убійцею, но, тѣмъ не менѣе, Сандову пришлось искупить свой проступокъ многолѣтнимъ заключеніемъ. Какъ ни былъ онъ правъ, но это заточеніе разстроило всю его жизнь. Мѣсто, конечно, онъ потерялъ и служебная карьера его была испорчена. Женщина, когда-то называвшаяся его женой, развелась съ нимъ для того, чтобы выйти замужъ за человѣка, погубившаго ея мужа; ребенка же, по закону отданнаго ему, онъ самъ возвратилъ матери. Онъ сталъ сомнѣваться во всемъ, что считалъ прежде правдивымъ и чистымъ, и потому усомнился даже въ своихъ отцовскихъ правахъ и не призналъ маленькаго существа, составлявшаго прежде его счастье. Отдавъ ребенка матери, онъ отказался даже видѣть его. О возвратѣ на родину, къ прежней жизни, и рѣчи быть не могло. Ему оставалась только Америка, убѣжище столькихъ людей съ разбитою жизнью. Недовольный собой и жизнью, удрученный клеймомъ обвиненія, пріѣхалъ онъ въ Новый Свѣтъ, чтобы начать новую жизнь. И тутъ то, отъ бѣдности онъ шагнулъ къ блеску и богатству.

Съ тѣхъ поръ удача не покидала Франца Сандова. Ему удавалось все, что онъ ни предпринималъ, вслѣдствіе чего онъ пускался въ весьма смѣлыя предпріятія. Спокойнаго и осторожнаго Клиффорда онъ увлекъ на самыя отважныя спекуляціи, и такъ какъ со смертію его онъ сдѣлался полнымъ распорядителемъ торговаго дома, то не зналъ уже болѣе границъ. Неприятно было видѣть эту жажду къ наживѣ въ человѣкѣ совершенно одинокомъ, въ человѣкѣ, которому не для кого было работать. Но вѣдь человѣкъ долженъ же за что нибудь цѣпляться, имѣть какую нибудь цѣль въ жизни,—и потому, нерѣдко, лишившись благородныхъ стремлений, онъ начинаетъ поклоняться золотому тельцу. Страсть къ наживѣ совершенно овладѣла Сандовомъ, она толкала его безъ устали отъ одной спекуляціи къ другой и заставляла нерѣдко ставить все состояніе на одну карту. Съ другой стороны, страсть эта сдѣлала его равнодушнымъ ко всемъ радостямъ жизни, ко всякому спокойствію и отдохновенію. Глава большаго банкирскаго дома, дѣйствительно, приобрѣлъ завидное положеніе въ жизни; но

лицо его выражало только заботу и тревогу, и вѣчное лихорадочное волненіе; а о мирѣ и счастіи — не могло быть и рѣчи.

Туманъ на морѣ становился все гуще и гуще, и придвигался все ближе. Какъ мрачныя тѣни, подходилъ онъ къ землѣ, а подъ нимъ катились грозные валы. Поднявшійся вѣтеръ со злобою разбивалъ волны о берегъ. Онѣ разлетались теперь съ пѣною и брызгами, и точно съ угрозою подвѣтывались къ ногамъ человѣка, задумчиво смотрѣвшаго на нихъ. Ему казалось, что волны эти повторяютъ только что сказанныя ему тутъ слова, и что за туманомъ поднимаются образы и картины, только что нарисованные ему.

Странно! То, чего не могли достигнуть энергическіе доводы Густава, было достигнуто дѣтской болтовней. Серьезныя убѣжденія брата не произвели на коммерсанта ни малѣйшаго впечатлѣнія; онъ называлъ ихъ сантиментальными бреднями и грозно просилъ замолчать. Онъ уже давно отвыкъ принимать въ соображеніе благостояніе ближнихъ въ своихъ спекуляціяхъ. «Съ людьми надо обращаться, какъ съ цифрами», говорилъ онъ постоянно. Точно также и въ виду этой спекуляціи, предложенной ему компаньономъ, онъ отнесся къ людямъ, какъ къ цифрамъ, и ему въ голову не приходило, что это все таки люди, а не цифры. И вотъ неопытный ребенокъ, не подозрѣвавшій значенія своихъ словъ, рѣшался говорить ему подобныя вещи! Слова эти засѣли въ него крѣпко, и онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ.

«Сколько горя и страха, сколько желаній и надеждъ везутъ съ собой эти люди!» Сандовъ самъ испыталъ это, онъ тоже сѣлъ на пароходъ, лишившись надежды и дѣлая послѣднюю отчаянную попытку начать новую жизнь. Ему это удалось, ему подали руку помощи друзья и родные. Не будь ихъ, онъ, можетъ быть, тоже погибнулъ бы. Но вѣдь пароходы приходятъ сотнями и привозятъ они тысячи народа, возлагающаго послѣднюю надежду на новый свѣтъ и ищущаго спасительной руки. И всякій, принимавшій протянутую руку Дженкинса, непременно долженъ былъ погибнуть. А между тѣмъ, сколько въ Новомъ Свѣтѣ было еще пустаго мѣста, гораздо болѣе благодатнаго, чѣмъ родина. Громадная мѣстность была

куплена за баснословно дешевую цѣну и должна была доставить громадный барышъ. Такъ, дѣйствительно, на свѣтѣ существуютъ люди, которые сознательно толкаютъ ближнихъ своихъ въ несчастіе, для того чтобы самими обогатиться!

Сандовъ вдругъ вскочилъ. Онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ словъ, врѣзавшихся ему въ память, отъ мыслей, окружавшихъ его, какъ призраки. Онъ не могъ долѣе выносить этого однообразнаго плеска, а туманъ тяжелымъ камнемъ давилъ ему грудь. Онъ быстро пошелъ отъ берега къ дому. Но тщетно заперся онъ у себя въ комнатѣ, тщетно зарылся въ письма и депеши. За стѣнами билось и шумѣло море, и въ душѣ у него тоже пробудилось нѣчто, много лѣтъ тамъ дремавшее, пробудилась наконецъ... совѣсть!

ОДНОДВОРЦЫ.

П О В Ъ С Т Ъ .

Ш.

Радостно брызнулъ, изъ-за ярко зазеленѣвшаго на косогорѣ ржанаго клина, первый солнечный лучъ и заблестѣлъ на побѣлѣвшемъ отъ росы выгонѣ села Брѣхова; радостно горѣли въ голубомъ воздухѣ ранняго утра церковные кресты и кругляя, нѣсколько неуклюжія главы изъ бѣлой жести; радостно звучалъ небольшой глуховатый колоколь, призывая прихожанъ къ ранней обѣднѣ и напоминая имъ о наступившемъ храмовомъ праздникѣ. Глухіе, сиповатые, словно-старческіе звуки небольшого колокола плавно неслись съ невысокой, на бокъ скривившейся, деревянной колокольни, расходясь въ чистомъ, еще свѣжемъ послѣ ночной прохлады, утреннемъ воздухѣ, торопя къ обѣднѣ отдаленныхъ, разбросанныхъ по верхамъ и перелѣскамъ, хуторянъ.

«Шестидесятый праздникъ свой встрѣчаю», размышлялъ самъ съ собой Митрій Рачитель, до-свѣту, по привычкѣ, одѣтый, умытый, разчесанный, присѣвъ на своемъ крыльцѣ и не безъ удовольствія прислушиваясь, какъ возились въ избѣ жена и дочь, по горло занятыя праздничною тряпнею. — «Привелъ Господь шестидесятый праздникъ свой встрѣчать... Да!.. потому мнѣ, должно, семей десятокъ идетъ. На девятомъ году помнись себя зачалъ... Давній я человекъ!.. Много за мою память воды утекло. Колокольню-то ставили, я уже въ портвахъ бѣгалъ; и та, матушка, похилилась на сторону, уморилась стоявши, даромъ что дубовая... Лѣсь еще, дубы, мы возили; а рядчикомъ Кирсановъ—отецъ

былъ... Высока ребенку колокольня казалась; а какъ походилъ самъ по свѣту да повидаль городскія церкви, такъ свою колокольню и не призналъ: мала-моль». Старикъ вздохнулъ. На свою небольшую сельскую церковь съ низенькими придѣлами и алтаремъ, сидѣвшую подъ высокою, неуклюжею, желѣзною полинялою крышею, на подъемѣ широкаго выгона, онъ глядѣлъ уже съ тѣмъ грустно-покойнымъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно глядитъ вѣрующій, много пожившій и уставшій человекъ на мѣсто своего вѣчнаго успокоенія. Эта деревянная, подъ грязно-зеленою крышею, церковь во имя святой живоначальной Троицы, намозолившая ему глаза своимъ видомъ, церковь, въ которой его крестили, гдѣ онъ вѣнчался, гдѣ крестилъ своихъ дѣтей, гдѣ они будутъ вѣнчаться и своихъ дѣтей крестить,—напоминаетъ ему теперь тотъ конечный и неизбѣжный предѣлъ, за которымъ временное смѣнится вѣчнымъ, жизнь—смертью, изба—погостомъ. Уже не пугали его теперь, какъ прежде, когда онъ мальчикомъ былъ, кресты и голубцы, лишенные своихъ переглядинъ, встававшіе кругомъ церкви надъ могилами погоста и мрачно-сиротливою толпою темнѣвшіе на свѣтломъ горизонтѣ. Съ каждымъ годомъ, приближавшимъ старика къ погосту, онъ привыкалъ смотрѣть на него дружелюбнѣе; и по мѣрѣ того, какъ, старѣясь, сиротливѣе и одиноче чувствовалъ онъ себя въ своей семьѣ, среди чуждаго ему интереса молодости и уже безпокоившаго его избытка жизни, видъ погоста и мысль о смерти теперь успокаивали его, исправляли его житейскія заблужденія. Давно уже, много лѣтъ слышитъ онъ этотъ тупой звукъ колокола. Въ просвѣтъ четырехугольнаго окна колокольни темнѣетъ фигура пономаря Яши съ козлиною бороденкою, усердно трезвонящаго. Митрій, не потерявшій своей зоркости, не смотря на лѣта, слѣдилъ внимательно за веревками, прыгающими въ рукахъ искуснаго звонаря. Широко разставя ноги, раскачиваясь въ широкополой старой шляпѣ, съ мотающеюся бороденкою и въ развѣвающимся нанковомъ, безъ подкладки, подрясникѣ съ широкими рукавами, пономарь Яша явно хлопоталъ отличиться предъ приходомъ въ таковой торжественный день. Рачителю праздничный трезвонъ казался

лучшею и несравненною музыкой; но трезвонъ пономаря онъ, въ своемъ простодушномъ заблужденіи, предпочиталъ даже соборному трезвону въ «губерніи», гдѣ доводилось бывать ему.

Праздничный трезвонъ не замедлилъ собрать къ церкви толпу богомольцевъ, въ которой, по раннему времени, больше старики шли и старухи. Парни по хозяйству—какъ водится—суетились, чтобы цѣлый день быть свободными; дѣвки тоже, какъ водится, наряжались,—къ поздней обѣднѣ готовились. Съ своего крыльца Митрій видитъ вдали, на покатои возвышенности, за рѣкой, по чуть бѣлѣвшимъ среди зеленыхъ клиновъ проселкамъ, парныя и одиночныя телѣги. Про каждую телѣгу Митрій безошибочно говорилъ—откуда и чья. «Петръ Павлычъ съ хозяйкой!» провожалъ онъ быстро спускавшуюся къ мосту телѣгу.—«Арендатель Фентисовскій!»—«Паршакъ, должно, верхомъ; Паршакъ-же! опричь Паршака, изъ лѣсу некому»,—и такъ далѣе. По тихому утру отчетливо доносился стукъ кованыхъ колесъ, топотъ копытъ. Ягушечій хоръ, будто утомившись за ночь, выкрикивалъ теперь не столь дружно и охотно. Соловьи будто застыдились, при солнечномъ свѣтѣ и дневномъ шумѣ, пѣть свои сладкія и нѣжныя пѣсни, заимствуя свою страсть у теплой тишины и мечтательности звѣздныхъ лѣтнихъ ночей; зато вѣробьи весело чирикали и шумно перелетали съ ракиты на ракиту.

Стукъ подъѣзжающей телѣги и топотъ копытъ заставилъ Митрія оглянуться. По дорогѣ, тесьмой бѣжавшей по выгону, высоко забирая передомъ, съ легкостью сильной лошади, размашисто бѣжала рослая, вороная, хорошихъ статей кобыла, какъ игрушку неся высокую розовую дугу и новый, въ блестящемъ наборѣ, хомутъ. Породистою кобылою ловко правилъ молодой безусый малый, въ суконномъ сюртукѣ и красномъ шейномъ платкѣ. Рядомъ съ нимъ, высоко сидѣлъ на задкѣ новой телѣги, прикрытой домашнимъ ковромъ, старикъ въ новенькомъ дубленомъ полушубкѣ, въ новой поярковой шляпѣ, съ развѣвающимся бѣлою бородою. Въ рукѣ онъ держалъ пучекъ тонкихъ восковыхъ свѣчъ, обернутый бумагою; сбоку кобылы весело подпрыгивая и стрѣлою описывая легкіе круги, скакалъ на высокихъ, тонкихъ ногахъ

стройный темносѣрый жеребенокъ, съ бойко приподнятымъ жеребчатымъ хвостомъ и съ гремушкою на шеѣ.

Встрѣчные мужики и бабы кланялись бѣлобородому старику съ уваженьемъ; какъ только кланяются они хорошимъ людямъ изъ своей братьи. Поднялся съ лавки и Митрій, и отдалъ свое почтеніе бѣлобородому, лишь только тотъ поровнялся съ крыльцомъ.

— Митрію Ваньчу! привѣтствовалъ Рачителя съ телѣги не только почтенный, но замѣчательно красивый старикъ, волостной старшина Алябевъ «съ хутора», осторожно приподымая свою новую поярковую шляпу.

— Съ праздничкомъ господнимъ васъ, Никита Лукьянычъ! въ свою очередь, съ поклономъ, обратился къ старшинѣ Рачитель, скромно запахивая полу своего наброшеннаго на плечи кафтана.

— Отблаговѣстили! слегка обернувшись, уже отѣхавъ, крикнулъ Рачителю старшина, словно напоминая богомольному хозяину, что въ церковь пора.

— Я вотъ сейчасъ! Рачитель заторопился уйдти въ горницу, нѣсколько задѣтый замѣчаніемъ старшины. Самолюбивъ онъ былъ по своему. Онъ одѣвался, твердя: «И то запоздалъ, отрезвонили».

Въ нашихъ захолустьяхъ, въ старыхъ сѣлахъ, еще встрѣчаются кое-гдѣ старыя деревянныя церкви, уже плохенькія, явно отказывающіяся продолжать свое существованіе. Обыкновенно небольшая, словно старуха съ каждымъ годомъ погинающаяся и ветшающая, печально глядитъ старая церковь кругомъ себя маленькими окошками, терпѣливо выжидая своей очереди быть сломанной и замѣненной высокимъ каменнымъ храмомъ съ обширнымъ крестообразіемъ и пятью главами въ византійскомъ стилѣ. Вѣрныя тому глубокому религиозному чувству, что въ свое время, не мудрствуя лукаво, ихъ воздвигнуло, старыя деревянныя церкви отживаютъ вмѣстѣ съ старымъ вѣкомъ, старымъ поколѣніемъ, старой вѣрой. Онѣ словно понимаютъ, что сирѣ онѣ, одиноки, не нужны теперь подросшему молодому поколѣнію, для котораго уже не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ были для его отцовъ и дѣдовъ. «Вотъ только похороню на погостѣ послѣднихъ своихъ стариковъ и сама на покой, на боковую», — какъ бы раздумывала въ землю взрослая, по-

качнувшаяся старая брѣховская церковь. И правда! Дорога она была и мила только старикамъ, а молодежь уже поговаривала: что, дескать, и тѣсна-то по приходу церковь, и ветха — не свалило бы ее какъ въ бурю, — и страмовато-де такому богатому селу такую убогую церковку имѣть, каменную пора бы ставить.

Только что срубленные въ лѣсу, кудрявыя молодыя красавицы — березки, всё въ блескѣ, всё опушенные веселой зеленью — окружали сегодня церковь. Караулку, — сѣрую избу «на юру», близъ церкви, — тѣсно заставили телѣги, засѣданные лошади, бѣгвыя дрожки. На скривившейся паперти, по обѣимъ сторонамъ низкой, широкой двери, надъ которою висѣлъ полуившійся отъ непогоды и времени образъ «Живоначальная Троицы», прислонясь къ стѣнкѣ, рядомъ стояли мужицкія палки и костыли; съ надѣтыми на нихъ шапками и картузами. Молодыя березки, какъ подъ лакомъ, блестяція своею зеленью и бѣлыми стволами, красуются нынче возлѣ двери, у стараго иконостаса, — вездѣ, гдѣ только поставить можно и гдѣ ихъ еще вчера не было, и опять цѣлый годъ не будетъ. Низкая трапезная, съ нависшими досками подшивнаго потолка, надъ тѣсно сплоченными мужичьими головами, озолочена веселымъ лучомъ, ворвавшимся въ боковое окно; голубой дымомъ отъ кадила и свѣчей застилалъ внутренность церкви, биткомъ набитой народомъ и тоже радостно освѣщенной утреннимъ солнцемъ въ маленькія верхнія окна. Глухое, сопровождаемое шопотомъ молитвы и вздохами, движенье толпы, крестящейся за возгласами дьякона, заключало въ себѣ нѣчто торжественное и располагало Рачителя къ молитвѣ. Онъ сталъ на колѣни, поставилъ свою палку со старой поярковой шляпой въ рядъ съ другими и усердно ударилъ лбомъ въ помость. Потомъ перекрестился, прочиталъ: «Отче нашъ» съ глубокимъ видомъ смиренія и душевной скорби о своей грѣхности, возведя глаза на облупившійся образъ живоначальной Троицы; поднялся не безъ труда, опираясь на погнувшуюся неуклюжую колонну съ привязанной березкой и, сложивъ на животъ руки, вслушивался въ хрипкое чтеніе старичка дьякона, котораго желтоватая голова, съ смѣшною косицею на затылкѣ, двигалась выше толпы, согбенная надъ книгой и озаренная мягкимъ золотистымъ лу-

чемъ. Манера дьякона читать протяжно, безъ знаковъ препинанія, однообразно, нерѣдко останавливаясь на половинѣ слова и другую половину продолжая послѣ передышки—эта манера пользовалась особеннымъ уваженіемъ неграмотныхъ стариковъ. Рачитель, сверстникъ дьякона по лѣтамъ, словно бы возлѣ него стоялъ,—такъ онъ его на память зналъ. Маленькая, невзрачная, тощая фигура дьякона Погромскаго, въ волочащемся по полу стихарѣ, съ приемами ненужной суетливости, напоминала нѣсколько суетливость воробья; синѣвъ съ натуги и вода по строкамъ книги грязнымъ пальцемъ, не обращая ни на кого вниманія, твердо рѣшился отецъ-дьяконъ, своимъ разбитымъ хриплымъ голосомъ, изобразить баса. Мѣдныя очки, съ засаленной веревочкой чрезъ всю голову, ущемляли матерой носъ, надъ развитіемъ котораго природа-мать явно потрудились съ особеннымъ стараніемъ и который надвинулся къ самой губѣ, почему-то облѣзлой, то есть лишенной усовъ. Отъ добросовѣстнаго вздергиванья матераго носа даже вздрагивала жидкая метелка его желтенькой бородки. Скрививъ на сторону, довольно некрасиво, свой ротъ, безъ чего онъ никакъ бы не могъ изобразить баса, дьяконъ Теогность Погромскій, черезъ тускляя стекла мѣдныхъ очковъ, вонзалъ въ строки Евангелія свои бѣлесоватыя потухшія глазки, глубоко ушедшія въ морщинистый лобъ. А толпа благоговѣнно слушаетъ, чихаетъ, кашляетъ, сморкается, крестится. Изъ десяти словъ дьяконова чтенія набожная толпа почти ничего разобрать не можетъ, рѣдкое слово пойметъ, а не то дьяконъ словами давится, съѣдаетъ ихъ, мычитъ, такъ что ничего не разберешь; но изъ того немногаго, что могутъ понять прихожане въ дьяконовомъ чтеніи, изъ тѣхъ хорошихъ словъ священной книги въ постарѣвшемъ малиновомъ бархатѣ, съ кованымъ серебрянымъ крестомъ по срединѣ и коваными углами, что только достигаетъ уха богомольцевъ—глубоко западаетъ въ простыя крестьянскія сердца. Особенно старые, хворые, нуждающіеся въ утѣшеніи понимали здѣсь еще яснѣе, что жить—значить работать, болѣть тѣломъ, скорбѣть душою, но что въ будущемъ, въ загробной жизни, обѣщанной за кратковременное земное страданіе, человѣка ждетъ награда въ успокоеніи. Евангельская правда понятна чистому сердцу толпы

народной, еще не затронутой сомнѣніями, не раздраженной умственными противорѣчіями, не утомленной безчисленными вопросами, на которые нѣтъ отвѣта. Народная масса не даромъ-же является хранительницей непосредственного чувства и высшаго нравственного идеала; народъ, какъ духовная сила, не томится ни пустой, безысходной тоской, ни отвлеченными, туманными стремленіями; народное представленіе, какъ и народное вѣрованіе, исполнено образной точности, определенныхъ понятій и спокойнаго, мудраго примиренія...

Съ каждымъ годомъ, старѣясь, Митрій Рачитель ближе становится къ своей деревянной церкви и чаще посѣщаль ее. Давно уже степенный мужикъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ того, что его стѣсняло въ молодые годы; душевная грусть, тихое, но неумолкаемое раскаянне въ ошибкахъ и грѣхахъ молодости, — вотъ мотивъ горячей молитвы и настроенія Рачителя въ церкви. Онъ особенно умилялся нынѣ, стоя подъ нагрѣвающимъ его голову весеннимъ солнцемъ, слыша робко льющуюся съ яснаго неба пѣсню жаворонка.

Всматривается Митрій въ темный, старый иконостасъ, за плотно сдвинувшейся толпой — не узнаётъ его; словно другой иконостасъ, убранный живою молодою зеленью, блестящими отъ лучей березками...

Обѣдня отошла, праздникъ вошелъ въ свои права хмѣльнаго, распоясавшагося хозяина, подгулявшаго, распоясаннаго гостя, что съ нимъ братается, обнимается, цѣлуется, а, подчасъ, и ругается. Разряженные и — нечего грѣха таить — разрумяненные и набѣленные стаи сельскихъ красавиць, — весело стрекочущихъ дѣвокъ и молодакъ, — держатся пока особнякомъ отъ парней, сбившихся въ безпокойную и задорную толпу. Среди кумачовыхъ рубашъ, суконныхъ и нанковыхъ поддевокъ, плисовыхъ и кубовыхъ широкихъ штановъ, запрятаныхъ въ высокія голенища, уже бреччала излюбленная сотни лѣтъ балалайка - трехструнница; уже подымалась разухабистая городская пѣсня подъ бойкую гармонику городского молодца; — это ребята налаживались, къ «улицѣ» готовились. На заваленкахъ и просто на травѣ, у своихъ избъ, разсѣлась болѣе степенная часть прекраснаго брѣховскаго пола; заго-

рѣлыя руки то и дѣло подносили ко рту подсолнухи. Постороннему, не заинтересованному въ этомъ праздничномъ днѣ, наблюдателю страннымъ несоотвѣтствіемъ показала бы рѣзкая, въ глаза бьющая противоположность яркихъ платьевъ, юбокъ, платковъ и рубашекъ съ бурыми, черными, продыmlенными соломенными крышами, со старыми, словно больными или несчастными, черными избями. Иныя изъ этихъ избъ словно дичатся и нелюдимо обернулись къ улицѣ задомъ, выглядывая на зеленый выгонъ чуть прорубленнымъ волоковымъ оконцемъ. Впрочемъ, нерѣдко весело желтѣлась вѣнцовая связь съ просторными сѣнцами и красивымъ крыльцомъ, подъ навѣсомъ котораго дружно обѣдала съ своими гостями людная семья. Веселая молодежь, управясь съ обѣдомъ, конечно, раньше обычнаго, высыпала на выгонъ, туда, гдѣ виднѣлись качели. Качели эти только вчера и поставили. Это просто высокіе дубы, по три съ каждой стороны, въ распорѣ врытые въ землю, съ большими дубовыми котельями на толстой перекладинѣ. Кругомъ качелей веселый говоръ, смѣхъ; пѣсня ладилась подъ гармонику. Въ то же время, въ узкихъ ракитовыхъ проулкахъ, безтолково крутившихся между плетней и огородовъ, будто бы нечаянно встрѣчались именно тѣ изъ парней и дѣвокъ, которымъ почему либо хотѣлось встрѣтиться другъ съ другомъ и поболтать между собою по душѣ, глазъ на глазъ, безъ свидѣтелей. Часто, подымая за собою облако пыли, катила по дорогѣ припоздавшая телѣга съ «гостями»,—разряженными бабами на задкѣ и мужикомъ на облучкѣ. Провожая иную парную съ колокольцемъ телѣгу, съ гостями и ковромъ, спущеннымъ съ задка, подгулявшіе брѣховскіе парни вступали съ этими гостями въ краткій, но громкій разговоръ, перекидываясь съ пріѣзжими острыми словцами, къ обоюдному удовольствію, въ такомъ, напริมѣръ, родѣ:

— Пошелъ, малый, пошелъ! Припоздалъ, сердѣка! Небось, студень Перьковы поѣли!

— А мы, признаться, господа, съ собою студень захватили, знавши васъ, брѣховцевъ, что до свѣту праздники встрѣчаете!— оборвалъ, въ долгу не остался черный, какъ цыганъ, однодворецъ изъ деревни Мисайдовой, гость Перьковыхъ. Или вотъ такія встрѣчи:

— Продаешь? мѣняешь? даромъ отдаешь? приступили молодые брѣховцы къ гостю - увальню, еле трусившему въ плохенькой телѣжонкѣ, на дохлой клячѣ, съ пучеглавою, обширною, какъ козна, бабою, пропотѣлою даже въ одномъ сарафанѣ.

— Ахъ съ пуда везешь, дяденька? выискался другой брехачъ: — Затомилъ ты мнѣ тетеньку, ротъ разинула, глазища выдупила!

— Племяшъ изъ подъ водочнаго крана! съ досадою буркнулъ увалень-гость, впрочемъ благоразумно постегивая лошаденку изъ опаски: не обидѣли бы пострѣлы? Дѣло праздничное.

Взрывы веселаго хохота провожали гостей. На выѣздѣ изъ села, покачнувшаяся на бокъ хибарка — «кабакъ» — предъявляла прохожему и проѣзжему, въ видѣ краснаго лоскута, мотавшагося на высокомъ шестѣ, свое право быть всегда пьянымъ и развеселымъ мѣстомъ. Тутъ же, какъ слѣдуетъ, порядкомъ ошпанннй, «оплошавшій», — какъ о немъ мужики говорили, — сельчанинъ Павелъ Разуваловъ, по прозванью Дергоусъ, «наяривалъ» на балалайкѣ камаринскую. Дергоусъ былъ когда-то «въ славѣ ямщикъ, а теперь заболтался». Имъ, бывало, дорожили почто-содержатели; самъ онъ, особенно съ пьяну, величалъ себя «кульерскимъ». Не смотря на свою изъ рукъ вонъ плохенькую одежку, онъ выглядывалъ козыремъ, держался не безъ своеобразнаго достоинства. Уже нѣсколько лѣтъ, въ будни и праздникъ, зимою и лѣтомъ брѣховцы привыкли видѣть Павла Разувалова въ одномъ и томъ же старенькомъ, обившемся полущубкѣ; въ той же пыльной и грязной, утерявшей свой видъ ямской, зимней шапкѣ, въ тѣхъ же рыжихъ, давно сторѣвшихъ на ногахъ, сапожонкахъ съ уныло упавшими голенищами и «разинувшими ротъ» носками. Покачиваясь на захмѣлѣвшихъ ногахъ, онъ курилъ изъ коротенькой «носогрѣйки», не выпуская ее изъ зубовъ. Въ зимней шапкѣ совсѣмъ на затылкѣ, подпоясанный подъ пузо рванымъ ремешкомъ, онъ точно имѣлъ видъ ямщика, рассчитаннаго со станціи за пьянство; вся его плотная фигура напоминала веревочныя «переплутины» на высокомъ переду ямской телѣги, ямскую гоньбу, безконечную большую дорогу съ равитами и станціями и пр., въ этомъ родѣ. Онъ часто взмахивалъ подстриженной въ скобку головой, причемъ

тяжелая зимняя шапка принимала то именно положение, какое онъ считалъ для себя въ ту минуту удобнымъ. Его грязныя руки проворно наигрывали плясовую пѣсню. Онъ съ большимъ удовольствіемъ и съ видомъ знатока слѣдилъ за выпляской, которую задавалъ, подъ балалайку, неистовый солдатъ Махоткинъ, пугало брѣховскихъ и сосѣднихъ мужиковъ. Выбритый, въ жилетѣ поверхъ розовой ситцевой рубашки, съ мѣдной серёжкой въ ухѣ, рыжий, разноглазый, съ непустымъ штофомъ въ одной рукѣ и со стаканомъ въ другой, солдатъ Махоткинъ глубокомысленно буравилъ землю подборомъ сапога. Передъ нимъ толчется баба, пьяная сельская мегера, изрѣдка притопывая ужасно мясистыми ногами, причемъ все мясо на ней дрожало. Солдатъ Махоткинъ одобрялъ ее иногда, называя «женскимъ поломъ». А расходившаяся сельская плясунья, взвизгивая и смѣясь плотоядною усмѣшкою, нескромно обнажала ноги. Хотя Павла Разувалова и солдата Махоткина соединяли узы нѣжной дружбы, почерпнутой въ винной бочкѣ мѣщанина Юдича, тѣмъ не менѣе они были разные люди сами по себѣ, а также производили совѣмъ разное впечатлѣніе. Насколько видъ и грубость движеній и рѣчей солдата отталкивали отъ него, настолько-же что-то добродушное въ смышленномъ выраженіи Разувалова и невыдуманное, а присущее его характеру ухарство располагали въ его пользу. Свойства своими они различались еще рѣзче: Разуваловъ былъ только пьяница, а Махоткинъ—пьяница и разбойникъ, никогда ни надъ чѣмъ не задумывающійся. Добрые люди уже шепнули ему по пріязни: берегись, молъ, солдатъ; общество все противъ тебя стало, о приговорѣ толкуютъ. А ему: завей горе веревочкой! На смѣхъ ихъ всѣхъ поднялъ: неподсудный-де я человѣкъ имъ, талагаямъ; знать ихъ не хочу!

— Гости, матушка! вѣжалъ въ избу съ улицы младшій сынъ Рачителя, Сенька, только что отошла обѣдня.—Тетя Дарья!— и опять уѣжалъ гостью встрѣчать.

— Сестра Дарья пріѣхала, матушка, съ безпокойствомъ обратилась къ широкой печкѣ хлопотливая Рачителева хозяйка Матрена, направляясь въ дверь и словно раздумывая: радоваться-ли ей пріѣзду сестры, или не радоваться?

— «Дарья! кхи! кхи! опять въ поборъ! опять съ сестры!» на распѣвъ пропѣвала на своей теплой печи, невидимая снизу, свекровь «бабушка Алпатьевна», задыхаясь отъ кашля: — «пустая мельница и безъ вѣтра мелеть».

Высказавшись такъ, не въ пользу пріѣхавшей гостьи, бабушка Алпатьевна выглянула съ печи, словно удовлетворяя своему любопытству. Дрожащая отъ старости, облѣзлая голова ея, — простоволосая, съ желтымъ, какъ пупавка, дряблымъ старческимъ лицомъ въ кулачекъ, все въ мелкихъ и частыхъ морщинахъ, — могла испугать съ перваго на нее взгляда. Не смотря на свои сто лѣтъ, высохшая, какъ мумія, старуха не безъ труда и оханья полѣзла съ печи, свѣсила высохшія костлявыя ноги въ длинныхъ шерстяныхъ чулкахъ; потомъ, упираясь въ печь темными костлявыми руками, врехтя и кашляя, сползла на лавку, а съ лавки на полъ. Шатаясь, словно разбитая, старая старуха прикрыла свои костлявыя плечи попавшимся подъ руку старенькимъ пальто невѣстки (по однодворчески «полудлинкою») и, послѣ такихъ непосильныхъ трудовъ, вызванныхъ особенными обстоятельствами, упала на лавку.

— Городское телѣ мудренѣе деревенскаго пономаря, бормотала старуха, возя своими негнушимися, темными пальцами, какъ граблями, по обезволосѣвшей, словно въ пуху, бѣлой головѣ. — Кхи! кхи! бездомовка! бродяга! кхи!

Только успѣла вспомнить старуха, что «чехлигъ» ея остался на печкѣ и что она «простоволосая», — какъ въ избу вошла видная, еще не старая женщина, въ зеленомъ, поношенномъ, но все же шерстяномъ платьѣ. Сложеніемъ и дородностью она напоминала Матрену Рачителеву. Не смотря на жару, на ней красовался шалевый, яркихъ цвѣтовъ, платокъ; двуличневая шелковая косынка съ пышными концами врознь, по-мѣщански, повязывала, чуть не на затылкѣ, черноволосую голову гостьи. Румяна, сверхъ бѣлили, нескупо покрывали сдобное, вспотѣвшее, когда-то красивое, а теперь грубое и обрюзглое лицо. Посерпывая каблукѣми, городская гостья, какъ мужики говорятъ, «расфуфыренная», входила въ избу, не только увѣренная въ себѣ, и въ томъ, что ее

ожидаетъ и что ей самой предстоитъ продѣлать, какъ родной и гостьѣ, но даже съ замѣтнымъ и мало скрываемымъ видомъ превосходства надъ своею необразованною деревенскою роднею.

— Здравствуйте себѣ, старушка почтенная, Марья Алпатьевна, — обратилась къ «бабкѣ» съ пояснымъ поклономъ городская гостья, помолясь прежде всего на образъ, и храбро, троекратно облобызала присохшую на щекахъ темную кожу бабки, словно христосуясь, со щеки въ щеку, съ проворствомъ, говорившимъ за ея постоянную практику въ этомъ дѣлѣ: — Живы себѣ? Съ праздничкомъ престольнымъ, съ Троицынымъ днемъ. Провѣдать васъ похотѣла. Какъ же, сестрица, вотъ ужъ другой годъ не видались; соскучилась я по васъ, сестрица, съ дѣтками, а моими племянниками и племянницей. Какъ Господь васъ милуетъ? зачастила городская гостья, не давая никому рта разинуть и такъ бойко, что «бабушка» Алпатьевна пуще раскашлялась своимъ старческимъ кашлемъ, напоминавшимъ овечью перхоту, причемъ придерживала высохшею рукою свою впалую грудь. Расторопная Матрена во-время успѣла украсить облѣзлую голову свекрови теплымъ чехликомъ, и неодобрительно ворчала, зачѣмъ она съ печи слѣзла.

— Ну, какъ же ты, Дарьюшка? Что твой муженекъ пропойца? нашла, наконецъ, старуха возможнымъ спросить словоохотливую гостью, которую Матрена хлопотливо усадила въ красный уголь, за столъ, подъ иконы, а сама занялась самоварчикомъ и чаемъ: — Не бросаетъ своего? не споялся?

Сытое, нарумяненное лицо Дарьи, съ котораго сыпалась «щекатурка», попробовало при этомъ вопросѣ старухи изобразить горечь оскорбленнаго женскаго чувства; но ничего изъ такой попытки не вышло.

— Не говорите, бабушка, что ужъ тамъ? пропащій человекъ Василій Гордѣичъ! — заторопилась штукатуренная гостья перейти въ тонъ несчастной, жалующейся на свою жизнь, женщины. Точить языкъ на счетъ своего мужа было не только пріятнымъ для несчастной жены времяпровожденіемъ, но какъ бы ея призваньемъ. Въ качествѣ несчастной, хотя и штукатуренной жены, она сочла

нужнымъ къ своимъ сухимъ глазамъ приложить носовой платокъ.—Сами знаете ихній карактеръ. Иссушилъ меня, состарилъ меня муженекъ, бабушка Марья Алпатьевна, изстрадалась я на него гляючи:—пѣть и пѣть! День и ночь пѣть! Отъ дома вовсе отбился, почти не вижу.

— Сдѣлано, должно, надъ нимъ это, сестрица, глубоко-мысленно замѣтила Матрена, все время сохранявшая серьезный видъ. И вздохнула прямо въ чашку съ горячимъ чаемъ, которую, вмѣстѣ съ «кускомъ», сунула прѣзжей.

— Охъ, сдѣлано, сестрица, безпремѣнно сдѣлано! подхватила Дарья, видимо обрадованная, что снова начинаетъ свою нескончаемую, давно вытверженную канитель.—Первый-то годъ, нешто не помнишь, сестрица, не мужъ былъ—ребенокъ тотъ же: пречудесный, преумный мужчинка; хоть ты его изъ своихъ рукъ сѣби; а тамъ, словно сглазилъ кто его, прорвой его прорвало, пропащая теперь голова Василий Гордѣичъ! Былъ человекъ, да нѣту!

Дарья попыталась произвести глубокой вздохъ и выразительно махнула жирной рукой, какъ бы приглашая этимъ движеніемъ родныхъ прекратить тяжелый для нея разговоръ, и занялась чаемъ.

— Вредная! неодобрительно шептала на счетъ гостыи бабушка Алпатьевна, снова улегшись, съ помощью Матрены, на печи, кашляя и охая. Не любила старуха Дарью—бездомовницу, тѣмъ не менѣ велѣла Матренѣ «гостить свою гостью».

— Красавица ты моя, дѣвка бѣдовая! Вся въ меня—посмотрю на тебя, Варичка! причитывала тетка Дарья, любуясь Варей и, конечно, при поцѣлуяхъ обсыпая ее своей штукатуркой. Тетка Дарья оглядывала красивую племянницу съ тою самою лукавою, выдуманною улыбкою, что такъ не любила Варя. На ушко ей городская тетка шепнула, что вечеромъ уже на картахъ ей погадаетъ. «Судьбу твою расскажу, дѣвочка. Карта твоя—трефовая дама. Признаться, хорошій человекъ меня гадать «судьбу» выучилъ. Потому карта не солжетъ, по наукѣ все скажетъ, какъ кому что: при интересѣ ли своемъ, или желаемое исполнится...

— Ну, хорошо, хорошо, тетя! ужо! весело говорила Варя,

отвѣчая ласками теткѣ Дарьѣ не потому, чтобы вправду ее любила, а ради матери: все же материна сестра.

— Сенька кричить съ улицы: тетка Дарья! а я это думаю: вретъ, пострѣлъ! А у самой аль ни жилки трясутся, ей-Богу! обрадовалась я тебѣ тетя; выскочила на крыльцо, вправду ты!.. Вотъ я обрадовалась!..

— И дѣвка-жъ у тебя, сестрица, въ меня вся вылитая, ни дать, ни взять, такая-то я была бѣдовая! обратилась къ подсѣв-шей Матренѣ Дарья, на которой толстую штукатурку въ эту минуту пробилъ крупный потъ.—Ну, сами знаете, сестрица, отбою не было мнѣ отъ мужскаго пола, проходу на улицѣ не давали. Благодарю моего Создателя, не была я отъ жениховъ обижена. Ну, дѣвочка у тебя, сестрица, что твоя пелелка! сытая! обширность!

— И дура же я непроваренная! воскликнула вдругъ гостья, какъ бы что вспомнивъ:—гостинцевъ привезла вамъ городскихъ, не взыщите, сестрица! Она подала Матренѣ узелъ. Были тамъ старооскольскіе кренделя на лыковой связкѣ, мятые пряники, «жамки», конфеты въ яркихъ бумажкахъ, рожки...

— И—и, для чего ты это, сестрица, Богъ съ тобой! Разнѣ-жась окончательно отъ гостинцевъ, дородная Матрена поцѣловала сестрину штукатурку съ одной стороны, а Варя—съ другой. При этомъ обѣ, конечно, покрасили себѣ носы и губы.—И я то хороша! вспомнила Матрена, не упуская случая источить пару слезъ и укорительно глянувъ на дочь.

— Сестрица Дарьюшка съ дороги, обѣдать собирай, дочка.

— И то, маменька! Варя вскочила изъ за стола.

— Ветха она у васъ, сестрица, не перезимуетъ! тихо замѣтила Матренѣ Дарья, выразительно поведя своими безстыжими глазами на печь, гдѣ болѣзненно покашливала бабушка Алпатьевна.— Древняя старица.

— Древняя, сестрица, подтвердила Матрена еще тише; вздохнула и, почему-то, снова источила пару крупныхъ, хотя безпричинныхъ слезинокъ.—Ину пору ненастье, забьетъ ее кашель, боимся: вотъ—вотъ Богу душу отдасть.—

— Какъ не бояться, сестрица, древній совѣтъ человѣкъ, на ладанъ дышать. Чужаго вѣка прихватила.

Тетка Дарья, съ неутомимостью городской мѣщанки, взялась за шестую чашку горячаго чая, за каждой чашкой отирая платкомъ широкое лицо и, вмѣстѣ съ потомъ, освобождая свои щеки отъ штукатурки.

— Стало, твоя жизнь пропащая, сестрица, участливо вглядываясь въ младшую сестру, продолжала простодушная Матрена и вздохнула, а сѣрые, ничего, кромѣ доброты, не выражавшіе глаза ея снова подернулись влагой.—Одна слава, что мужняя ты жена, а живешь вдовой.

— Хоть мало барыша, да слава хороша! И—и, сестрица, какая моя жисть? Спасибо еще бездѣтна, съ полугоря. Чтѣ бы это я съ дѣтками-то? умереть бы! Не даль мнѣ Господь дѣтей, и я этимъ, сестрица, даже остаюсь довольна. Мнѣ ходу—изъ воротъ въ воду. Одно только званье—мужъ. Никакого я себѣ продовольствія не вижу. Даже злодѣй онъ мнѣ. Увидить—такъ его и подмываетъ на меня!—А! бурчить:—«вѣдьма кievская! не издохла еще!» Поровить обругать получше при народѣ, а нѣтъ—оттаскать, на весь городъ осрамилъ меня, ославилъ! Пройти даже опасуюсь. Терплю, видить Богъ!

Толстая тетка Дарья добродѣтельно, хотя неторопливо, поднесла платокъ къ своимъ сухимъ и въ эту минуту ничего, кромѣ безстыдства, не выражавшимъ глазамъ; съ платкомъ она продѣлала все, чтѣ слѣдовало продѣлать несчастной женѣ, брошенной злодѣемъ мужемъ.

— Оборомъ обобралъ жену, въ нищю произвелъ! плакалась она на мужа:—Все въ кабакъ! Все съ жены бы сорвать! того у него нѣтъ: сыта ли, обута ли, одѣта ли, тепла ли, довольна ли жена? «Кievская—говорить, вѣдьма! на помелѣ, говорить, ѣздишь!» Легко ли перетерпѣть, сестрица. Лавчонку у меня наемдни на базарѣ вычистилъ; замокъ сломалъ: все въ кабакъ!

— Зачѣмъ это дѣвки замужь идутъ? замѣтила теткѣ внимательно слушавшая Варя.

— Круты горки да позабывчивы, дѣвка! поучительно сказала

тетка Дарья, по обычаю образованных горожанокъ опрокидывая свою пустую чашку, по счету уже девятую, доньшкомъ къ верху и положивъ на доньшко крошечный остатокъ отъ «куска» сахара, въ знакъ того, что больше пить чаю не хочетъ и хозяйку благодарить.

Степенный хозяинъ Матрій Рачитель, ужасно хмурившійся каждый разъ, какъ ему приходилось угрызать свой «кусокъ» сахара, и тоже поглотившій не мало чашекъ горячаго чаю, поглядывалъ на Дарью молча и неодобрительно. Въ ея разговоръ онъ не мѣшался, словно избѣгая ея.

IV.

«Ростить макъ, дѣвки!» весело крикнулъ «корогодникъ», то есть хороводникъ Миша, очутясь въ широкомъ, пестромъ кругу хоровода и садясь, для начала игры, на травку выгона, не спускаемая, конечно, глазъ съ разодѣтой Вари Рачителевой, выглядывавшей, какъ нарочно, просто красавицей.

— «Ростить макъ»! весело пробѣжало по широкому пестрому хороводу, сейчасъ же двинувшемуся разомъ, мѣрно, подъ стройный налѣвъ хороводной пѣсни, громко подхваченной десятками звонкихъ, молодыхъ голосовъ.

Медленно, какъ живой цвѣтникъ, кружился по зеленобархатному выгону хороводъ, подъ громкую пѣсню:

«Ай на горѣ макъ,
 Подъ горою такъ,
 Ахъ! маки—маки—маковочки,
 Золотыя головочки,
 Станьте вы въ рядъ,
 Спросимте про макъ:
 Кумъ, сѣялъ ли ты макъ?»

Съ этимъ вопросомъ хороводъ вдругъ остановился разомъ. Сотни глазъ, согласно пѣснѣ, словно спрашивали Мишу, кума игры, сѣялъ-ли онъ макъ?

— Только землю пахали! бойко отвѣтилъ «корогодникъ», за

игрою, впрочемъ, не забывавшій краснаго кумачнаго фартука на синей ситцевой юбкѣ, большихъ серебряныхъ серегъ, алой ленты въ черной косѣ и высокой, соблазнительно для него колыхавшейся подъ миткалевой сорочкой, дѣвичьей груди. Для него пріятнѣе и слышнѣе всѣхъ дѣвичьихъ голосовъ казался, конечно, густой голосъ Вари; онъ и видѣлъ-то путемъ только ея круглое лицо съ румянцемъ во всю щеку, съ раскрытыми задорною усмѣшкою малиновыми губами, за которыми блестѣлъ бѣлый рядъ зубовъ. Нечего говорить, что и Рачителева дѣвка его одного, курчаваго, видѣла путемъ. Въ хороводѣ, разумѣется, замѣтили, какъ она съ нимъ «глазовалась», то есть глазами заигрывала. Видный, веселый парень недаромъ былъ любимцемъ дѣвокъ и молодокъ. Какъ только хороводъ выслушалъ «корогодника», — тронулся тѣмъ же порядкомъ, мѣрно, подъ ладъ пѣснѣ:

«Ай на горѣ макъ,

Подъ горою такъ!»

И опять: «кумъ, сѣялъ-ли ты макъ?»

На этотъ разъ корогодникъ отвѣчаетъ: «сѣяли». Хороводъ играетъ и спрашиваетъ: «вышелъ-ли макъ?» Корогодникъ отвѣчаетъ: «выходить», съ видомъ не только серьезнымъ, но и загадочнымъ; по крайней мѣрѣ, дѣвки и ребята, участвовавшіе въ хороводѣ, поглядѣли на него, какъ на кудесника, ожидая чего-то особеннаго. Хороводъ спрашиваетъ: «зацвѣлъ-ли макъ?» — «Зацвѣлъ!» кричитъ корогодникъ, усиливъ тономъ своего отвѣта тревожное состоянье хоровода, особенно новичковъ игры. Да и бывалые чувствуютъ близость развязки. «Отцвѣлъ-ли макъ?» спрашиваетъ хороводъ. «Отцвѣлъ!» кричитъ корогодникъ, храбро взявшись въ бока, словно готовясь на отважное дѣло. Хороводъ спрашиваетъ: «поспѣваетъ-ли макъ?» — «Поспѣваетъ!» еще храбрѣе выкрикиваетъ корогодникъ, движеніемъ руки сбивая на бекрень свой новенькій картузь. «Поспѣлъ-ли макъ?» — «Поспѣлъ!» расхохотался корогодникъ: «Собирайтесь отрясать!» — и, какъ перо взлетѣвъ на ноги, Миша бросился вдругъ вонъ изъ хоровода, словно отчаянно спасаясь отъ грозившей ему опасности.

Было ясно даже новичкамъ, что въ эту минуту игра достигла

своего крайняго одушевленья, а интересъ играющихъ—своего конечнаго напряженія. Радостный крикъ, толкотня, хохоть, беспорядочный во всё стороны бѣгъ съ падающими дѣвушками, съ парнями, прыгающими другъ черезъ друга, смѣнили теперь мѣрное, исполненное порядка, движенье пестраго хоровода, въ ладъ пѣснѣ ударяющаго въ землю сапогами и башмаками, въ ладъ пѣснѣ водящаго плечами и локтями. Теперь хороводъ смѣшался, разстроился; имъ овладѣло дикое одушевленье; каждому хотѣлось «отрясти макъ», то есть поймать «корогодника». Но корогодника Мишу было не легко поймать. Прежде, чѣмъ самые зазорные и сильные участники игры успѣли броситься къ нему со всѣхъ сторонъ, Миша, крылатой птицей, метнулся въ сторону съ головою внизъ, въ упоръ всему, что бы его ни встрѣтило, и прорвался изъ разстроеннаго круга.

— Держи! лови! ушелъ! ушелъ! съ неистовыми криками летѣли за нимъ молодцы, изъ себя выходившіе при видѣ бѣглеца-корогодника, далеко оставившаго ихъ за собою и, взглядомъ сокола, оглянувшася на широкій выгонъ и на любующуюся имъ толпу, которая выражала ему свое громкое одобреніе.

— Криво—лукаво, куда побѣжало? крикнулъ хитроумный Кузьма Суярокъ во слѣдъ Мишѣ.

— Далекѣ куцому до зайца! издѣвался надъ парнями Миша, красуясь на всемъ просторѣ широкаго зеленаго выгона и, нарочно молодецествуя передъ дѣвками, особенно передъ Варей.—Ворона сипала—собака на хвосту сидѣла! ноги съ побѣжкой, а руки съ подхваткой!.. Взили!!..

— И онъ туда-жъ, ротяпа, гляньте на него, бабочки! не безъ ироніи провожала своего мужа, придурковатаго Савку, осанистая баба, у которой животъ, подъ бѣлой холщевой паневой, подымался чуть не подъ самый подбородокъ. Въ клѣтчатой юбкѣ и красной, съ вытертымъ позументомъ, китѣ, баба съ нескрываемымъ удовольствіемъ убѣждалась въ эту минуту, что ея неуклюжій бѣлобрый Савка за посмѣхъ дался молодымъ наряднымъ ребятамъ. Въ плохенькихъ сапожонкахъ, и хотя ситцевой, но уже ни на что не похожей рубашкѣ, съ толстою шеей, обмотанной когда-

то краснымъ платкомъ, тяжелый на бѣгу, долговязый Савка даже жену свою наводилъ на смѣхъ. Она радешенька была отдѣлать его, съ бабочками, на всѣ бока.

— За хвостъ не удержишься, коли гриву упустишь! подсмѣивался надъ Савкой Кузьма Суярокъ. — И баба же у Савушки: обрядила муженька въ посконный бархатъ; а и оба лаптя—гляди—съ одной колодки!

— Гляньте, братцы, медвѣдь сокола догоняетъ! Диковина! кричалъ распьянствовавшійся ямщикъ Павелъ Разуваловъ, разставя свои коротенькія ножки, пузомъ впередъ, и лѣнливо покачиваясь на нихъ со смѣха, причемъ встряхивалъ старой ямской шапкой.

— Артилерія пошла на позицію! замѣтилъ своему другу Разувалову, уже, какъ слѣдуетъ, «не вязавшій лыка», солдатъ Мухоткинъ. Мрачный солдатъ не обращалъ вниманія на то, что свои же сельчане его сторонились и что, вообще, въ селѣ на него по-сматривали, какъ на какое-то пугало.

— Куси его! Атуй! какъ на охотничихъ собакъ, закричалъ на парней, преслѣдовавшихъ по выгону легконогаго Мишу, Павелъ Разуваловъ.—Перегономъ трухъ-трухъ, а на мѣстѣ во весь духъ!

— Ты что-жь это лататы латаешь, другъ? упухавшись и еле духъ переводя, срамилъ Мишу тяжелый Савка, совсѣмъ потерявшій надежду когда нибудь догнать легкаго парня и остановившійся, съ руками въ бока, больше для того, чтобы показаться все-таки молодцомъ.—А ты постой, не бѣги, другъ, вотъ что...

— Что-жь изъ этого будетъ, Савушка? дразнилъ здоровеннаго, придурковатаго мужика Миша..

— А то: я те подъ себя подомну, другъ, не вывернешься! только мокренько будетъ!

— Не по закону Михайло изъ хоровода убѣгъ! толковали между собою молодайки.

— Варька Рачителева выпустила! шипѣла корявая бабенка съ насурмленными щеками.—Она ему союзница...

— А, можетъ, она ему другое что, кто ихъ вѣдаетъ, бабочка; дѣло ихнее молодое! добавила толстая Савкина хозяйка въ панѣвѣ и кикъ, выговарившая букву *л* очець мягко.

— Все другъ на дружку глаза паять! ввернула корявая бабенка съ ехиднымъ взглядомъ.—Страмница, гляньте, бабочки:—ну, глазъ съ Мишки не сводить!

Первый день праздника, послѣ объѣда, былъ посвященъ Варю «улицѣ», то есть играмъ, хороводу, качелямъ, пѣснямъ. Чернобровая Варя вернулась домой къ ужину; но, поужинавъ, не утерпѣла, слыша раскатистую по зарѣ хоровую пѣсню съ выпляской. «Улица» разошлась поздно, а потому и Варя легла въ постель поздно, по обыкновенію, затворивъ дверь пуньки изнутри, щеколдой. Утомленная, какъ ни была сильна, молодая дѣвушка засыпала, баюкаемая чуть тянувшимъ теплымъ вѣтеркомъ, любовною соловьиною пѣсней и шумно оживленнымъ, издалека несущимся хоромъ лягушекъ.

Миша такъ завертѣлся въ веселомъ кружкѣ парней, что и не замѣтилъ, какъ очутился «на задахъ» у Рачителя, въ сѣнномъ сараѣ, рядомъ, по братски растянувшись на душистомъ сѣнѣ съ старшимъ сыномъ Рачителя, Иваномъ. Миша съ Иваномъ съ измалства жили дружно, а выросши, не имѣли секретовъ другъ отъ друга. Не диво: однолѣтки, сосѣди, славные ребята оба. Чтѣ Миша по сердцу Варѣ, а Варя—Мишѣ, это, конечно, давно знали Иванъ; такъ точно Миша и Варя знали о неравнодушіи Ивана къ бѣлокурой статной дѣвушкѣ Аринѣ. Они жалѣли только, что Арина безприданница, и что, пожалуй, старый Рачитель не возьметъ въ свой дворъ невѣстку-безприданницу. И то старикъ какъ-то обмолвился: «съ насъ-дѣ и съ приданымъ невѣстокъ достанетъ».

— Ну, Ваня, говорилъ своему молодому, уже засыпавшему приятелю Миша, отъ котораго сонъ словно бы отлетѣлъ:—Открываюсь тебѣ, то есть, всѣмъ сердцемъ—пречудесная дѣвка твоя сестренка Варя, и я её за себя замужъ возьму, Богъ меня убей—возьму! Пушай твой старикъ не брыкается, потому какъ дѣло наше съ дѣвкой по согласію и я, извини, стараю чорта, твоего тятюку, нисколько даже не боюсь. Опять же дѣвка въ совершенныхъ годахъ, и царь свободу намъ далъ: жевись кто на комъ хочетъ, кто кому любѣ.

— Я этому, Миша, даже радъ, что ты мнѣ въ родные поро-

вишь, чистосердечно сказалъ Иванъ.—Я тебя люблю и за тебя я всегда, Миша...

— Знаю, Ваня! кажется, другъ за дружку стояли, что родные братья... А что я супротивъ вашего двора достатка не имѣю, не всѣмъ же богатымъ быть. Богатъ Богъ милостью. Тоже и мы съ матушкой: безъ хлѣба не сидимъ, въ люди выйдемъ не хуже другихъ. Петровками избу поставлю, деньжонокъ принесъ. Самъ знаешь, не лодырь я, не лѣнтяй, отъ дѣла не лытаю. Живая кость мясомъ обростаетъ. Авось и мы съ Варей хозяевами себѣ заживемъ; какъ бы ты думалъ, Иванъ Митричъ?

— Что тамъ! протянулъ Иванъ:—опять же сестра безъ награжденія не отойдетъ: телку ей отецъ дать, овчонокъ, платье справить, кобылу съ телѣгой общалъ, все какъ слѣдуетъ. Сра-миться не будемъ, одна сестра, и дать есть изъ чего... Что-жь, я радъ, бери Варю...

— По сердцу она мнѣ, вотъ какъ. Влюбленный парень вздохнулъ.—Бѣдовал! Онъ вдругъ вспомнилъ что-то и засмѣялся. Нѣтъ, братъ, съ ней всякъ не поиграетъ, шалишь! отдѣлаешь—мое почтенье—не хуже нынѣшняго: писарь волостной подвернулся было къ ней, такъ она его! козырь—дѣвка. И предушевная, и Господь ее разумомъ не обидѣлъ, хоша млада, а всякое дѣло понимаетъ. И я бы кругъ нея, кажется, сизенькимъ голубочкомъ увивался, кругъ бѣлой голубки моей! Э, Ванюха, ты, вижу, похрапываешь?

— Спать смерть хочется, нехотя пробормоталъ Иванъ, перевертываясь на другой бокъ.

— А я, должно, до бѣлой зари, раскрывши глаза, проваляюсь, Ваня! вздохнулъ, словно бы пожаловался пріятелю на самого себя Миша и тихо засмѣялся, вспомнивъ, какъ Варя писарька мало-мало въ «рождество» не хватила. «Подѣломъ, не приставай! тоже за дѣвкой гоняется, строка чернильная».

Сладкое храпѣніе Ивана положило предѣлъ словоизліаніямъ Миши. Онъ смолкъ. Мысль, что завтра Варя съ Ариной въ лѣсъ пойдутъ вѣнки завивать, — о чемъ Варя, будто невзначай и безъ цѣли, сообщила Мишѣ, — дѣйствительно не давала ему заснуть, вплоть до бѣлой зари. Въ словахъ любимой дѣвушки парень по-

нималъ ея приказанье провожать ихъ въ лѣсъ. Но всего болѣе волновало парня воспоминанье той счастливой минуты, когда сумерками, играя въ горѣлки, Миша погнался за Варей, а та, ловко увертываясь отъ погони, вдругъ упала. Не совладалъ съ ретивымъ паренемъ, придержалъ дѣву за руки и зацѣловалъ ея красивые глаза, горячія щеки, все, что въ ту минуту ему подвернулось. И было-жь ему за это отъ разгнѣванной красавицы, какъ толькo поднялась. Ужь лучше бы она его прибила или обругала, а то оправилась, прочь отъ него пошла, слова ему не сказала. Чуть не заплакалъ съ горя малый. И было за что терпѣть! Даже теперь, вспоминая, варожъ горячимъ обдаеть всего парня.

Утромъ Варя поднялась позже обыкновеннаго. За что бы она ни бралась, уговоръ ея съ Мишей и Ваней—въ лѣсъ идти, вѣнки завивать—не выходилъ у нея изъ головы. «Улица» не влекла ее къ себѣ нынче. По привычкѣ, дѣвушка, съ орѣховой хворостиной въ рукѣ, отогнала отъ двора овецъ, коровъ, свиней на край выгона, гдѣ собирается стадо. Коровій ревъ, бляенье овецъ, хрюканье, визгливый бабій крикъ, дѣтскіе голоса, стукъ копытъ — все это смѣшалось въ безтолковый гулъ, перебиваемый рѣзкимъ хлопаньемъ длиннаго пастушьяго кнута.

— Куда! куда! сипло кричалъ дикій на видъ пастушонокъ, проворно сѣменя по росному выгону черными босыми ногами, волоча по травѣ длинный кнутъ съ вплетеннымъ въ конецъ конскимъ волосомъ и ловко заворачивая назадъ, къ стаду, большую рябую корову Рачителевыхъ, предпочитавшую, кажется, прохладный хлѣвъ во дворѣ жаркому солнцу. — Куда ты, волчья сыть! уже въ другомъ мѣстѣ кричалъ дикій пастушонокъ на чернаго быка съ кровавыми, злыми на выкатѣ глазами и мощною, мясистою шеей въ складкахъ, и быстрымъ, оглушительно хлопнувшимъ ударомъ своего кнута, мѣтvo попавшаго быку въ лобъ, обратилъ его къ стаду. Глядя на мальчишку, Варя пожалѣла его. «Вотъ, думала она, провожая его взглядомъ: — Кому праздникъ, а кому всегда будни. Сиротское дѣло — пастушонкомъ нанялся, а ему бы дома въ пору сидѣть—ребенокъ еще, Цифирка. А «ребенокъ Цифирка» звонко хлопнулъ своимъ кнутомъ, пробѣгая мимо

Вари, съ сильнымъ отъ натуги крикомъ: «Куда! куда! бѣльмы-бѣ те высадило!» Цифиркѣ могло быть лѣтъ тринадцать. Корявъ ужь онъ очень былъ, приземистъ. Спутанные рыжіе волосы задорно, какъ имъ хотѣлось, падали на черную рубашку; сквозь ея лохмотья свѣтилось бронзовое тѣло; красныя, полупившіяся съ вѣтра щеки серебрились пухомъ; за плечами, веревкой, привязаны старый полушубченко и сумка съ праздничными лепешками и «кусомъ», то есть вареною говядиною; за обрывкомъ кушака заткнута у него дудка.

— Цифирка! крикнула ему вслѣдъ Варя.

Одичалый пастушокъ обернулся и, по знаку дѣвушки, подошелъ къ ней, глупо ухмыляясь и закрывая грязною рукою широкій ротъ, словно стыдясь его показывать.

— Пряничка—на! Варя сунула ему пряникъ. Онъ ее даже не поблагодарилъ и убѣжалъ, на бѣгу жабивая пряникомъ свой широкій ротъ.

Мычанье, бляенье, хрюканье, хлопанье кнута, крики: «куда»! «куда»! всѣ эти звуки удалялись и ослабѣвали вдаль. Стадо выгнали въ поле.

«Горница» въ домѣ Рачителя, черезъ сѣни отъ избы, была обитаема только лѣтомъ, а зимою служила складомъ «женскаго добра», таеъ какъ тамъ стояли Матренины сундуки и Варины съ приданымъ. Свѣтелка выглядывала весело, съ раскрытыми «красными» окошками на солнечный всходъ, съ чистыми, свѣтлыми, какъ желтокъ, сосновыми вѣнцами на паклѣ и досчатымъ потолкомъ на гладко-выстроганныхъ балкахъ. Зеленая трава, набросанная по полу, и молоденькія березки по угламъ сообщали ей праздничный видъ, вполне соответствующій этому лучшему времени года. Тетку Дарью Карповну, какъ почетную гостью, помѣщали на ночь въ «горницѣ», за тесовой перегородкой, на широкой кровати, вздувшейся чуть не подъ потолокъ двумя перинами въ новыхъ тиковыхъ наволокахъ и пятью пуховыми подушками, одна на одной, къ верху все меньше; эта—«купеческая постель»—какъ, съ материнскимъ тщеславіемъ, выражалась толстая Матрена,—составляла часть приданого Вари; остальное приданое скрывалъ огром-

ный красный сундукъ, обитый бѣлой жостью и окованный желѣзными полосами, стоявшій тоже за перегородкой.

Лѣтними праздниками, Рачителява семья принимала своихъ гостей почтѣе въ «горницѣ». Сюда же, лѣтомъ, переставлялся изъ избы ткацкій станокъ Вари, добросовѣстно шумѣвшій по буднямъ отъ зари до зари. Дѣвушка веселая, но работающая въ мать, сама себѣ все приданое готовила. Собственно «хозяйскою» была просторная изба, десять аршинъ по каждой стѣнѣ. Изба съ перваго взгляда говорила за домовитость хозяевъ, но особенною чистотою и благоуханіемъ не отличалась. Грязновата была, съ тараканами. Да, вѣдь, не даромъ говорится пословица: «не красна изба углами, красна пирогами». Матрена славилась по селу печеньемъ хлѣба, пироговъ съ начинкой; квасы ея хмѣльны были не хуже браги. Ея праздничный «столъ» хвалили даже пощѣ, отецъ Павелъ.

— Никакъ священникъ въ намѣ! входя въ горницу, сказалъ Митрій Рачитель, вѣшая свою старую полярковую шляпу на деревянный гвоздь у притоки, и обѣими ладонями на-скоро приглаживая свои волосы въ скобку. И зашелъ въ избу сказать матери.

— Что ты, сынокъ, кхи! кхи! Бабушка Алпатьевна закашляла и засуетилась на своей печи, спѣшно, дрожащими руками, прикрывая старымъ чехликомъ свою старческую голову.

— Матренушка, дочушка! да прибрана ли горница? да обрядно ли кресту святому войти? Кхи! кхи! на распѣвъ тянула она.

— Горница прибрана, матушка, и обрядно, кажись, у насъ; спокойно, съ увѣренностью хозяйки, которую никто никогда не захватитъ врасплохъ, отвѣчала дородная Матрена, передавшая дочери и свое пріятное, смуглое лицо, и простодушно глядящія изъ подъ черной дуги бровей каріе глаза, и свою дородность. Матрена Карповна казалась еще шире и благообразнѣе, чѣмъ всегда, въ праздничномъ, темненькаго ситца, капотѣ, сшитомъ Варей, съ ситцевымъ же пояскомъ чуть не подъ мышками, и съ рукавами, застегнутыми перламутровыми пуговками. Ярко-желтая, хотя ношенная, но сохранившаяся шодловая косынка повязывала густые, черные, уже слегка тронутые сѣдиною волосы. Ея широкія плечи прикрывалъ шерстяной «букетный» платокъ, тоже давній

и тоже сохранившійся, изъ тѣхъ, что почему то слывуть у крестьянокъ подь названіемъ «французскихъ». Съ своимъ неизмѣннымъ вниманіемъ и почтительностью родной дочери, а не невѣстки, она помогла дряхлой свекрови слѣзть съ печки и сейчасъ же надѣла на нее свою синюю «полудлинку» и поправила ей шлыкъ на головѣ. Затѣмъ, съ помощью Вари, перевела старуху, подь руки, изъ избы въ горницу.

«Попъ», отецъ Павелъ, басомъ разговаривая съ слѣдовавшимъ за нимъ Рачителемъ, вошелъ въ горницу въ лоснившейся отъ салныхъ пятенъ ластиковой рясѣ, съ старымъ крестомъ въ рукѣ, внося съ собой запахъ ладана, казалось, пропитавшій его рясу и рыжую бороду. Маленькіе безцвѣтные глазки отца Павла весело поглядывали изъ-за празднично-опухшихъ и красныхъ вѣкъ. Красный, какъ налитой, носъ и красное угреватое лицо, блестящее потомъ и жиромъ, свидѣтельствовали о нѣкоторой неумѣренности въ употребленіи питій, которой предавался почтенный приходскій священникъ. Проворно набросивъ себѣ на плечи старенькій эпитрахиль и взявъ изъ руки пономаря Яши старенькій треникъ въ избитомъ кожаномъ переплетѣ, закапанномъ воскомъ, священникъ подошелъ къ столу, покрытому бѣлой скатертью, съ рѣзною липовою солонкою, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и на-скоро, густымъ басомъ, то громкимъ, то стихающимъ чуть не до шопота, пробормоталъ молитву связно, неразборчиво, словно бы съ хмѣлю языкъ его не слушался. Кромѣ «Отче», почти ни одного слова не поняли изъ священникова чтенія старые и молодые Рачители. Тѣмъ не менѣе, всѣ они, особенно бабушка Алпатьевна, усердно крестились, потомъ подошли къ кресту и къ священниковой рукѣ. Алпатьевну Митрій съ женой подвели къ кресту.

— Когда же хоронить тебя, бабка, будемъ? спокойно посмѣиваясь и съ обязательностью человѣка, привыкшаго людей хоронить, глядя старухѣ въ лицо, спросилъ ее отецъ Павелъ, басомъ, весело, словно что пріятное ей говорилъ. — Помирать пора, бабка Алпатьевна. Чужой вѣкъ живешь.

— На то Господня воля, батюшка! кхи! кхи! со смиреніемъ кашляя, отвѣтила старуха, поддерживаемая сильною рукою не-

вѣстки. — Отъ воли Господней не прочь я, грѣшная. Его святая воля! Его милость! Бабушка Алпатьевна набожно перекрестилась коричневымъ скелетомъ руки. — А смѣртное, по христіанскому обряду, у меня давно готово, батюшка; готово, отецъ мой! кхи! кхи! И я готова косточки свои въ могилку темную сложить; готова, батюшка, пора мнѣ на покой, древняя я старуха, отецъ мой! кхи!

Бабушка Алпатьевна, костявымъ кулакомъ темной дрожащей руки, потерла кровавые, глубоко ушедшіе въ свои гнѣзда глаза, которые источили при этомъ нѣсколько слезинокъ, овлажившихъ ея присохшія къ скуламъ, морщинистыя щеки.

— За сто лѣтъ, батюшка, шепнулъ священнику Митрій Рачитель, сочувственно глядя на мать. — Ужъ мнѣ седьмой десятокъ идетъ. И шепнулъ Матрентъ: «закуску бы собрала отцу духовному, либо обѣдать».

— На хлѣбѣ—на соли благодарствую, честные хозяева! пробасилъ попъ, жирными пальцами расправляя рыжую бороду, причемъ его просалившаяся ластиковая ряса распахивалась и открывала нанковый подрясникъ. — Признаться, вполне сытъ. А стаканчикъ можно. Отчего же? Всероссийской, то есть, сивушки! подмигнулъ онъ чинно стоявшимъ за своимъ отцомъ ребятамъ, Ивану и Сенѣ, рослымъ, показнымъ братьямъ-погодкамъ. Ребята скромно и нерѣшительно улыбнулись попову замѣчанію, видимо сомнѣваясь въ томъ, хорошо ли они это дѣлаютъ, и можно ли имъ, по такому случаю, улыбаться? Громкій смѣхъ попа ободрилъ молодыхъ людей: они себѣ засмѣялись, но такъ, чтобы отецъ не увидѣлъ и не услышалъ. Боялись они его. Отецъ Павелъ оглянулся, помня свое дѣло. Варя уже стояла передъ нимъ съ графиномъ водки и стаканчикомъ на кругломъ подносѣ. Въ поясъ поклонясь священнику, не подымая, по дѣвичьему обычаю, съ подноса своихъ бойкихъ глазъ, она проговорила, какъ заученое: «на доброе здоровье, батюшка»!

Слегка дрожащею, жирною рукою, отецъ Павелъ взялся за графинъ и стаканъ, налилъ себѣ и разомъ выпилъ; потомъ, весело усмѣхаясь дѣвушкаѣ, крикнулъ и ладонью провелъ себѣ отъ груди по груди.

— Красавица у тебя дѣвка, Матрена Карповна! пробасилъ онъ, лукаво подмигнувъ матери, любовавшейся на дочь, и приводя дочь въ краску.—Когда вѣнчать? пора! Въ самомъ — слышь — соку дѣвка!

— Приданое еще не заработала себѣ, батюшка, скромно замѣтила Матрена.

— Еще не перестарокъ какой, пушай у отца съ матерью поживеть, дѣвичьяго ума наберется.

— Года ея не велики еще, да и жениха на примѣтъ не предвидится, тихо добавилъ Митрій.

— Такой-то дѣвкѣ да жениха ждать! священникъ засмѣялся: — По мясоѣдъ, Дмитрій Иванычъ, чтобы свадьба была! безпремѣнно, слышь, окручу дѣвку по мясоѣдъ, потому хорошую дѣвку и вѣнчать люблю, не то, что другая тетеря!..

Стыдливая краска, ударившая въ лицо Варѣ, только скрашивала ее. Природныя румяна рѣзче выдавали смуглый глянecъ ея мягкой дѣвичьей кожи; блестящій избыткомъ жизни, молодой черныи глазъ съ голубоватымъ, словно въ слезѣ, бѣлкомъ, казался еще чернѣй, еще глубже при этомъ густомъ румянцѣ, окрашивавшемъ круглыя щеки дѣвушки; черные волосы тоже словно бы синѣлись вороновымъ крыломъ, при вспышкѣ полымемъ молодыхъ щекъ. Отъ всей ея плотной, обѣщавшей растолстѣть, но впрочемъ стройной фигуры вѣяло здоровьемъ и жизненной силой.

— Сгорѣла вся! замѣтила дочери Матрена, посмѣиваясь смѣхомъ счастливой матери и въ то же время нагружая жаднаго къ подачкамъ пономаря лепешками, ковригами хлѣба, кусками толстаго соленаго сала. Кстати, сунула ему и начатый попомъ штофъ водки. Все это пономарь, съ самымъ дѣловымъ видомъ, молча вложилъ въ мѣшокъ и сносилъ на телѣгу, ждавшую у крыльца съ поповымъ работникомъ. Кажется, и довольно бы, такъ какъ пономарь хорошо видѣлъ, что Митрій Рачитель, съ поклономъ, сунулъ отцу Павлу двѣ серебрянныя монеты, какъ бы два двугривенныхъ, зажатыхъ жирною рукою попа и зазвенѣвшихъ въ его карманѣ; нѣтъ, онъ стоялъ передъ старухой и Матреной, словно еще чего дожидаясь. Матренѣ даже совѣтно стало: передъ своимъ церков-

нымъ причтомъ она считала себя, по всеѣмъ поборамъ, правою, бездоимочною. Видя, что баба не понимаетъ его, пономарь вполголоса замѣтилъ ей: «За тобою, Карповна, никакъ михайловскій кусокъ остается?»

— И-и-и, безстыжіе твои глаза, Яша, заторопилась она, обидясь:—Когда о Михайловѣ днѣ вспомнилъ? Даже курицу, о Михайловъ день, въ плетушкѣ подала. И пироговъ мѣшокъ, и сала. Мамонъ ненасытный! Когда вы сыты будете, духовные?

Переговоры пономаря съ хозяйкою о «михайловскомъ кускѣ» велись не громко, такъ сказать дипломатически, такъ какъ пономарь Яша считалъ себя, а за нимъ и другіе его считали, прехитрымъ причетникомъ. Понявъ неудачу своего замысла сбить съ толку расчетливую хозяйку, пономарь, не входя въ дальнѣйшія пренія, отвѣсилъ краткій поклонъ бывшимъ въ горницѣ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности, и благоразумно удалился за дверь. За нимъ, перекрестя семью Рачителейыхъ своею жирною рукою, которую всю поочередно облобызали, послѣдовалъ и отецъ Павелъ. Поповская подвода съ полными мѣшками и веретемъ, прикрывшимъ ковриги хлѣба, отъѣхала за попомъ. Но долго еще не успокоилась послѣ него хозяйственная Матрена, напутствуя недобрымъ словомъ лживаго, жаднаго на добычу пономаря.

— Сусликъ! горячилась она всякій разъ, какъ вспоминала безсовѣстность причетниковскую:—сусликъ!

Баба Алпатьевна пожелала тоже провести праздничный день съ удовольствіемъ для себя. Въ этихъ видахъ, переговора съ невѣсткой, старуха прилегла, не сходя съ печи, къ Матренѣ на колѣни. Вооружась огромнымъ роговымъ гребнемъ, Матрена не замедлила «поискать» въ ея головѣ незримыхъ глазу, тѣмъ не менѣе трещавшихъ подъ крѣпкимъ ногтемъ невѣстки, насѣкомыхъ. Огромный роговой гребень дралъ старухѣ кожу и немногіе уцѣлѣвшіе на старомъ черепѣ волосы; красные пальцы невѣстки перебрали у свекрови волосокъ за волоскомъ и безошадно, съ изумительною ловкостью, избивали нѣкихъ крошечныхъ насѣкомыхъ, не брезгавшихъ даже старушечьимъ постнымъ тѣломъ. Свекровь съ наслажденіемъ жмурилась и сладко потягивалась, какъ жмурится и

потягивается балованная кошка, когда ей тепло и когда ее гладят. «Искаться» было слабостью старухи.

— Милая — премилая ты у меня невѣстуха, Матренушка, свѣтъ Карповна, бормотала старуха, дѣйствительно расположенная, на сколько могла, къ невѣсткѣ. — За то я тебя люблю — не была ты съ молодю скоморошница. Варя хоша тебѣ дочь родная, а мнѣ внучка, не въ тебя: съ улицы бы не сходила.

— Молодое дѣло, матушка, рѣшилась Матрена слово за дочь сказать. — Опять же одна.

— Молодое дѣло! передразнила невѣстку старуха. — И мы молоды были... Это ужь, знать, по природѣ такъ. А плясать, покладю я, — только обувь бить, да дьявола тѣшить. И то сказать: «Видѣна дѣвка мѣдяна, а не видна золотая; побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мирѣ вдова да дѣвка...» До насъ было, постѣ насъ будетъ. А Варькѣ примѣръ съ нынѣшнихъ безпутницъ не брать-бы, ближе примѣръ есть съ кого брать, съ родной матери. Состарить тебя дѣвка, Карповна! Не сносить дѣвкѣ головы дѣвичьей: бѣдовая! Стоя править — семерыхъ везеть... Кхи! кхи! А тутъ еще сестрица твоя городская, слышь, наставляеть дѣвку. Городская!

Бабка Алпатовна закашляла и затряслась, еле духъ переводя. Матрена бросила «искать», прикрыла «попонвой» старуху, свернувшуюся по привычкѣ, клубкомъ, на теплое войлокѣ, и причитывавшую свою благодарность невѣстухѣ-ластухѣ, что та ее, хворую, старую, не бросаетъ, а по христіански наблюдаетъ. Матрена, не торопясь и ловко щелкая подсолнухъ, вышла на улицу, въ тѣнь старой ракиты, растопырившей толстыя вѣтки въ густой листьѣ, подъ которою, на травѣ, полулежа, бесѣдовалъ Митрій съ богачемъ Кирсаномъ Тимофеичемъ. Она къ нимъ подѣла. Когда ей приходилось слушать умныхъ стариковъ, къ числу которыхъ она причисляла, конечно, и своего Митрія, Матрена никогда не позволяла себѣ вмѣшиваться въ «мужичій» разговоръ, въ силу скромнаго убѣжденія въ превосходствѣ, вообще, мужскаго ума надъ женскимъ. Перебить же мужнину рѣчь она, какъ «жена послушная», считала бы себѣ за стыдъ.

— Купчая нынче дю же трудна, говорилъ Кирсанъ Тимофеичъ, видимо подѣ вліаніемъ какого-то непріятнаго воспоминанія, и зѣвнулъ.

— Чѣмъ трудна, Тимофеичъ?

— Какъ же? Теперь нотарусу плата за купчую тяжелая, не то, что прежде. Проще было. Я, говоритъ, отхлопочу тебѣ купчую совсѣмъ и вводъ во владѣніе тебѣ сдѣлаю, и ты, говоритъ, мужичокъ, будь спокоенъ и ступай себѣ домой. Обходительный человекъ нотарусъ, но только не подѣ силу завернулъ. Думаю, не по закону это онъ съ меня сумму такую взыскиваетъ, по прежнимъ судамъ этого не было; признаться, поторговался я съ нимъ. Спервоначалу, какъ это онъ мнѣ назначилъ сумму, посулилъ я ему четвертной билетъ.

— Что-жъ онъ?

— Осмѣяли, Митрій Ванычъ. Такое дѣло; ихъ много, въ конторѣ-то, а я самъ-другъ съ сыномъ, съ Серѣгой. На смѣхъ меня, старика, подняли. Вотъ какъ бабы эти самыя. Ну, увидѣвши ихнее юродство, ушли мы.

— А деньги за купчую? спросилъ Митрій.

— Заплатилъ, сколько требовалъ. Нотарусъ росписку далъ. Мудренныя нынче купчія. Кирсанъ Тимофеичъ опять зѣвнулъ.

Старые пріятели замолчали, прислушиваясь къ громкому смѣху, веселымъ молодымъ крикамъ и хоровой пѣснѣ съ визгивыми женскими голосами, несшимися съ выгона, отъ высокихъ качелей.

— Да что, Митрій Ванычъ, болтаютъ, якобы то есть... Кирсанъ Тимофеичъ осторожно оглянулся и, удостовѣрившись, что они одни, добавилъ: — якобы всю землю поровну подѣлятъ? на души, вишь, порѣжутъ. И правда это?

— Вздоръ, это такъ распускаютъ, зря...

— Такъ и я покладаю. Мало бы что? Теперича кто свое имѣніе пропилъ—а я виноватъ? Я давай ему, непутящему, свою землю? Ну, пушай, землю у насъ съ тобою и у господъ отберутъ, на души порѣжутъ, уравниютъ; черезъ годъ—смотри—опять-же земля не у всѣхъ окажется. Опять, стало, давай отбирать да всѣхъ надѣлять. Не законъ! нельзя этому быть. Никогда.

— Этого и не будетъ, Тимофеичъ, успокоительно, самъ убѣжденный въ своихъ словахъ, замѣтилъ Рачитель.

— Обидно, вѣдь! горячо заговорилъ богачъ:—мы съ тобой, какъ добрымъ людямъ вѣдомо, живемъ, пока Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, въ достаткѣ, и нужды себѣ не видимъ. Вотъ хоть бы я, смогнулся, прикупилъ своимъ дворомъ землицы, больше полусотни десятиноѣ землицы; у одного дворяннишка этого, Казимирова, двадцать, да еще пять съ осьминникомъ... А они у насъ землю отберутъ—это не законъ! Теперича у насъ четвертныхъ правъ, однодворческой земли, съ полсотни десятинъ; они и четвертную нашу однодворческую землю промежь себя дѣлить стануть? Да кто же они такіе? Безъ роду, безъ племени, голъ, синимъ небомъ покрыта, бѣлымъ свѣтомъ огорожена? Самые, должно, они хозяева, что настоящихъ хозяевъ къ себѣ въ работники норовятъ повернуть! Ну, только, должно, не пойдетъ ихнее дѣло, Митрій!

Богатый однодворецъ рѣшительно тряхнулъ широкою посеребренною бородою и выразительно прищурилъ на пріятеля свои умные, старые глаза. Онъ продолжалъ:

— Теперича мужикъ у мужика леху прихватилъ къ своему загогу, либо одинъ у другаго перекошилъ рядъ, другой—за косы берутся, за дубинки... Увѣче смертное каждое лѣто, все за землю...

— Иной разъ глядишь за полъ-сажня пашни мужика убили, потому мужику земля первое дѣло, добавилъ Рачитель:—опять же собственность, много ея у меня, мало ли — она моя, и я ее никому не отдамъ, потому у меня дѣти; я ее не грабежемъ отнялъ, я ее на денежки, на свои на потовыя купилъ: она моя!

Рачитель отвернулся и кашлянулъ въ руку. Потомъ потушился, соображая: сказывать ли ему про то, что онъ на базарѣ отъ пьянькаго писарька слыхалъ, будто что неподобное; но съ свойственной ему недовѣрчивостью раздумалъ и не сказалъ ничего, только опять крикнулъ. Твердъ на слово былъ Рачитель, что твой кремень.

В. Марковъ.

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

Опытъ нравственной статистики столичнаго населенія.

III.

«Городъ пышный, городъ вѣднй».

Какъ язвы на тѣлѣ являются результатомъ и признакомъ болѣзненнаго состоянія организма, такъ преступленія и всякаго рода нарушенія права и нравственности указываютъ на ненормальность существующихъ социальнo-экономическихъ отношеній въ данномъ обществѣ, на неудовлетворительность его организаціи. Вслѣдствіе этого, въ каждомъ обществѣ, болѣющемъ такими отступленіями отъ своего идеала, существуетъ во всякую данную минуту *возможность* извѣстнаго числа и порядка преступленій и проступковъ, повторяющихся въ опредѣленные періоды съ замѣчательной правильностью. Это—незыблемый статистическій законъ, на основаніи котораго заранѣе можно предсказать, что въ данномъ обществѣ за данное время совершится столько-то, приблизительно, убійствъ, грабежей, кражъ и т. д.

Кетле называетъ этотъ законъ «податью преступленію, которую человекъ платитъ съ большей аккуратностью, чѣмъ дань природѣ и государственной казнѣ». Наблюденіе это было-бы ужасно и крайне нецелесообразно для репутаціи человѣческой природы и общественнаго союза, еслибъ оно не указывало, какъ говорить тотъ-же мыслитель, что люди могутъ совершенствоваться «посредствомъ измѣненія учрежденій, привычекъ, состоянія образованности и вообще всего, что имѣетъ вліяніе на ихъ бытіе».

«Вѣчная законность, которую нравственная статистика до-

казываетъ для произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, происходитъ,—говорить другой извѣстный статистикъ - социологъ Дробишъ,—не отъ фаталистическаго закона, не отъ судьбы, требующей слѣпой покорности и совершающейся съ неодолимой силой, а напротивъ того, составляетъ *продуктъ* постоянныхъ, но могущихъ видоизмѣняться причинъ... «Постоянство статистическихъ цифръ указываетъ только на то, что въ современныхъ обществахъ поводы и случаи къ дѣйствіямъ, къ которымъ относятся эти цифры, ежегодно повторяются почти равномерно, вслѣдствіе слишкомъ упорной устойчивости даннаго общественнаго statu quo».

Словомъ, измѣните этотъ statu quo, отыщите ту *возможность* и тѣ элементы въ обществѣ, которые зарождаютъ преступления, устраните ихъ, и—преступленія сами собой исчезнутъ.

«Нарушающія» силы и причины, разнуздывающія человѣческую волю отъ требованій долга и права, доставляющія ежегодный контингентъ «новобранцевъ» тюрьмы, ссылки и каторги, могутъ быть *общія*, присущія всѣмъ современнымъ европейскимъ центрамъ и повсюду дѣйствующія болѣе или менѣе одинаково, и—*частныя*, мѣстныя, составляющія специфическую особенность данной страны или даннаго города за взятый моментъ. Обращаясь къ опредѣленію, въ массѣ петербургскаго населенія и въ условіяхъ его жизни, присутствія указанныхъ «нарушающихъ» общественную нравственность элементовъ, мы, конечно, должны остановиться прежде всего на тѣхъ изъ нихъ, которые подходятъ подъ категорію *общихъ* и постоянныхъ. Въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, главное и самое вліятельное мѣсто занимаетъ неудовлетвореніе такихъ первыхъ, основныхъ потребностей человѣческаго организма, какъ, напр., чувство голода, защита тѣла отъ разрушительныхъ атмосферическихъ явленій, посредствомъ одежды и жилища, сохраненіе здоровья и личной безопасности отъ проявленій насилія и произвола, отъ разныхъ несчастныхъ случайностей и упущеній въ системѣ общественнаго благоустройства, и проч. Все это составляетъ основныя требованія чувства самосохраненія, столь преобладающія надъ всѣми другими въ каждомъ живомъ организмѣ, и неудовлетвореніе которыхъ, въ той или другой степени, въ чловѣкѣ обозначается общимъ терминомъ—*бѣдность*, *пауперизмъ*.

Какъ извѣстно, бѣдность, представляющая собою совокупность лишеній и неудовлетвореній по выше означеннымъ потребностямъ каждаго человѣка, признается повсюду самымъ главнымъ, самымъ производительнымъ факторомъ для зарожденія и развитія всевозможныхъ пороковъ, нравственныхъ паденій и извращеній, проступковъ и преступленій. Бѣдность—это губительная, наполненная смрадной тиною пропасть, на днѣ которой несчастной жертвѣ чаще всего приходится выбирать между медленной смертью и преступленіемъ: другаго выхода тутъ нѣтъ. Какъ показываетъ ежедневный опытъ, пропасть эта, вырытая среди общества вѣковой неправдой разнузданной борьбы за существованіе, непрерывно засасываетъ тысячи людей, у тысячъ другихъ она вѣчно зияетъ подъ ногами, для третьихъ—она вѣчно представляется страшнымъ пугаломъ въ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ и не даетъ имъ успокоиться. Стремленіе вырваться изъ ея мертвящей тины, наряду съ опасеніемъ не оступиться въ нее—служить господствующимъ стимуломъ ожесточенной человѣческой борьбы за существованіе, характеризующей нашу повседневную жизнь и разрѣшающейся, съ одной стороны, цѣнными продуктами труда и генія человѣческаго, понуваемыхъ «благодѣтельнымъ инстинктомъ голода», по выраженію Льюиса, а съ другой—массой безнравственныхъ поступковъ, «хищеній», кривдъ и подлостей, большихъ и маленькихъ, караемыхъ Темидой и еще чаще остающихся безнаказанными. Слѣдовательно, для нашей задачи необходимо прежде всего опредѣлить, въ общихъ чертахъ, объемъ и глубину петербургской бѣдности, въ различныхъ ея проявленіяхъ и формахъ, и въ связи съ ея главными источниками и причинами. Нужно, впрочемъ, предварительно условиться относительно самаго понятія: что такое бѣдность и что такое бѣднякъ?

Изъ вышесказаннаго, да и по общественному, обыденному глазомѣру, степень бѣдности или благосостоянія каждаго отдѣльнаго члена общества опредѣляется степенью его матеріальной обеспеченности и удовлетворенія его жизненныхъ потребностей. Не смотря, однако, на кажущуюся легкость разграниченія «богатыхъ» отъ «бѣдныхъ», ничто такъ не трудно, при крайней социальнo-экономической пестротѣ современнаго городского населенія, какъ отыскать *среднюю*, нормальную мѣрку довольства

и нужды, которую можно было бы приложить къ каждому, отдѣльно взятому индивидууму, безъ различія. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ чрезвычайно разнообразнымъ уровнемъ нуждъ и потребностей, обуславливаемымъ различіемъ степеней культурности, привычекъ, обычаевъ, общественныхъ положеній и проч. Напримѣръ, въ деревнѣ, въ крестьянской средѣ, гдѣ этотъ уровень—единый и общій для всѣхъ членовъ населенія, находящихся на одинаковой степени культурнаго развитія и живущихъ въ однообразныхъ для всѣхъ условіяхъ, отыскать различіе между бѣднымъ и богатымъ очень легко; но въ городѣ, особенно, въ такомъ большомъ, разноплеменномъ и разносословномъ городѣ, какъ Петербургъ, глазу наблюдателя представляется безконечно-разнообразный, не поддающийся квалификаціи, калейдоскопъ всевозможныхъ видовъ нужды и довольства, богатства и нищеты. Въ Петербургѣ можно встрѣтить такого, напр., сорта «бѣдняковъ». Какъ-то намъ случилось лично столкнуться съ человѣкомъ, вращающимся въ великосвѣтскомъ кругу и пропитаннымъ его понятіями и его атмосферой. Говоря о положеніи разныхъ аристократическихъ домовъ петербургскаго большаго свѣта, со стороны ихъ блеска и зажиточности, онъ замѣтилъ, между прочимъ, объ одномъ представителѣ громкой княжеской фамиліи, что господинъ этотъ «очень бѣденъ». Насъ это удивило, и мы освѣдомились о цифрѣ его дохода.

— Что-жь, онъ получаетъ какихъ-нибудь тридцать, сорокъ тысячъ въ годъ... Съ такимъ доходомъ нельзя держаться на высотѣ требованій большаго свѣта,—совершенно серьезно пояснилъ намъ нашъ собесѣдникъ, и примѣрными смѣтными выкладками бюджета аристократическаго дома доказавъ, что это дѣйствительно такъ.

Сколько же степеней бѣдности, на мѣрку каждой отдѣльно взятой общественной среды, представится нашему взору, если сопоставить, съ одной стороны, этого *бѣднаго* князя, а съ другой—какого нибудь бездомнаго оборванца, у котораго не всегда хватаетъ трехъ копѣекъ на ночлегъ въ трущобахъ «Вяземской лавры»?... О томъ, какъ трудно квалифицировать, при указанныхъ условіяхъ, степень бѣдности и въ какой степени неясны и спутаны на этотъ счетъ господствующія понятія,—весьма назидательные примѣры представляетъ практика нашихъ судовъ.

Какъ навѣстно, «бѣдность», «крайность», «неимѣніе средствъ къ пропитанію», вошедшія въ процессуальную терминологию, принимаются судомъ за смягчающія вину обстоятельства и ведутъ къ снисхожденію для подсудимыхъ. Ко го-же судъ признаётъ бѣдняками, доведенными крайностью до преступления?

Полунищій отставной старикъ-чиновникъ *), безъ гроша въ карманѣ, съѣдаетъ въ трактирѣ, для удовлетворенія голода, кушанья на 40 копѣекъ и отказывается уплатить эти деньги, за ихъ неимѣніемъ... Присяжные признаютъ, что онъ совершилъ это «преступное дѣяніе» *по крайности*, оправдываютъ его и даже сердобольно надѣляютъ нѣсколькими рублями отъ щедротъ своихъ. Въ скандальномъ процессѣ нѣкоторой интересной вдовы, одинъ изъ подсудимыхъ, человѣкъ высшаго образованія, бывшій членъ окружнаго суда, жившій на широкую ногу, завѣдомо и съ своекорыстной цѣлью удостовѣрилъ своей подписью фальшивое завѣщаніе... И судъ нашелъ, что онъ виновенъ, но былъ «вынужденъ *крайностью*»... Бездомная и неимущая вдова-крестьянка взломала чужой ящикъ съ деньгами и похитила двѣ копейки... «Виновна, но вынуждена крайностью!» «Замѣчательный» торговый корреспондентъ и «страстный» биржевой игрокъ, постоянно вращавшійся въ кругу самой крупной денежной аристократіи и по этой мѣрѣ привыкшій измѣрять свои желанія, поддѣлалъ фальшивыя обязательства и, съ помощью ихъ, присвоилъ чужихъ денегъ 55,000 рублей... Вотъ буква въ букву вопросъ, предложенный судомъ присяжнымъ: «если подсудимый виновенъ, то не совершилъ ли онъ преступленіе *по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію и работѣ?*»

— Да, совершилъ по крайности! благодушно отвѣтили присяжные и обѣлили подсудимаго въ чистую.

Въ тотъ же день и въ стѣнахъ того же суда, только въ другомъ отдѣленіи, судился отставной рядовой, «прослужившій оте-

*) Какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующихъ очеркахъ, по многимъ уважительнымъ причинамъ, которыя, конечно, пойметъ читатель, мы будемъ избѣгать, по возможности, называть обезславленных на судѣ имена, тѣмъ болѣе, что интересъ здѣсь не въ именахъ, а въ фактахъ. Оговариваемся только, что всѣ такого рода факты мы беремъ *исключительно* изъ практики однихъ петербургскихъ судовъ.

честву 35 лѣтъ»; судился онъ за присвоеніе трехъ старыхъ, рваныхъ полушубковъ, и—вотъ въ какихъ выраженіяхъ живописаль свою «крайность»:

— Не имѣю ни роду, ни племени... Пособія никакого нѣтъ... Не присталъ ни къ одному берегу, ни къ другому... Теперь старикъ... Бѣдность моя, кровь... За одежду и за хлѣбъ былъ бы вѣрный рабъ по гробъ жизни...

— Не по крайности ли и неимѣнію средствъ къ пропитанію совершилъ кражу подсудимый? спросилъ судъ присяжныхъ.— «Нѣтъ, не по крайности!» — послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ—а ихъ можно было бы подобрать сколько угодно—мы уже получаемъ нѣсколько образчиковъ бѣдности и «крайности», до того различныхъ и діаметрально противоположныхъ, что тутъ просто нечего и думать о какомъ нибудь обобщеніи и приложеніи какой либо нормы.

Сопоставляя приведенные факты, можно, пожалуй, прийти къ безотрадному заключенію относительно человѣческой справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли: «денежный» аристократъ, изъ страсти къ биржевой игрѣ похищающій десятки тысячъ,—это, на аршинъ справедливости, жалкій бѣднякъ, заслуживающій, по своей «крайности», полнаго снисхожденія; а нищій старикъ, «ни къ какому берегу не приставшій» и проворовавшійся на нѣсколько рублей,—это закоренѣлый преступникъ, никакой крайности не испытывавшій и никакого снисхожденія не заслуживающій!.. Невольно вспоминается саркастическая похвала Гейне нѣмецкому правосудію за то, что предъ лицомъ его ни одинъ воръ, укравшій меньше ста талеровъ, не избѣгалъ висѣлицы,—похвала, весьма аналогичная съ русской народной пословицей: «украдешь на грошъ — раздавать, какъ вошь, украдешь сто тысячъ—не велятъ и высѣчь!..»

Впрочемъ, въ приведенныхъ нами примѣрахъ не было и не могло быть мѣста кривосудію и завѣдомому послабленію проворывающимся на сумму больше ста талеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цитированные приговоры были высказаны по внутреннему убѣжденію и по совѣсти. Непослѣдовательность ихъ и противорѣчивость указываютъ лишь на то, что ходячія понятія о крайности и бѣдности чрезвычайно сбивчивы и растяжимы. Поло-

женіе, которое для васъ кажется бѣдностью, на взглядъ стоящаго ниже васъ на лѣстницѣ культурнаго развитія и матеріальныхъ потребностей, равнялось-бы благосостоянію, если не богатству.

Въ современномъ европейскомъ городскомъ обществѣ, при существующемъ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи богатства, власти, образованія и всѣхъ благъ цивилизаціи, различіе положеній, опредѣляющихъ высоту и изысканность жизненныхъ потребностей данной среды, не имѣетъ границъ и проявляется въ весьма рѣзкихъ формахъ. Напримѣръ, статистика высчитала, что, при разложеніи общей суммы цѣнностей, производимыхъ въ Европѣ земледѣліемъ и индустріей, на общее число ея жителей, средній ежегодный доходъ европейца составляетъ всего лишь 60 рублей въ годъ, или 16¹/₂ коп. въ день. Несомнѣнно, что существуетъ масса людей, которые цѣлую жизнь довольствуются доходомъ въ такомъ размѣрѣ, и можно допустить, что многіе изъ нихъ, при низкомъ уровнѣ своихъ потребностей, не чувствуютъ особенной крайности. Между тѣмъ, если взять какого нибудь аристократа, привыкшаго соизмѣрять свои потребности десятками тысячъ, и сократить его громадные доходы хотя на половину, онъ—несчастный человѣкъ, который совершенно основательно, съ точки зрѣнія—своей личной и своей среды—будетъ плакаться на свою горькую крайность. Сошлемся на болѣе наглядные для всякаго, реальные примѣры.

Извѣстно, изъ личнаго опыта каждаго петербуржца, принадлежащаго къ образованному слою общества и къ классу людей средняго достатка, что въ настоящее время въ Петербургѣ, при существующей дороговизнѣ и низкомъ курсѣ нашего рубля, ежегодный доходъ на семейный домъ въ одну и даже въ двѣ тысячи рублей совершенно недостаточенъ для покрытія всѣхъ потребностей п е р в о й необходимости, не говоря уже о роскоши, если мѣрять эти потребности на масштабъ культурной жизни. И рядомъ съ этими несомнѣнными «бѣдняками,» не выходящими изъ самой тѣсной «крайности,» въ Петербургѣ живетъ въ совершенномъ довольствѣ, на аршинъ своихъ потребностей, масса людей, весь годичный доходъ которыхъ равняется нѣсколькимъ стамъ и даже нѣсколькимъ десяткамъ рублей. Мы разумѣемъ низшій промышленно-рабочій слой столичнаго населенія, напр.:

домовую прислугу, извозчиковъ, ремесленниковъ, и т. д. Всѣ эти соображенія и контрасты указываютъ, во-первыхъ, на закоренѣлыя уродливости существующаго социальнаго statu quo, создающаго такое рѣзкое неравенство въ развитіи потребностей, которыя у однихъ стоятъ на уровнѣ примитивнаго быта, а у другихъ — достигаютъ сибаритства и расточительной изысканности, и — это наряду съ такою-же рѣзкою неравномѣрностью въ распредѣленіи земныхъ благъ. Во-вторыхъ, данныя эти указываютъ на крайнюю относительность понятія о «бѣдности», откуда сама собой возникаетъ необходимость провѣрки сложившагося и господствующаго мнѣнія, что ограниченность и скудость матеріальныхъ средствъ безусловно служатъ главнымъ возбуждательнымъ факторомъ въ развитіи безнравственности и преступленій, въ поджиганіи человѣческой воли къ нарушенію личныхъ и имущественныхъ правъ ближнаго.

Наши поселяне, какъ извѣстно, очень бѣдны, говоря вообще, особенно сравнительно съ горожанами. Между тѣмъ, судебная статистика и наблюденія изучающихъ народъ изслѣдователей показываютъ, что наша деревня, не смотря на ея безысходную бѣдноту, на постигающія ее такъ часто многія невзгоды, о гнетѣ которыхъ горожане и понятія не имѣютъ, гораздо нравственнѣе, цѣлостнѣе и честнѣе города и, сравнительно съ нимъ, выдѣляетъ гораздо меньшій процентъ преступниковъ. Въ то же время мы чуть не каждый день видимъ, что никакое, повидимому, блестящее общественное положеніе, никакое богатство не исключаютъ въ людяхъ инстинктовъ хищности и звѣрства, выражающихся нерѣдко въ формѣ возмутительнѣйшихъ преступленій, и, вообще, не дѣлаютъ людей выше и нравственнѣе, а — напротивъ — часто деморализуютъ ихъ.

Въ этомъ отношеніи, «бѣдность» взятая безусловно, — простой терминъ, ровно ничего не выражающій. Определеніе степени бѣдности и крайности мыслимо только при сопоставленіи и сравненіи съ уровнемъ потребностей данной личности и данной среды. Это въ особенности слѣдуетъ принять во вниманіе при изслѣдованіи петербургскаго пауперизма, такъ какъ, быть можетъ, ни въ одной изъ европейскихъ столицъ нѣтъ такого разительнаго различія въ степеняхъ культурности, въ уровнѣ потребностей и въ распредѣленіи богатствъ, какое замѣчается

въ пестрой массѣ петербургскаго населенія, въ средѣ котораго огромное множество людей довольствуется наименьшею долею матеріальнаго благосостоянія, наряду съ сибаритами, надѣленными лукулловскимъ аппетитомъ и безграничною прихотливостью.

Вопросъ, слѣдовательно, долженъ быть поставленъ нѣсколько иначе, нежели привыкли его ставить моралисты. Безспорно, что бѣдность, въ смыслѣ положительнаго «неимѣнія средствъ къ пропитанію,» въ смыслѣ круглаго лишенія на спросъ потребностей первой необходимости, должна быть принята во вниманіе, какъ одинъ изъ факторовъ, образующихъ «подать преступленію;» но, понятая въ такомъ смыслѣ, она слишкомъ специализируется и перестаетъ занимать господствующее значеніе въ области разсматриваемыхъ явленій. Такое значеніе здѣсь должно быть отдано болѣе широкому понятію — понятію недовольства вообще, развивающагося въ населеніи по различнымъ, иногда очень сложнымъ причинамъ, и отъ степени распространенія и напряженности котораго находится обыкновенно въ полной зависимости статистика всякихъ нравственныхъ отступленій, нарушеній и преступленій. Это недовольство, это тревожное, мучительное сознаніе необезпеченности своего положенія, непрочности и недостаточности своихъ матеріальныхъ средствъ, создаются, главнымъ образомъ, тѣмъ несоотвѣтствіемъ между возбуждаемыми потребностями и ихъ удовлетвореніемъ, которымъ страдаетъ такое множество культурныхъ горожанъ. Потребности быстро возникаютъ и усложняются, еще быстрѣе распространяются онѣ въ массѣ и усваиваются ею, а между тѣмъ матеріальныя средства и зажиточность, въ частности, возростають гораздо медленнѣе (напр., заработная плата, жалованье и пр.), вслѣдствіе чего съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается число индивидуумовъ, страдающихъ отъ неудовлетворенія, въ той или другой степени, своихъ желаній, требованій, вкусовъ и привычекъ. При этомъ, нужно замѣтить, что современная городская жизнь, особенно въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, наряду со здоровыми и своевременными потребностями, искусственно возбуждаетъ и распространяетъ множество потребностей неправильныхъ, фальшивыхъ и суетныхъ, напр., вкусъ къ роскоши, къ тщеславному внѣш-

нему блеску и «шику», къ сильнымъ ощущеніямъ въ области утонченнаго распутства, къ наслажденію зрѣлищами и проч.

Потребности этой категоріи, совершенно опутывая людей извѣстныхъ привилегированныхъ слоевъ, въ то же время, съ легкостью заразы, проникають въ массу низшаго и недостаточнаго городского населенія и, въ большей или меньшей степени, деморализируютъ ее. Какъ-бы ни были такого рода потребности искусственны и ложны, но, повсечасно возбуждаемыя соблазнами городской прихотливой жизни, онѣ крайне заостряются и, отсюда, неудовлетвореніе ихъ заставляетъ страдать, заставляетъ искать исхода, разжигаетъ хищническіе инстинкты и заглушаетъ голосъ покладистой совѣсти. Человѣкъ, разъ попавшій въ этотъ водоворотъ, сроднившійся съ опьяняющимъ чадомъ прихотей и наслажденій, уже не можетъ и не хочетъ жить въ другой обстановкѣ и атмосферѣ. Борьба за существованіе превращается здѣсь въ борьбу за личное чревоугодіе, сластолюбіе и тщеславіе. Подстрекаемое этими дорого стоящими похотями, чувство себялюбія не останавливается уже ни передъ чѣмъ, ради удовлетворенія этихъ похотей, ради необходимыхъ для пышной и разгульной жизни средствъ... И вотъ передъ нами встаетъ длинный рядъ всевозможныхъ, нерѣдко омерзительнѣйшихъ преступленій и «хищеній», поражающихъ своими размѣрами и своей наглостью въ такихъ вершинахъ общества, гдѣ даже понятія не имѣютъ, что такое «бѣдность» и «крайность», которыми можно было-бы извинить преступную волю. Здѣсь стимуломъ разнузданной воли является уже, отмѣченная стихомъ современнаго русскаго сатирика, «тоска по милліонѣ», разрѣшающаяся болѣе или менѣе счастливыми покушеніями «благопріобрѣсть» его, съ соблюденіемъ декорума внѣшней законности и приличій, а не то и просто—украсть... Конечно, для многихъ, томящихся этой «тоскою», которая является результатомъ неудовлетворенія адчныхъ похотей сластолюбія, роскоши и тщеславія, желанный «милліонъ» вѣчно остается «въ туманѣ»—недостигаемой мечтою; но намъ довольно знать, чѣмъ именно характеризуется и въ какой формѣ проявляется борьба за существованіе въ намѣченной общественной сферѣ... Какъ всегда и вездѣ, здѣсь много званныхъ, но мало избранныхъ прихотливою фортуной. Борьба съ каждымъ днемъ становится труднѣе,

искомый «милліонъ», казенный и общественный, все крѣпче и крѣпче припрятывается за замки, все болѣе и болѣе усовершенствуемые; общество становится внимательнѣе къ интересамъ своимъ и народнымъ, общественная совѣсть чутче и възскаательнѣе, и—прокурорскій надзоръ, съ бдительностью и неподкупностью аргуса, стоитъ на стражѣ имущественной безопасности, личной и общественной. Вотъ почему современнымъ Лукулламъ и Алкивиадамъ, тоскующимъ по «милліонъ», въ перспективѣ ихъ блестящей карьеры, съ одинаковою отчетливостью мерещатся: рай Магомета, въ парижскомъ изданіи, скамья подсудимыхъ и револьверъ—либо одно; либо другое, либо третье, и чаще другое и третье, чѣмъ первое, чѣмъ удача и слава, съ благополучно унесеннымъ «милліономъ» въ карманѣ! Указывать ли примѣры и называть ли имена? Ихъ столько—и столько между ними краснорѣчивыхъ—они такъ вѣзались въ общественную память, что поименовывать ихъ нѣтъ надобности.

Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, суровый моралистъ, князь Щербатовъ, свидѣтельствуя, что современные ему знатные русскіе люди, «генерально, можно сказать, были люди распутные», съ гражданственнымъ укоромъ спрашивалъ ихъ: «что можетъ сказать народъ, видя ваше сластолюбіе и роскошь, превосходящія ваши доходы»? Мораль и скептицизмъ угнетеннаго гражданскою скорбью князя не заходили слишкомъ глубоко. Высказанный имъ укоръ исходилъ просто изъ опасенія, что «поврежденіе нравовъ», переходя *сверху внизъ* и «всюду укореняясь къ разоренію домовъ», можетъ сообщиться низшей народной массѣ и деморализировать ее. Опасеніе небезосновательное и для нашихъ дней.

Дѣйствительно, быть можетъ, самое худшее слѣдствіе «поврежденія нравовъ» въ верхушкахъ общества—то, что оно отражается крайне неблагоприятно на общей духовной гигиенѣ и матеріальной экономіи всей страны, и въ нашемъ примѣрѣ—всего городского населенія. Независимо отъ вреднаго вліянія такого «поврежденія» на высшіе государственные интересы, оно заражаетъ и деморализуетъ массу. Между верхними и нижними слоями городского общества слишкомъ много точекъ соприкосновенія, чтобы язвы и пороки первыхъ не сообщались и послѣднимъ. За всѣмъ тѣмъ, въ Петербургѣ, гдѣ, какъ

извѣстно, низшіе классы населенія состоятъ преимущественно изъ пришлаго крестьянства, являющагося изъ деревень ради заработковъ, указанная зараза не ограничивается райономъ одной столицы, а распространяется въ большей или меньшей степени по всей Россіи. Въ доказательство можно указать на общеизвѣстный фактъ, давно уже озабочивающій правительство и земство, — распространеніе сифилиса въ деревенскомъ населеніи, принимающее опасные размѣры. Кому-жъ обязана наша деревня этой губительной язвой, какъ не городу, и главнѣе всего Петербургу, съ его развратомъ?.. И въ такомъ родѣ, множество цвѣтовъ городской цивилизаціи разносится по лицу русской земли. Конечно, тутъ виновата не цивилизація, а сопровождающее ее, по обыкновенію, «поврежденіе нравовъ», неразлучное въ эпохи перехода данной среды изъ патріархальнаго быта къ высшей культурѣ. Руссо былъ правъ въ извѣстной степени, сказавши, что въ челоуѣчествѣ, «рядомъ съ умственнымъ прогрессомъ, идетъ нравственная испорченность.» Дѣло въ томъ, что вездѣ и всегда люди, вступая изъ первобытнаго состоянія на путь прогресса, прежде всего усваиваютъ вѣшніе, такъ сказать, аксессуарные и нерѣдко отрицательные признаки и свойства цивилизаціи, — бросаются на ея приманки дурнаго вкуса, и только впоследствии, путемъ долгой школы, цивилизуются на самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ значеніи этого слова. Много значитъ еще въ этихъ случаяхъ—подъ какимъ вліяніемъ и изъ какихъ рукъ идетъ въ неразвитую массу цивилизація?—Обыкновенно, учительную роль здѣсь исполняютъ высшіе, «правящіе» классы, соприкасаясь съ которыми, дѣвственные «сыны народа» рабски перенимаютъ плоды и приобрѣтенія цивилизованной жизни, безъ всякой критики. По крайней мѣрѣ, такой порядокъ имѣетъ мѣсто и широкое примѣненіе въ средѣ петербургскаго населенія и въ ходѣ петербургской цивилизаціи, создавшей хорошо знакомый всѣмъ, можно сказать, всероссійскій типъ питерскаго «образованнаго мужика», какъ онъ любитъ самъ себя величать. Но что такое этотъ образованный «питерщикъ» и какаго сорта культурность должна дать ему столичная цивилизованная жизнь, складывающаяся по вкусу и потребностямъ высшаго класса, если въ нравахъ самого этого класса царитъ глубокое «поврежденіе»?—Отвѣтъ ясенъ, и для каждаго

наблюдателя наглядно сказывается при первом-же знакомствѣ съ «питершикомъ» низшаго слоя, весьма несимпатичнымъ— нужно сказать правду—въ большинствѣ случаевъ. Деморализація происходитъ обыкновенно такимъ образомъ. Соблазнительная легкость нравовъ, вкусъ къ сластолюбію, роскоши, суетности распространяются преемственно отъ верхушекъ по всемъ нижнимъ слоямъ общества, причѣмъ обнаруживается, что чѣмъ ниже слой, тѣмъ грубѣе и уродливѣе формы и симптомы этой нравственной эпидеміи. Оргія разливается широкимъ потокомъ, привлекаетъ за свой пиршественный столъ все большее число поклонниковъ Мамона и Ваала, и бывають минуты, когда ея изступленный, вакхическій гамъ дѣлается господствующимъ и заглушаетъ всякіе «гражданскіе мотивы». Есть прелюбопытныя и далеко не одиночныя указанія преемственного распространенія этой заразы сверху внизъ. Предъ нами рядъ криминальных фактовъ, гдѣ личности изъ самаго низменнаго слоя петербургскаго населенія, подъ вліяніемъ помянутой заразы, получали до того острый аппетитъ къ сластолюбивому жуированію и бонвиванству, что для достиженія своей цѣли не останавливались ни передъ кражей и шантажемъ, ни передъ убійствомъ и смертоубійствомъ. Какъ-то, однажды, на Семеновскомъ плацу были подняты въ безчувственно пьяномъ состояніи двое подростковъ изъ простолюдиновъ. При нихъ найдены были опорожненныя бутылки. Навели справки, и оказалось, что одинъ изъ нихъ, служа «мальчикомъ» въ винномъ погребѣ, усвоилъ утонченный вкусъ къ шампанскому, которое и сталъ, бутылка за бутылкой, таскать изъ хозяйскаго погреба, распивая его каждый разъ на вольномъ воздухѣ, гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, въ компаніи съ пріятелями-однолѣтками. Быть можетъ, это была только шалость — весьма впрочемъ, характерная, — извиняемая легкомысліемъ юности; но вотъ передъ нами цѣлый, правильно организованный кружокъ юныхъ «шалуновъ», образъ дѣйствій которыхъ трудно поддается какому-бы то ни было оправданію. Всѣ они — почти мальчишки, едва вышедшіе изъ отроческаго возраста. Самому старшему изъ нихъ 20 лѣтъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они систематически, компаніей, занимались, по выраженію одного изъ нихъ, «прибыльнымъ ремесломъ» заключавшимся въ переработкѣ, которую они, къ тому-же, нерѣдко

эксплуатировали и для наглаго шантажа, въ тѣхъ случаяхъ, когда попавшую въ западню жертву можно было запугать угрозой скандалезнаго обличенія и, на этомъ основаніи, сорвать съ нея деньги. Послѣ каждой удачной ловитвы, честно потрудившіеся молодые люди нанимали лихачей и беззаботно катили въ аристократическіе рестораны Дюссо и Бореля, гдѣ заканчивали свои похождения веселымъ, роскошнымъ ужиномъ съ шампанскимъ. Конечно, и остальные свои досуги и заработки они утилизировали на забавы и наслажденія, не менѣе «шикарныя» и комфортабельныя... Кто-жъ эти сибариты, съ такими аристократическими вкусами?— Одинъ изъ нихъ — сынъ унтеръ-офицера, другой — мѣщанинъ, третій—сынъ коллежскаго регистратора, остальные два—«рижскіе граждане». На судѣ обнаружилось, что всѣ они не получили никакого образованія, не имѣли никакихъ занятій и ни гроша за душой, и были, такъ сказать, питомцами петербургской улицы, представителями подонковъ общества. Съ такого же пошиба представителями тѣхъ-же подонковъ встрѣчаемся мы и въ знаменитомъ дѣлѣ фонъ-Зона. И тутъ сдѣла на скамьѣ подсудимыхъ цѣлая компанія темныхъ, грубыхъ и неразвитыхъ существъ, выброшенныхъ изъ деревни и изъ низшаго слоя городского населенія на петербургскую улицу, развратившую ихъ до мозга костей и давшую имъ ту-же «образованность», подъ которой въ этой средѣ подразумѣвается страсть къ внѣшнему щегольству, къ «шику», и вкусъ къ праздной, разгульной жизни на «господскую» ногу... Для удовлетворенія изысканныхъ потребностей такой жизни, компанія, путемъ гнуснѣйшихъ промысловъ и мошенническихъ продѣлокъ, пришла къ изобрѣтенію цѣлой системы грабежей и убійствъ, къ счастью, «престѣпленныхъ» въ самомъ началѣ. Въ высшей степени характеристична одна маленькая подробность въ этомъ страшномъ дѣлѣ: когда компанія, покоячивъ съ Зономъ, свезла его въ чемоданѣ въ желѣзнодорожный вокзалъ и сдала въ багажъ, то первымъ дѣломъ ея было, послѣ такъ счастливо исполненной операціи, зайти гурьбой въ кондитерскую и полакомиться пирожнымъ на ограбленные у несчастной жертвы деньги...

Еще примѣръ. Одинъ темный, полунищій и праздный разночинецъ, тоже отлично познавшій вкусъ къ наслажденіямъ культурной жизни и снѣдаемый алчною похотью полакомиться ими,

какъ-то въ тиши ночной, по внезапному наитію, пробрался въ комнату своего пріятели и сосѣда по жилью, и задушилъ его, спящаго, изъ за нѣсколькихъ рублей и дрянной енотовой шубы... Прямо съ «работы», онъ отправился на извозникъ въ домъ терпимости и весело прокутилъ тамъ до разсвѣта на счетъ добычи. Провѣкъ усладительнаго кутежа въ подобномъ вкусѣ, какъ озабоченъ потомъ, убійца этотъ давно лелѣялъ въ сердцѣ. У него нашли слѣдующій примѣчательный рецептъ: «Мышьяку на 15 к., скипидару на 10 коп., цинковаго кали на 60 коп. и крѣпкой водки на 15 коп. Принять *послѣ хорошаго обѣда у Бореля*... Кому свѣтъ надобѣнъ, тотъ да воспользуется симъ совѣтомъ! Рубль стоитъ недорого...» Интересно здѣсь сопоставленіе отвращенія къ «надобѣвшему свѣту» съ «хорошимъ обѣдомъ у Бореля». Очевидно, что составитель рецепта страдалъ не отвращеніемъ и оскоминой къ жизни, а—напротивъ—слишкомъ алчнымъ и не по карману изысканнымъ аппетитомъ къ ней. Подобный гастрономическій рецептъ имѣетъ варианты, и однажды былъ съ успѣхомъ примѣненъ на практикѣ однимъ сибаритомъ изъ той-же среды петербургскихъ подонковъ и отребьевъ городской цивилизаціи. Субъектъ этотъ—молодой человекъ, весело проведя вечеръ въ танцъ-классѣ «Эльдорадо», пользовавшемся весьма скандальной репутаціей, пріѣхалъ съ пріятелями и дамами въ гостинницу, взялъ номеръ, заказалъ роскошный ужинъ съ шампанскимъ, и въ самый разгаръ вакханаліи хватилъ яду, чѣмъ и покончилъ счетъ съ хозяиномъ гостинницы за ужинъ и съ своей безпутной, забубенной жизнью...

Этотъ безумецъ ликвидировалъ свое существованіе изъ-за личнаго наслажденія; но вотъ нашелся оригиналъ, который на 47-мъ году жизни повѣсилъ, изъ-за неимѣнія средствъ для «приличнаго» содержанія своей жены, отличавшейся утонченнымъ вкусомъ, не по карману, къ изысканной роскоши и свѣтскимъ развлеченіямъ... Дальше уже не можетъ идти изобрѣтательность отчаянія, подъ гнетомъ неудовлетворенности фальшивыхъ, растлѣвающихъ потребностей сластолюбія, разврата и разгула. Это не «бѣдность» и «крайность», это и не «ошибки молодости»—не игривыя вспышки здоровой юношеской крови, это—

«Безбожный пиръ, безбожные безумцы»,

у «бездны мрачной на краю», по выраженію поэта... «Vive la

gatté et la folie!» — вот девизъ этихъ развращенныхъ, до потери образа человѣческаго, безумцевъ, вырвавшійся какъ-то у одного изъ нихъ въ минуту отвратительной оргіи. Девизъ этотъ, впрочемъ, нуждается въ маленькой поправкѣ. Прежде всего, тутъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста веселью—здѣсь бѣснуется одно безоглядное отчаянье «у бездны мрачной на-краю», отъ которой нѣтъ спасенія. Затѣмъ, къ словамъ: «да здравствуетъ безуміе», слѣдуетъ прибавить: «и преступленіе». Густой оттѣнокъ уголовщины виситъ здѣсь въ воздухѣ и даетъ тонъ всей картинѣ этого «безбожнаго пира».

Петербургъ переполненъ «безумцами» этой опасной, противупобщественной категоріи, порожденныхъ безурядицей социальныхъ отношеній и общимъ «поврежденіемъ нравовъ», характеризующимся погоней за роскошью и наслажденіями, искушеніе, которыми городская суетность и городская индустрія довели нынѣ до самой безстыдной рекламы. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отбросомъ весьма многочисленнаго въ Петербургѣ культурнаго пролетаріата, въ ряды котораго входятъ представители всѣхъ слоевъ общества, начиная отъ «захудалыхъ», разорившихся и промотавшихся аристократовъ и кончая культивированнымъ городскою виѣшнею «образованностью», или, точнѣе сказать, избаловавшимся въ городѣ простолюдиномъ, окончательно оторваннымъ отъ деревни. Этотъ классъ городского населенія, именуемый «недостаточнымъ», по официальному термину, состоитъ въ значительной части изъ необезпеченныхъ, голодающихъ, бьющихся, какъ рыба объ ледь, неудачниковъ и несчастливцевъ, ни къ чему не пристроенныхъ и, въ большинствѣ, ни къ чему неспособныхъ, а также изъ людей праздныхъ, не выучившихся труду или потерявшихъ къ нему охоту, крайне деморализованныхъ и порочныхъ, до полной готовности во всякую данную минуту идти на безнравственное и преступное дѣло, при первомъ соблазнѣ легкой добычи, ради удовлетворенія страсти къ роскоши и распутству. Вотъ эта-то среда и образуетъ самую глубокую и опасную, самую злокачественную язву въ организмѣ столичнаго общества, въ отношеніи его нравственной гигиены; она-то и выдѣляетъ наибольшій процентъ всякаго рода противупобщественныхъ, гнидстныхъ отложеній и элементовъ, проявляющихся въ массѣ повсе-

дневныхъ нарушеній и уродливостей въ жизни частной и публичной; она-же уплачиваетъ и наибольшую «подать преступленію» въ общей криминальной статистикѣ столицы...

Чрезвычайно любопытно было-бы опредѣлить въ цифрахъ численность выше очерченной среды, состоящей изъ отброса культурнаго пролетаріата столицы, какъ не менѣе любопытно и важно для нашей задачи было-бы знать также численный объемъ этого послѣдняго, вообще; но эта подвижная, пестрая масса, вѣчно мѣняющаяся въ своемъ составѣ и разбивающаяся на множество неуловимыхъ, часто замаскированныхъ разновидностей, не можетъ уложиться и въ практикуемая современной статистикой рубрики. До какой степени статистика бессильна уловить и подчинить счету этого рода явленія общественной физики, можно судить по слѣдующему назидательному примѣру. Въ переписи столичнаго населенія 1869 г. есть рубрика для лицъ, «живущихъ неопредѣленными средствами», или, какъ говорится на канцелярскомъ языкѣ, — «не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій.» Рубрика чрезвычайно важная и интересная для насъ, потому что лица помянутой категоріи обыкновенно входятъ въ контингентъ городского пролетаріата и представляютъ, по теоріи, наиболѣе опасный для общественной нравственности элементъ. Но какія-же свѣдѣнія даетъ намъ по этому предмету перепись? — По ея вычисленію, оказывается, что въ Петербургѣ лицъ, «живущихъ неопредѣленными средствами,» всего на всего—2,345 (въ томъ числѣ 788 мужчинъ и 1557 женщинъ) или около 0,3⁰/₀ (на 670 т. жителей)... Еслибы на эту цифру можно было положиться, тогда Петербургъ представился-бы намъ счастливѣйшимъ, трудолюбивѣйшимъ и благоправнѣйшимъ городомъ въ мірѣ! Къ сожалѣнію, этого нѣтъ въ дѣйствительности, и — несомнѣнно, что приведенная цифра переписи не даетъ даже самаго отдаленнаго представленія о существующемъ въ нашей столицѣ — весьма многочисленномъ, какъ мы полагаемъ, — классѣ людей, не имѣющихъ ни опредѣленныхъ занятій, ни средствъ, праздношатающихся, по охотѣ и по неволѣ, бѣдняковъ и лодырей, перебивающихся со дня на день въ ожиданіи какихъ-то невѣдомыхъ благъ, либо въ полномъ отчаяніи до тѣхъ поръ, пока они такъ или иначе не попадутъ на казенное иждивеніе—въ тюрьму-ли, въ нищенскій ко-

митетъ, въ больницу, или-же, наконецъ, въ ящикъ изъ четы-
рехъ досокъ, являющійся часто желаннымъ, примиряющимъ
эпилогомъ жалкой, постылой и бесполезной жизни... Сколько
именно такихъ людей въ Петербургѣ—перепись не даетъ намъ
отвѣта. Есть даже вѣроятіе, что въ ея фиктивную цифру «лицъ,
живущихъ неопредѣленными средствами,» немало попало такихъ
субъектовъ, средства существованія которыхъ — напротивъ —
очень опредѣлены. Это можно заключить изъ значитель-
наго преобладанія въ этой цифрѣ женщинъ надъ мужчинами.
Не подлежитъ почти сомнѣнію, что большинство сосчитанныхъ
здѣсь особъ прекраснаго пола, руководимыя стыдливостью, для
проформы сослались на «неопредѣленные средства,» не желая
пускаться въ откровенности...

Есть, впрочемъ, нѣкоторая возможность, путемъ довольно
сложныхъ и гадательныхъ статистическихъ выкладокъ и сопо-
ставленій, приблизительно намѣтить объемъ необезпеченнаго и
«недостаточнаго класса» въ петербургскомъ населеніи, мѣряя
его на грубо-элементарный и далеко не точный аршинъ. Такъ,
для первой посылки, отмѣтимъ общее число петербуржцевъ—не
производящихъ, не имѣющихъ своихъ средствъ и живущихъ на
счетъ труда другихъ. Число это весьма значительное, если въ
него занести огуломъ:

	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.
Лицъ, получающихъ средства существованія отъ главъ семействъ и родныхъ	59,783	145,693	205,476
Живущихъ неопредѣленными средствами	788	1,557	2,345
Призрѣваемыхъ благотворительностью	1,932	9,748	11,680
Проститутокъ	—	2,041	2,041
Арестантовъ	1,832	201	2,033
	<u>64,335</u>	<u>159,240</u>	<u>223,575</u>

Такимъ образомъ, оказывается, что дѣлая треть столич-
наго населенія (по г. Вильсону—40%) состоитъ изъ лицъ не-
самостоятельныхъ въ матеріальномъ отношеніи, не производя-
щихъ и получающихъ свои средства отъ другихъ лицъ или отъ
общества. Конечно, цифра эта не можетъ быть принята дѣли-
комъ и безусловно за надежную посылку для опредѣленія объема
паразитныхъ и опасныхъ элементовъ въ средѣ столичнаго на-
селенія. Очевидно, что огромную часть приведенной цифры со-
ставили члены семействъ женскаго пола и несовершеннолѣтніе

вообще, изъ которыхъ очень многіе, вѣроятно, имѣли всѣ дан- ные для обезпеченнаго существованія на всю жизнь. Но въ то же время эта цифра даетъ приблизительное указаніе и на число лицъ, безсильныхъ бороться съ жизнью собственными силами и отвоевывать себѣ благосостояніе и прочное положеніе, неза- висио отъ посторонней помощи. Предъ нами стоитъ огромная масса индивидуумовъ слабыхъ, изнѣженныхъ, неумѣлыхъ и не- способныхъ къ труду — все равно, по какимъ-бы то ни было причинамъ, временнымъ-ли, или постояннымъ; но дѣло въ томъ, что во всякую данную минуту большинство ихъ, лишившись почему-либо опоры и содержанія со стороны «главъ семействъ и родныхъ», могутъ стать вдругъ въ совершенно безпомощное, бѣдственное положеніе и присоединиться къ рядамъ представи- телей опасныхъ элементовъ. Такъ это и случается въ дѣйстви- тельности ежедневно, во множествѣ примѣровъ, по такимъ простымъ, естественнымъ поводамъ, какъ, напр.: болѣзнь или смерть главы семейства, потеря служебнаго мѣста, раззореніе, семейные раздоры и проч.

Другую посылку для искомаго вывода представляетъ намъ приведеніе въ извѣстность квартирнаго положенія жителей сто- лицы, т. е. отношеніе квартиръ и числа ихъ комнатъ къ числу жильцовъ и къ количеству квартирной платы. Данныя для этого особенно полно и тщательно разработаны въ переписи 1869 г. По этимъ даннымъ оказывается, что въ Петербургѣ чуть не половина жителей живетъ чрезвычайно тѣсно и неудобно. Такъ, въ столицѣ имѣется:

	Квартиръ.	Въ нихъ жит.	На кажд. кварт.
Въ 1 комнату . . .	16,505	75,055	4,5.
» 2 » . . .	14,395	93,152	6,4.
» 3 » . . .	15,821	109,554	6,9.
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	46,721	277,761	5,9.

Среднее отношеніе—5,9 жильцовъ на квартиру, не превышающую трехъ комнатъ,—отношеніе въ высшей степени неблагоприятное, какъ въ гигиеническомъ, такъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи. Оно ясно свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности населе- нія и о низкомъ уровнѣ его потребностей. Нужно замѣтить, притомъ, что ближайшее рассмотрѣніе приведенныхъ цифръ даетъ еще болѣе безотрадный выводъ. Изъ переписи узнаемъ,

что однокомнатныя квартиры только въ 2502-хъ случаяхъ заняты однимъ жильцомъ, зато огромное множество этой категоріи квартиръ (болѣе 80%) переполнены жильцами гораздо болѣе средней нормы (4, 5). Узнаемъ, что 5652 квартиры въ одну комнату вмѣщаютъ каждая отъ 5 до 10, 20, даже до 50-ти и свыше жильцовъ. То же самое можно сказать о большинствѣ двухкомнатныхъ квартиръ.

Изъ всего этого можно заключить, что исчисленные выше 277,761 петербуржцевъ, составляющихъ слишкомъ 40% столичнаго населенія, должны быть отнесены, по качеству, размѣру и удобству своихъ жилищъ, къ «недостаточному классу». Замѣчательно, при этомъ, одно совпаденіе, подтверждающее сдѣланный выводъ. Въ переписи приведены точныя свѣдѣнія о числѣ квартиръ съ прислугою и безъ прислуги; но только лишь для 66,742 квартиръ (въ 1869 г. въ Петербургѣ всѣхъ ихъ было болѣе 80 т.). Оказывается, что изъ этого числа бѣольшая половина, т. е. 34,929 квартиръ вовсе не имѣли прислуги, присутствіе которой несомнѣнно указываетъ на извѣстную степень зажиточности. Это-то число и совпадаетъ почти съ выше приведеннымъ числомъ бѣдныхъ квартиръ (46,721). Слѣдовательно, можно предположить, изъ сопоставленія этихъ данныхъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно, съ классомъ «недостаточнымъ». Выводъ этотъ подтверждается также справкою о размѣрѣ квартирной платы. Средняя квартирная плата въ Петербургѣ въ 1869 г. была: 307,01 р. на квартиру и 41,8 р. на каждого жителя. Между тѣмъ, одновременно въ Петербургѣ имѣлось квартиръ—4310 съ платой въ годъ отъ 12 до 50 р.; 20,213, съ платой отъ 50 до 150 р., и 20,434 съ платой отъ 150 до 300 р.,—всего 44,857 квартиръ, стоимостью гораздо ниже средней нормы. Отношеніе въ высшей степени поучительное! Очевидно, что высокая средняя цифра квартирной платы была обязана своимъ ростомъ исключительно богатымъ людямъ, оплачивающимъ дорогія квартиры; недостаточный-же классъ ютился въ дешевыхъ трущобахъ, стоимостью не свыше 300 руб., и—число такихъ трущобъ превосходило половину общаго числа петербургскихъ квартиръ...

Мы останавливаемся на этихъ статистическихъ данныхъ, усиленно собранныхъ для отысканія искомаго икса, представ-

ляющаго объемъ петербургской нужды и бѣдности. Не наша вина, что эти данныя гадательны и неточны. Быть можетъ, мы будемъ счастливѣе при дальнѣйшемъ обзорѣ частныхъ очерченной здѣсь картины петербургскаго пролетаріата и пауперизма.

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗИМНІЯ ПѢСНИ.

I.

Если спать не даетъ тебѣ въ зимнюю ночь
 Безпощадная русская вьюга,
 Унесися мечтою крылатою—прочь
 Ты въ объятія свѣтлаго юга!
 Пусть мятели здѣсь мечутся злобно кругомъ,
 И рыдаютъ суровыя бури,—
 Солнце землю ласкаетъ горячимъ лучемъ
 Тамъ съ чарующей, яркой лазури!
 Въ нашемъ бѣдномъ краю, подъ ковромъ снѣговымъ,
 До весны все глубоко уснуло...
 Воды холодъ дыханьемъ сковалъ ледянымъ,—
 Только сѣвернымъ вѣтромъ подуло:
 Коченѣя, смирились скоро онѣ
 Передъ силою новой, могучей...
 Но нерѣдко имъ грезится море во-снѣ.
 И просторъ необъятный, випучій:
 Неповорныя волны среди декабря
 Издѣваются зло надъ морозомъ
 И не внемлютъ, любовью къ свободѣ горя,
 Угнетателя жалкимъ угрозамъ!—
 Въ часъ безсонницы можешь умчаться туда
 Ты своей быстротечною думой:
 Въ царствѣ вольной природы, живучей всегда,
 Оживится и духъ твой угрюмый!

II.

Цвѣтовъ душистыхъ я на жизненномъ пути
 Ни разу не сорвалъ: исполненъ злыхъ сомнѣній,
 Я съ дѣтства радостей не могъ уже найти,
 И не извѣдалъ я завѣтныхъ наслажденій!
 Отраду молодой чарующей любви
 Не довелось узнать! увы, инныя грезы
 Мнѣ угнетали умъ, неслись мечты мои
 Въ печальный мѣръ, гдѣ тьма, нужда и трудъ, и слезы!
 И чуткихъ юношей немало видѣлъ я,—
 Отзвучивыхъ душой, искавшихъ жадно свѣта,
 Стремившихся къ добру и къ истинѣ,—скорбя
 Во дни глухой зимы, что—далекѣ до лѣта;
 Что непрогляденъ мракъ, тяжелой пеленой
 Безжалостно тогда нависнувшій надъ ними...
 О, какъ терзалъ намъ слухъ жестокой бури вой
 Надъ жалкими равнинами родными!
 По хмурымъ небесамъ облавы черныхъ тучъ
 Неслися, почву всю снѣгами одѣвая...
 Царилъ морозъ кругомъ—и грозенъ, и могучъ,—
 Въ оцѣпененье край несчастный повергая...
 Межъ тѣмъ болѣзней рядъ и голодъ, злой тиранъ,
 Въ убогя селеня проникали,—
 И былъ ужасенъ видъ народныхъ жгучихъ ранъ!..
 За этотъ сѣрый людъ сердцами мы страдали:
 Хотѣлось страстно намъ въ бѣдѣ ему помочь,
 Хоть и не звали насъ измученные братья;
 Но было даже издали не въ мочь
 Внимать, какъ сыпались изъ блѣдныхъ устъ проклятья,
 Какъ укорялъ народъ холодную судьбу
 За ненавистныя, щемящія невзгоды,—
 Да, нелегко жилось ему, полу-рабу,
 Среди закованной и дремлющей природы!
 Такъ и не видѣлъ я на жизненномъ пути
 Нигдѣ душистыхъ розъ: исполненъ злыхъ сомнѣній,
 Когда страдала Русь, стыдился я пойти
 Дорогою любви, дорогою наслажденій!..

Сергѣй Бердяевъ.

БАККАЛАВРЪ

Романъ Жюля Валлеса.

XII.

Послѣ пораженія.

8 декабря.

Кончено. Три дня все тихо и покойно. Мнѣ кажется, что я лѣтъ на двадцать состарѣлся. Въ Парижѣ терроръ.

Ренуль, Рокъ, Матусенъ, всѣ наши, и я въ томъ числѣ, подавлены горемъ и стыдомъ. Мы выдаемъ, но почти не говоримъ, не смѣемъ взглянуть въ глаза другъ другу, точно мы виноваты въ пораженіи. Что-то съ нами будетъ?

Я уѣзжаю домой; отецъ настоятельно требуетъ къ себѣ. Въ Нантѣ распустили слухъ, будто я дрался въ рядахъ бунтовщиковъ и раненъ на баррикадѣ. Если я не приѣду немедленно и не опровергну этой сплетни, отецъ лишится мѣста. Дѣлать нечего, надо повиноваться и ѣхать, хотя я дѣйствительно боленъ. Въ эти холодные декабрьскіе дни я простудилъ руку и вмѣсто славной раны получилъ ревматизмъ. Во всякомъ случаѣ ѣхать необходимо, и я ѣду. Одно меня мучитъ: я задолжалъ Мутонамъ; они кредитовали мнѣ по милости Александрины. Я рассчитывалъ заплатить изъ первыхъ журнальныхъ заработковъ или при полученіи уроковъ; въ сущности и долгъ-то неважный, около ста франковъ. Я написалъ въ Нантъ, умоляя о высылкѣ денегъ для расплаты. Стыдно... просто позорно уѣхать, не отдавши долга отцу любимшей меня дѣвушки. Изъ дома отвѣтили, что видно будетъ, когда я приѣду. Я плакалъ отъ злости и горя, забывая политику и наше пораже-

ніе, удрученный собственнымъ тяжелымъ и фальшивымъ положеніемъ. Пишу еще разъ, опять умоляю. Выслали пятьдесятъ франковъ съ обѣщаніемъ повончить весь расчетъ тотчасъ по моемъ возвращеніи подъ родительскій кровъ.

Пришлось унизиться до просьбы передъ Александриною.

— Пустяки, съ отцомъ я все улажу,—говорить она, и утѣшаетъ меня, совѣтуетъ скорѣе ѣхать, чтобы вернуться скорѣе.

Я поблагодарилъ ее, но охотно отдалъ бы отрѣзать свою больную руку за эти проклятые сто франковъ. Наконецъ все устроилось. Мы распрощались въ темномъ уголкѣ; моя голова была низко опущена, точно комъ грязи лежалъ на сердцѣ.

Я ѣхалъ въ открытомъ вагонѣ; отъ холоднаго сквозняка рука такъ разболѣлась, что нѣтъ силъ пошевелить ея. Отецъ такъ и обмеръ.

— Что-же это такое? кричитъ онъ.—Тебя непременно сочтутъ раненымъ. Да подними же руку... ну, хотя немного. Неужели не можешь!

— Не могу... но постараюсь. Видите-ли, у меня страшная тяжесть на совѣсти... этотъ долгъ. Избавьте, умоляю васъ. Это меня ободритъ. Вышлите сегодня же деньги... Вы обѣщали.

Я показываю письмо съ обѣщаніемъ немедленной уплаты. Отецъ бурчитъ что-то сквозь зубы. На другой день тоже, на третій тоже...

Онъ не дурной человѣкъ и не злой. Но боязнь лишиться мѣста,—куда бы онъ тогда дѣвался?—гнѣвъ на то, что мальчишка осмѣливается передъ нимъ разсуждать (въ его глазахъ я все еще мальчишка и школьникъ), затѣмъ обуявшее всѣхъ поголовно подличанье передъ новыми порядками и кромѣ того, какъ я узналъ впоследствии, одно неудачное приключеніе съ женщиною, сдѣлавшее его смѣшнымъ,—все это вмѣстѣ доводило до бѣшенства человѣка надорваннаго, измученнаго безотраднымъ учительскимъ ремесломъ.

Мать любила меня, была снисходительна, почти ласкова; но, какъ женщина и притомъ мало развитая, она не могла понять ни возмущеній, ни баррикадъ и выстрѣловъ. Она не упрекала меня, но въ глубинѣ души считала несомнѣнно виноватымъ, а отца пра-

вымъ. Я понималъ, что бѣдная женщина страдаетъ, она мучится за насъ обоихъ.

— Я пошлю за докторомъ, — однажды не выдержала она.

— Зачѣмъ? Мнѣ лучше.

— Нѣтъ, нѣтъ... ужь я знаю, что дѣлаю. Сейчасъ пошлю. Докторъ посмотритъ твою руку, убѣдится, по крайней мѣрѣ, что ты не раненъ... Тогда весь городъ будетъ знать...

Явился врачъ, посмотрѣлъ руку и началъ спрашивать... Я ограничился болѣзнию; не выкладывай же передъ нимъ все, что у меня на душѣ. Онъ остался очень недоволенъ, прописалъ какой-то дряни и ушелъ. Матушка сама побѣжала въ аптеку, начала мазать и натирать, ухаживать за мною, какъ за умирающимъ.

— Да не въ этомъ вовсе дѣло! воскликнулъ я. — Великая важность простуда, ревматизмишко какой-то! Не болѣзнь меня мучить... Мнѣ не даетъ покоя парижскій долгъ, долгъ чести!

— Долгъ чести? Это почему? спрашиваетъ мать.

Почему? Не могу же я, не хочу, наконецъ, рассказывать имъ про мои отношенія къ Александринѣ... Они способны все сполна передать старику Мутону. Остается одно, напомнить отцу его обѣщаніе. Онъ отвѣчаетъ презрительною насмѣшкою.

— Ты, стало быть, лгалъ, обѣщаясь заплатить! вышелъ я изъ себя.

Онъ поднялъ кулакъ. Я не опустилъ головы, не сморгнулъ глазомъ, не шевельнулся и еще разъ повторилъ ему тѣ-же слова. Онъ не ударилъ, а лишь проговорилъ:

— Знаешь-ли ты, что я имѣю право засадить тебя въ тюрьму. Тебѣ нѣтъ еще двадцати одного года, ты несовершеннолѣтній.

Новая угроза! Онъ серьезно думалъ объ этомъ, хотѣлъ на самомъ дѣлѣ продержатъ меня въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не замолкнутъ разговоры о моихъ баррикадныхъ продѣлкахъ. Примѣръ такой родительской расправы былъ поданъ однимъ изъ его лицейскихъ коллегъ, сынъ котораго осмѣлился гдѣ-то крикнуть: «Долой диктатора!» Папаша заявилъ, что такой пассажъ есть несомнѣнный признакъ расстройства умственныхъ способностей и, безъ дальнихъ церемоній, препроводилъ сына въ сумашедшій домъ. Черезъ

два мѣсяца, юношу выпустили; но извѣстіе о сумашествіи брата такъ сильно подѣйствовало на его сестру, что она заболѣла, слегла въ постель и едва-ли встанетъ.

Страхъ сгибаетъ всё головы, страхъ передъ новыми чиновниками, передъ бонапартистскими террористами. Они усердно работаютъ надъ очищеніемъ школъ и выкидываютъ на мостовую всякаго, заподозрѣннаго въ республиканствѣ.

Мой отецъ не исполнилъ однако же своей угрозы. Между тѣмъ моя рука давно прошла, отъ ревматизма и слѣда не осталось, а долгъ все еще не уплаченъ. Я пристаю къ отцу; жизнь становится невыносимою подъ гнетомъ этого долга. Наконецъ, онъ объявляетъ, что вышлетъ деньги; но при этомъ высказываетъ такія горькія, такія оскорбительныя вещи, что мы расходимся настоящими врагами. Я прошу позволенія уѣхать и жить, какъ смогу... или поступить здѣсь въ обученіе ремеслу.

— А-а! Все тѣ-же штуки... *démoc-soc!* *) Превосходно... Объясни инспектору, что поступаешь въ башмачники, что намѣреваешься опять связаться съ своею сволочью! Отлично... нарядись въ блузу и приходи прогуливаться подъ окна моего класса! Тебѣ, можетъ быть, этого-то именно и хотѣлось бы!

И вотъ я цѣлыми днями не выхожу изъ своей комнаты. Отецъ заставляетъ меня ежедневно писать латинскія и греческія упражненія. Вотъ чѣмъ я занятъ, вотъ на что трачу время... я—боецъ баррикадъ! Что это такое? Утонченная кара? По окончаніи заданнаго урока, мнѣ дается свобода, свобода смотрѣть на набережную... на ужасную, пустынную и мрачную Ришебургскую набережную...

ХІІІ.

Отчаяніе.

Мое прошлое приросло ко мнѣ, прилипло, какъ пластырь, и

*) *Démoc-soc*—названіе, присвоенное въ 1848 году демократамъ-соціалистамъ, которые представлялись страшнымъ пугаломъ для буржуазіи. Во Франціи слово *démoc-soc* получило полное гражданство и занесено въ толковыя словари.

Примѣчаніе переводчика

не оторвешь его; нѣтъ никакой возможности выбраться изъ дурацкаго круга, въ которомъ прошла часть моей юности. Куда бы я ни пошелъ, вездѣ тѣ-же и тѣ-же отвратительныя воспоминанія... Вонъ торчитъ передъ глазами мрачное зданіе старой коллегіи; къ нему ведетъ грязный переулокъ. Сколько лѣтъ, изо дня въ день, проходилъ я по немъ въ классъ и изъ класса; камешка нѣтъ въ его мостовой, который бы не намозолилъ мнѣ глаза съ ранняго дѣтства... Лѣтомъ недурно было на большомъ дворѣ; воздухъ чистый, золотые лучи солнца едва пробиваются сквозь густую листву старыхъ деревьевъ, въ ихъ вѣтвяхъ щебечуть птички... я засматриваюсь, заслушиваюсь... «Не глазѣй, повторяй урокъ!» заставляетъ меня вздрогнуть рѣзкій голосъ отца...

Вотъ на углу домъ съ множествомъ цвѣтовъ на открытыхъ окнахъ; изъ комнатъ слышатся молодые голоса, веселый смѣхъ. Раза два или три я засмотрѣлся на цвѣты, улыбнулся веселью ихъ хозяевъ; мать схватила меня за рукавъ и оттащила прочь, какъ будто я готовъ былъ свалиться въ яму. Въ этой хорошенькой квартиркѣ жила, кажется, юная парочка, не соединенная узами законнаго брака.

— Если Жакъ вздумаетъ заглядываться, скажите мнѣ,—обратилась матушка къ одной старой дѣвѣ, жившей напротивъ.

И она подсматривала; ея злые глаза, ехидная улыбка всякій день провожали меня въ классъ и изъ класса. Это гаже, чѣмъ смѣхъ и поцѣлуи влюбленной парочки въ домикѣ съ цвѣтами на окнахъ. Теперь я прохожу мимо, цвѣтовъ на окнахъ уже нѣтъ, а между тѣмъ тѣ-же мерзкіе глаза, та-же подлая улыбка и приплюснутый къ стеклу носъ старой дѣвы шпионять за мною, бѣсятъ меня...

Сквозь рѣшетку виденъ классный дворъ... Четыре раза въ день я проходилъ, бывало, по немъ съ книжками и тетрадами подъ мышкою, шелъ въ классъ. Тамъ меня наказывали... за невниманіе, за разговоры, за галлицизмы, за нетвердо вызубренные стихи Эсхила и прозу Цицерона... за все наказывали. Злоба душишь при видѣ этихъ мѣстъ, гдѣ я такъ долго и нелѣпо страдалъ.

А этотъ глупый ящикъ... эта нормальная школа! Такъ бы и въбѣжалъ туда, такъ бы и крикнулъ учителю:

— Сойди ты, милый человекъ, съ своей кафедрѣ и давай лучше играть въ чехарду! Занятнѣе будетъ, чѣмъ разводить нормальныя благоглупости!.. Потому, какъ памяты мнѣ тогдашнія субботы! Является начальство, инспекторъ, главный смотритель, провѣряютъ баллы, дѣлаютъ пересадку по успѣхамъ, одобрительно качаютъ головами, когда я опять оказываюсь первымъ... Шуты!.. Шуты или мерзкіе шутники! Не могли же они сами-то не сознавать, что вся ихъ латинщина, вбиваемая мнѣ въ голову, есть въ сущности ничто иное, какъ фонтанель, прикладываемая къ деревянной головѣ! Дальше, дальше отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній!..

А дальше что! О, и дальше не отрадиѣ! По этой площади меня водили изъ дома въ домъ къ знакомымъ показывать книжки, полученные мною при раздачѣ наградъ...

По улицамъ слона водили, —

Какъ будто на показъ...

Я помню милую, красивую женщину въ серебристо-сѣромъ платьѣ, — точно сейчасъ смотрю на нее. Она не могла скрыть улыбки; съ ея языка сорвалось доброе слово:

— Бѣдный мальчикъ!

Да, памяты мнѣ эти раздачи наградъ! Солоны доставались награды! И выхода не было, я долженъ былъ ихъ добиваться во что бы ни стало; это нужно было отцу. И водили меня по городу съ этими наградами, какъ молодого слона — «на показъ»... Смѣшно, но горько смѣшно и возмутительно...

На каждомъ шагу я встрѣчаюсь съ старыми товарищами, бывшими школьными тупицами. Имъ, повидимому, живется не плохо; они забыли, что сидѣли когда-то послѣдними учениками, всѣ веселы, довольны, заняты своимъ дѣломъ, кто на фабрикѣ, кто въ конторѣ; при встрѣчѣ со мною вспоминаютъ, что я былъ гордостью, надеждою школы.

— Что подѣлываешь, Венгтра? Вѣроятно скоро заставишь говорить о себѣ?

— Правда, говорятъ, ты былъ тамъ замѣшанъ, и тебя чуть не убили въ декабрѣ?

Раздается смѣхъ.

— Вотъ хватилъ! перебиваетъ другой товарищъ:— Венгтра не изъ такихъ, что подставляютъ головы.

«Скоро ли заставишь говорить о себѣ»? Что отвѣчать на такой вопросъ?

Въ одно прекрасное утро я просто, кажется, сбѣгу отъ такихъ вопросовъ, отъ безнадежности когда нибудь чѣмъ нибудь сдѣлаться. Во всемъ Нантѣ я, вѣроятно, единственный человекъ, обреченный на такое несчастное существованіе. Днемъ я уже никогда не показываюсь, прячусь. Не могу же я всѣмъ и каждому рассказывать про мои натянутыя отношенія съ отцомъ и не хочу этого дѣлать ни для него, ни для себя лично. Винять меня, и прекрасно; говорятъ, я довожу отца до отчаянія; начини я оправдываться, всѣ закричатъ про мою неблагодарность. Податься некуда, вотъ я и живу, какъ ночная птица, избѣгаю освѣщенныхъ улицъ и людныхъ мѣстъ. Нестерпимо! Искать шума? Затеряться въ толпѣ? Да легче ли отъ того будетъ? Въ такомъ большомъ провинціальномъ городѣ, какъ нашъ, толпа и шумъ на рынкахъ. Туда я не хожу, не выношу крестьянъ въ городѣ, мнѣ противны ихъ злыя лисьи морды. Крестьяне хороши на своемъ мѣстѣ за плугомъ, въ полѣ, на молотбѣ. На фешенебельныхъ прогулкахъ въ извѣстные часы толчется довольно многочисленное общество, напоминающее парижскую воскресную публику. Тамъ говорятъ лишь о томъ, что мнѣ ненавистно, презираютъ, что мнѣ дорого; тамъ слышатся шуточки:

«А Наполеонъ-то ловко обдѣлалъ этихъ республиканцевъ»!

Взрывы хохота!..

Нѣтъ, лучше бродить одному по отвратительной набережной въ ночныхъ потемкахъ. Гдѣ же жизнь тутъ? Гдѣ народъ? Всѣ эти лодочники на каналѣ, носильщики и нижне-бретонцы въ грязныхъ холщевыхъ жилетахъ, подгородные крестьяне въ какихъ-то зеленыхъ балахонахъ... все это не народъ... Если нѣтъ народа, то неужели нѣтъ и людей? Неужели не найдется человека!..

Г. Андре, директоръ транспортной конторы, уѣхалъ... У него былъ пріятель; онъ здѣсь живетъ въ Нантѣ, занимаетъ мѣсто начальника какого-то бюро. Онъ человѣкъ подходящий, жилъ когда-то въ Парижѣ, написалъ и издалъ очень смѣлую и рѣзкую книжку. Быть можетъ, съ нимъ удастся отвести душу. Иду къ нему. Меня встрѣчаетъ человѣкъ въ очкахъ, въ длинномъ сюртукѣ, встрѣчаетъ очень странно, съ первыхъ словъ даетъ понять, что лишень возможности принимать кого бы ему хотѣлось... говорить тихо, ходить—точно крадется.

— Не видалъ ли кто нибудь, какъ вы вошли ко мнѣ? спрашиваетъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Неужели вы, авторъ такой книги, настолько трусливы?..

Я говорю съ нимъ, какъ съ ровесникомъ, хотя онъ на двадцать лѣтъ старше меня, упрекаю его за измѣну или по меньшей мѣрѣ за отреченіе, смятчая рѣзкость выраженія.

— Отрекся! Конечно, отрекся съ того самаго дня, какъ подлѣйшимъ образомъ согласился пріѣхать сюда послѣ двадцати лѣтъ парижской жизни.

Черезъ минуту онъ всталъ и проговорилъ:

— Вотъ что, молодой человѣкъ, намъ лучше не видаться. Нѣсколькими минутами бесѣды съ вами я не хочу компрометировать положеніе, пріобрѣтенное многими годами униженія. У васъ нѣтъ семьи на рукахъ... а у меня жена, дѣти... ихъ надо содержать и воспитывать.

Въ этомъ есть своего рода героизмъ, конечно; онъ пожертвовалъ гордостью и убѣжденіями, чтобы не оставить своихъ безъ хлѣба. Дорого этотъ хлѣбъ обходится! Не дешево достается и мнѣ тотъ даровой хлѣбъ, которымъ меня кормятъ дома, — держать, какъ арестанта, обращаются, какъ съ нищимъ!

Во что бы ни стало, надо найти дѣло, заработокъ. Скрѣпя сердце, обращаюсь къ старымъ товарищамъ, прошу добыть уроки. Наконецъ нашлось мѣсто репетитора; я соблазнилъ дешевизною.

— Вы мнѣ заплатите, сколько можете, — сказалъ я и добавилъ, что ищу скорѣе занятія, чѣмъ заработка.

Мы договорились по двадцати франковъ въ мѣсяцъ за часъ

занятій, ежедневно. На слѣдующій день, послѣ перваго урока, я вернулся домой къ обѣду: Мать одна за столомъ, блѣдная и разстроенная, сообщаетъ мнѣ, что отецъ желаетъ объясниться прежде, чѣмъ сѣсть вмѣстѣ со мною за обѣдъ.

— Въ чемъ же дѣло? спрашиваю я.

— До него дошелъ слухъ, что ты вздумалъ давать уроки по дешевымъ цѣнамъ!..

Въ эту минуту вошелъ отецъ. Онъ хочетъ казаться покойнымъ и не можетъ пересилить волненія, порывисто встаетъ и уходитъ изъ комнаты блѣдный, какъ полотно.

Я въ недоумѣніи, разспрашиваю матушку.

— Неужели самъ-то ты не понимаешь, что если будешь брать по двадцати франковъ, то никто не станетъ платить отцу по сорока... Онъ, бѣдняга, боленъ отъ этого.

— Передайте ему, что можетъ смѣло выздоравливать. Я не стану давать уроковъ, не сдѣлаю ему подрыва.

Въ тотъ же вечеръ господинъ, пригласившій меня въ репетиторы, говорилъ своей женѣ:

— Каковъ этотъ Венттръ-сынъ!.. Вчера условились, а сегодня прислалъ письмо съ отказомъ.

— Экій болванъ, — замѣчаетъ хозяйка дома.

— Болванъ и тунеядецъ, подтверждаетъ супругъ. — Я сразу видѣлъ, что онъ какой-то балбесъ... Не удался сыночекъ у Венттръ, жаль бѣднягу-отца!..

XIV.

Освобожденіе.

Я случайно столкнулся съ Леграномъ. Въ коллегіи онъ шелъ классомъ ниже меня, и мы встрѣчались только на дворѣ; но я хорошо зналъ его. Его знала, впрочемъ, вся школа. Это былъ субъектъ недоужинный по своей необыкновенной неспособности къ ученію, или, вѣрнѣе сказать, по необыкновенному и глубокому презрѣнію къ словесности, сочиненіямъ, къ латыни, греческому языку и философіи. Во все свое пребываніе въ школѣ онъ не вы-

училъ ни одного урока, не написалъ ни одного сочиненія; мало того,—ни разу не отвѣтилъ ни одному учителю. Ни до лжи, ни до дерзости онъ никогда не унижился; онъ только спалъ въ классѣ и мычалъ, когда его будили. Если учитель слишкомъ начиналъ приставать къ нему, желая во что бы ни стало добиться объясненія, почему не выученъ урокъ или не написано сочиненіе, тогда происходила настоящая комедія: Легранъ вставалъ, протиралъ съ просонокъ глаза и мутнымъ взоромъ, съ разинутымъ ртомъ, смотрѣлъ на каеэдру, на преподавателя, какъ на нѣчто крайне любопытное и непонятное. Не было средствъ добиться отъ него путнаго отвѣта, членораздѣльныхъ звуковъ. И во всемъ этомъ ни тѣни насмѣшки, злой воли; ничуть,—онъ, очевидно, готовъ былъ сдѣлать все, что отъ него требовалось, еслибы могъ уразумѣть самое требованіе; но его беспорядочные жесты и широко раскрытые глаза ясно доказывали, что онъ не понимаетъ даже, въ чемъ дѣло, и что было бы резоннѣе отправить его въ пріютъ для нѣмыхъ или слабоумныхъ, чѣмъ требовать греческихъ экстемпоралій. При всемъ этомъ онъ кончилъ курсъ въ коллегіи; его чуть не каждый день выгоняли изъ классовъ и не рѣшились выгнать изъ коллегіи... Жаль было безобиднаго малаго.

«Выйдите вонъ! Убирайтесь изъ класса!»

Легранъ не понимаетъ и не двигается. Его выводятъ за плечи; онъ спокойно усаживается на дворѣ между колоннами, зимою ищетъ теплаго пріюта, забирается въ сторожку. Оттуда уже нѣтъ возможности его выжить, пришлось бы выносить на рукахъ. Если почему нибудь нельзя было пристроиться въ сторонкѣ, онъ входилъ въ специальный классъ, гдѣ никогда не бывало болѣе семи или восьми учениковъ и учителя занимались съ ними по домашнему. Тамъ присмотрѣлись къ его посѣщеніямъ; онъ, какъ свой человѣкъ, усаживался къ печкѣ и мирно подремливалъ, никому не мѣшая. Съ удивленіемъ, почти съ уваженіемъ смотрѣлъ я на эту простоту, граничащую съ величіемъ. Почему мнѣ не пришло въ голову тѣмъ же способомъ отдѣлаться отъ латыни и греческаго! Меня сочли бы за идіота, и отлично. Немного я выигралъ отъ того, что слылъ способнымъ малымъ.

Мы случайно сошлись съ Леграномъ и сдѣлались пріятелями. Я взялся готовить его къ экзамену на бакалавра. Родители Леграна очень довольны, что ихъ сыночекъ съ моею помощью добьется, наконецъ, желаннаго диплома; мои родители молчатъ, ничего не могутъ сказать; цѣны на уроки я не подрываю, такъ какъ пользуюсь за нихъ кофеемъ и десертомъ въ домѣ Леграновъ.

Увы, не долго шло такъ дѣло; въ одинъ прекрасный день Легранъ-отецъ сказалъ сыну:

— Тебѣ хотѣлось жить въ Парижѣ? Если не раздумалъ, то поѣзжай, я буду давать тебѣ сто франковъ въ мѣсяцъ.

Легранъ звалъ съ собою. Едва я зайнулся объ этомъ отцу, какъ онъ опять нахмурился; угрожающій жестъ опять напомнилъ о жандармахъ; мнѣ опять напомнили о моихъ годахъ. Я пожелалъ Леграну счастливаго пути и успѣха, далъ письма къ товарищамъ, и изъ окна своей комнаты, съ тоскою и злобою въ сердцѣ, слѣдилъ за сѣрою полосою дыма отъ локомотива, убѣгающаго по направленію къ Парижу.

До совершеннолѣтія я закабаленъ здѣсь.

Въ нашемъ домѣ произошла вдругъ какая-то странная перемѣна; отецъ сдѣлался снисходителенъ, почти любезенъ; отношенія становятся если не дружескими, то все же сносными. Чтò-бы это могло значить? Разгадка не заставила себя долго ждать. Въ дни моего дѣтства меня очень полюбила наша деревенская сосѣдка, старая дѣва, госпожа Баландрò. Со времени нашего переѣзда въ городъ, она писала раза два или три моей матери, затѣмъ переписка какъ-то прервалась, и мы забыли о доброй старушкѣ. Оказалось, что она не забыла своего любимчика-баловника и сдѣлала духовное завѣщаніе, которымъ все свое имѣніе отдавала маленькому Венгтрà. Объ этомъ провѣдали наши черезъ нотариуса, и потому-то такъ вдругъ перемѣнились ко мнѣ. Разъ мать говоритъ мнѣ:

— Жакъ, тебя отецъ зоветъ, хочетъ поговорить съ тобою.

Я вхожу въ гостиную; отецъ показываетъ письмо съ траурною каймою и спрашиваетъ:

— Помнишь госпожу Баландрò?

Я вспомнилъ мою добрую покровительницу, слезы выступили на глазахъ.

— Умерла?.. Скончалась, милая старушка?

— Да, и по духовному завѣщанію все оставила тебѣ.

Я продолжалъ плакать; передо мною живо проносится мое дѣтство, ея ласки.

— Она оставила тебѣ 13,000 франковъ и всю движимость, говорить отецъ.

— Но ты несовершеннолѣтній, добавляетъ мать.

Это я, какъ нельзя лучше, знаю и чувствую. Еслибы не мои года, то меня давнымъ давно не было бы здѣсь; будь мнѣ двадцать одинъ годъ, я бы съ этими 13,000 франками въ ту-же минуту уѣхалъ въ Парижъ. Этими деньгами я могъ бы подкупить сторожей и дать возможность бѣжать Барбесу, я могъ бы...

Мечты цѣлымъ роємъ проносятся въ моей головѣ...

7 іюня.

Седьмое іюня, десять часовъ пять минутъ... Я свободенъ, могу уѣхать, возвратиться въ Парижъ! Я заплатилъ за это право; мнѣ его продали и я купилъ его... оно мое! Дорого или дешево оно мнѣ досталось, объ этомъ я не думалъ. Мнѣ сказали:

— Ты несовершеннолѣтній и долго еще не будешь имѣть права распоряжаться этими деньгами... если войдешь въ соглашеніе съ отцомъ, то онъ сегодня же отпустить тебя.

— А вправдѣ ли я входить въ подобное соглашеніе? Будеть-ли дѣйствительна подпись несовершеннолѣтняго?

— Напиши только письмо. Мы вѣрнимъ тебѣ, знаемъ, что ты не измѣнишь своему слову.

А, вы это знаете? А я вотъ знаю, что вы не разъ измѣняли своему слову! Я не забылъ долга Мутону... меня и теперь въ жаръ бросаетъ, какъ вспомню о немъ.

— Хорошо, извольте, я подпишу все, что вамъ угодно, и исполню все, что вы заставите меня писать, только выпустите вы меня! Дайте мнѣ возможность уйти отсюда, и я, конечно, никогда не вернусь въ этотъ домъ... Все покончили, — не знаю, навѣрно, какъ; помню только, что мнѣ дали переписать какое-то письмо

съ готоваго, подсунутаго мнѣ подъ руку, черноваго. Деньги остаются у отца, онъ обязывается выплачивать мнѣ сорокъ франковъ въ мѣсяць и даетъ 500 франковъ на первое обзаведеніе.

— Когда я получу ихъ?

— Черезъ недѣлю.

Цѣлая недѣля еще! Въ субботу я получилъ деньги. Отецъ замѣтно взволнованъ.

— Неужели мы такъ и разстанемся врагами? его голосъ дрожить.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы видите, меня душатъ слезы... но вмѣстѣ намъ нельзя жить...

Въ этотъ день я, однако-же, не уѣхалъ. Слезы отца растрогали меня, и я все простилъ. Мы вмѣстѣ провели послѣдній вечеръ.

— Хотите, я поведу васъ на свой счетъ въ театр?

И я повелъ ихъ обоихъ подъ руки... Мнѣ казалось, что я отецъ и веду двухъ большихъ дѣтей, причинявшихъ мнѣ много горя, но все-таки искренно и горячо меня любящихъ.

ХУ.

П а р и ж ь .

Я опять въ Парижѣ.

Въ первый пріѣздъ мнѣ говорили на станціи о мебелированныхъ комнатахъ въ улицѣ Des Ecus; тогда съ 24 су въ карманѣ я не могъ въ нихъ остановиться; теперь я богатъ.

— Кучеръ, знаете номера въ въ улицѣ Дез'Экю?

— Знаю, Монетный отель.

Гадость ужасная этотъ Монетный отель; останусь въ немъ лишь до присканія постоянной квартиры.

Изъ Нанта я писалъ Александринѣ, — отвѣта не было, — поручилъ Леграну зайти къ ней; онъ сообщилъ мнѣ, что она сдѣлала видъ, будто въ первый разъ слышитъ мое имя. Горько было; но мало по малу воспоминаніе о ней изгладилось, домашнія дразги,

мой провинциальный мучения заглушили его. На парижской мостовой опять встрепенулось сердце. Бѣгу въ улицу Ла-Гарсь.

Она все еще тамъ, отецъ и мать тоже. Мать съ перваго слова говорить, что за мной осталось 25 франковъ долга; она забыла о нихъ при счетѣ.

— Получите двадцать пять франковъ.

Дочь встрѣчаетъ холодно, ей неловко; дѣло въ томъ, что у нея другой обожатель, и она, кажется, выходитъ замужъ. Ну и пускай себѣ выходитъ; прекрасно дѣлаетъ. Я чувствую, что совершенно исцѣлился; долгъ заплаченъ, любовь кончена... больше и толковать нечего. А все таки я былъ когда-то очень счастливъ съ нею, добрая она дѣвочка.

Отель Жанъ-Жакъ Руссо.

Я переехалъ на новую квартиру.

— Сколько въ мѣсяцъ? спрашиваю хмурую хозяйку.

— Восемнадцать франковъ. Чемоданъ у васъ есть? Вы чѣмъ занимаетесь? студентъ?

Пожалуй, студентъ, не все ли равно,—пишу въ книгѣ «студентъ изъ Нанта».

Ухъ! И скверно только здѣсь. Хозяйка непривѣтлива, моя квартира еще менѣе привѣтлива. Прямо противъ окна грязная, сѣрая стѣна и только; ни уголка неба, ни признака города, ни признака живаго существа... лишь откуда-то сверху несется раздражающее душу мяуканье кошки. Я не вижу ни кошки, ни Парижа, не могу швырнуть въ нее камнемъ, не могу погрозить Парижу кулакомъ. Тоска убійственная! Какъ я былъ счастливъ въ первый прїездъ въ отелѣ Рифо, какъ упивался сознаниемъ свободы, не смотря на всю тѣсоту моей тогдашней конурки. Теперь моя комната втрое больше, я опять свободенъ... и какъ мнѣ скверно. Все отъ того, что я сталъ старше; ни свобода, ни Парижъ для меня не новинки. Тогда я только что вырвался изъ школы, теперь я вступаю въ жизнь... и на этотъ разъ по настоящему, другъ Венгтра!

Къ счастью, я при деньгахъ; надо разыскать товарищей. Мы пойдемъ въ Рашпонѣ ѣсть полуфранковыя порціи, пить вино въ

двѣнадцать су... Подавать вѣлю въ кабинетѣ съ окнами въ садъ, прикажу столъ накрыть скатертью, положить салфетки.*) Чистые, разозлятся... на здоровье! Мы спросимъ устрицъ. Я всегда мечталъ, какъ только разбогачю, наѣсться устрицъ до отвала; до отвала и наѣмся... потомъ жареной телятины, — никогда не ѣлъ... Оттуда всей компаніей направимся въ Монружъ, въ сарайчикъ, гдѣ такъ чудесно пилося вино въ четыре су; выпьемъ его на пять франковъ! Позовемъ рабочихъ изъ сосѣдней каменоломни и ихъ угостимъ!

На улицѣ мнѣ попался одинъ старый товарищъ, заходившій къ намъ иногда выкурить трубочку. Его удивила встрѣча со мною.

— Здѣсь пронесся слухъ, что ты уѣхалъ въ Индію!

— А гдѣ вся наша компанія? Въ какомъ кафе собираются?

— Теперь уже не въ кафе, а въ ресторанѣ старухи Петрей, въ улицѣ Таранъ. По вечерамъ всё тамъ обѣдаютъ.

Я отправляюсь въ улицу Таранъ.

Ресторанъ не важный, но чистенькій, приличный; рабочіе сюда не ходятъ, табачный дымъ не стоитъ облакомъ. Свѣтло, опратно и уютно; по серединѣ стола букетъ душистыхъ цвѣтовъ; ихъ ароматъ заглушаетъ запахи соусовъ. Славно! какъ чудесно пахнетъ! Никогда въ жизни я такъ не пировалъ.

Мнѣ представляется, будто я въ Нантѣ, въ одинъ изъ рѣдкихъ спокойныхъ и торжественныхъ дней, когда у насъ бывали званные обѣды, разъ въ три года. Радости семейнаго очага! Да вотъ онѣ, эти радости! Чтобы насладиться ими, нѣтъ никакой необходимости ни въ этомъ пресловутомъ очагѣ, ни въ семьѣ; мадамъ Петрей, не будучи виновницею дней моихъ, накормитъ превосходно; господинъ Петрей смотритъ много привѣтливѣе моего родителя, на немъ тоже мундиръ надѣтъ, прекрасный мундиръ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, его бѣлый поварской костюмъ нравится неизмѣримо болѣе учительскаго. А потомъ...

— Мальчикъ, счетъ!

*) Столовое бѣлье въ Парижѣ чуть не удваиваетъ цѣну недорогого обѣда и подается лишь по требованію посѣтителей ресторановъ.

— Двадцать четыре су.

подавали супъ жульенъ, котлету субизъ, артишокъ, кофе, молочникъ сливокъ. Лучшаго стола не имѣютъ сильныя міра! Я вытеръ губы салфеткою, прислонился спиною къ стѣнѣ, ногу протянулъ на стулъ и началъ просматривать газету, похрустывая зубочисткою... Меня охватываетъ наплывъ эгоизма. Еще бы часокъ сохранить, понѣжить въ себѣ это тихое, сладкое чувство. Свиданіе съ товарищами можно отложить до завтра, только до завтра.

Небо такъ ясно, манитъ пройти по улицѣ. Да, пойду!

— Мальчикъ, получите.

Получите деньги, не принадлежащія ни семьѣ, ни общинѣ, ни дому Венгтра, ни отелю Лиссабонъ... получите этотъ блестящій пятифранковикъ, у котораго есть такіе же, какъ онъ, бѣленькіе братцы и маленькія, хорошенькія, желтенькія сестрицы.

Тутъ есть еще заднія колеса, *) а въ этомъ уголкѣ водятся золотушки. Вотъ онѣ тутъ... Я каждую минуту ощупываю мѣсто, гдѣ хранится мое состояніе.

— Получите, и возьмите себѣ три су.

Я чувствую, что на рѣсницѣ дрожить слезинка гордости.

На подъѣздѣ я купилъ сигару въ три су, хорошо свернутую, красивую, дымокъ отъ нея голубоватый...

— Цвѣточница! Скорѣе букетъ!

Сапоги блестятъ и постукиваютъ, какъ сапоги офицера, платье съ иголочки идетъ ко мнѣ, какъ нельзя лучше. Я вижу въ зеркало широкоплечаго, стройнаго брюнета съ тонкою талією, лицо счастливое, здоровое... Я знаю это лицо бронзоваго цвѣта съ черными глазами, хорошо знаю; это лицо вырвавшагося на волю ученика-Венгтра. Я подаю милостыню всѣмъ слѣпымъ, роздалъ всю сдачу, полученную у мадамъ Петрей. Досадно, что все слѣпыя попадаютъ; я бы предпочелъ глухихъ или ампутированныхъ... они видѣли бы, по крайней мѣрѣ, какъ я одѣтъ по собственному вкусу, видѣли

*) На современномъ парижскомъ *argè roues de derrière* называются пятифранковыя монеты; *roues de devant*—двухфранковыя. (Dict. d'argot moderne, par. L. Rigaud).

Прим. перев.

бы, какъ я смѣло иду и уже не боюсь, что на мнѣ лопнетъ сюртукъ.

Тюльери! А, вотъ и кабань!—Терпѣть не могу этого мраморнаго кабана... Невольно приходитъ на память Леняня, мой школьный воспитатель, съ краснымъ носомъ, съ синими щеками, съ кривыми ногами, съ фигурою причетника... Такое воспоминаніе способно весь день испортить. Перейти скорѣе на другую сторону, гдѣ гуляютъ женщины. О! Эти движенія юбокъ, стройныя колебанія бедръ, руки въ длинныхъ перчаткахъ, сверканіе блестящаго тѣла, открытаго низкимъ вырѣзомъ лифа!.. Ничего подобнаго нѣтъ въ провинціи... ни въ Латинскомъ кварталѣ. И каково же, во все мое пребываніе въ Парижѣ я ни разу здѣсь не былъ! Въ Прадо я видѣлъ, какъ прыгали двадцатилѣтнія дѣвушки; гуляющимъ здѣсь по тридцати лѣтъ. Я предпочитаю ихъ въ тридцать лѣтъ, —эти гибкія таліи, роскошныя бюсты, ослѣпительное тѣло... Я разваливаюсь на зеленомъ стулѣ, упиваюсь новымъ зрѣлищемъ. Одна за другою проходятъ передо мной эти нарядныя женщины; инныя обмѣниваются взглядомъ, движеніемъ головы съ мужчинами, пріостанавливаются на мгновенье и говорятъ дѣтямъ: «Что же ты не гонишь серсо? Бѣги скорѣе»...

Горничныя тоже: «Дѣточки, ну... взалупки, кто скорѣе добѣжитъ до рѣшетки». Мальчуганы бѣгутъ, а онѣ обмѣниваются поцѣлуями съ крупными усачами. Всѣ смотрятъ счастливыми и влюбленными!.. О! Я приду сюда опять и тоже постараюсь на свою долю придержать одно изъ этихъ шелковыхъ или кисейныхъ платьевъ.

Я обѣдалъ въ кафе! И опять видѣлъ женщинъ. Здѣсь онѣ говорятъ и смѣются громче, чѣмъ въ Тюльери; эти болѣе похожи на женщинъ Латинскаго квартала; но въ яркомъ блескѣ газа, при звонѣ хрустала и серебряной посуды, взрывы ихъ голосовъ и рѣзкость костюмовъ производятъ совсѣмъ не дурное впечатлѣніе. Пудра на ихъ щекахъ напоминаетъ мелкій сахаръ на малинѣ. Обѣдъ безъ вина обошелся въ тридцать су. Вина я не пилъ и утромъ, хочу совсѣмъ отвыкнуть; предпочитаю покупать букеты на эти деньги и сидѣть на зеленомъ стулѣ въ Тюльери. Теперь мнѣ уже не нужно выпивать для храбрости, какъ въ то время, когда я искалъ Тор-

шопету. Тогда я выпилъ рюмку... теперь могу велѣть подать бутылку. Но для чего?—Я уже испыталъ опьяненіе... меня опьяняли и этотъ воздухъ, и видъ этихъ женщинъ, и прикосновеніе къ серебряной посудѣ!.. Это уже не кабацкая рюмочка.

Передо мною снуётъ толпа, проходитъ весь Парижъ, и я не робѣю. Мнѣ нечего робѣть... На этомъ самомъ бульварѣ я призывалъ народъ къ оружію; 3 декабря съ этой скамейки, прямо противъ пассажа Пантеона, я кричалъ: «Смерть Наполеону!» Опять это воспоминаніе!.. Слабость... дѣтскія сожалѣнія!

— Мальчикъ! Journal pour rire!..

Гдѣ бы закончить день? Въ театрѣ Ambigu идетъ «Paillasse»... можно и «Paillass'a посмотреть. Изъ театра я зашелъ въ «Ресторанъ Мушкетеровъ»... Толпа литераторовъ и артистовъ, и опять женщины! Я возвращаюсь къ себѣ въ улицу Кордельеровъ съ цѣлою массою сильныхъ и пріятныхъ впечатлѣній въ головѣ. Ночной ли вѣтеръ играетъ мои волосы, или это пробѣгаютъ въ головѣ воспоминанія прожитаго дня, всего видѣннаго и пережитаго? Не берусь рѣшить. Странная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Что это такое? Дрожь холода или гордости? Небо чисто и прозрачно, оно сверкаетъ надо мною, какъ неизмѣримый стальной куполъ. По темному тротуару мелькаютъ кое-гдѣ женскія фигуры... Видно на сотню шаговъ впередъ... Моя собственная тѣнь отъ восходящаго мѣсяца ложится отъ одного тротуара до другаго, занимаетъ всю ширину улицы. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы при свѣтѣ дня занять такое же широкое мѣсто въ этомъ громадномъ городѣ!

(Продолженіе въ слѣд. №).

опыты изслѣдованія обычнаго права.

(Окончаніе).

II.

ЗНАЧЕНІЕ ОБЫЧНАГО ПРАВА ВЪ КНЯЖЕСКОЙ И ЦАРСКОЙ РОССИИ.

Образованіе права въ каждую историческую эпоху имѣетъ свои характерныя особенности, отражающія духъ эпохи и ея воззрѣнія на право. Смотри на прошлое глазами нашего времени, мы не всегда отдаемъ должное этимъ особенностямъ; наоборотъ, мы бываемъ весьма склонны видѣть въ прошломъ тѣ же явленія, къ которымъ привыкли и въ окружающей насъ дѣйствительности. Такой невольный переносъ настоящаго въ давно прошедшее замѣчается у тѣхъ изслѣдователей, которые извѣстные намъ въ современномъ юридическомъ быту понятія «закона» и «законодательства» примѣняютъ къ объясненію явленій въ области образованія права XIV, XIII и еще болѣе отдаленныхъ вѣковъ.

Такъ Мацѣевскій, въ своей исторіи славянскихъ законодательствъ, высказалъ мысль, что въ словахъ начальной лѣтописи о бытѣ славянскихъ племенъ, поселившихся въ предѣлахъ современной Россіи: «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья» надо видѣть указаніе на дѣленіе права по различію его источниковъ; т. е., что лѣтописецъ противопоставляетъ здѣсь законъ обычаю, и что славянскія племена еще при первомъ вступленіи ихъ въ исторію знали не только обычаи, но и законы. Несмотря на то, что Снегиревъ еще въ 1842 году замѣтилъ, что «Несторъ Печерскій давнѣе обычаи и преданія име-

нуетъ законами отецъ», взглядъ Мацѣвскаго продолжаетъ держаться въ нашей ученой литературѣ. И. И. Срезневскій приѣхнулъ его къ объясненію выраженія Олегова договора съ Греками 911 года о клятвѣ Русскихъ: «мы же кляхомся... по закону и по покону языка нашего.» По закону и по покону онъ предлагаетъ переводить римскими понятіями: *lege et consuetudine*. Такимъ образомъ, наши предки съ X уже вѣка употребляютъ слово законъ въ смыслѣ продукта законодательной дѣятельности; они отличаютъ его отъ обычая совершенно такъ, какъ мы дѣлаемъ это теперь.

Очень трудно думать, чтобы такъ было въ дѣйствительности, чтобы съ X уже вѣка у насъ существовала опредѣленная законодательная власть, которая творила право по своему усмотрѣнію. Но слово «законъ» дѣйствительно употребляется въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности рядомъ съ обычаемъ. Что-же оно означаетъ?

Оно означаетъ тѣ же обычаи. Нашъ начальный лѣтописецъ упоминаетъ не одни только «законы отцовъ», но и «обычаи отцовъ». Слова: законы и обычаи замѣняютъ у него одно другое. Преданія, идущія отъ отцовъ, онъ безъ различія называетъ то обычаями, то законами. Эти законы и обычаи имѣютъ у него одинъ и тотъ же источникъ: дѣятельность отцовъ.

Все мѣсто лѣтописи, въ которомъ встрѣчаются эти слова, представляетъ образчикъ столь свойственнаго древнему языку многословія, повторяющагося и въ дальнѣйшемъ ходѣ рѣчи. Лѣтописецъ не ограничивается выраженіемъ: «Древляне живяху звѣринскимъ образомъ», но добавляетъ: «живуще скотски»; или далѣе, сказавъ, что у Радимичей и другихъ племенъ были игрища между селъ, онъ спѣшитъ прибавить: «схожахуся на игрища, на плясанье», и затѣмъ еще разъ повторяетъ: «и на вся бѣсовскія игрища». Подобно этому, и выше онъ не находитъ достаточнымъ сказать, что у каждого славянскаго племени были свои обычаи, но прибавляетъ: «и законы отецъ своихъ, и преданья, каждо свой нравъ»; а далѣе: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть»... Совокупность этихъ словъ служить ему введеніемъ къ дальнѣйшему описанію внутренняго быта славянскихъ племенъ. Въ этомъ описаніи онъ подъ рядъ, безъ всякаго различія, говоритъ о нравахъ славянъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, объ об-

разъ ихъ жизни, о пищѣ, о юридическихъ обычаяхъ (порядокъ брака) и, наконецъ, о религиозныхъ обрядахъ. Онъ передаетъ все, что извѣстно о бытѣ славянъ, но безъ всякаго обособленія внѣшней обстановки жизни отъ нравовъ и юридическихъ обычаевъ, а этихъ послѣднихъ отъ религиозныхъ обрядовъ. Всѣ собранныя имъ черты суть для него одинаково обычай, законы отцовъ и преданья. Можно ли, при такомъ смѣшеніи нравовъ, права и религіи, думать, что въ области права онъ различаетъ уже обычай отъ закона и въ томъ именно смыслѣ, какъ можемъ различать ихъ мы?

Не различая обычая отъ закона въ нашемъ смыслѣ, онъ, конечно, различалъ ихъ по своему. Слово «обычай» этимологически не совпадаетъ со словомъ «законъ». Обычай стоитъ въ связи съ глаголомъ «обыкать» и заключаетъ въ себѣ указаніе на дѣйствіе обыка, привычки. Слово законъ происходитъ отъ кона; «конъ» означаетъ начало, а вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ, границу. Отсюда, въ словѣ законъ полагается граница человѣческой дѣятельности, или свободѣ; законъ есть тотъ порядокъ, которому чловѣкъ долженъ подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но и обычай есть тоже порядокъ, подчиненіе которому обязательно; а потому обычное право представляется уму со всѣми признаками закона и можетъ быть названо закономъ. Одною корня со словомъ «законъ» слово «поконъ», а оно и по настоящее время употребляется народомъ для обозначенія обычаевъ.

Вышеприведенное выраженіе договора Олега съ Греками такъ-же нѣтъ никакого основанія понимать въ смыслѣ противоположенія закона обычаю. Если примемъ такое противоположеніе, то придемъ къ невозможному выводу. Договоръ говоритъ, что Русскіе должны присягать по закону и по покону своего языка. Законъ и поконъ обозначаютъ здѣсь обрядъ языческой присяги. Если подъ закономъ будемъ понимать *lex*, а подъ покономъ *consuetudo*, то должны будемъ допустить, что въ X в., кромѣ народныхъ языческихъ обычаевъ, было еще языческое религиозное законодательство. Предположеніе совершенно не вѣроятное *).

*) Выраженіе «по закону и по покону» встрѣчается только въ ипатьевскомъ спискѣ договора. Въ спискѣ радзивиловскомъ стоитъ: «по закону и закону»

Съ теченіемъ времени, однако, слово законъ перестало обо значать обычай и стало употребляться въ теперешнемъ смыслѣ продукта законодательной дѣятельности. Путь къ этому новому словоупотребленію проложили переводы съ памятниковъ греческой письменности. Въ греческихъ текстахъ переводчики встрѣчали слово νόμος въ смыслѣ императорскихъ постановленій. Передать это слово обычаемъ было неудобно, ибо греческое право вносить новыя начала, къ которымъ у насъ не было привычки; слово законъ этого неудобства не представляло, имъ и стали переводить греческое νόμος. Номоканонъ переводятъ «закону—правилу»; извлечение изъ постановленій императора Юстиніана носить въ кормчихъ наименованіе «Юстиніана царя законъ»; въ договорахъ съ Греками выраженіе «греческій законъ», конечно, означаетъ не греческій обычай, а также императорскія постановленія; такъ называемый судебникъ царя Константина, представляющій компиляцію изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, въ Софійскомъ временникѣ названъ «судебникомъ греческаго закона». Откровенному ученію также и по той же причинѣ усвоится наименованіе закона Божія, закона христіанскаго.

Обособленіе понятій закона и обычая началось у насъ, такимъ образомъ, только благодаря вліянію памятниковъ греческой письменности. Къ уставной дѣятельности русскихъ князей слово «законъ» первоначально вовсе не примѣнялось. Древнѣйшіе памятники указной дѣятельности князей носятъ наименованіе уставовъ, уроковъ, а не законовъ. Даже въ царскую эпоху, когда указная дѣятельность московскихъ государей достигла такого значительнаго развитія, продукты этой дѣятельности называются не законами, а по старому: уставами, грамотами, судебниками, уложеніями. Но народные обычаи и въ переводныхъ памятникахъ продолжаютъ называться законами. Именно въ такомъ смыслѣ употреблено это слово въ заключительной статьѣ договора съ Греками

Это очевидная описка. Въ оригиналѣ могло быть только „по закону“. Такъ можно думать потому, что въ лѣтописномъ извѣстіи о мирѣ 907 года говорится только о присягѣ по русскому закону; точно такое же выраженіе встрѣчается и въ соответствующемъ мѣстѣ договора 945 года. „Поконъ“ могъ появиться въ ипатьевскомъ спискѣ, какъ своеобразная поправка переписчикомъ предшествующей описки: «по закону и закону.»

945 года: «Да на роту (клятву) идутъ наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеяни по закону своему». Этотъ не христіанскій законъ не есть, конечно, законъ въ современномъ смыслѣ слова, а вѣра отцовъ, то есть, народная обычная вѣра. Въ другихъ мѣстахъ договоровъ встрѣчаемъ ссылки на «русскій законъ» въ смыслѣ обычаевъ свѣтскаго права, а не религіозныхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей желаютъ видѣть въ этихъ ссылкахъ ссылки на русскій писанный законъ, и именно на Русскую Правду. Это мнѣніе предполагаетъ существованіе такого факта, который вовсе еще не доказанъ. Если договоры ссылаются на Русскую Правду, то, значитъ, въ X вѣкѣ и даже ранѣе существовала уже та или другая писаная ея редакція. Мы не видимъ никакого основанія къ такому предположенію. Въ немъ нѣтъ и ни малѣйшей надобности.

Въ древнее время были въ употребленіи ссылки на неписаное право, на живой, всѣмъ извѣстный обычай. Съ такими ссылками встрѣчаемся въ исторіи франкскаго права. Нѣкоторыя редакціи салическаго закона и другіе документы того же времени дѣлаютъ ссылки на *lex salica*, а между тѣмъ ни въ одной редакціи этого закона нѣтъ постановленій, соотвѣтствующихъ ссылкамъ. Ясно, что въ существующія редакціи салическаго закона этотъ законъ не перешелъ весь безъ остатка, и что ссылки на *lex salica* имѣютъ въ виду не писаное право, а живые народные обычаи, которые послужили матеріаломъ для издателей салическаго закона, но не исчерпаны ими вполне. Въ связи съ этимъ стоитъ тотъ важный для насъ фактъ, что слово *lex* въ средневѣковыхъ германскихъ памятникахъ употребляется далеко не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой оно имѣло въ Римѣ. Въ средневѣковой латыни оно обозначаетъ не только законъ, но и обычай. *Lex salica*, поэтому, не есть непременно законъ, или писаное право, это и живой народный обычай, нигдѣ не записанный (*Pardessus* и *Zoerfl*). Тоже могло быть и у насъ. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ и у насъ слово законъ такъ-же означаетъ обычай, какъ у германцевъ латинское слово *lex*. На эти живые, всѣмъ извѣстные обычаи—договоры и ссылаются.

Противоположное мнѣніе основывается, главнымъ образомъ, на сходствѣ статьи договоровъ о штрафѣ за ударъ мечемъ, или

какимъ либо орудіемъ, съ соответствующими постановленіями Русской Правды. Но это сходство, если сравнивать статьи Русской Правды въ цѣломъ ихъ составѣ со статьями договоровъ, далеко не такъ близко, чтобы можно было видѣть въ Русской Правдѣ источникъ постановленій договоровъ. По Русской Правдѣ, денежный штрафъ за ударъ мечемъ назначается въ томъ случаѣ, если обиженный не отомститъ за нанесенное ему оскорбленіе. По Русской Правдѣ, значить, обиженный могъ мстить; въ соответствующей же статьѣ договоровъ, о мести вовсе не упоминается. Далѣе, въ договорахъ есть и такія ссылки на «русскій законъ», которыя вовсе не оправдываются извѣстными намъ редакціями Русской Правды. Такова, на примѣръ, статья договора 945 года, по которой русскій человекъ, поработившій Грека, съ корабля выброшеннаго на мель, подлежитъ отвѣтственности «по закону русскому» и греческому. Русская Правда ничего не знаетъ о такомъ случаѣ. Ссылки договоровъ на «русскій законъ» и у насъ шире извѣстныхъ редакцій Русской Правды,—явленіе совершенно аналогичное съ тѣмъ, которое представляютъ ссылки памятниковъ древняго франкскаго права на салическій законъ. «Русскій законъ» договоровъ и начальной лѣтописи—это русскій обычай, изъ котораго только очень немного вошло въ договоры и писаную Русскую Правду.

Для обозначенія этихъ обычаевъ, кромѣ слова «законъ», у насъ были употребительны еще выраженія: пошлина и старина.

Пошлиной называется все то, что пошло издавна, изъ старины: «а дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло исперва»; «а отъ Смоленска чистый путь до Риги, а не надобѣ имъ ни вощецъ, ни мыто, а на Волоцѣ, како то есть пошло». Эта пошлина имѣетъ, конечно, свое начало. Всякій порядокъ пошелъ отъ отдѣльнаго случая; моментомъ, опредѣлившимъ тотъ или другой способъ дѣйствія въ извѣстномъ случаѣ, была чья либо личная воля, можетъ быть даже воля князя; но этотъ порядокъ становится правомъ не потому, что такъ хотѣло извѣстное лицо, а потому, что онъ соблюдался цѣлымъ рядомъ лицъ. Только въ силу соблюденія дѣлается онъ обязательнымъ. Ссылаются не на лицо, которое такъ поступило, а на соблюденіе изъ старины. Всякая пошлина есть старина.

Весь порядокъ княженія въ Новгородѣ представлялся людямъ

того времени пошлиной и стариной. Князья обязываются держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ. Всякое отступленіе отъ старины, хотя бы оно произошло и по волѣ князя, Новгородцы рассматриваютъ, какъ нѣчто противозаконное, какъ насиліе, и домогаются возвращенія къ установившимся обычаямъ. Въ ихъ договорной грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ читаемъ: «а поже (сѣвокосы) княже, что *пошло* тобѣ и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ *отъялъ* братъ твой Александръ поже, а то ти, княже, не надобѣ». И затѣмъ прибавляютъ: «а что, княже, братъ твой Александръ дѣлалъ насиліе въ Новгородѣ, а того ся, княже, отступи».

Конечно, эта старина переменчивая, какъ и всякое право. Языческіе обычаи брака, о которыхъ говоритъ начальный лѣтописецъ, измѣнились же подъ вліяніемъ христіанства. Новгородская старина также должна была измѣниться, какъ скоро нашелся рядъ князей, послѣдовательно дѣйствовавшихъ насиліемъ, въ духѣ князя Александра, на котораго жалуются Новгородцы.

Въ Псковѣ была также своя старина. Князь-намѣстникъ, сядясь на княженіе, цѣловалъ ко Пскову крестъ на вѣчѣ на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ псковскихъ.

Но это пошлое, старинное право не есть особенность одного Новгорода или Пскова. Здѣсь оно болѣе окрѣпло, чѣмъ въ другихъ волостяхъ, но было извѣстно и всей русской землѣ. «Новгородцы бо *изначала*, говоритъ лѣтописецъ, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся». То, что было *изначала* во всѣхъ волостяхъ, есть, конечно, ихъ старина, пошлина, обычай.

Но и московскіе государи не обходятся безъ старины. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, 4 февраля 1498 года, при торжественномъ назначеніи преемникомъ своимъ внука Дмитрія, обратился въ Успенскомъ соборѣ къ митрополиту Симону съ слѣдующею рѣчью: «Отче митрополитъ! Божіимъ позволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей *старина* наша оттолѣ и до сихъ мѣсть: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ первымъ давали великое княженіе; и я было своего сына перваго, Ивана, при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; и Божія воля сталась, сына моего Ивана въ жи-

вотъ не стало, и у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ».

Почему князь столь могущественный, какъ Иванъ Васильевичъ, не довольствуется простымъ заявленіемъ воли своей о порядкѣ престолонаслѣдія, а находитъ нужнымъ оправдывать ее ссылкой на старину? Иванъ Васильевичъ, конечно, могъ назначить своимъ преемникомъ внука и не ссылаясь на старину. Но такое назначеніе было бы только выраженіемъ его личной воли. Князь хотѣлъ утвердить свое распоряженіе на основаніи болѣе прочномъ и стойкомъ; такимъ основаніемъ представлялась ему одна старина, о которой онъ и возвѣстилъ торжественно въ присутствіи духовенства и всенароднаго множества. Старина, слѣдовательно, и въ Москвѣ была надежнѣе личной воли князя.

Ссылка на старину Ивана Васильевича имѣетъ для насъ значеніе и съ другой еще точки зрѣнія. Въ первой статьѣ мы уже замѣтили, что въ періодъ дѣйствія обычнаго права историкъ не всегда имѣетъ дѣло съ обычаями совершенно сложившимися, съ повальными, какъ говоритъ русскій народъ, но что ему приходится иногда наблюдать обычаи въ самомъ процессѣ сложения. Именно въ такомъ еще незавершенномъ процессѣ находится обычай, подъ охрану котораго сталъ великій князь московскій Иванъ Васильевичъ. Что предки его въ теченіе цѣлыхъ столѣтій назначали своими преемниками сыновей, это вѣрно, что они съ Дмитрія Ивановича дѣлаютъ предпочтеніе въ пользу старшаго, это тоже вѣрно; но чтобы они назначали внуковъ отъ старшаго сына помимо младшихъ сыновей, такихъ случаевъ не было, и старина объ этомъ молчитъ. Этотъ случай впервые представился при Иванѣ Васильевичѣ. Въ 1498 году онъ рѣшилъ его въ пользу внука противъ сына. Это добавка къ старинѣ, самостоятельный шагъ впередъ, разрѣшившій совершенно новый случай. Рѣшеніе въ пользу внука отъ старшаго сына не противорѣчитъ прямо старинѣ, но никакъ нельзя сказать, чтобы это была старина. Второй сынъ великаго князя, Василій, домогаясь великокняжескаго престола, могъ также ссылаться на старину, ибо прародители его назначали сыновей, а не внуковъ. Наличие такого опаснаго соперника и была, по

всей вѣроятности, причиной, почему Иванъ Васильевичъ обставилъ назначеніе внука такой торжественностью и сослался на старину. Добавкѣ къ старинѣ не было, однако, суждено перейти въ старину. Въ 1502 году великій князь положилъ опалу на своего вѣнценоснаго внука и заключилъ его подѣ стражу, гдѣ онъ и оставался до самой смерти. Преемникомъ престола былъ назначенъ второй сынъ, Василій. Въ Москвѣ предвидѣли, что эта перемѣна не пройдетъ незамѣченной, что иностранные государи, съ которыми поддерживались сношенія, будутъ спрашивать объ участи вѣнчаннаго внука, и впередъ заготовили отвѣтъ. Посоль, отправленный въ Литву, долженъ былъ отвѣчать: «который сынъ отцу служить и норовить, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служить и не норовить, того за что и жаловать?» (Соловьевъ, V, 89). Но на перемѣну обратили вниманіе и въ предѣлахъ московскаго государства, и еще раньше, чѣмъ могли это сдѣлать иностранные дворы. Еще до объявленія Василя преемникомъ великокняжескаго престола, государь назначилъ его новгородскимъ и псковскимъ княземъ. Псковичи, которые издавна имѣли одного князя съ Москвой, увидали въ этомъ назначеніи отступленіе отъ старины и отправили къ великому князю и внуку его, Дмитрію, посольство съ просьбой, чтобы они держали отчину свою въ старинѣ, и который князь будетъ на Москвѣ, тотъ былъ бы и во Псковѣ. Великій князь отвѣчалъ: «развѣ я не воленъ въ своемъ внука или сына; кому хочу, тому и даю княжество!»

Изъ обоихъ отвѣтовъ слѣдуетъ, что государь считалъ себя вправѣ назначить преемника престола по усмотрѣнію и устранить старшаго сына, если не былъ доволенъ его поведеніемъ. У старшаго сына, слѣдовательно, не было права на престолъ. Что же значить «старина», на которую такъ торжественно указывалъ великій князь? Старина въ порядкѣ замѣщенія московскаго стола несомнѣнно есть, она извѣстна князю и народу, и тотъ и другой на нее ссылаются; но она еще не окрѣпла до такой степени, чтобы могла связать волю князя. Князь подчиняется ей не противъ воли, а когда самъ лично находитъ ее полезной. Обычай, отъ которыхъ люди считаютъ себя вправѣ отступить, или не сложились еще окончательно, или

начинаютъ вымирать. Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ обычай въ процессѣ сложенія: старина, на которую ссылается Иванъ Васильевичъ, есть практика одной старшей линіи князей московскаго дома. Столомъ московскимъ распоряжаются князья старшей линіи. Удержать этотъ столъ за своими ближайшими нисходящими есть дѣло ихъ личнаго интереса. Для князей младшихъ линій, наоборотъ, эта практика прямо невыгодна. Они не имѣютъ интереса считать ее обязательной для себя. Они и дѣйствительно встаютъ противъ нея всякій разъ, какъ только чувствуютъ себя достаточно для того сильными. Но и сами московскіе князья не безусловно подчиняются практикѣ своего дома. Постоянная практика—узда произволу. Воля лица энергическаго и мощнаго нелегко налагаетъ на себя какую либо узду. Всего менѣе былъ способенъ наложить на себя узду Иванъ Васильевичъ. Въ принципѣ—онъ не противъ старины своихъ предковъ, онъ знаетъ, что въ глазахъ народа старина есть право, онъ самъ на нее опирается; но его уваженіе къ старинѣ имѣетъ границу: старина должна быть ему на руку. Эту-то мысль и высказываетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ псковичамъ и иностраннымъ дворамъ. Для людей такого закала и такой силы, какъ великій князь Иванъ Васильевичъ, можетъ быть, и не могутъ существовать повальные обычаи. Это разрушители старыхъ обычаевъ и сѣятели новыхъ. По этой же причинѣ, Москва не представляла удобной почвы и для правильнаго развитія законодательства: законъ тоже узда усмотрѣнію, онъ также стѣсняетъ, какъ и обычай. Тѣмъ знаменательнѣе, что и такіе люди, какъ великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, находятъ нужнымъ ссылаться на обычай. Первая идея о правѣ, не въ смыслѣ права сильнаго, а въ смыслѣ должноствующаго, быть само по себѣ, возникаетъ изъ соблюденія, изъ обычая: что всѣ дѣлаютъ, то и должно быть. Иванъ Васильевичъ не единственный примѣръ. Сынъ его, великій князь Василій, находясь при смерти, сказалъ женѣ своей: «Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло». Намъ все равно, дѣйствительно сказалъ эти слова великій князь, или лѣтописецъ заставилъ его такъ сказать. И въ

томъ и въ другомъ случаѣ выводъ одинъ: люди XVI в. признаютъ долженствующимъ быть то, что дѣлалось до нихъ; какъ писали прародители, такъ и имъ писать слѣдуетъ.

Иванъ Грозный, возъимѣвъ намѣреніе вѣнчаться на царство, такъ объявилъ объ этомъ митрополиту и боярамъ: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши *прародители*, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе *сидились*; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на великое княженіе *сѣсть*». Чтобы ветупить на царство, Грозному понадобились прецеденты и изъ самой почтенной древности, съ Владиміра Мономаха. Когда царь говорилъ эти слова, ему было всего только 16 лѣтъ; можно думать, что они были ему внушены. Это ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Если царь говорилъ подъ чьимъ либо вліяніемъ, это служить только новымъ указаніемъ, что въ представленіи людей московскаго государства понятіе о долженствующемъ быть соединялось со стариной. Приступая къ составленію новаго судебника, царь благословился у митрополита и всего освященнаго собора «судебникъ исправить по *старинѣ*». Все содержаніе судебника представляется Ивану Грозному стародавнимъ обычаемъ, а вовсе не актомъ его личнаго усмотрѣнія. Такимъ же стародавнимъ обычаемъ представляется ему и вся его политическая дѣятельность. Въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ даетъ такое объясненіе своимъ самовластнымъ дѣйствіямъ: «Самодержавства нашего *починъ отъ великаго князя Владиміра*, мы родились на царствѣ, а не чужое похитили». «Россійскіе самодержавцы *изначала* сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи». «*Досель* русскіе владѣтели *не давали* отчета никому, но *повольны были* подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, а не *судились* съ ними ни передъ кѣмъ». Такимъ образомъ и Иванъ Грозный не создалъ въ Москвѣ самодержавія: если онъ царствовалъ самовластно, казнилъ по усмотрѣнію, то только потому, что такъ было изстари, такъ пошло отъ Владиміра Святаго.

Если великіе князья московскіе объясняютъ свои дѣйствія не личнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а стародавними обычаями,

если такъ поступаетъ даже Иванъ Грозный, тираническая воля котораго не знала предѣловъ, то, понятно, что и удѣльные князья ставятъ себя подъ охрану обычая. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ правленіе великой княгини Елены, дядя малолѣтняго великаго князя Ивана Васильевича, Старицкій князь Андрей Ивановичъ, былъ заподозрѣнъ въ умыслѣ противъ власти великаго князя. Князь Андрей, съ своей стороны, подозрѣвалъ правительницу въ желаніи схватить его и лишить свободы и удѣла, а потому на приглашеніе прибыть въ Москву на совѣтъ, по случаю войны казанской, не поѣхалъ, ссылаясь на болѣзнь. За нимъ послали втораго гонца, а затѣмъ и третьяго, съ требованіемъ пріѣхать непременно, въ какомъ бы онъ ни былъ положеніи. На этотъ третій зовъ Андрей даетъ такой отвѣтъ: «Ты, государь, приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобы намъ непременно у тебя быть, какъ ни есть; намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно; а *прежде*, государь, того *не бывало*, чтобы насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили» (Соловьевъ, VI, 10).

Указывая на такое значеніе обычая, мы вовсе не утверждаемъ, что въ древнихъ русскихъ княжествахъ и въ Московскомъ государствѣ дѣйствуютъ одни старые обычаи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ только, что значеніе права, въ смыслѣ обязательной общей нормы, признается прежде всего за обычаемъ; правомъ считается то, что освящено соблюденіемъ. Это—первоначальное воззрѣніе; но оно живо еще и въ XVI вѣкѣ. Признаніе за княжеской волей способности творить право—явленіе вторичное; оно возникаетъ на глазахъ исторіи и развивается весьма медленно. Еще въ XVI в. великіе князья московскіе находятъ нужнымъ оправдывать свои распоряженія ссылкой на старину. Ясно, что еще нѣтъ сознанія о томъ, что воля князя, какъ субъекта верховной власти, творитъ право. Въ виду этого, надо, кажется намъ, признать, что въ теченіе всего древняго періода право опредѣляется не столько уставами княжескими, сколько обычаями. И дѣйствительно: отъ древняго времени мы имѣемъ очень не много уставовъ и обнимаютъ они далеко не весь бытъ древняго общества. Мы не имѣемъ уставовъ, которые опредѣляли бы отношенія князя къ народу, взаимныя отно-

шенія князей, порядокъ престолонаслѣдія и всѣ другіе вопросы государственнаго устройства; а между тѣмъ эти отношенія опредѣлялись же какъ нибудь. Очень трудно думать, что уставы были, да затерялись и не дошли до насъ. Даже въ Московскомъ государствѣ эти важнѣйшіе вопросы государственнаго быта не были опредѣлены уставами. Московскіе великіе князья, когда зашла рѣчь о престолонаслѣдіи, о правахъ князя, ссылаются на старину, а не на уставъ. Думаемъ, что эти отношенія и въ до-московской Руси опредѣлялись не уставами, а обычаями, да еще договорами. То же надо сказать и о порядкѣ государственнаго управления. Не только княжеская дума, но даже и царская не имѣютъ устава. Если князья не спѣшатъ съ своими опредѣленіями по вопросамъ, такъ близко ихъ касающимся, то что же сказать о гражданскомъ и уголовномъ правѣ? Понятіе собственности, способовъ ея приобрѣтенія и утраты, наслѣдства, всѣ семейныя отношенія, понятіе о возникновеніи обязательствъ изъ договоровъ и правонарушеній, понятіе о томъ, что убійство и татьба—суть преступленія и подлежатъ наказанію,—все это такія понятія, которыя возникли изъ обычаевъ и существовали гораздо ранѣе, чѣмъ появились князья Рюриковичи.

Говоря это, мы вовсе не думаемъ и не хотимъ сказать, что князья не принимали дѣятельнаго участія въ развитіи нашего древнѣйшаго права. Участіе ихъ было громадное, они передѣляли всю старину народную и создали старину княжескую, царскую; но достигли они этого не законодательнымъ путемъ, а рядомъ отдѣльныхъ дѣйствій, практикой, перешедшей наконецъ въ обычай и затѣмъ уже занесенной въ уставъ, въ уложеніе, въ судебникъ, какъ общая норма. Творческая дѣятельность князей въ области права первоначально имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и дѣятельность народа, созидающаго обычай: она идетъ не отъ установленія общихъ нормъ на всѣ будущіе случаи, а отъ рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ. Качественно одно и то же, но количественно между дѣятельностью народа и князя громадная разница. Князь—судья и правитель, въ силу этого масса случаевъ подлежитъ его рѣшенію. Съ осложненіемъ государственной жизни возникаетъ множество новыхъ отношеній, которыя вліяютъ на старыя и ихъ видоизмѣняютъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ князю принадлежитъ широкое поле дѣятельности.

Но онъ дѣйствуетъ путемъ усмотрѣнія, а не изданія законовъ. Нашъ первый юридическій сборникъ, Русская Правда, со-всѣмъ не знаетъ, напримѣръ, государственныхъ преступленій. Древнѣйшему времени извѣстны только преступления, направ-ленные противъ правъ частныхъ лицъ. Это совершенно понятно и объясняется тѣмъ, что слабое при своемъ возникновеніи го-сударство не успѣло еще прійти къ сознанію своихъ специаль-ныхъ интересовъ и подумать объ установленіи особыхъ мѣръ для ихъ охраненія. Съ теченіемъ времени, однако, и именно по мѣрѣ того, какъ развивалась идея государственности, такая осо-бая охрана возникла. Спрашивается, какъ же появилось по-нятіе государственныхъ преступленій и опредѣлилась мѣра ихъ наказуемости? Начали ли князья съ установленія состава этихъ преступленій и опредѣленія наказаній за разные ихъ виды? Ни-сколько. Князья наказываютъ преступниковъ этого рода по усмотрѣнію, ничего не опредѣляя законодательнымъ путемъ. Здѣсь господствуетъ такой же произволъ, какъ въ былыя вре-мена въ частной мести. Для примѣра остановимся на госу-дарственныхъ преступленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. По этимъ преступленіямъ и судъ-то не всегда имѣлъ мѣсто. Дѣло нерѣдко рѣшалось безъ всякихъ формъ суда: князь «опалядся» и назначалъ по произволу своему наказаніе.

Первое общее указаніе на преступления этого рода можно видѣть только въ судебникахъ. Но относящееся сюда опредѣле-ніе судебниковъ сдѣлано какъ бы мимоходомъ; оно такъ кратко, что не даетъ никакого понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. О государственныхъ преступленіяхъ судебники говорятъ, перечисляя преступленія противъ частныхъ лицъ и церкви. «А государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю, и головному, и подметчику, и зажигальнику, вѣдомому лихому че-ловѣку, живота не дати, казнити его смертною казнію», гово-ритъ первый судебникъ. «Государскій убойца» не есть убійца князя, это убійца своего господина, такъ какъ государь, на языкѣ того времени, означаетъ вообще господина. Къ государ-ственнымъ преступленіямъ можно относить только одно выра-женіе «коромольникъ». Но и это выраженіе не имѣетъ точно опредѣленнаго и спеціальнаго значенія какого либо вида государственныхъ преступленій. Переводчикъ законовъ вос-

пользовался этимъ словомъ для передачи слова *turba*, которое онъ перевелъ такъ: крамольницы или мятежъ творящіе. Но въ XVI, а, можетъ быть, уже въ XV вѣкѣ и даже ранѣе, это слово стало употребляться не въ одномъ только смыслѣ мятежа. Въ указѣ 1582 г. крамола употребляется въ смыслѣ ябеды. Крамольникъ тотъ, кто жетъ на судѣ, говоритъ не по дѣлу, продаетъ своего довѣрителя, возбуждаетъ дѣла, уже рѣшенные, и пр. Если это будетъ лихой человѣкъ, если онъ продастъ своего довѣрителя и такъ будетъ вести дѣло, что его обвинять, въ такомъ случаѣ онъ подлежитъ смертной казни. Слово крамола не имѣетъ, слѣдовательно, спеціальнаго значенія мятежа, или измѣны, въ смыслѣ государственнаго преступленія; оно обозначаетъ и поступокъ частнаго повѣреннаго, нарушившаго сдѣланную ему довѣренность. Статью судебниковъ можно понимать и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, вовсе не относя ее къ преступленіямъ государственнымъ. Но въ указѣ 1582 года есть и такое выраженіе: «а назоветъ (ябедникъ, крамольникъ, или составщикъ) кого воромъ, а убивства или кромолы и рокоша на Царя Государя не доведетъ, и того самого казнити смертію». Здѣсь крамола поставлена рядомъ съ рокошемъ, то есть съ возстаніемъ. Въ виду любви стараго языка къ повтореніямъ, можно думать, что крамола употреблена здѣсь въ смыслѣ мятежа, а слово рокошъ служитъ только для усиленія этого понятія. Такимъ образомъ, указъ 1582 года одинаково употребляетъ слово крамола для обозначенія какъ преступленій противъ частныхъ лицъ, такъ и преступленій противъ государства. Если мы, въ виду этого, допустимъ, что и судебники разумѣютъ подъ крамолой не только преступленіе противъ частныхъ лицъ, но и государственное, именно измѣну и возстаніе противъ княжеской власти, то все-таки понятіе этого государственнаго преступленія является не обособленнымъ отъ измѣны частному довѣрителю и карается нисколько не строже. Второй судебникъ къ «кромольнику» прибавляетъ еще «градскаго сдавца», т. е. военачальника, сдавшаго городъ прежде истощенія всѣхъ средствъ защиты. Вотъ и все. Преступленія противъ жизни главы государства, его здоровья, личной неприкосновенности, оскорбленіе его словомъ и т. д.—вовсе въ судебныхникахъ не упоминаются. Въ XV и даже XVI вѣкѣ государственныя преступленія, судя по судеб-

никамъ, отличаются чрезвычайно слабымъ развитіемъ. Тѣ, о которыхъ упоминаютъ судебники, наказываются не строже, чѣмъ такія же дѣйствія, совершаемыя противъ частныхъ лицъ.

Такъ ли было въ дѣйствительности? Совершенно наоборотъ. Дѣйствительность представляетъ государственныя преступленія въ самомъ роскошномъ цвѣтеніи, но не на основаніи уставовъ, а путемъ практики. И до, и послѣ судебниковъ, московскіе князья караютъ такія дѣйствія, которыя нельзя подвести не только подъ судебники, но даже и подъ уложеніе 1649 года, сдѣлавшее въ этомъ отношеніи большіе успѣхи, и караютъ такими казнями, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ уставѣ. Наши лѣтописи полны указаніями на эту практическую дѣятельность московскихъ государей, благодаря которой сложилось чрезвычайно широкое понятіе о государственныхъ преступленіяхъ, господствовавшее въ XVII и послѣдующихъ вѣкахъ. Мы не будемъ приводить практики изъ второй половины царствованія Ивана Грознаго; произвольность ея достаточно извѣстна. Ограничимся нѣсколькими примѣрами изъ царствованія государей, дѣятельность которыхъ не доходила до такого необузданнаго самоуправства.

Въ 1471 году великій князь Иванъ Васильевичъ опалился на Борецкаго и еще трехъ новгородцевъ и велѣлъ казнить ихъ смертію за то, что они за короля задаваться хотѣли. На какомъ это основаніи? Новгородцы были въ договорныхъ отношеніяхъ съ своими князьями. На основаніи договоровъ, у нихъ княжили то тверскіе, то московскіе князья; могли княжить и литовскіе, такъ какъ въ выборѣ князя они были вольны и обязательства—постоянно признавать своими князьями князей тверскаго или московскаго дома—на себя не принимали. Впервые такое обязательство встрѣчаемъ въ договорѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, заключенномъ въ 1471 году, уже послѣ того, какъ было обнаружено намѣреніе Борецкихъ задаться за короля. Но и въ этомъ договорѣ, смертной казни за намѣреніе отступить отъ московскихъ государей не положено. Почему же наказаны были четыре новгородца за намѣреніе задаться за короля, и именно смертною казнью? Такъ правилось великому князю, это дѣло его усмотрѣнія.

Въ 1499 году тотъ же великій князь заключилъ въ тюрьму двухъ псковскихъ посадниковъ, бывшихъ въ числѣ пословъ отъ

Пскова, по поводу назначенія великимъ княземъ особаго князя Новгороду и Пскову въ лицѣ сына его Василя.

Послы просили не назначать Пскову особаго отъ Москвы князя. Въ чемъ тутъ московскій государь усмотрѣлъ преступленіе? Единственно въ смѣлости говорить противъ его распоряженія. Было ли какимъ либо уставомъ запрещено возражать князю? Никакимъ. Наоборотъ, мы знаемъ, что тотъ-же Иванъ Васильевичъ даже любилъ «встрѣчу» *). А здѣсь возраженіе псковичей не понравилось ему, и онъ опалился. Это опять дѣло его усмотрѣнія.

Въ 1497 г. великій князь казнить мучительными казнями, о которыхъ не знаетъ изданный имъ судебникъ, сторонниковъ сына своего Василя и противниковъ внука Димитрія, а въ 1499 г., наоборотъ, сторонники Димитрія приговариваются къ смертной казни; года два спустя, и самъ Димитрій, вѣнчанный наследникъ престола, заключается въ тюрьму, гдѣ и умираетъ. Въ чемъ могла состоять его вина и какой судъ осудилъ его? Все рѣшено усмотрѣніемъ великаго князя **).

*) Встрѣча—возраженіе. Такъ назывались и тѣ возраженія, которыя дѣлали члены государевой думы на мнѣнія великаго князя.

**) Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ поводы казни сторонниковъ князя Василя: „По дьявольскому навоженію и ликихъ людей совѣту, въ сполкъ князь великій Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василя, да и на жену свою, на великую княгиню Софью, да въ той вспалѣ велѣлъ казнити дѣтей боярскихъ: Володимира Елизарьева, сына Гусева, да князя Ивана Палецкаго Хруля, да Поярка, Рунова брата, да Шавія Скрыбина, сына Травина, да Федора Стромилова, дьяка введенаго, да Аѳанасія Яропкина, казниша ихъ на леду, головы имъ съѣшоша, декабря 27-го.“ Воскр. стр. 234. Иначе передаетъ это событіе приводимый Карамзинымъ ростов. лѣт.: „онъ (Василій) свѣдалъ отъ діака, отъ Ѡ. Стромилова, то, что отецъ его хоцетъ жаловати великимъ княженіемъ внука своего, и нача думати князю Василю второй сатанинъ предотеча, Аѳанасій Ропченкоу. Бысть въ думѣ той и дьякъ Ѡ. Стромилонъ и Пояронъ, Руновъ братъ, и иные дѣти боярскіе, а иныхъ тайно приводили къ цѣлованію на томъ, что князю Василю отъ отца своего отъѣхати, великаго князя казну пограбити на Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и надъ княземъ Димитріемъ, надъ внукомъ, израда учинити. И свѣдавъ то и обыскавъ князь великій злую ихъ мысль, и велѣлъ изменниковъ казнити. Казниша ихъ на Москвѣ рѣкѣ, пониже мосту, шестерыхъ: Аѳанасію Ропченку руки, да ноги и голову, а Поярку руки и голову... (остальнымъ головы отсѣкли). И въ то время, опалу положилъ на жену свою, на Софью, о томъ, что къ ней

Также произвольно ссылають, заключаютъ въ тюрьмы, казнятъ торговою казнью и лишаютъ жизни правительница Елена и бояре въ малолѣтство Ивана Грознаго. Иванъ Грозный выросъ въ этой практикѣ. Произволъ въ наказаніи государственныхъ преступниковъ онъ долженъ былъ разсматривать, какъ дѣло самое обыкновенное. Еще 13-ти лѣтъ онъ приказываетъ псарямъ своимъ схватить неугоднаго ему первосовѣтника царскаго, князя Андрея Шуйскаго. Псари убили Шуйскаго. Года два спустя, Анастасію Бутурлину рѣжутъ языкъ за невѣжливыя слова. Преступленія невѣжливымъ словомъ не знаетъ даже Уложеніе. При царѣ Феодорѣ вдовствующая царица Марья была лишена свободы, пострижена въ монахини и заключена въ Выксинскую пустынь за недостаточный надзоръ за сыномъ своимъ, царевичемъ Димитріемъ, который, играя ножемъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ закололся. Опять преступленіе неизвѣстное ни одному уложенію. Царь Борисъ опалился на Богдана Бѣльскаго и велѣлъ своему врачу вырвать у него длинную густую бороду. За что? историки не знаютъ (Соловьевъ, VIII, 64). Но въ чемъ бы ни провинился Бѣльскій, наказаніе, которому онъ подвергся, не установлено ни однимъ уложеніемъ. Это московская практика. Въ 1547 году, въ Петровъ постъ, Псковичи послали къ Ивану Грозному, тогда еще 17-лѣтнему юношѣ, 70 человекъ пословъ съ жалобой на Турунтая, намѣстника псковскаго. Жалобщики били челомъ государю на сельцѣ, на Островѣ. «И государь опалился на Псковичъ сихъ, рассказываетъ лѣтописецъ, безчествовалъ, обливаячи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчи зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли»...

Судебники и Уложеніе 1649 года вычисляютъ множество случаевъ употребленія пытки, но нигдѣ не говорятъ о примѣненіи ея къ разслѣдованію политическихъ преступленій; а между тѣмъ она постоянно примѣняется къ дѣламъ этого рода и въ такихъ формахъ, какія только приходили въ голову человѣческой изобрѣтательности.

приходиша бабы съ зельемъ, и обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити“ (ихъ утопили въ Москвѣ—рѣкъ ночью). Дума, злая мысль противъ великаго князя наказываются смертною казнью гораздо прежде, чѣмъ это вошло въ уставы.

Приведемъ еще два примѣра изъ области правонарушеній финансовыхъ и военныхъ правъ государства. Преступленій противъ финансовыхъ правъ государства не знаютъ ни судебники (за исключеніемъ взысканія лишнихъ пошлинъ), ни дополнительные къ нимъ указы; таможенные грамоты упоминаютъ только о беспошлинной торговлѣ. Уложеніе 1649 году впервые предусматриваетъ неправильную чеканку монеты и назначаетъ за это—залитіе горла расплавленнымъ металломъ. А еще въ XVI вѣкѣ и болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до изданія Уложенія, московскіе государи казнятъ уже за порчу денегъ и именно залитіемъ горла расплавленнымъ оловомъ. Въ Москвѣ вовсе не нуждались въ предписаніи закона, чтобы лишить человѣка не только свободы и имущества, но даже и жизни. Только Уложеніе 1649 года назначаетъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ кнутъ за побѣгъ со службы; а уже XVI вѣкѣ ихъ наказываютъ кнутомъ и только за несвоевременную явку на службу. На какомъ же основаніи? На основаніи наказныхъ памятей, которыя даются лицамъ, посылаемымъ для сбора служилыхъ людей. Эти лица уполномочиваются собирать служилыхъ людей и препровождать ихъ въ распоряженіе воеводъ, а «достальныхъ» (т. е. не явившихся по первому зову), сыскивая, бить кнутемъ» и тоже высылать на службу. Воеводамъ предписывается оказывать содѣйствіе этимъ посланнымъ. «А не сберутъ уполномоченные и воеводы дѣтей боярскихъ на государеву службу тотчасъ, и не отведутъ, куда нужно, быть имъ въ великой опалѣ и смертной казни» (Д. къ акт. ист., I, № 124). Такимъ образомъ, московскіе приказные люди уполномочиваются простымъ административнымъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ по частному случаю, наказывать кнутомъ, по своему усмотрѣнію и безъ всякихъ формъ суда, служилыхъ дѣтей боярскихъ, не явившихся на службу. О степени усердія, съ которымъ они могли исполнять это полномочіе, можно судить потому, что за медленность имъ самимъ, въ томъ же полномочіи, угрожаютъ великой опалой и смертной казнью.

Московское государство управлялось не законами, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а усмотрѣніемъ; не уставы и уложенія государей предшествуютъ практикѣ, а практика уставамъ. Въ уложенія и судебники заносится то, что уже выработалось практикой. Это и разумѣлъ Иванъ Грозный, когда бралъ

благословеніе у митрополита и всего освященнаго собора «исправить судебникъ по старинѣ». Уловить эту живую и постоянно измѣняющуюся дѣйствительность дѣло чрезвычайно трудное. Ни одно уложеніе не передаетъ всего дѣйствовавшаго въ старое время права. Да мы и думать не можемъ, чтобы московское правительство могло даже желать точно опредѣлить въ какомъ либо уставѣ начала своей дѣятельности. Это стѣснило бы его усмотрѣніе, да и самая задача эта совсѣмъ не была въ духѣ времени. Читая древнія уложенія, надо всегда помнить, что остается еще нѣкоторый плюсъ, дѣйствовавшій на практикѣ и существенно пополнявшій эти уложенія, но намъ неизвѣстный. Первый судебникъ, напримѣръ, запрещаетъ посулы, но не опредѣляетъ никакого за нихъ наказанія. Значитъ ли это, что взяточничество не наказывалось въ XV вѣкѣ? Едва ли. Невозможно допустить, чтобы такой государь, какъ Иванъ Васильевичъ, или сынъ его Василій, не опалился, когда узнавалъ о нарушеніи воспрещенія брать посулы, и не наказывалъ ослушниковъ. Второй судебникъ опредѣляетъ уже и наказанія за принятіе посуловъ. Мы думаемъ, что эти наказанія не вновь установлены вторымъ судебникомъ, а практиковались и ранѣе.

Но разъ судебникъ опредѣлилъ наказанія, значитъ ли это, что не налагалось другихъ наказаній, помимо перечисленныхъ въ судебникѣ? Опять—едва ли. Судебники опредѣляютъ за взятіе посуловъ, между прочимъ, и торговую казнь, но для низшихъ чиновъ судебного вѣдомства, начиная съ подъячаго; дьяки же, бояре и окольникіе торговой казни не подлежали. А иностранцы рассказываютъ, что при царѣ Борисѣ и дьяковъ, не пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ власти, возили по городу и сѣкли, привѣсивъ имъ на шею мѣшковъ со взятою. (Соловьевъ, VIII, 61). Такъ наказывали не всѣхъ дьяковъ, а только тѣхъ, которые не пользовались расположеніемъ власти. Отсюда должно заключить, что такъ дѣйствовали не на основаніи какого либо неизвѣстнаго намъ уложенія, отмѣнивашаго постановленія судебного, а на основаніи усмотрѣнія.

Образованіе права въ Московской Руси во многомъ и существенно отличается отъ образованія его въ наше время. Московскіе государи дѣйствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ нынѣ царствующіе. Съ Петра Великаго, мы всѣ знаемъ, что воля

государя творить законъ. Московскіе цари не были еще въ этомъ увѣрены. Это достаточно ясно изъ предшествующаго, но мы приведемъ еще одинъ характерный примѣръ изъ исторіи упраздненія права отъѣзда. Московскимъ государямъ надо было установить обязательную службу и уничтожить право отъѣзда. Какъ они достигаютъ этого? Въ наше время, еслибы нужно было возложить какую либо новую обязанность на подданныхъ, издали бы соответствующій законъ, какъ поступили, напримѣръ, при введеніи общей воинской повинности. Московскіе государи еще не знаютъ такого способа дѣйствія. Вольный отъѣздъ есть право, это старина. Приказомъ, уложеніемъ нельзя уничтожить права. Нарушить силою это право можно, ибо князья сильны, и они дѣйствительно нарушаютъ его. Такъ, напримѣръ, Иванъ Васильевичъ приказалъ насильно привести къ нему князя Ивана Оболенскаго-Лыко, отъѣхавшаго къ удѣльному князю Борису Волоцкому. Явно взять Лыка не удалось, такъ какъ князь Борисъ не допустилъ совершить такое беззаконіе на своемъ дворѣ. Нѣсколько позднеѣ, когда Лыко былъ въ своемъ селѣ, на него напали тайно, схватили, заковали и отвезли въ Москву. Но такіе случаи насилія не упраздняютъ еще старины. Чтобы она упразднилась этимъ путемъ, надо, чтобы насиліе стало стариной. Въ одно царствованіе это не могло сдѣлаться. Что же дѣлаетъ Иванъ Васильевичъ? Онъ беретъ крестоцѣловальныя записи о неотъѣздѣ. Подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать принуждается дать грамоту никуда не отъѣзжать и скрѣпляетъ свое обѣщаніе клятвой, а въ концѣ говоритъ, что если онъ отъѣдетъ, то князь въ казни воленъ. Всякій воленъ отказаться отъ своего права. Бояринъ самъ отказывается отъ старины и предоставляетъ князю право наказывать его за отъѣздъ. Преемники Ивана Васильевича берутъ такіе же записи. Такъ, подъ видомъ добровольнаго отказа, выходитъ изъ употребленія старое право отъѣзда. При Иванѣ Грозномъ это уже обычай. Курбскій пишетъ царю: «Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловать, какъ тамъ есть у васъ обычай, а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію. На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ по неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто цѣлуется, а на

томъ, кто принуждаетъ, еслибы даже и гоненія не было». Московскій обычай, значить, не всѣми еще признается правомъ. То же надо сказать и о всякой другой княжеской и царской практикѣ: идя сверху, она очень медленно проникаетъ въ народныя массы; сталкиваясь съ народными воззрѣніями, она долго еще можетъ представляться народному сознанию, какъ что-то ему чуждое.

Новые порядки вводятся въ Москвѣ не сразу, а какъ-то украдкой. Что московскіе государи сильны, что въ ихъ рукахъ сосредоточена громадная власть, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но при всемъ томъ у нихъ еще отсутствуетъ сознание о своихъ законодательныхъ правахъ. Могли ли князья до-московскаго періода быть проникнуты сознаниемъ, чуждымъ даже московскимъ государямъ, что ихъ усмотрѣніе творить право? Это болѣе чѣмъ сомнительно.

Въ древней Россіи право созидалось не законодательствомъ, а практикой, переходившей въ обычай. Мы привели не мало примѣровъ, изъ которыхъ можно было видѣть, какая значительная роль въ дѣлѣ созданія московскихъ порядковъ принадлежитъ практикѣ московскаго правительства. Но не оно одно созидало московское право: рядомъ съ правообразовательной практикой правительства мы встрѣчаемся съ такой же практикой и частныхъ лицъ. Независимо отъ воли государя, въ Москвѣ продолжаютъ возникать и развиваться обычай дѣятельностью частнаго усмотрѣнія. Исторія сохранила примѣры такого образования права даже въ сферѣ, непосредственно соприкасающейся съ интересами и дѣятельностью правительства. Таковы, на примѣръ, обычаи мѣстничества, которые возникли среди служилыхъ людей и въ силу ихъ личной дѣятельности, а не волею московскихъ государей. Являясь судьями въ мѣстническихъ счетахъ, московскіе государи, конечно, вносили свое усмотрѣніе въ дѣло регулированія этихъ счетовъ. Но созидателями права мѣстничества, ограничивавшаго ихъ собственную власть, они ни въ какомъ случаѣ не были. Эта творческая дѣятельность частныхъ силъ была тѣмъ свободнѣе и развивалась тѣмъ шире, чѣмъ менѣе сталкивалась она съ интересами царской власти. По мѣрѣ развитія этой послѣдней, свободный ростъ народныхъ обычаевъ долженъ былъ стать въ зависимость отъ усмотрѣнія великихъ князей; но даже и въ эпоху послѣ уложенія 1649 года и при-

томъ по отношенію къ институтамъ, насажденнымъ московскими великими князьями, и въ ихъ собственныхъ интересахъ, все еще замѣчается вліяніе частной воли, частнаго усмотрѣнія.

По уложенію 1649 года, напримѣръ, помѣщикамъ было предложено мѣнять помѣстныя земли на помѣстныя же, по полюбовному челобитію, то есть, по добровольному соглашенію сторонъ; при этомъ они могли обмѣнивать и переходя четверти, то есть излишнія противъ окладовъ. Въ уложеніи сказано: «А гдѣ у кого въ мѣнѣ перейдетъ сверхъ мѣны и лишнее, немногія четверти, и тѣ немногія четверти потому же за ними по ихъ полюбовному челобитію записывать». «Немногія четверти» выраженіе очень неопредѣленное, а потому примѣненіе этой статьи давало поводъ къ многочисленнымъ столкновеніямъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя отъ времени до времени и восходили на разрѣшеніе правительства. Въ 1676 году, февраля въ 22 день, послѣдовалъ указъ, которымъ дозволено было мѣнять помѣстья со всѣми переходящими четвертями, сколько бы ихъ ни было показано въ полюбовной челобитной. Но въ концѣ того же года, 9 августа, бояре приговорили допускать къ мѣнѣ только по 10 переходящихъ четвертей на 100. Это нововведеніе удержалось, однако, недолго, только до 6 апрѣля слѣдующаго года, когда послѣдовалъ новый боярскій приговоръ, разрѣшившій мѣну помѣстій со всѣми переходящими четвертями, сколько ихъ будетъ указано въ челобитной (П. С. З. №№ 633, 657, 686).

Чѣмъ же руководствовалось московское правительство, постоянно мѣняя свои рѣшенія? Единственно челобитными заинтересованныхъ лицъ. Обратная сторона дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Помѣщики обращались къ мѣнѣ помѣстій для того, чтобы расширить свое ограниченное право распоряженія этимъ видомъ имущества. Не желая, чтобы ихъ помѣстья достались въ руки нелюбимыхъ иногда родственниковъ, они мѣняли ихъ чужеродцамъ, и за помѣстья съ небольшими переходящими четвертями отдавали богатыя помѣстья со многими переходящими четвертями. Помѣстный приказъ утверждалъ такіе обмѣны. Такимъ образомъ, на почвѣ Уложения, но несовсѣмъ согласно съ его смысломъ, образовалась практика, по которой къ мѣнѣ допускались всѣ переходящія четверти, сколько бы ихъ въ полюбовной

мѣновой ни показали. Обойденные родственники, конечно, не могли быть довольны такимъ порядкомъ вещей; они жалуются. Въ 1676 году, февраля 22-го, по этимъ жалобамъ состоялось рѣшеніе: Государь съ боярами приговорилъ въ пользу мѣновщиковъ, предоставивъ имъ право мѣняться со всѣми переходящими четвертями, какъ они мѣнялись и прежде, если хотѣли. Утверждена была, слѣдовательно, предшествующая практика, на которую жаловались родственники. Въ концѣ того же года (9 августа) вопросъ этотъ пересматривался снова и по той же причинѣ, но былъ рѣшенъ на этотъ разъ въ видахъ огражденія интересовъ родственниковъ. Мѣна переходящихъ четвертей была ограничена 10-ю на 100. Это отступленіе отъ установившейся уже практики, ограничивающее право распоряженія, не могло всѣмъ понравиться. Не смотря на то, что мѣнять большія переходящія четверти на малыя было воспрещено, въ Помѣстный Приказъ продолжаетъ поступать масса полюбовныхъ челобитныхъ о такой мѣнѣ. Что же дѣлаетъ Помѣстный Приказъ? Отказываетъ онъ просителямъ? Нѣтъ, онъ не отказываетъ имъ, а принимаетъ ихъ прошенія и вновь доводитъ дѣло до усмотрѣнія государя, спрашивая, какъ поступать впередъ? какъ будто предшествующими указами это вовсе не было опредѣлено. Такая практика не разсматривается, однако, правительствомъ, какъ нарушеніе служебныхъ обязанностей членами Приказа. Государь дѣйствительно снова пересматриваетъ дѣло въ своей Думѣ и на этотъ разъ, «по указу великаго государя», бояре приговариваютъ: «противъ челобитя всякихъ чиновъ людей мѣновыя помѣстья по заручнымъ челобитнымъ расписывать съ переходящими четвертями, сколько переходящихъ четвертей написано будетъ въ челобитной», то есть снова утверждается установившаяся до 1676 г. практика. Таковъ своеобразный ходъ московскаго законодательства. Существующіе указы, какъ будто, никого и ни къ чему не обязываютъ. Можно бить челомъ и противъ указа. Правительство даетъ ходъ такимъ челобитнымъ и издаетъ по ихъ поводу новые указы, въ отмѣну только что изданныхъ. Такимъ-то образомъ, въ теченіе всего какихъ-нибудь года съ мѣсяцемъ, появилось три разныхъ опредѣленія, взаимно одно другое уничтожающихъ, смотря по тому, которая сторона изъ заинтересованныхъ превозмогала. Московское выраженіе «по

указу великаго государя» оказывается, въ данномъ случаѣ, чистой фикціей; а самыя указы великихъ государей вовсе не имѣющими того значенія, какое въ наше время усвоится законамъ, по крайней мѣрѣ, въ государствахъ съ развитымъ юридическимъ сознаниемъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Уложеніе 1649 года не только воспрещаетъ всякія жалобы дѣтей на родителей, но даже приказываетъ за подачу такихъ челобитій «бити кнутомъ». А изъ памятниковъ, принадлежащихъ ко времени послѣ Уложенія, мы узнаемъ, что дѣти подаютъ жалобы на родителей, именно на невыгодную для нихъ мѣну помѣстій отцами; что Помѣстный Приказъ принимаетъ такія жалобы, рассматриваетъ ихъ и удовлетворяетъ просителей, признавая мѣну ничтожной. Такая практика не рассматривается, какъ нарушеніе указовъ великихъ государей и не ведетъ къ отвѣтственности членовъ Приказа. Совершенно наоборотъ, она возбуждаетъ новый вопросъ о томъ, какъ поступать впредь: по уложенію, или согласно практикѣ? (П. С. З. № 633).

Изъ всего этого надо, кажется, заключить, что указы великихъ государей не содержатъ въ себѣ всего московскаго права, что помимо того, что въ нихъ выражено, есть еще какое-то другое сознание о правѣ, которое живетъ въ членахъ общества, постоянно высказывается ими во взаимныхъ столкновеніяхъ, доходить до свѣдѣнія государей и мѣняетъ ихъ указы.

Это другое, неуказное право продолжаетъ жить иногда весьма долго, даже наперекоръ указамъ. Такъ, уложеніе 1649 г., отмѣнивъ урочные годы, окончательно закрѣпило крестьянъ за помѣщиками. Кто за кѣмъ записанъ по переписи 1646—7 годовъ, тотъ за тѣмъ и долженъ оставаться. Бѣглый крестьянинъ разискивался безъ срока и отдавался прежнему господину. Такъ по Уложенію. А въ дѣйствительности, долго еще спустя послѣ Уложенія, бѣглые крестьяне, возвращаемые прежнимъ владѣльцамъ, заключаютъ съ ними порядныя грамоты, въ которыхъ опредѣляются ихъ обязанности. Зачѣмъ «порядная», когда крестьянинъ и безъ того крѣпокъ, и волѣ своего господина повиноваться долженъ? Это очевидный остатокъ старыхъ обычаевъ, пережившій Уложеніе; характерное свидѣтельство живучести народнаго сознанія о правѣ, продолжающаго регу-

лизовать жизненные отношенія, не смотря на то, что это знаніе имѣло противъ себя и букву Уложенія, и личные интересы помѣщиковъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы московское правительство оказывало очень большое вниманіе народнымъ обычаямъ. У насъ не предпринималось никакихъ изслѣдованій для выясненія и установленія обычнаго права въ родѣ тѣхъ, какія извѣстны были древнему французскому праву подъ именемъ *enquête par turbe*. Ни князья, ни московскіе государи собираніемъ обычаевъ не занимались. Народные обычаи терпѣлись въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока не сталкивались съ казенными интересами, и только. Какъ скоро они оказывались неудобными, правительство не затруднялось вводить свою практику, хотя бы она шла и совершенно наперекоръ народнымъ представленіямъ о правѣ.

Обычай есть первоначальная форма образованія права. Съ развитіемъ государственной жизни, онъ, по необходимости, долженъ уступить мѣсто болѣе совершенной формѣ—законодательству. Московское государство стоитъ на рубежѣ между этими двумя формами. Оно не могло довольствоваться одними обычаями, но и не выработало сколько нибудь правильныхъ формъ законодательства. Московское правительство прислушивается къ челобитьямъ подданныхъ и издаетъ указы въ духѣ этихъ челобитныхъ. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго проблеска той мысли, что въ творествѣ права должны принимать участіе не одни только органы правительства, но и сами заинтересованные. Вниманіе къ челобитнымъ подданныхъ составляетъ великую заслугу московскихъ государей. Но выразившееся этимъ путемъ участіе подданныхъ въ законодательствѣ представляется совершенно неорганизованнымъ. Челобитья подаются небольшими, сравнительно, группами лицъ, имѣющихъ какіе либо общіе интересы и недовольныхъ тѣми или другими порядками. Въ челобитныхъ высказываются жалобы на эти порядки, а иногда указываются и самыя мѣры ихъ исправленія. Но челобитчики дѣйствуютъ во имя частныхъ своихъ интересовъ. Въ нихъ нельзя видѣть представителей не только всего московскаго государства или какого-либо изъ его сословій, они не всегда представляютъ даже мнѣніе всего того разряда лицъ данной мѣстности, къ которому принадлежатъ сами. Въ той средѣ, изъ ко-

торой выдѣлились челобитчики, почти всегда остаются иначе думающіе, которые къ челобитью не присоединяются. Такъ, въ то время, какъ одни помѣщики просятъ о мѣнѣ помѣстій со всѣми переходими четвертями, другіе, наоборотъ, жалуются на такую мѣну; или въ то время, какъ одни посадскіе люди просятъ о воспрещеніи продажи тяглыхъ земель бѣломѣстамъ, другіе находятъ для себя выгодной такую продажу и отчуждаютъ свои тяглые участки бѣломѣстамъ, не смотря на неоднократные воспретительные указы; или въ то время, какъ одна часть черныхъ людей извѣстной волости жалуется на свободный выходъ волостныхъ людей и проситъ возвратить ихъ на старыя земли,—другая продолжаетъ уходить, находя право перехода для себя удобнымъ, и т. д. Правительство, получивъ челобитную, не ставитъ себя задачей выяснить эти разнообразныя и взаимно сталкивающіеся интересы, путемъ приглашенія сторонника въ разныхъ мѣнѣй къ обмѣну своихъ мыслей, что могло бы привести къ разъясненію дѣла, взаимнымъ уступкамъ и соглашенію. Оно избираетъ ближайшій, но очень ненадежный путь, склоняясь на челобитье то той, то другой стороны. Результатомъ этого является крайняя неустойчивость московскихъ порядковъ: правило, принятое въ январѣ, отмѣняется въ іюнѣ и т. д. Тѣ, которымъ не нравится состоявшееся распоряженіе, считаютъ себя вправѣ обратиться къ правительству съ новымъ челобитьемъ и домогаться отмѣны принятой уже мѣры. Распоряженія правительства не исполняются не только подданными, которымъ они не нравятся, но и самими органами правительства. Изданіе цѣлаго ряда указовъ, которыми только подтверждается сдѣланное прежде распоряженіе, весьма обыкновенное въ Москвѣ явленіе. Есть примѣры, что и четвертому указу не удастся доставить торжество правительственной мѣрѣ, и въ концѣ концовъ правительство находитъ себя вынужденнымъ сдѣлать уступку. Такъ было, напримѣръ, съ запрещеніемъ тяглымъ московскимъ людямъ продавать бѣломѣстамъ свои тяглые участки. Запретительные указы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. До насъ дошли такіе указы отъ 1621, 1627, 1634 и 1642 годовъ. Не смотря на то, что за нарушеніе этихъ запрещеній угрожалось даже кнутомъ, въ 1649 году при составленіи Уложенія оказалось, что патриархъ,

митрополиты, бояре, окольные и др., въ обходъ существующихъ распоряженій, владѣютъ множествомъ тяглыхъ земель въ Москвѣ и подъ Москвою. Хотя Уложеніе проводить то же запретительное начало, но черные люди продолжаютъ отчуждать бѣломѣстцамъ свои земли, а Земскій Приказъ такіа отчужденія записываетъ въ свои книги. Въ 1681 году правительство вѣло, наконецъ, вынужденнымъ дозволить бѣломѣстцамъ владѣть приобрѣтенными черными землями «впредь до указа». Но можно ли удивляться неисполненію царскихъ указовъ о неотчужденіи бѣломѣстцамъ черныхъ земель въ Москвѣ, когда въ то же самое время для другихъ мѣстностей (для Устюжны-Желѣзопольской, напримѣръ) подтверждаются старыя грамоты XVI вѣка, которыми бѣломѣстцамъ предоставлялось покупать тяглыя земли на условіи платежа тѣхъ повинностей, которыя на этихъ земляхъ лежали (А. Э. III, № 37 и 138. 1614 и 23 годовъ). Почему возможное въ Устюжнѣ-Желѣзопольской было совершенно невозможно въ Москвѣ?

Отсутствіе правильнаго законодательства составляетъ большую сторону московскаго государства. Оно необходимо вело къ господству усмотрѣнія надъ закономъ и препятствовало развитію въ массахъ населенія уваженія къ существующему порядку.

Эти печальные недостатки московскаго государственнаго быта не составляютъ, однако, нашей русской отличительной черты. Съ господствомъ усмотрѣнія надъ закономъ, со всѣми печальными послѣдствіями этого порядка вещей, встрѣчаемся мы и въ западно-европейскихъ государствахъ на той же средневѣковой ступени ихъ развитія. Только въ новое время, благодаря возникновенію болѣе совершенныхъ формъ законодательства, законъ можетъ вступить въ свои права и управление стать—подзаконнымъ.

В. Сергѣевичъ.

ФОСТЭНЪ

Романъ Эдмонда Гонкура.

VI.

Въ залѣ, укутанной суровымъ холстомъ, стоитъ глубокой мракъ; мракъ, освѣщаемый только маленькими огненными четырехъугольниками дневнаго свѣта, проникающаго сквозь красныя занавѣси окошечекъ въ лежахъ третьяго яруса, да синеватымъ блескомъ люстры, которая напоминаетъ прицѣпившійся въ холодномъ мракѣ, къ своду ледника, сталактитовый наростъ.

Только это, да еще бѣловатый свѣтъ на каріатидахъ аванъ-сцены, на полинявшихъ миеологическихъ изображеніяхъ потолка, да на ручкѣ контрбаса, выступающей изъ глубокаго мрака оркестра—вотъ все, что видно въ пустой залѣ, гдѣ тихо ходить, по закраинамъ первой галлерей, большой бѣлый котъ. На сценѣ, освѣщенной двумя лампами съ рефлекторами въ кулисахъ, темно почти такъ же, какъ въ залѣ, только во фризахъ, да на просвѣтахъ мелькаетъ, какъ на недостроенной колокольнѣ въ лунную ночь, лучъ голубоватаго свѣта. Въ этомъ волшебномъ полумракѣ ходятъ и движутся мужчины въ пальто и круглыхъ шляпахъ, напоминающіе своимъ видомъ бѣдныхъ писцовъ, и растрепанныя, небрежно одѣтыя женщины, которыя прячутъ руки въ старенькія муфточки.

Отъ времени до времени, въ могильной тишинѣ и пустотѣ большой залы, въ кровлю которой бьетъ горячій лучъ солнца, дрожить, какъ въ катакомбахъ, глухой, раскатистый стукъ каретъ.

«Французскій театр» — въ силу привилегіи, которой пользуются только пьесы стариннаго репертуара знаменитыхъ драматическихъ писателей — далъ свою залу знаменитой драматической артисткѣ изъ Одеона, на двѣнадцать репетицій, которыя должны были происходить до начала повторенія разучиваемой новой пьесы, — и въ этотъ день шла первая репетиція Федры. Неизбѣжныя монументальныя грѣлки храма Мольера были принесены и поставлены подъ ноги актрисъ, сидѣвшихъ на креслахъ, стила Людовика XV, приготовленныхъ для пьесы, которая должна была идти вечеромъ. Суфлеръ помѣстился на лѣвой сторонѣ сцены, у маленькаго столика, на который поставили лампу; старикъ режиссеръ Давень стоитъ подлѣ него, спиной къ большой палкѣ съ красной бархатной ручкой, висящей между двухъ кулисъ. Направо, на диванѣ сидитъ директоръ. Въ глубинѣ виситъ до половины поднятый огромный рѣзной деревянный каминъ изъ средневѣковой драмы; по сценѣ ходить, закутаный до кончика носа въ кашнэ и страдающій насморкомъ, Ипполитъ Расина.

— Начинать что-ли?.. Всѣ-ли въ сборѣ? слышится голосъ директора.

Въ эту минуту, на сцену входитъ, ковыляя и опираясь на палку, Терамень, опоздавшій на репетицію по случаю ревматизма, и читаетъ громко рецетъ, находящійся у него въ рукахъ.

— Ну что-же, готовы наконецъ? продолжаетъ директоръ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ кто-то, не достаетъ Эноны.

— Это просто невыносимо... Хотя бы репетировать сьвязно... и вотъ вѣчно такъ... Начнемте все-таки; можетъ быть, это заставить ее скорѣе прійти, тѣмъ больше, что она уже опоздала на полчаса.

И они начинаютъ въ сѣромъ свѣтѣ сцены, какъ будто подернутой утреннимъ туманомъ, въ которомъ блѣднѣютъ только воротнички актеровъ и освѣщенные руки актрисъ, въ то время, какъ лицъ ихъ почти не видно въ тѣни. Дошли до второй сцены.

— Господинъ Давень! зоветъ директоръ.

И въ то время, какъ суфлеръ читаетъ громко:

«Hélas! Seigneur, quel trouble au mien peut être égal?
La reine touche presque à son terme fatal,
En vain à l'observer jour et nuit je m'attache», *)

старикъ Давень, съ сѣдой бородой, въ зеленомъ пиджакѣ, въ желтыхъ панталонахъ и калошахъ поверхъ башмаковъ, стыдливо сопровождаетъ сжатыми, сдержанными жестами разсказъ паперницы Ипполиту.

— Вотъ она, вотъ она! кричатъ за кулисами.

— Какая свинья извощикъ! Не берите никогда старыхъ извощиковъ, дѣти мои! воселицаеть Энона—типъ театральной лгуньи,— развязывая шляпу и давая въ то же время реплику Фостэнъ, въ третьей сценѣ.

Очень интересный предметъ для наблюденія представляетъ зарожденіе роли, даже у самыхъ талантливыхъ и знаменитыхъ артистовъ. Нужно видѣть, какъ по дѣтски и неосмысленно они начинаютъ говорить ее! Какъ они запинаются, какъ глупо ищутъ интонацію и жесты, и какъ въ нихъ медленно, медленно всасывается мысль автора, какъ она наполняетъ ихъ и наконецъ вырывается наружу только подъ самый конецъ, брызгами генія. Мадмуазель Марсъ говорила: «Я еще недостаточно извергала эту роль». Эти слова равнялись признанію, сколько времени и труда должна была употребить добросовѣстная артистка, чтобы достичь совершенства, идеала роли. Это постоянное умственное напряженіе и нравственная тревога, не оставляющая актрисъ до самаго перваго представленія, развиваетъ въ нихъ нервность, еще не изслѣдованную, которая выражается у нихъ страхомъ въ сношеніяхъ съ театральнымъ міромъ и чрезмѣрнымъ смиреніемъ, готовымъ, повидимому, каждую минуту перейти во вспышку гордаго гнѣва.

— Потому-то, Фостэнъ отвѣчала директору, на сдѣланное имъ замѣчаніе, съ удивительной уступчивостью:—О! если это ваше мнѣніе, то, конечно, я ошибаюсь! По тоя почтительной фразы былъ безконечно рѣзокъ и, произнося ее, актриса была готова царапаться.

*) «Увы, государь, что можетъ сравняться съ моимъ смущеніемъ? Царица уже близка къ роковой развязкѣ; тѣтено я наблюдаю за ней днемъ и ночью».

Нужно замѣтить еще одну странность у актрисъ; это то, что въ періодъ *высигиванья* роли, и особенно во время утомительныхъ и раздражительно дѣйствующихъ репетицій, онѣ всегда преисполнены суровостью, холодностью, и, дѣлаясь какъ бы безполыми существами, сбрасываютъ съ себя ту прелесть своей натуры, которую вносятъ обыкновенно въ жизнь; положительно перестаютъ даже улыбаться и становятся серьезны, какъ дѣловые мужчины.

— Не идетъ сегодня, вовсе не идетъ! сказалъ директоръ, потирая обѣими руками колѣни. Ради Бога, господа, ну-же побольше огонька!

Это былъ одинъ изъ тѣхъ выдающихся въ парижскомъ климатѣ дней, когда безъ всякой видимой причины вся дѣятельность и подвижность какъ будто засыпаютъ, когда всѣ занимающіеся умственной работой чувствуютъ себя неспособными къ труду и когда, въ возбуждающемъ и опьяняющемъ воздухѣ столицы, какъ будто тяжело катятся волны лѣни. Репетиція дѣйствительно не шла; Фостэнъ, продолжая повторять, безпрестанно и какъ-то рѣзко щелкала губами; Ипполитъ жаловался, что у него нѣтъ голоса, и увѣрялъ, что будетъ не въ состояніи играть вечеромъ; Терамень прерывалъ свои полустихія болѣзненными стонами, суфлеръ дремалъ. Въ пережку со стихами Расина, слышалось сильное дыханіе ламповщика, чистившаго на спущенной люстрѣ стекла; которыя, качаясь при всякомъ его движеніи, весело звенѣли, какъ ожерелье на шеѣ вальсирующей женщины. Даже бѣлый котъ, соскучившись ходить по закраинѣ балкона, спустился внизъ и забрался въ складку блузы машиниста, который спалъ, свернувшись на деревянныхъ возлахъ и уткнувъ подбородокъ въ грудь.

— Все это, я вамъ скажу, никуда негодная работа... сказалъ, выйдя изъ терпѣнья и вставая, директоръ. — Нѣтъ, сегодня не стоитъ продолжать... всѣ такъ вялы... больше нечего дѣлать, какъ отложитъ до другаго дня.

Репетиція была брошена; посреди шума громко звучавшихъ шаговъ, какъ бы сохранившихъ еще слабый оттѣнокъ драматичности, и Фостэнъ, очутившись на Пале-Рояльской площади, прямо со свѣта лампъ, остановилась на секунду въ той нерѣшимости, ко-

торая заставляетъ васъ спрашивать себя, выйдя вдругъ изъ темноты на свѣтъ: на яву или во снѣ вы его видите?

VII.

— Встала сестра? спросила въ одно прекрасное утро любовница Карсонака у горничной и наперсницы Фостэнь.

— Нѣтъ еще... барыня читаетъ газеты... Кажется, пресса никогда еще не относилась къ ней съ такими похвалами... знаете, на счетъ вчерашняго бенефиса!

— Ахъ, милая Кунигунда, какая счастливица сестра, имѣя такую женщину, какъ вы... я должна была выгнать свою! Представьте, что эта барышня, готовившаяся сдѣлаться матерью, получала по десяти франковъ отъ поставщиковъ за то, чтобы давать имъ знать, когда мы получали откуда нибудь деньги... и знаете что этотъ змѣенышъ сказалъ мнѣ, когда я ей отказала: «Прощайте, сударыня, до свиданья на тумбѣ, гдѣ вамъ будутъ плевать въ руку!..» А что вашъ ревматизмъ, милая Кунигунда, прошелъ? »

— Я совершенно здорова, отвѣчала Кунигунда холодно и какъ бы сторонясь отъ любезностей барыниной сестры. Кунигунда, высокая женщина лѣтъ пятидесяти, съ мужской фигурой и вѣчнымъ *rinse-nez* на носу, походила лицомъ на здороваго деревенскаго стряпчаго въ бѣломъ чепцѣ; но, не смотря на свою черствую физиономію законника, очерченнаго Дамье, Кунигунда была глубоко предана интересамъ своей барыни и относилась къ ней съ какимъ-то благоговѣніемъ, которое часто чувствуютъ грубоватая женскія натуры къ своимъ господамъ, живущимъ въ славѣ полу-боговъ.

— Значить можно войти?

Кунигунда поклонилась и отворила дверь.

Фостэнь лежала въ кровати, заваленной развернутыми утренними газетами, отъ которыхъ еще пахло типографскою краскою; однѣ изъ нихъ были сбиты въ кучу, другія, разбросанныя по кровати, тихо скользили по тонкому голландскому полотну и падали черезъ двѣ секунды на полъ, шурша, какъ сухіе листья.

Голова актрисы лежала на двухъ подушкахъ; темные распустившіея волосы вились вокругъ улыбающагося спокойнаго лица, оживленнаго счастливымъ румянцемъ, поднятыя колѣни замѣняли пюпитръ; отъ усилія, которое она сдѣлала, разрѣвая нетерпѣливой рукой наполненную похвалами газету, пройма рубашки лопнула и обнажила, спустившись, плечо и часть груди.

— Это ты, такъ рано... По какому случаю?

— Сейчасъ скажу... довольна ли ты своими журналистами?

— Одинъ любезнѣе другаго... всѣ такъ ждуть моего дебюта въ Фейдрѣ... что, право, есть отчего загордиться... но рассказывай скорѣе твою исторію.

— Мы даемъ послѣ завтра большой обѣдъ... понимаешь, дѣловой, конечно... Во-первыхъ, дѣло идетъ о передѣлкѣ для Вѣнской сцены послѣдней пьесы Карсонака... О! ты сознаешь... такъ молодо, задушевно... мы навѣрное будемъ имѣть тамъ успѣхъ... Потомъ, разныя дипломатическія любезности... и цѣлая куча разныхъ штукъ... Такъ онъ хочетъ объ чемъ-то попросить тебя, кажется, о какой-то рекомендаціи... Ты знаешь, впрочемъ, что онъ придаетъ вообще большой вѣсъ твоему посѣщенію... еще бы! Онъ тебя, конечно, не любитъ, но кого же онъ любить-то?... ты, можетъ быть, думаешь, что меня... О! о! это что-то новенькое... славно... Надѣюсь, что провинція обошлась съ тобой любезно.

И она начала разглядывать лежавшую на маленькомъ столикѣ золотую лавровую вѣтвь, съ названіемъ роли на каждомъ листкѣ и слѣдующей подписью:

Руанскій французскій театръ.

Жюльетъ Фостанъ

ея поклонники.

— Да, я получила на дняхъ... сюрпризомъ... Это тогда я дала тамъ нѣсколько представленій, во время отпуска... Такъ ты непремѣнно хочешь, чтобъ я была на этомъ обѣдѣ, Марія... знаешь... мнѣ немножко противно... это твое общество.

— Мнѣ также... потомъ мы пригласимъ, кого ты захочешь... Тебѣ не нужно говорить, что приглашеніе относится также и къ Бланшрону.

— О! онъ не будетъ... онъ увѣряетъ, что у васъ выходить всегда изъ за стола съ болью въ желудкѣ.

— Неужели у насъ дѣйствительно такъ плохо, Жюльетъ?

— У него вѣдь свои взгляды на ѣду... его не передѣлаешь... Только я забыла, что у меня именно въ этотъ день обѣдаетъ одинъ изъ его пріятелей... ты его знаешь, вы были вмѣстѣ въ С.-Андрессѣ, помнишь Люзи?.. Потомъ, предполагалось ѣхать въ театръ... Впрочемъ я отправлю ихъ однихъ... и пріѣду, какъ только они уйдутъ... Что твой Карсонакъ, все также непомярно золъ?

— Какъ же ты хочешь?.. человекъ съ нервнымъ разстройствомъ и постояннымъ кровавымъ бифштексомъ на спинѣ... да, это русская метода лѣченья... потомъ ни минуты сна... Бѣднякъ ходитъ всю ночь по комнатѣ, какъ тигръ... куритъ сигару за сигарой и пьетъ коньякъ... Все это не располагаетъ къ христіанскому милосердію, душа моя... Но увѣрю тебя, что человекъ привыкаетъ къ грызнѣ... и я думаю, мнѣ ее не доставало бы, еслибъ онъ вздумалъ вдругъ превратиться въ глупаго добряка... А я, знаешь, боюсь, что это съ нимъ случится!.. Такъ ты общаешься; я жду тебя вечеромъ... Какая ты однако сегодня хорошенькая! Какая у тебя гладенькая кожа, точно наложенныя перила на лѣстницѣ въ ломбардѣ, шептала Марья, дурачась и покрывая поцѣлуями плечо Фостэнъ, которая рѣзко прекратила нѣжности сестры, словами: «Перестань, ты знаешь, что я не люблю этихъ шутокъ».

VIII.

Обѣдъ еще не кончился, когда Фостэнъ пріѣхала въ десять часовъ къ Карсонаку. Снимая въ передней *sortie de bal*, она слышала очень громкій шумъ голосовъ и вошла въ столовую въ ту минуту, какъ ея сестра съ разгорѣвшимся отъ гнѣва и вина лицомъ, вставъ изъ за стола и опершись на него обѣими руками, бросила

своему любовнику, через головы двадцати пяти человекъ гостей: «Старый роконосецъ»!

Потомъ молодая женщина всплеснула руками, и все тѣло ея начало подергиваться нервной судорогой. Пріятельницы, подъ предводительствомъ Мумуть, схватили ея подъ руки и потащили въ уборную, изъ которой долго потомъ слышался, въ перемежку съ легкими криками, эпитетъ «свинья», и все завершилось наконецъ цѣлымъ потокомъ слезъ.

— Что случилось, Лиллетъ? спросила Фостэнъ молодую дѣвуху, когда та проходила мимо нея къ пріятельницамъ.

— То же... что всегда. Послѣ перваго кушанья, Бонь-Амъ была какъ нельзя больше весела... послѣ втораго, начала заигрывать глазами съ мужчинами... за третьимъ, побранилась съ Карсонакомъ... а за десертомъ, слезы и рыданія... это нормальный ходъ.

Блѣдный какъ смерть, Карсонакъ выносилъ молча свой стыдъ и гнѣвъ, уткнувъ носъ въ тарелку; наконецъ всталъ и пошелъ въ кабинетъ; его сопровождали самые короткіе пріатели—цѣтъ присутствовавшаго общества.

Въ большой, великолѣпно освѣщенной гостинной сидѣла, одна, молодая женщина съ двумя молоденькими дѣвочками, почти дѣтьми, которыя попали сюда, благодаря страннымъ знакомствамъ, завязывающимся иногда въ Парижѣ, и которыхъ она увела изъ столовой, чтобы не дать имъ слышать ругань. Эта, немножко помѣшанная, но безукоризненно честная женщина забавляла своихъ маленькихъ пріятельницъ тѣмъ, что становилась на большой диванъ и затѣмъ падала со всего размаха на спину, съ крикомъ агоніи пятаго аэта.

Нѣсколько мужчинъ продолжали спокойно сидѣть за столомъ, и заливали виномъ свои разговоры. Крупье изъ Монако разсуждалъ съ капельмейстеромъ, мужемъ Мумуть, о трудности воспитанія скворцовъ. Молчаливый, какъ дипломатъ, докторъ Гомбургскихъ минеральныхъ водъ наливалъ каждыя десять минутъ рюмку коньяку, за разъ себѣ и сосѣду, автеру, который любилъ до безумія духи и даже пилъ, уткнувшись носомъ въ скрутку, въ

воротникъ котораго было зашито нѣсколько стручковъ ванили. Высокій, безцвѣтный молодой человѣкъ, котораго общественное положеніе состояло въ томъ, что онъ имѣлъ «хорошее сотрудничество», перечислялъ домашнія добродѣтели супругъ своихъ сотрудниковъ нѣкоему музыканту съ высоко взбитыми волосами и сумашедшимъ видомъ. Вѣнскій передѣлыватель пьесъ рассказывалъ что-то смѣшное «Гербовой Бумагѣ», замѣшавшейся между мужчинами, — матери одной танцовщицы, прозванной такимъ образомъ за то, что когда кто нибудь изъ абонентовъ начиналъ слишкомъ сильно приставать къ ея дочери въ фойэ, у нея всегда была на языкѣ одна и та же фраза: «Да перестанете ли вы, маркизъ... а то у меня какъ разъ въ карманѣ подходящая гербовая бумага». Одинъ скандинавскій уроженецъ, воображавшій, что онъ написалъ французскую пьесу, и у котораго бинокль, портъ-сигаръ, трость, словомъ, все развинчивалось, показывалъ, въ двойной крышкѣ часовъ, скабрзную картинку директору одного театра, который, — такъ какъ его дѣла шли теперь очень плохо, — пытался вывѣдать, сколько авторъ намѣренъ заплатить за свою славу. По другую сторону иностранца сидѣлъ, внимательно слѣдя за разговоромъ, главный кредиторъ директора, получавшій, вмѣсто послѣдняго, каждый день черезъ судебного пристава весь вечерній сборъ и не дававшій бѣдняку возможности видѣться съ его авторами иначе, какъ по воскресеньямъ. Наконецъ, поставщикъ аранжуетской спаржи рассказывалъ сосѣдямъ съ юморомъ и живостью человѣка, объѣздившаго свѣтъ, какой-то анекдотъ про свое новое отечество.

Собравшіеся въ кабинетъ Карсонака драматическіе писатели, люди серьезные, сидѣли, опустившись и скорчившись, и курили съ угрюмымъ видомъ людей, опасющихся проговориться, чтобы сосѣди не украли ихъ мыслей. Только самый веселый изъ кружка вставалъ отъ времени до времени, подходилъ по очереди къ каждому, потиралъ ему голову, какъ старый полишинель, и снова возвращался на свое мѣсто, очень довольный собой. Въ самой глубинѣ темной воннаты тихо разговаривали двое мужчинъ, одинъ изъ которыхъ, совершенно исчезавшій въ дыму своей сигары, по-

вторялъ другому съ мрачнымъ убѣжденіемъ: «Оно недурно, недурно, только нужно многое урѣзать».

Въ ту минуту, какъ Карсонакъ, взявъ шляпу, хотѣлъ выйти незамѣтнымъ образомъ, его остановилъ между двухъ портьеръ директоръ театра.

— Ничего не сдѣлать со скандинавцемъ; не даетъ больше двадцати тысячъ?

— Болванъ! бери его рукопись и двадцать тысячъ... онѣ пойдутъ на костюмы и декорации... Я тебѣ напишу пьесу изъ той же эпохи... и какъ только онъ провалится, ты поставишь мою.

Карсонакъ взялся за ручку двери, но его опять остановилъ поставщикъ аранжуетской спаржи.

— Карсонакъ! у меня есть часть въ слонѣ, который прибылъ въ Картагену.

— Мнѣ-то что за дѣло?

— Можетъ быть, мой хоботоносный пригодится... для твоей новой пьесы.

— Не знаю, ничего не знаю, отвѣчалъ Карсонакъ, и въ глазахъ его вспыхнулъ на секунду огонекъ.

— Хитри больше... Тебѣ до смерти хочется моего слона... только знаешь, меня не проведешь... и не получишь его, если я не участвую въ пьесѣ.

— Хорошо, хорошо, дѣло рѣшеное... присылай намъ его какъ можно скорѣе.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ уборной у сестры, Фостанъ вернулась въ большую гостиную, гдѣ сидѣла помѣшанная женщина съ дѣвочками. Одна изъ нихъ, съ бархатными глазами подъ длинными восточными рѣсницами, въ бѣломъ платьѣ, на которомъ ярко выдѣлялось красное коралловое ожерелье, кроткая, простодушная и откровенная со всякимъ встрѣчнымъ, — какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми, которыхъ держать взаперти, когда имъ случается попасть въ общество, — рассказывала про свою первую страсть въ монастырѣ, про свою любовь... къ ящерицѣ. У этой ящерицы были кроткіе, ласковые, точно человѣческіе глаза. Она носила ее постоянно съ собой и когда играла на фортепіано, то умное жи-

вотное высывало голову изъ-за лифа, чтобы лучше слышать музыку. Одна завистливая подруга раздавила ее, и ящерица приползла, волоча свои выпавшія внутренности, умереть къ ногамъ маленькой приятельницы. Дѣвочка вырыла ей маленькую могилку и поставила на ней крестъ. Послѣ этого, она не хотѣла больше ходить къ обѣднѣ. Ей не хотѣлось молиться; вѣра ея исчезла. Господь Богъ слишкомъ несправедливъ.

Оправившись отъ своего нервнаго припадка, Бонь-Амъ просунула сначала въ полуотворенную дверь уборной свое обсыпанное пудрой лицо, дѣлая рекогносцировку оставшимся гостямъ. Потомъ, рискнувъ выйти, начала бродить по комнатамъ, съ странными глазами, которые какъ будто смѣялись въ то время, какъ ротъ оставался серьезнымъ. Она ходила, какъ помѣшанная, подставляя мужчинамъ свой тонкій профиль, маленький изящный носъ, красиво очерченный ротъ и кокетливые завитки на лбу, придававшіе плутовскую, своеобразную прелесть ея блѣдному лицу.

Своенравное созданіе, у котораго безуміе словно засѣло въ крови, натура подвижная, безалаберная, загадочная и дошедшая до того болѣзненнаго и лихорадочнаго состоянія, которое является у кокетки, увидѣвшей утромъ у себя на лбу первую морщину, — Бонь-Амъ, подъ влияніемъ еще не испарившагося опьяненія, въ которомъ она хотѣла утолить неотступную мысль, продолжала ходить отъ одного къ другому со своимъ очаровательнымъ личикомъ и мрачной, какъ ночь, улыбкой. Подъ насмѣшкой, которую она бросала одному, дрожало рыданіе; за лаской, выпадавшей на долю другаго, слѣдовала насмѣшка, и въ циническомъ словѣ брошенномъ третьему, слышался нервный, разбитый голосъ наказаннаго ребенка. Извиваясь, какъ змѣя, и зажигая страсти мужчинъ, безумная то припадала въ мгновенномъ объятіи къ кому нибудь изъ гостей, который слышалъ тогда на своей груди біеніе ея сердца, то, откинувшись въ глубокое кресло и теряясь въ тѣни его, давала цѣловать свою розовую ногу, сквозившую сквозь бѣлый шелковый чулокъ. Окруженная всеобщимъ поклоненіемъ, Бонь-Амъ разразилась вдругъ рѣзкимъ, неестественнымъ хохотомъ, пред-

вѣщавшимъ торжественную казнь любовника,—казнь, которую она любила совершать публично.

— Знаете, какъ я называю теперь Гаргульѣра?

Гаргульѣръ, окрещенный уже этимъ именемъ своей возлюбленной, считался за послѣднiя три недѣли ея официальнымъ любовникомъ по любви.

— Я называю его: «командоромъ вѣрующихъ». Не правда-ли, что это названiе очень идетъ къ его глупой невинности.

И она, откинувшись опять съ хохотомъ, отъ котораго вздрагивало все ея тѣло, продолжала:—Видѣлъ ли его кто нибудь изъ васъ, послѣ того, какъ онъ сломалъ себѣ переднiй зубъ?.. Теперь это не ротъ, а какая-то кошачья западня.

И она продолжала еще сильнѣе хохотать.

— Какъ онъ хорошо пишетъ, мой возлюбленный... У него отличный стиль!

Бонь-Амъ вынула изъ кармана два или три письма Гаргульѣра и начала ихъ цѣловать одно за другимъ со смѣшными гримасами.

— Будь, что будетъ, а я прочту вамъ его излиянiя... Гаргульѣръ, какъ вамъ извѣстно, человекъ пунктуальный... Онъ пишетъ вдругъ: «вы должны быть моею въ три четверти восьмаго»... Нѣтъ, его письма положительно глупы... можно подумать, что онъ ихъ пишетъ носомъ.

Бонь-Амъ ломалась, прибавляя къ каждой фразѣ, какъ ребенокъ: *gnia, gnia*.

— Боже мой, что у него за глупый видъ, когда онъ смотритъ на меня влюбленными глазами, нья, нья... Жаль, что теперь не лѣто; чтобъ сдѣлать его посмѣшищемъ, я бы заставила его носить жестянку съ жуками, нья, нья... Нѣтъ, я положительно люблю людей «выдохшихся»... И нѣтъ средствъ отъ него отдѣлаться... Я сказала ужъ, что Карсонакъ ревнуетъ меня къ нему... Не вывезло... Я забыла предупредить Карсонака, а тотъ возьми да и пригласи его обѣдать... Что же дѣлать... Придется отказать, какъ лакею.

Въ кабинетѣ хозяйна дома, драматическiе писатели продолжали курить въ ссередоточенномъ молчанiи жителей востока.

— Куда, однако, дѣвался Карсонакъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Карсонакъ... пошелъ справиться на счетъ сегодняшняго сбора... Еслибы ему не удалось совершить этой обычной прогулки для пищеваренія... Ну что—все 4,500? продолжалъ говорившій, обращаясь къ вошедшему въ эту минуту Карсонаку.

— Завтра срокъ платить за квартиру, а въ этотъ день сборъ всегда понижается, отвѣчалъ тотъ озабоченно. А свояченицы моей нѣтъ здѣсь?.. Гдѣ же она?

— Въ большой гостиной... она просидѣла весь вечеръ съ дѣвчонками.

Карсонакъ пошелъ къ Фостэнъ и, возвращаясь съ ней въ кабинетъ, сказалъ дорогой: «Бонъ-Амъ не представила тебѣ сегодня де-Бленвиля... Лѣнтяйка... Ничего не можетъ сдѣлать... Въ двухъ словахъ... дѣло въ томъ.. что мы не хотимъ Марескд, она нисколько не дѣйствуетъ на публику, но ее поддерживаетъ Морвилъ и многіе другіе, словомъ, все министерство, которое она подохла... и насъ хотять заставить отнять роль у Бланшь Тонеръ.. Какъ бы не такъ! я имъ такъ и сказалъ... Но ты понимаешь, какая масса непріятностей обрушится намъ на голову... Поэтому я пригласилъ де-Аленвиля... онъ одинъ изъ твоихъ поклонниковъ... Я напустилъ бы на него Бонъ-Амъ, но онъ не можетъ ее видѣть даже на портретѣ... онъ имѣетъ вліяніе на его превосходительство. Между нами, говорятъ даже, что онъ одинъ изъ его незаконно-рожденныхъ дѣтей... Окажи мнѣ услугу, вскружи ему голову... нужно, чтобы онъ служилъ намъ контръ-миной... Возьмись за него погорячѣ... не бойся хорошенько разжечь юношу... тебѣ это ничего не стоитъ, ему доставить удовольствіе, а намъ принесетъ пользу.

И представивъ Фостэнъ молодаго человѣка, онъ усадилъ ихъ въ концѣ дивана въ кабинетѣ, вслушиваясь незамѣтнымъ образомъ въ ихъ бесѣду. Спустя нѣсколько минутъ, въ кабинетѣ Карсонака была докурена послѣднимъ курильщикомъ послѣдняя сигара. Мужчины начали подавать признаки жизни, едва замѣтно зашевелились; съ губъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сорвалось нѣсколько одно-

сложныхъ восклицаній. Одинъ даже всталъ и прошелся, нагѣвая, по вѣнату, чтобъ размять ноги.

— Да ты ковыляешь, милый мой... положительно ковыляешь, замѣтилъ одинъ изъ драматическихкихъ писателей.

Первый драмат. писатель:—Что это значить?

Второй драм. писатель:—А это походка людей, у которыхъ начинается страданіе спиннаго мозга... О! у тебя еще только второй періодъ, это легкій параличъ двигательныхъ мускуловъ.

Третій драм. писатель:—А знаете, мой сапожникъ... который, въ скобкахъ, очень похожъ на факельщика... замѣтилъ мнѣ, когда я платилъ ему послѣдній разъ по счету... съ лукавой улыбкой... что у меня сапоги начали изнашиваться нынче въ носкахъ... Ужъ не признакъ ли это какой?

Четвертый драм. писатель:—Нужно будетъ обратить вниманіе на мои... сапоги.

Пятый драм. писатель:—А бывало у васъ когданибудь это ощущеніе... когда вы идете по мостовой и вамъ кажется, что вы ступаете по мягкому, мягкому коврику?

Шестой драм. писатель:— Не случилось... Но бываютъ дни... такъ смѣшно... не особенно впрочемъ смѣшно... когда нервы вытягиваются, какъ нитки отъ сырости у марionетокъ... Вмѣстѣ съ этимъ, въ затылкѣ двигается что-то, чего я не могу опредѣлить... Потомъ, лежа въ кровати, я не всегда чувствую, гдѣ лежать мои ноги... Какъ ты думаешь, ужъ не начало ли это конца, Карсонакъ?

— Тебѣ издыхать, а мнѣ все равно... Мнѣ самому умереть было бы очень жалко, отвѣтилъ со злостью Карсонакъ, который съ самаго начала разговора не переставалъ ощупывать свои ноги и, какъ ему казалось, чувствовалъ всѣ признаки, описанные его пріятелями.

И каждый, спрашивая, ощупывая и выстукивая себя съ напускной развязностью, подъ которой слышался страхъ,—какъ у людей, которые поютъ ночью, чтобы придать себѣ храбрости,—каждый рассказывалъ замѣченные у себя признаки той болѣзни, кото-

рая становится страшилищемъ, неотступной мыслью и послѣобѣденнымъ разговоромъ этихъ людей, живущихъ нервами и осаждаемыхъ чувственными соблазнами. Мало по малу, отъ пустословія перешли къ произвольнымъ движеніямъ, склерозѣ заднихъ пучковъ спиннаго мозга, размягченію мозга, апоплексическимъ припадкамъ, эпилептическимъ судорогамъ личныхъ мускуловъ, къ страшнымъ названіямъ и терминамъ, которые звучали въ ухѣ, какъ похоронный колоколь, и придавали празднику веселый характеръ клинической лекціи надъ лежащимъ на столѣ трупомъ.

— Благодарю васъ, я ухажу, сказала Фостэнъ, исполнивъ, довольно впрочемъ холодно, возложенное на нее порученье. Вы, господа, черезъ-чуръ ужь учены для меня...

Въ столовой Фостэнъ нашла сестру, которая, прикалывая на головѣ кокетливо надѣтую испанскую сѣточку, остановила ее: «Розалина хочетъ непременно видѣть тебя... ей нужно спросить у тебя совѣта относительно перемѣны ея выхода въ пятомъ актѣ... ты вѣрно не откажешь... На, возьми, накинь капоръ».

И молодыя женщины вышли вмѣстѣ.

(Продолженіе будетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОДНОДНЕВНАЯ ПЕРЕПИСЬ

ПЕТЕРБУРГСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

У насъ очень часто, въ разговорахъ и въ печати, слышатся жалобы на то, что инныя правительственныя комиссіи и учрежденія, составляя предположенія о какихъ либо новыхъ мѣропріятіяхъ или объ измѣненіи существующихъ порядковъ, сохраняютъ свои предварительныя работы по такимъ дѣламъ въ тайнѣ и оканчиваютъ ихъ канцелярскимъ способомъ. При этомъ указывается на то, что еслибы основныя начала упомянутыхъ работъ были въ свое время оглашены въ печати, то лица, заинтересованныя или достаточно знакомыя съ обсуждаемымъ предметомъ, могли бы сообщить свои мнѣнія или подходящія къ тому свѣдѣнія, а комиссіи и учрежденія—воспользоваться такими сообщеніями. Но если правительственныя дѣятели, по какимъ-либо — уважительнымъ или неуважительнымъ—соображеніямъ, находятъ такую сокровенность удобной, или дѣлаютъ это только лично для себя, то, казалось бы, «общественные» дѣятели должны были поступать совершенно иначе. Они, приступая къ занятіямъ по проученному имъ какому либо дѣлу, имѣющему общественное значеніе, должны были бы, прежде всего, подвергнуть его самому широкому общему обсужденію со стороны печати и постараться о томъ, чтобы получить какъ можно болѣе разностороннихъ указаній. Оказываясь, однако, что у насъ такимъ простымъ, вполне законнымъ и чрезвычайно-полезнымъ способомъ пренебрегаютъ и представители общественной дѣятельности. Самымъ нагляднымъ тому доказательствомъ служить производство нынѣшней, такъ называемой, однодневной переписи петербургскаго населенія.

Производство ея было возложено на статистическое отдѣленіе, состоящее при здѣшней городской управѣ. Въ сущности отдѣленіе это ничто иное, какъ только отдѣленіе канцеляріи озна-

ченной управы. Правда, имъ завѣдуетъ лицо, заслуживающее полнаго уваженія за его ученые труды по статистической части; но вмѣстѣ съ тѣмъ личность, какова бы она ни была, поставленная на эту должность не по выбору, а по найму, не принадлежитъ къ составу общественнаго управленія, а только къ числу служащихъ въ немъ, т. е. по отношенію къ означенному управленію, она является только на обыкновенномъ чиновничьемъ положеніи. Мы не сомнѣваемся нисколько, что упомянутое отдѣленіе, завѣдуемое почтеннымъ профессоромъ-специалистомъ, займетъ со временемъ почетное мѣсто, какъ ученое учрежденіе, но справедливость требуетъ сказать, что пока оно не только не пользуется никакимъ значеніемъ среди образованной части столичнаго населенія, но даже мало кто и знаетъ о существованіи статистическаго отдѣленія при здѣшней городской управѣ. Оно не имѣетъ никакой связи съ образованными представителями мѣстнаго населенія, даже той, какая обыкновенно устанавливается между учрежденіями, преслѣдуемыми болѣе или менѣе научныя цѣли, и въ которыя приливаютъ постороннія силы въ качествѣ членовъ, т. е. лицъ, сочувствующихъ цѣли и содѣйствующихъ трудамъ подобныхъ учреждений. Казалось бы, что при такой обособленности и въ виду такой работы, какъ однодневная перепись, которая непосредственно и ближайшимъ образомъ касается всего населенія столицы, статистическому отдѣленію, принадлежащему къ составу городского общественнаго управленія, слѣдовало бы главнымъ образомъ позаботиться о томъ, чтобъ войти въ сколь возможно близкія сношенія съ населеніемъ столицы.

Самымъ лучшимъ къ тому путемъ было бы заблаговременное сообщеніе въ газетахъ о тѣхъ способахъ и о тѣхъ приемахъ, посредствомъ которыхъ отдѣленіе предполагало произвести перепись, а также напечатаніе предварительно составленныхъ имъ запросовъ. На такую огласку предположеній отдѣленія послѣдовали бы печатные или рукописные отзывы; изъ нихъ, быть можетъ, оказалось бы много неосновательныхъ и даже вздорныхъ, но можно ручаться, что набралось бы и нѣсколько вполне дѣльныхъ замѣчаній и толковыхъ указаній. Изъ лицъ, давшихъ такіе отзывы, и могла бы быть составлена коммиссія для окончательнаго утвержденія какъ способовъ по производству переписи, такъ и запросныхъ листовъ, предназначенныхъ для разсылки домовладѣльцамъ и вообще жителямъ столицы. Между тѣмъ вся предварительная работа по предстоявшей переписи производилась какъ-то келейно. Только въ нѣкоторыхъ газетахъ появились немногія отрывочныя объ этомъ свѣдѣнія, имѣвшія видъ и значеніе лишь частныхъ, репортерскихъ извѣстій, такъ что весьма важный общественный вопросъ былъ

окончательно рѣшенъ безъ всякаго вліянія со стороны печати и общественнаго мнѣнія. Все было исполнено какъ-то по домашнему, безъ того общаго содѣйствія, какое бываетъ необходимо въ подобныхъ случаяхъ.

Правда, въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ переписи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, принимавшихъ участіе какъ въ обсужденіи способовъ ея производства, такъ равно и въ составленіи запросныхъ листовъ, встрѣчаются, пожалуй, и свѣтила нашей отечественной статистики: профессоры здѣшняго университета и чиновники центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ; но участіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, нисколько не обезпечивало успѣха по исполненію самой задачи. Преобладающее участіе этихъ лицъ въ дѣлѣ переписи могло даже оказать неблагоприятное на нее вліяніе. Съ одной стороны, представители науки могли при этомъ заняться разрѣшеніемъ отвлеченныхъ вопросовъ, хотя и чрезвычайно пригодныхъ при чтеніи статистики въ университетскихъ аудиторіяхъ, но излишнихъ при практической и, въ сущности, очень простой, не головоломной работѣ. Съ другой стороны, статистическіе чиновники могли отдавать предпочтеніе не столько существу дѣла, сколько красоты, разнообразію и многочисленности формъ, — чѣмъ, какъ извѣстно, отличается, по преимуществу, наша казенная статистика. Судя же по личному составу комиссіи, въ ней эти двѣ крайности уравновѣшивались весьма слабо мнѣніями такихъ лицъ, которыя, не вдаваясь въ ту или другую крайность, могли бы практически взглянуть на дѣло и высказать мнѣнія, соотвѣтствующія существу дѣла. Прямыми послѣдствіями всего указанного нами были: во-первыхъ, крайне-неправильное производство самой переписи, и, во-вторыхъ, положительная непригодность большей части собранныхъ посредствомъ ея свѣдѣній, на что мы и укажемъ подробно при ихъ разсмотрѣніи.

Трудно сказать, почему производители переписи не сочли нужнымъ отдать свои предварительныя соображенія на обсужденіе печати и публики. Болѣе вѣроятнымъ тому объясненіемъ можно считать ихъ самомнѣніе насчетъ собственныхъ ихъ трудовъ, послѣ которыхъ какія-либо поправки, возраженія, сокращенія и дополненія дѣлались уже излишними и были бы не только напрасною проволочкою, но, пожалуй, и исказили бы тѣ совершенства, которыми, какъ предполагалось, долженъ былъ отличаться этотъ трудъ. Другое какое либо объясненіе придумать не легко. Если же догадка наша справедлива, то такая уклончивость не привела насъ къ чему, такъ какъ участники переписи должны теперь предстать на судъ печати и общества и выслушать нѣкоторые, крайне-непріятные отзывы объ ихъ бросающихся въ глаза промахахъ. Эта запоздалость имѣетъ даже свое

удобство для тѣхъ, кто считаетъ нужнымъ сдѣлать какия-либо замѣчанія, потому что раздавшіеся прежде голоса противъ «общественно-статистическихъ» дѣятелей, безъ ихъ къ тому призыва, могли бы показаться признакомъ непониманія столь важнаго предпріятія, какъ перепись, производимая по новѣйшему образцу, или желаніемъ тормозить общее полезное дѣло. Надобно полагать, что если самая перепись и не канетъ, по какимъ либо особымъ соображеніямъ, въ вѣчность, то все же туда канетъ значительная часть денегъ, употребленныхъ на добывку неточныхъ, запуганныхъ и по большей части совершенно бесполезныхъ свѣдѣній.

Ежедневная петербургская печать почти огуломъ высказалась за непригодность произведенной переписи и указывала на тѣ уклоненія отъ существеннаго значенія, которыя можно было замѣтить при самомъ, такъ сказать, механическомъ ея производствѣ.

Такъ, одна изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ высказала: «Наши статистики въ теоретическомъ увлеченіи, желая сдѣлать по возможности лучше, кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что не могутъ справиться съ неосторожно-собраннымъ матеріаломъ самаго разнообразнаго свойства. Да что справиться,—не могутъ иногда и приступить къ его собранію. Въ прежнее время, напримѣръ, перепись населенія всей Россіи дѣлалась исключительно съ фискальными цѣлями. Какъ ни неудовлетворительна была эта перепись, все-таки она давала каждыя 20 лѣтъ приблизительный minimum русскаго населенія. Желая непременно удивить Европу совершенствомъ новой переписи населенія, центральный статистическій комитетъ достигъ того, что вотъ уже 23 года переписи нѣтъ, и цифра населенія Россіи неизвѣстна даже приблизительно». Упомянувъ объ однодневной переписи, произведенной въ 1869 году въ Петербургѣ, и замѣтивъ, что недостатки ея могли послужить урокомъ для слѣдующей, газета справедливо говоритъ: «Вышло однако, что, противъ переписи 1869 года, новая перепись хотѣла отличиться большею полнотою и разнообразіемъ статистическихъ выводовъ. Но при этомъ упустили изъ виду обстоятельство, что всякія счетныя операціи въ средѣ мало развитаго, малограмотнаго и, въ придачу, весьма подвижнаго населенія Петербурга, должны встрѣтить почти неодолимые затрудненія». Другая газета сообщила, что городская управа, при производствѣ однодневной переписи населенія Петербурга въ мѣстныхъ казенныхъ зданіяхъ—отбирала вѣдомости съ отвѣтами на предлагаемые статистическимъ отдѣленіемъ вопросы не при помощи счетчиковъ, а чрезъ начальство. Такой способъ отбиранія отвѣтовъ—замѣчаетъ газета—не только противорѣчитъ «Наставленію» для квартиро-хозяевъ, но и врядъ ли поведетъ къ дости-

женію тѣхъ цѣлей, которыми задалось статистическое отдѣленіе управы. Изъ третьей газеты оказывается, что вѣдомости, розданныя квартирантамъ, для дачи отвѣтовъ по однодневной переписи жителей Петербурга, отбирались счетчиками во вторникъ 15 декабря, причѣмъ къ нѣкоторымъ квартирантамъ являлись дворники домовъ за вѣдомостью даже въ 11 часовъ вечера, «изъ чего—добавляетъ газета—можно заключить, какъ трудно было въ одинъ день отобрать отъ квартирантовъ всѣ вѣдомости однодневной переписи жителей столицы».

Съ своей стороны, мы, въ противоположность такой запоздалости, можемъ сообщить и случаи излишней заботливости о рановременности. Въ одномъ изъ переписочныхъ участковъ, къ квартирантамъ явились дворники еще съ утра 14-го декабря, слѣдовательно болѣе чѣмъ за сутки раньше до исполненія переписи, и требовали отдачи имъ отвѣтныхъ листовъ, ссылаясь на то, что счетчикъ приказалъ собрать ихъ поранѣе, такъ чтобы они были наготовѣ у дворниковъ къ 11 часамъ 15-го числа—къ тому времени, когда онъ зайдетъ, чтобы взять ихъ вкупѣ. Кроме того, въ нѣкоторыхъ домахъ отмѣтки въ квартирныя вѣдомости вносились старшими дворниками по паспортнымъ книгамъ. Въ виду такихъ уклоненій, вопросъ о непригодности нынѣшней переписи разрѣшается очень просто и ясно.

Спрашивается: какую перепись предположено было произвести?—Однодневную.—Была ли она произведена въ такомъ порядкѣ?—Нѣтъ, потому что въ однихъ домахъ она началась накануне, а въ другихъ продолжалась на слѣдующій день.

Вслѣдствіе только этого, означенная перепись никакъ не можетъ считаться однодневною, а должна быть признана двухдневною. Такимъ образомъ, она уклонилась отъ главной исходной точки и затѣмъ, какими бы прочими достоинствами она ни отличалась, она все-таки не представляется тѣмъ, чѣмъ предполагается и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніи, а потому и не должна была бы подлежать дальнѣйшей разработкѣ, или, по крайней мѣрѣ, не считаться «однодневной».

Четвертая газета сообщила, что молодые люди, принявшіе участіе въ переписи населенія столицы, были завалены такою работою, «какую трудно было предвидѣть». Дѣло въ томъ,—говорить эта газета—что вѣдомости съ вопросными пунктами, заблаговременно розданныя студентами квартиро-хозяевамъ, преимущественно изъ низшаго сословія, составлены въ большинствѣ случаевъ безграмотно, а другія съ такими свѣдѣніями, которыя совершенно не пригодны. Подобныя свѣдѣнія—замѣчаетъ далѣе газета—конечно, не могли быть представлены въ статистическое отдѣленіе городской управы, а студенты, торопясь къ сроку представить вѣдомости, «вынуждены были соб-

ственно ручно вносить необходимые отвѣты». Разумѣется, что они должны были дѣлать это по просмотрѣ собранныхъ или полученныхъ ими отвѣтовъ, на что потребовался не только день 15-го декабря, но и 16 го, а пожалуй и 17-го числа, такъ что перепись производилась далеко не въ условленное заранее время.

Понятно, что упоминутая несовременность, отчасти по началу, а отчасти по окончанію переписи, зависѣла главнымъ образомъ отъ неумѣлаго расчета численности тѣхъ лицъ, при посредствѣ которыхъ она должна была производиться, а въ особенности отъ нагроможденія запросныхъ листовъ лишними, не идущими къ дѣлу вопросами, на которые затруднялись отвѣчать не только неграмотные, но даже и образованные жители Петербурга. Нельзя было не предвидѣть, что двойной обходъ счетчиковъ за листами и хотя бы только бѣглый просмотръ ихъ для поправокъ и дополненій, никакъ не могли быть исполнены въ предположенный срокъ. Не подожить однако сомнѣнію, что еслибы вопросу о способѣ производства «одnodневной» переписи была придана своевременно надлежащая гласность, то отзывы печати убѣдили бы статистическихъ дѣятелей въ невозможности такой статистической затѣи или предложили бы облегчительные для того способы сокращеніемъ вопросныхъ графъ или составленіемъ нѣсколькихъ особыхъ листовъ, такъ чтобы въ однихъ заключалась единственно «перепись населенія», а въ другихъ—дополнительныя свѣдѣнія, потребованныя, конечно, съ большею разборчивостію, нежели тѣ, которыя вошли въ употреблявшіеся при переписи листы. Листы перваго рода могли бы быть исправлены несравненно съ большимъ удобствомъ въ одинъ день, не потребовавъ важныхъ поправокъ, и тогда перепись населенія отличалась бы большею точностію относительно момента ея производства. Листы же другаго рода могли бы быть исправлены въ ближайшіе послѣ переписи дни, такъ какъ они не представляли бы такихъ быстрыхъ измѣненій, какими сопровождается подвижность почти милліоннаго населенія Петербурга.

Насколько трудъ по составленію вѣдомостей при порядкѣ, принятомъ статистическимъ отдѣленіемъ городской управы, былъ сложенъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ, приводимыхъ одною петербургскою газетою. Въ ней говорится, что одному счетчику пришлось обойти 208 квартиръ; изъ нихъ только въ пяти вѣдомости были составлены толково, а остальные вѣдомости онъ долженъ былъ «переписывать» самъ. Очевидно, что онъ эту работу производилъ по преимуществу на-угадъ, такъ какъ для представленія вѣдомости къ назначенному сроку, онъ не могъ обойти 203 квартиръ, объясниться съ переписываемыми личностями и исправить вѣдомость согласно съ ихъ дополнительными указаніями. Затѣмъ, если предположить, что при этомъ не было

бы даже никакихъ переходовъ ни по улицамъ, ни изъ дома въ домъ, ни изъ квартиры въ квартиру, и что счетчикъ долженъ былъ употребить на каждый опросъ только по пяти минутъ, то и въ такомъ, невозможномъ на дѣлѣ случаѣ, потребовалось бы для упомянутой работы сплошныхъ 17 часовъ, и такъ какъ этого никакъ не могло быть, то оказывается, что перепись должна была, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, тянуться, по крайней мѣрѣ, два дня. Поэтому разсудительный счетчикъ и нашелъ болѣе удобнымъ «отписаться» самому, т. е. составить такого рода перепись, какой вовсе не требовалось. Къ такому же простому способу переписи населенія долженъ былъ прибѣгнуть и другой, хотя и болѣе счастливый счетчикъ, который изъ 179 квартиръ только въ 18-ти нашелъ правильно изготовленные вѣдомости, а по всѣмъ прочимъ, т. е. по 161 квартирѣ, принужденъ былъ «сочинить» самъ. Если къ этому добавить незамѣченные второпяхъ самими счетчиками пропуски и ошибки, а также тѣ затрудненія, въ какія были поставлены лица, получившія вѣдомость въ одномъ только экземплярѣ и какъ нибудь случайно испортившія ихъ, то легко представить себѣ всѣ недостатки, которыми должна неизбѣжно отличаться перепись даже только въ силу механическаго ея производства, не говоря уже объ ея непригодности по существу.

Наконецъ, одна изъ петербургскихъ газетъ—по принятому нами счету пятая—сообщила, что «необыкновенно небрежно къ *серьезному общественному дѣлу*, къ сожалѣнію, отнеслись люди, которые, по своему образовательному цензу и социальному положенію, должны были бы не затруднить, а облегчить предпринятую статистическую работу. Отвѣты на многихъ вѣдомостяхъ—по словамъ этой газеты—писались, очевидно, не самими хозяевами квартиры, а ихъ прислугою. Не оправдывая нисколько такихъ людей, должно однако, по всей справедливости, сказать, что примѣръ такого отношенія былъ имъ прежде всего данъ самими статистическими дѣятелями ядѣвшей столицы. Эти послѣдніе сами отнеслись «необыкновенно небрежно къ *серьезному общественному дѣлу*», не позаботившись объяснить его сущность и значеніе заблаговременно, и помѣстивъ, какъ мы это увидимъ, въ «наставленіи» такую путаницу, которая не давала даже приблизительнаго понятія о самой цѣли переписи, и наполнивъ вѣдомость такими праздными, можно даже сказать, такими пустяшными вопросами, которые едва ли могутъ считаться подѣстать «*серьезному общественному дѣлу*». Въ данномъ случаѣ, какъ нельзя лучше оправдывается русская поговорка, гласящая: «какъ аукнется, такъ и откликнется». Пенять на жителей Петербурга за безучастность ихъ къ такому общественному дѣлу, какъ перепись, справедливо было бы лишь тогда, когда бы главные

руководители этого дѣла сами занялись и предварительно разработали его какъ слѣдуетъ. Затѣмъ, весьма понятно, что чѣмъ выше «образовательный цензъ» петербургскаго жителя, тѣмъ яснѣе сознавалъ такой житель всю неурядицу переписи и тѣмъ болѣе ослаблялось его въ ней сочувствіе, при видѣ того, какъ она исполнялась. Неудачное производство доконченной нынѣ переписи вызвало и другую подходящую къ ней русскую поговорку. Одинъ изъ гласныхъ думы обратилъ вниманіе думскаго собранія на бланки, составленные для производства переписи и уже розданные обывателямъ. На это другой гласный, одинъ изъ ретивыхъ участниковъ переписи, отвѣчалъ, что «спустя лѣто, по малину не ходить», то-есть, что теперь о бланкахъ, составленныхъ для переписи, говорить уже поздно. Положимъ, что это и такъ, но какъ запросъ одного гласнаго, такъ равно и отвѣтъ, данный другимъ гласнымъ, доказываютъ, съ какою безучастностью велись предварительныя по переписи работы даже въ средѣ городскихъ представителей, насколько отчужденно отъ гласныхъ онѣ производились въ статистическомъ отдѣленіи, если свѣдѣнія о нихъ не были доступны даже для самихъ гласныхъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что московская городская дума поступила въ подобномъ случаѣ гораздо толковѣе, нежели здѣшняя. Въ Москвѣ было назначено произвести однодневную перепись населенія въ декабрѣ прошлаго года, но, какъ сообщили газеты, предположенная на этотъ срокъ перепись была отсрочена до января нынѣшняго года. Причиною было то, что напечатанные и заготовленные статистическимъ отдѣломъ московской городской управы бланки для переписи оказались непримѣнимыми и, въ виду этого, городская управа занялась этой подготовительной частью работы. Къ этому добавлялось, что статистическій отдѣлъ предполагалъ сдѣлать сначала репетицію переписи, взявъ для этого только нѣкоторую часть Москвы. Пожалуй, недурно было бы, еслибы въ этомъ отношеніи и петербургское городское общественное управленіе послѣдовало примѣру московскаго, такъ какъ лучше затратить нѣкоторую часть денегъ на улучшеніе и опытъ, нежели извести всю сумму на такой предметъ, дѣйствительная польза котораго должна подлежать сильному сомнѣнію. Относительно производства однодневной переписи въ Москвѣ, въ статистическомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщали газеты, было постановлено, что перепись эта будетъ произведена на основаніяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Тогда какъ здѣсь за точку отправленія была принята «квартира», въ Москвѣ пойдутъ отъ «хозяйства». Здѣсь всѣ свѣдѣнія помѣщались на одномъ листѣ, въ Москвѣ же предпочли систему карточекъ, и надобно надѣяться, что перепись московскаго населенія не будетъ

наполнена тѣми пустыми вопросами, на которые приходилось отвѣчать петербургскому населенію.

Сводя печатные и словесные отзывы газетъ о формѣ и удобствахъ запросныхъ листовъ, розданныхъ жителямъ Петербурга, должно сказать вообще слѣдующее. Упомянутые листы, по числу предлагаемыхъ въ нихъ вопросовъ, оказались настолько сложны, что многіе изъ получившихъ ихъ не знали, что съ ними дѣлать, а въ случаѣ порчи имъ неизвѣстно было, куда обратиться за получениемъ новыхъ, такъ какъ этого ни въ запросной вѣдомости, ни въ «наставленіи» предусмотрѣнно не было. То же самое затрудненіе встрѣчалось и вслѣдствіе другой причины: для рубрики вопросовъ объ имени и фамиліи живущихъ въ квартирѣ, ихъ исповѣданіи, возрастѣ, занятіяхъ и проч., проведено было только 17 линеекъ, тогда какъ во многихъ квартирахъ число живущихъ далеко превышало эту цифру. Пробѣлы вѣдомостей для вписыванія въ нихъ отвѣтовъ оказались настолько недостаточными, что необладающіе умѣньемъ мелко писать не получали возможности отвѣчать на запросы, внесенные въ вѣдомость. «Повидимому—весьма справедливо замѣтила одна газета—распорядители однодневной переписи не приняли въ соображеніе того обстоятельства, что въ столицѣ нашей существуетъ масса безграмотныхъ и малограмотныхъ квартирантовъ, которые совершенно не знали, что имъ дѣлать и какъ отвѣчать на полученной отъ счетчика вѣдомости».

Упомянутый недостатокъ бланковъ въ тѣхъ квартирахъ, гдѣ число жителей превышало семнадцать лицъ, не только давалъ поводъ, но и представлялъ вполне уважительную причину прописать въ вѣдомости только тѣ имена и фамиліи, которыя могли умѣститься въ отведенныхъ для того графахъ, умолчавъ объ остальныхъ, что и было сдѣлано по вѣкоторымъ люднымъ квартирамъ, и относительно ихъ бланки дополнялись уже по истеченіи срока, назначеннаго для переписи.

Говорилось, между прочимъ, и о томъ, что такіе вопросы, какъ, напримѣръ,—въ каменномъ или деревянномъ домѣ находится квартира, въ которомъ этажъ, сколько въ ней комнатъ, ходовъ и оконъ, и куда окна выходятъ, а также находится ли квартира надъ сараемъ, ледникомъ и т. д., могли бы быть предложены домохозяйевамъ, а не квартирантамъ.

Ко всемъ этимъ неудобствамъ прибавилось, по сообщеніямъ газетъ, еще и слѣдующее: многіе квартиранты, а въ особенности тѣ, которые отдаютъ часть своего помещенія жильцамъ или, по роду своихъ занятій, имѣютъ прикащиковъ, учениковъ и различнаго рода прислугу, обращались къ умѣющимъ писать лицамъ съ просьбою дать отвѣты по вѣдомости, платя за такую работу до 3-хъ рублей за каждую вѣдомость, что, конечно,

представлялось для них неожиданнымъ и вовсе нежелательнымъ налогомъ.

Вообще,—какъ это видно изъ газетныхъ сообщеній,—среди петербургскаго населенія высказывалось неудовольствіе на слишкомъ большое число проставленныхъ въ вѣдомости вопросовъ, которые представляютъ собою не только перепись жителей столицы, но и подробное описаніе квартирныхъ помѣщеній, съ указаніемъ числа оконъ, печей, устройства этихъ послѣднихъ, чѣмъ отапливается квартира, проведена ли въ нее вода, освѣщается ли она газомъ и т. д. Насколько основателенъ былъ весь этотъ говоръ, мы укажемъ при подробномъ разсмотрѣніи запросныхъ листовъ, а теперь перейдемъ къ той сторонѣ переписи, на которую печать не обратила пока надлежащаго вниманія, а между тѣмъ сторона эта чрезвычайно важна, такъ какъ она касается законности тѣхъ требованій, которыя были предъявлены жителямъ столицы.

Для опредѣленія законности какихъ либо требованій, предъявляемыхъ не только къ частному, но даже и къ подчиненному лицу, необходимо установить вопросы: во-первыхъ, — о власти того лица или того учрежденія, отъ которыхъ исходитъ то или другое требованіе, и, во-вторыхъ, — о существѣ и о предѣлахъ предъявляемаго къ кому либо требованія. Въ «наставленіи» квартиро-хозяевамъ о томъ, какъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросы, предложенные въ прилагаемой вѣдомости, между прочимъ, было пропечатано: «за отказъ дать отвѣты или показанія по вопросамъ, помѣщеннымъ въ квартирныхъ вѣдомостяхъ, а равно за неисполненіе законныхъ требованій лицъ, производящихъ перепись, квартиро-хозяева отвѣчаютъ по закону (ст. 29 Уст. о нак., нал. мир. судьями)». Если мы обратимся къ указанной въ «наставленіи» статьѣ закона, то прочтемъ въ ней слѣдующее: «За неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій, или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учреждений, когда симъ уставомъ не опредѣлено за то инаго наказанія, виновные подвергаются: денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей».

Съ своей стороны, уголовный кассационный департаментъ сената объяснилъ, что не всякое распоряженіе упомянутыхъ властей и учреждений можетъ быть признано законнымъ и что въ случаѣ неисполненія ихъ, обвиняющая кого-либо въ этомъ сторона обязана представить на разсмотрѣніе суда, по его требованію, доказательства, подтверждающія законность ея требованій. Обратимся теперь къ смыслу буквально прописанной нами 29 статьи упомянутаго «Устава». Нельзя не сказать, что въ «Наставленіи» настоящій ея смыслъ представляется въ искаженномъ видѣ. «Наставленіе», какъ мы видѣли, гласитъ: «За отказъ дать от-

вѣты или показанія» и т. д., «а равно за неисполненіе законныхъ требованій лицъ» и т. д. Между тѣмъ статья 29-я можетъ быть примѣнена только въ послѣднемъ случаѣ, но никакъ не по отказу дать отвѣтъ или показанія. Это совершенно новое, не существовавшее у насъ доселѣ узаконеніе, ни по дѣламъ уголовнымъ, ни по дѣламъ гражданскимъ и административнымъ, тѣмъ менѣе можетъ быть примѣнено къ тѣмъ отвѣтамъ и показаніямъ, которые были выставлены въ «квартирной вѣдомости». Если даже свидѣтель, при производствѣ уголовного дѣла въ судѣ, гдѣ показанія свидѣтеля имѣютъ вѣское значеніе, иногда даже рѣшающее судьбу человека, можетъ, по обстоятельствамъ, касающимся его лично,—хотя бы обстоятельства эти и были въ связи съ обвиненіемъ,—не отвѣтить на предлагаемые ему вопросы, то тѣмъ болѣе такимъ правомъ долженъ пользоваться каждый по своимъ частнымъ дѣламъ, если только обязанность его отвѣчать или показывать относительно этихъ дѣлъ не установлена положительнымъ закономъ, а такой обязательности по статистическимъ вопросамъ у насъ, да и нигдѣ не существуетъ, и существовать не можетъ. Поэтому, какъ мы полагаемъ, никакое общественное учрежденіе и никакая полицейская власть не могутъ потребовать безусловно отъ кого-либо отвѣта или показанія на вопросъ о томъ, напримѣръ, какія онъ имѣетъ главныя или побочныя средства къ своему существованію? Полиція можетъ обратиться къ частному лицу съ такимъ вопросомъ только въ такомъ случаѣ, если кто-либо навлекаетъ на себя подозрѣніе въ приобрѣтеніи средствъ для жизни неблаговидными способами. Что же касается городскихъ общественныхъ учреждений, то до сихъ поръ имъ не предоставлено право задавать такіе и подобные тому вопросы частнымъ лицамъ съ угрозою по 29 статьѣ. Мало того, въ разсматриваемомъ нами случаѣ угроза этой статьи представляется забавною. Такъ, напримѣръ, въ числѣ вопросовъ находится вопросъ о томъ: «по какой системѣ отопливается квартира?» Извѣстно однако, что, напримѣръ, водяное или паровое отопленіе устраивается по разнымъ системамъ, которыхъ вовсе не обязанъ, да, можетъ быть, и не желаетъ вовсе знать квартирантъ, а между тѣмъ, въ силу «Наставленія», онъ, за отказъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ или показаніе, долженъ быть привлеченъ къ суду.

Независимо отъ этого, въ «Наставленіи» объявляется, что «съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, производится *однодневная перепись населенія*», но при этомъ не упоминается, что съ того же соизволенія разрѣшено требовать отъ жителей столицы и другія свѣдѣнія, не имѣющія отношенія къ переписи населенія. Мы полагаемъ, что при производствѣ *переписи населенія* могли быть допущены законнымъ путемъ такіе только

вопросы, которые опредѣляются такъ называемыми актами состоянія, т. е. вопросы о такой гражданской и семейной обстановкѣ, отвѣты на которые, при существованіи официальныхъ документовъ, могутъ быть сдѣланы и безъ согласія частнаго лица. Къ такимъ отвѣтамъ и показаніямъ также принадлежатъ свѣдѣнія: о сословности лицъ, ихъ званіи—торговомъ или промышленномъ—объ ихъ вѣроисповѣданіи, возрастѣ и составѣ ихъ семействъ. Но мы твердо убѣждены, что, смотря на перепись населенія съ юридической точки зрѣнія, ни городская дума, ни городская управа, а тѣмъ менѣе состоящее при ней статистическое отдѣленіе, не имѣли законнаго права расширить предѣлы переписи такъ далеко, чтобъ потребовать отъ жителей столицы, съ угрозою 29 статьи, отвѣты и показанія о частной домашней жизни.

Не лишнимъ будетъ обратить вниманіе и на самую форму упомянутаго «Наставленія». Оно подписано профессоромъ здѣшняго университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ городской управы». Многимъ показалось какъ-то несовсѣмъ ладнымъ, что почтенный профессоръ-воздѣлыватель науки, за недоставленіе пригодныхъ для нея свѣдѣній припугнулъ петербургскій, въ особенности, темный людъ отвѣтственностью по закону. Мы не останавливаемся въ частности на относящихся къ тому соображеніяхъ, но взглянемъ на такое заявленіе съ чисто-юридической точки зрѣнія. Мы находимъ, что «Наставленіе» за подписью лица, носящаго одновременно оба упомянутыя званія, никакъ не можетъ быть причислено къ такимъ законнымъ распоряженіямъ, требованіямъ или постановленіямъ общественныхъ учреждений, за неисполненіе которыхъ можно было бы привлечь къ суду. Статистическое отдѣленіе при городской управѣ—не болѣе, какъ только одно изъ отдѣленій ея канцеляріи. Конечно, дума или управа можетъ предоставить завѣдывающему этимъ отдѣленіемъ, какъ вольнонаемному лицу, полную свободу по производству статистическихъ работъ, но не можетъ предоставить ему никакой распорядительной власти по отношенію къ городскому населенію,—власти, неповиновеніе которой обезпечивалось бы силою 29 статьи «Уст. о нак., нал. мир. судьями». Еслибы допустить это, то въ такомъ случаѣ каждый изъ завѣдующихъ въ управѣ тѣмъ или другимъ отдѣленіемъ, напримѣръ, хозяйственнымъ, казначейскимъ, имѣлъ бы право обращаться къ жителямъ столицы съ сочиненнымъ имъ «Наставленіемъ» и, въ случаѣ ихъ уклоненія отъ такого «Наставленія», обвинять ихъ передъ судомъ.

Мы остановились нѣсколько долѣе, чѣмъ, повидимому, слѣдовало бы по отношенію статистическихъ запросовъ, на понятіи о законности; но полагаемъ, что это было вполне уместно,

такъ какъ этотъ вопросъ былъ поднятъ въ самомъ «Наставленіи», а потому и нельзя было оставить его безъ подобныхъ разъясненій, тѣмъ болѣе, что подобный неправильный приемъ можетъ быть повторенъ и при будущей «переписи населенія».

Если вообще, при какихъ-либо дѣйствіяхъ, нужно объяснить ихъ цѣль, то, безъ всякаго сомнѣнія, объясненія такого рода представлялись настоятельною необходимостью при переписи столичнаго населенія и, въ особенности, при тѣхъ дополнительныхъ вопросахъ, какіе оказались, совершенно неожиданно, въ такомъ изобиліи въ квартирной вѣдомости. Известно, что наше городское общественное управленіе не пользуется пока особымъ довѣріемъ мѣстнаго населенія, которое главнымъ образомъ ощущаетъ его дѣятельность по увеличивающимся налогамъ и по многимъ неисправностямъ городского хозяйства. Очень понятно, что и назначенная на 15-е декабря перепись населенія сама по себѣ возбуждала уже опасенія на счетъ ея фискальныхъ цѣлей, и опасенія въ этомъ направленіи должны были усилиться еще болѣе, когда жители столицы обязаны были отвѣчать на вопросы, не имѣющіе рѣшительно никакой связи съ простымъ исчисленіемъ столичнаго населенія. Опасенія такого рода предполагалось, однако, разсвѣять слѣдующими строками «Наставленія»: «Перепись эта производится *единственно* для приведенія въ точную извѣстность числа и состава жителей столицы, размѣщенія ихъ по частямъ города, степени санитарнаго и гражданскаго благоустройства. *Никакихъ полицейскихъ и финансовыхъ цѣлей* она не имѣетъ, а посему за просрочку, непрописку видовъ на жительство или совершенное неимѣніе паспорта, равно и за несоблюденіе какихъ бы то ни было правилъ по содержанію торговыхъ и промышленныхъ заведеній и пр., обнаруженныхъ настоящей переписью, никто не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи данныхъ имъ отвѣтовъ на вопросы квартирной вѣдомости». Мы не знаемъ, насколько вообще это успокоительное объясненіе побудило жителей Петербурга къ чистосердечнымъ отвѣтамъ на упомянутые вопросы; скажемъ только, что даже мало-мальски сообразительные люди не могли не замѣтить противорѣчій между такимъ заявленіемъ и выставленными въ квартирной вѣдомости вопросами. Такъ, несомнѣнно, показанія на счетъ количества платы за квартиру, относительно застрахованія имущества съ опредѣленіемъ размѣра страховой преміи, вносимой въ то или другое общество, никоимъ образомъ не могли служить для приведенія въ «точную извѣстность степени санитарнаго благоустройства». Подобные вопросы считаются лишь признакомъ имущественной состоятельности жителей, которая, въ свою очередь, можетъ служить основой для соображеній по введенію или измѣненію какого-либо налога.

Точно также позволительно было усомниться и въ вѣрности заявленія, что перепись «никакихъ полицейскихъ или финансовыхъ цѣлей не имѣетъ». Заявленіе это шло отъ лица, завѣдывающаго статистическимъ отдѣленіемъ,—такого лица, которое, по своему отношенію къ городской управѣ, никакъ не можетъ ручаться передъ публикой насчетъ того, какое употребленіе сдѣлаетъ изъ переписи сама управа, а еще болѣе городская дума или высшая полицейская власть, которая предварительно не лишена была права собирать изъ переписи тѣ или другія нужныя ей свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, если городская дума, при предполагаемомъ установленіи квартирнаго налога, признаетъ нужнымъ воспользоваться свѣдѣніями, собранными переписью, то развѣ она не будетъ вправѣ позаминствовать ихъ изъ этого источника, который такимъ образомъ, очевидно, послужитъ для финансовой цѣли? Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много, такъ что вообще слѣдуетъ сказать, что лицо, завѣдывающее статистическимъ отдѣленіемъ, является напраснымъ поручителемъ по такому дѣлу, дальнѣйшее направленіе котораго отъ него вовсе не можетъ зависѣть.

Замѣчательно, что среди нѣкоторой части городского населенія участіе статистическаго отдѣленія въ переписи было встрѣчено очень непріязненно, такъ что въ этомъ случаѣ оказано было предпочтеніе не ему, а городской полиціи. Такъ, по сообщенію одной газеты, въ Сытномъ рынкѣ «торговцы откаались давать всякіе отвѣты, если при переписи не будетъ присутствовать полиція». По этому случаю, г. с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, въ приказѣ своемъ по полиціи, разъяснилъ, что содѣйствіе полиціи должно заключаться въ сообщеніи всѣхъ имѣющихся въ участкахъ свѣдѣній, которыя могутъ быть полезны для дѣла переписи, и въ исполненіи требованій лицъ, завѣдующихъ переписью, относительно необходимаго имъ содѣйствія въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Такимъ образомъ, перепись, при которой, какъ прежде предполагалось, жители Петербурга «перепишутъ самихъ себя», не обошлась безъ содѣйствія полиціи. Полиція какъ бы отдавалась въ распоряженіе городскихъ статистиковъ и, подъ командою ихъ, участіе ея при переписи перешло въ крайнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неправильныя дѣйствія. Такъ, одно лицо, бывши безучастнымъ свидѣтелемъ производства переписи, рассказываетъ въ газетѣ слѣдующее:

«Въ четыре часа утра мы были въ трактирѣ, помѣщающемся въ домѣ Вяземскаго. Въ петербургскомъ населеніи есть люди совсѣмъ бездомные, не имѣющие постоянной квартиры нигдѣ. Сегодня они въ ночлежномъ приютѣ, завтра прослоняются кое-какъ ночь у заборовъ, въ трактирахъ, спятъ сидя или стоя,

послѣ завтра прикурнуть на постояломъ дворѣ. Наши статистики не хотѣли упустить и этого люда и, потому, посѣтили трактиры, которые открываются въ три часа. Велѣно было всѣхъ пускать, но до времени никого не выпускать».

Очевидно, что такое распоряженіе было сдѣлано для дополненія переписи, но такой способ переписи былъ непослѣдователенъ, такъ какъ въ трактирахъ могли находиться въ ту пору не одинъ только бездомный людъ, но и такіе посѣтители, которые съ вечера записались въ мѣстахъ своего постоянного или временнаго жительства. Поэтому, чтобы не вести двойнаго счета жителей, необходимо было убѣдиться въ дѣйствительной, а не въ предполагаемой только бездомности раннихъ трактирныхъ гостей, и такимъ образомъ перепись обращалась уже въ розыскъ. Допустимъ, впрочемъ, что усердіе, хотя и ошибочное, оправдывалось стремленіемъ на пользу науки и общеползевнаго дѣла. Но при этомъ встрѣтилось еще обстоятельство, которое превосходило законныя права статистиковъ и союзной съ ними полиціи. Изъ приведеннаго выше разсказа видно, что велѣно было выпускать въ трактиръ всѣхъ, а изъ трактира «никого до времени не выпускать». Такое распоряженіе нашихъ статистиковъ-волонтеровъ есть ничто иное, какъ полицейская облава, соединенная притомъ съ ловушкой, разставленной заранѣе; но на примѣненіе такихъ мѣръ, къ какимъ бы то ни было лицамъ, почтенные дѣятели по статистической части не имѣли ни малѣйшаго права. По нашимъ законамъ, задержаніе кого-либо безъ предоставленнаго на то права, хотя бы на самое короткое время, признается насиліемъ и самоуправствомъ. Конечно, при этомъ былъ тотъ расчетъ, что лица, задержанные въ простонародномъ трактирѣ, люди темные, забытые, что большинство изъ нихъ знаютъ за собою кое-какіе грѣшки и не начнутъ тягаться «изъ-за пустяковъ» съ людьми сравнительно многомогущими, и приходится сожалѣть, если такой расчетъ нашихъ статистиковъ оправдался. Между тѣмъ, если они, за ослушаніе ихъ распоряженій и требованій, нашли нужнымъ угрожать 29-ю статьею «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», то вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшало бы и имъ самимъ помнить о существованіи ст. «Уложенія о наказаніяхъ», въ силу которой поступки ихъ подлежатъ строгому наказанію. Если, впрочемъ, не смотря на явную незаконность ихъ распоряженія, оно сойдетъ для нихъ благополучно, то все же они прибавили очень наглядную и характерную черту, относящуюся къ «гражданскому благоустройству» жителей столицы, независимо отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя они, безъ облавъ и ловушекъ, должны были собрать по этому предмету въ общемъ порядкѣ производства однопневной переписи населенія.

Переходимъ теперь къ тѣмъ вопросамъ, на которые должны были дать «отвѣты и показанія» какъ домовладѣльцы, такъ и хозяева квартиръ. И тѣмъ, и другимъ были розданы особыя вѣдомости—домохозяйевамъ по двѣ, а квартирантамъ по одной. Одна изъ вѣдомостей, врученныхъ домохозяину или лицу, его замѣняющему—вѣдомость № 1-й предназначалась для внесенія въ нее свѣдѣній о благоустройствѣ дома. Другая вѣдомость № 2 должна была представлять простой перечень квартиръ жилыхъ и нежилыхъ, съ указаніемъ фамиліи нанимателя и назначенія самаго помѣщенія, т. е. предназначена ли квартира для одного жительства семьи, или для жительства семьи и торгово-промышленнаго заведенія, или же для склада какихъ-нибудь предметовъ.

При такомъ распредѣленіи вѣдомостей, въ вѣдомости № 1-й заключались вопросы: о каждомъ жиломъ или нежиломъ зданіи, находящемся на дворекомъ мѣстѣ. Этотъ главный вопросъ подраздѣлялся на вопросы: 1) о матеріалѣ, изъ коего зданіе построено; 2) чѣмъ крыто; 3) сколько этажей, считая и подвалъ, но не считая мезониновъ и мансардъ; 4) есть ли, кромѣ того, мезонины и мансарды; 5) сколько лѣстницъ и изъ какаго матеріала; 6) для чего строеніе предназначено; 7) нѣтъ ли подъ жильемъ сараевъ, конюшенъ, ледниковъ, погребовъ, кладовыхъ и тому подобныхъ помѣщеній, и сколько ихъ.

Затѣмъ шелъ рядъ вопросовъ о «водоснабженіи», а именно: 1) проведена ли вода во дворъ и сколько крановъ имѣется во дворѣ; 2) проведена ли вода въ квартиры; 3) имѣется ли бакъ на чердакѣ, или вода получается напоромъ изъ городскихъ трубъ. О другихъ столь же важныхъ способахъ водоснабженія, въ особенности на окраинахъ города, какъ-то, водокачальняхъ и возможности пользоваться водою прямо изъ рѣки, свѣдѣній не требовалось, тогда какъ свѣдѣнія эти представляютъ болѣе важности, нежели вопросъ о бакѣ и напорѣ воды.

Далѣе предлагались хозяину вопросы относительно «отопленія». Въ нихъ спрашивалось: какая система отопленія принята въ домѣ: 1) обыкновенныя печи, водяное или паровое; 2) чѣмъ производится отопленіе: дровами, углемъ, торфомъ и т. д.

Вопросы «по освѣщенію» состояли изъ слѣдующихъ графъ: 1) проведенъ ли газъ и сколько рожковъ во дворѣ; 2) сколько ихъ на лѣстницахъ; 3) въ жилыхъ помѣщеніяхъ, неторговыхъ и 4) въ помѣщеніяхъ торговыхъ. О системѣ электрическаго освѣщенія запроса не было.

Поставлены были въ вѣдомости № 1 и вопросы «по безопасности» самаго дома, а именно: 1) застрахованъ ли домъ отъ огня, въ какомъ обществѣ и въ какую сумму и 2) сколько платится ежегодно страховой преміи. Здѣсь, конечно, можетъ показаться нѣсколько страннымъ, почему вопросъ о страхованіи былъ

отнесенъ къ вопросу «безопасности дома», который одинаково можетъ сгорѣть, не смотря на то будетъ ли онъ застрахованъ, или нѣтъ. Здѣсь гораздо важнѣе былъ вопросъ объ устройствѣ брандмауровъ, наружныхъ лѣстницъ, пожарныхъ крановъ, телеграфнаго сообщенія съ частями и желѣзныхъ ставней, выходящихъ на дворъ или на крыши сосѣднихъ домовъ.

Затѣмъ слѣдовали вопросы о «чистотѣ» дома. Вопросы же, въ свою очередь, примѣнялись къ двумъ частямъ: наружной и внутренней. Такъ, въ первой изъ этихъ частей спрашивалось: 1) вымощенъ ли дворъ или часть его и чѣмъ именно, или не вымощенъ; 2) какъ велико пространство мостовой противъ дома, содержание которой лежитъ на обязанности домовладѣльца; 3) имѣется ли панель и изъ чего. Во второй части упомянутыхъ вопросовъ рѣчь шла о томъ: 1) сколько при домѣ выгребовъ, помойныхъ ямъ, отхожихъ мѣстъ, не находящихся внутри квартиръ, т. е. на дворѣ, на лѣстницахъ и т. д., ватерклозетовъ, не находящихся внутри квартиръ. 2) не устроено ли особыхъ ваннъ, общихъ для нѣсколькихъ квартиръ, и сколько ихъ; 3) имѣется ли общая прачешная для жильцовъ; сколько платится за вывозъ мусора и нечистоты со двора, изъ выгребныхъ и помойныхъ ямъ, вообще или въ отдѣльности. Далѣе слѣдовали вопросы о садахъ, сверахъ, огородахъ и пустопорожныхъ мѣстахъ, а также прудахъ и колодцахъ.

Въ заключеніе, домохозяинъ долженъ былъ показать въ переданной ему вѣдомости, сколько въ домѣ находится лошадей, коровъ и собакъ. Если домовладѣльцы могли, такъ или иначе, узнать о числѣ содержимыхъ въ ихъ домахъ лошадяхъ и коровахъ, то, во всякомъ случаѣ, возложенное на нихъ порученіе пересчитать ихъ жильцовъ и жилищъ, въ образъ разныхъ Амисекъ, Волчковъ, Трезоровъ, Фиделекъ и т. д., они не могли не признать болѣе или менѣе неумѣстнымъ порученіемъ, возложеннымъ на нихъ, какъ людей, не предназначенныхъ для наблюдений по собачьей части. Да и вообще многимъ весьма почтеннымъ лицамъ не могла не показаться страннымъ, особенно съ непривычки, совмѣстная перепись людей съ лошадьми, коровами и собаками. Конечно, наши ученые и официальные статистики могутъ замѣтить, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго, такъ какъ подобнымъ порядкомъ производится переписи и за границею, но дѣло въ томъ, что не всегда все иностранное можетъ быть удобно приложено къ нашимъ общимъ порядкамъ и понятіямъ, и если, на примѣръ, какой нибудь пруссакъ не удивится, что его самого и его пса записали въ Берлинѣ при одномъ и томъ же удобномъ случаѣ, то все же онъ не отдастъ себѣ яснаго отчета: почему то же самое надлежитъ дѣлать и въ Петербургѣ.

Просматривая перечень вопросовъ, обращенныхъ къ домохозяевамъ, нельзя не признать обременительнымъ излишество рубрикъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ, нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ повторяются въ вѣдомости № 2, т. е. въ квартирной вѣдомости, которая въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оказывается собственно только продолженіемъ № 1.

Вѣдомость № 2 была озаглавлена такъ: «Вѣдомость для переписки лицъ, живущихъ въ такой-то квартирѣ». Но изъ общаго числа помѣщенныхъ въ этой вѣдомости вопросовъ менѣе половины относится къ переписываемымъ личностямъ, а затѣмъ остальные вопросы не имѣютъ съ личной переписью никакой связи.

Перепись жителей должна была производиться или по-квартирно, или по корпораціямъ (казармы, закрытыя учебныя заведенія, пріюты, богадѣльни, *тюрьмы*). Такъ объяснялъ въ печати эту операцію одинъ изъ главныхъ участниковъ переписи, и этимъ объясненіемъ возбудилъ весьма интересный вопросъ о томъ, съ которыхъ поръ тюрьмы составляютъ въ Петербургѣ особы «корпораціи»? Въ той же статьѣ было пояснено, что квартирная перепись производится по очагамъ, т. е. «по взаимному отношенію лицъ, живущихъ въ квартирѣ», а корпораціонная—перечневымъ порядкомъ, т. е. посредствомъ обыкновенной переключки. Поясненіе насчетъ очаговъ должно было поставить въ тупикъ каждаго русскаго человѣка, который доселѣ вовсе не подозрѣвалъ, что взаимныя отношенія лицъ, живущихъ въ квартирѣ, обусловливается очагами. На образованнаго-жъ русскаго человѣка въ этомъ случаѣ пахнуло Франціею, гдѣ слова «*foyer domestique*» служатъ, въ фигурально-напыщенномъ слогѣ, для выраженія—впрочемъ, весьма неопредѣленнаго,—домашней и семейной связи. Настоящій же россиянинъ положительна не имѣетъ никакого понятія о взаимной связи лицъ не только по чуждому для него очагу, но даже и по родной ему русской печкѣ.

Въ квартирной вѣдомости, послѣ графы, назначенной для нумераціи вписываемыхъ въ вѣдомость лицъ, шли вопросы о квартирѣ. Заключались же они въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ каменномъ или деревянномъ домѣ находится квартира? Къ этому вопросу присоединено было замѣчаніе, въ силу котораго требовалось показать: не надъ конюшней ли, сараемъ, амбаромъ, ледникомъ, кладовой или нежилымъ подваломъ находится квартира. Безъ всякаго сомнѣнія, въ такомъ вопросѣ проявлялась забота руководителей переписи о «санитарномъ благоустройствѣ» жителей столицы, но дѣло въ томъ, что на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ квартиранту трудно было отвѣчать, какъ, напримѣръ, ему вовсе было не стать освѣдомляться у нижняго жильца, не

обратилъ ли онъ одну изъ занимаемыхъ имъ комнатъ въ кладовую, для склада разнаго хлама или домашней рухляди.

Во 2-й графъ спрашивается: въ которомъ этажѣ находится квартира? При этомъ, если квартира была въ подвальной этажѣ, требовалось указать, находится ли въ ней «полъ» ниже и выше поверхности земли. Вопросъ, повидимому, весьма простой, но въ сущности весьма затруднительный для разрѣшенія даже такими людьми, которые обладаютъ отличнымъ глазомѣромъ, такъ какъ стѣна дома, отдѣляющая комнаты отъ улицы или двора, не позволяетъ соразмѣрить высоту пола съ высотой поверхности земли. Нетрудно тоже было догадаться, что такъ какъ перепись предполагалось произвести въ зимнюю пору, то снѣгъ могъ скрыть дѣйствительную поверхность земли, а затѣмъ не трудно уже было и сообразить, что мало найдется въ Петербургѣ такихъ добровольцевъ по статистикѣ, которые съ аршиномъ въ рукѣ примутся не только отмѣрять уровень земли и пола, но еще, въ случаѣ надобности, отгрести отъ дому снѣгъ. Стоило только подумать объ этомъ, и можно было быть вполне увѣреннымъ, что вопросъ объ уровнѣ земли—совершенно праздный, что отвѣчать на него будутъ только на-обумъ и что, поэтому, вовсе не слѣдуетъ задавать его.

Въ 4-й графъ опредѣлялось: сколько комнатъ въ квартирѣ, включая переднюю и кухню, но не считая корридоровъ и чулановъ. Этотъ вопросъ едва ли можетъ служить къ какому либо изслѣдованію о гражданскомъ благоустройствѣ жителей столицы, такъ какъ въ гражданскомъ отношеніи можно благоустроить себя и свое семейство гораздо лучше и при меньшемъ числѣ комнатъ, нежели при большемъ ихъ числѣ. Затѣмъ надобно предполагать, что вопросъ этотъ относится къ «санитарному благоустройству» жителей Петербурга, но и такое примѣненіе будетъ крайне ошибочно, такъ какъ значительное по личному составу семейство, помѣщающееся въ 4-хъ или 5-ти просторныхъ и высокихъ комнатахъ, бываетъ поставлено, въ санитарномъ отношеніи, въ условія несравненно болѣе благопріятныя, нежели малая семья, ютящаяся въ 6-ти или 7-ми крошечныхъ, низенькихъ покойникахъ. Петербургскіе статистики, легко—просто даже только по-наглядкѣ,—могли сообразить, что въ Петербургѣ, въ особенности на его окраинахъ, есть такіе домики, въ которыхъ считаютъ по нѣсколькой комнатѣ, но которые не болѣе какъ конурки, потому многіе съ большимъ удобствомъ могутъ помѣщаться въ одномъ большомъ покоѣ квартиры, не только слишкомъ широкихъ, но и среднихъ размѣровъ, нежели въ нѣсколькихъ комнатахъ крошечнаго дома. Ясно, что собраніе цифръ о числѣ квартиръ—цифръ, не заключающихъ въ себѣ никакой опредѣленной величины, — не ведетъ ровно ни къ чему, кромѣ учине-

нія пустой формальности. Совершенно было бы иначе, если бы, при переписи квартиръ, собирались свѣдѣнія о кубическомъ ихъ пространствѣ. Собрать такія свѣдѣнія было бы не многимъ затруднительнѣе, чѣмъ сдѣлать учетъ всѣхъ комнатъ и корридоровъ, но зато при этомъ можно лучше опредѣлить, хотя и приблизительно, то количество воздуха, которымъ пользуются обыватели Петербурга для отправления главнѣйшаго жизненнаго процесса—дыханія. Наконецъ, во всякомъ случаѣ было бы соотвѣтственнѣе, вмѣсто перечисленія корридоровъ, собрать свѣдѣнія объ устройствѣ въ квартирахъ особой вентиляціи; такія свѣдѣнія имѣли бы хоть какое нибудь отношеніе къ «санитарному благоустройству» петербургскихъ жителей.

По примѣчанію къ 3-му вопросному пункту, требовалось означить, сколько въ квартирѣ комнатъ, «безъ оконъ, выходящихъ на улицу или во дворъ». Трудно сказать, что подразумѣвалось въ этомъ замысловатомъ вопросѣ: подразумѣвались ли темныя комнаты вообще, о которыхъ не было вовсе помину, или же комнаты, хотя и безъ оконъ, выходящихъ на улицу или во дворъ, но зато съ окнами, выходящими на свѣтлыя галлерей или лѣстницы, или, наконецъ, комнаты, освѣщаемыя сверху такъ называемыми стеклянными фонарями.

Въ 5-й графѣ квартиро-хозяева должны были отмѣчать, сколько ходовъ въ квартирѣ,—вопросъ, конечно, ни къ чему не ведущій, кромѣ вписанія до 100,000 отдѣльныхъ цифръ, по которымъ потомъ слѣдовало сдѣлать общую сводку, требующую не мало времени. Къ числу такихъ же вопросовъ слѣдуетъ отнести и проставленный въ 6-й графѣ вопросъ о томъ, сколько оконъ, выходящихъ на улицу и во дворъ? Кромѣ того, заданный въ такой формѣ вопросъ вѣтъ прямо къ недоразумѣнію и неточному учету даже такихъ наглядныхъ предметовъ, какъ окна. Отвѣчая въ точности на предложенный вопросъ, квартиро-хозяинъ освобождался отъ показанія числа оконъ, выходящихъ въ палисадникъ, садъ, огородъ, простѣнокъ между двумя домами, на рѣку, на дорогу и на пустопорожнее мѣсто. Въ виду этого, приходится сказать, что въ квартирной переписи окажется значительный недочетъ оконъ, а, кажется, запись ихъ до того проста, по своей сущности, что относительно ея не должно было бы встрѣтиться ни малѣйшей неточности.

Относительно отопленія были предложены въ трехъ графахъ слѣдующіе вопросы.

Въ 7-й: сколько имѣется въ квартирѣ печей (топокъ) голландскихъ, круглыхъ желѣзныхъ унтермарковскихъ, чугунныхъ разнаго устройства; русскихъ съ плитамъ или безъ плитъ; лежанокъ, кухонныхъ очаговъ подъ плитою; каминовъ и хлѣбопечарныхъ печей? Въ 8-й графѣ, чѣмъ отапливается квартира:

дровами, углемъ, торфомъ и т. д., и въ 9-й, если квартира отапливается по какой либо особой системѣ, то по какой именно? По поводу этихъ запросовъ, прежде всего, приходится полюбопытствовать, какія соображенія о «санитарномъ благоустройствѣ» можно будетъ извлечь изъ этихъ свѣдѣній, кромѣ, развѣ, ничего не значащихъ, хотя бы весьма разнообразныхъ цифръ. Что, напримѣръ, будетъ означать количество существующихъ въ Петербургѣ лежанокъ?—благоустройство или, напротивъ, неблагоустройство жителей столицы? Кромѣ того, при подобномъ перечнѣ разнаго рода печей, пропущены, напримѣръ, духовыя и герметическія, изъ которыхъ первыя имѣютъ нѣкоторое удобство въ домашнемъ обиходѣ, а послѣднія въ санитарномъ отношеніи—такъ какъ онѣ предотвращаютъ угаръ. Вообще, если собственно при «переписи населенія» признано было правильнымъ и удобнымъ коснуться вопроса объ отопленіи, то, взамѣнъ собранія свѣдѣній о разновидности печей, было бы несравненно основательнѣе освѣдомляться, сколько приблизительно расходуется по каждой квартирѣ или по цѣлому дому дровъ или другаго топлива въ теченіе года. Наконецъ, совершенно неумѣстно былъ предложенъ квартирантамъ вопросъ объ отопленіи квартиры по какой либо особой системѣ. Жилецъ, положимъ, можетъ знать, что квартира его отапливается воздухомъ, паромъ или водою, но по какой особой «системѣ» устроенъ тотъ или иной способъ отопленія—это дѣло не его, а домохозяйина или даже только техника.

Приведенными выше графами не замыкались однако вопросы о квартирѣ: они продолжались и въ слѣдующей. Такъ, въ графѣ 11-й спрашивалось: служить ли квартира только для жилья, или въ неразрывной съ ней связи имѣется торговое, промышленное или иное заведеніе, или «учрежденіе», и какое именно; въ графѣ 12-й—служить ли квартира для одного семейства, или есть жильцы, или только одни жильцы безъ квартиро-хозяевъ; въ 13-й,—какая плата за квартиру въ мѣсяцъ или въ годъ, съ дровами или безъ дровъ. Между промежуточными вопросами требовалось, въ графѣ 13-й, показать о томъ, застраховано ли имущество квартиранта, въ какомъ обществѣ и въ какую сумму, а въ графѣ 14-й о томъ, сколько платится въ годъ страховой преміи. Затѣмъ идутъ снова нескончаемые вопросы о квартирѣ. Здѣсь въ графѣ 15-й квартирантъ долженъ былъ отвѣтить—проведена ли въ квартиру вода; въ графѣ 16-й—есть ли ванна въ самой квартирѣ; въ 17-й графѣ—есть ли ватерклозеты въ самой квартирѣ и сколько ихъ, и въ 18 графѣ—проведенъ ли газъ въ квартиру и сколько имѣеть рожковъ.

Только послѣ такого длиннаго ряда, очень плохо соображен-

ныхъ, вопросовъ о квартирѣ,—начинаются вопросы о личности квартиро-хозяина и его сожителей и сожительницъ.

Здѣсь, соответственно имени и фамиліи внесеннаго въ вѣдомость лица, слѣдовало прежде всего означить его полъ буквами М (мужчина) или Ж (женщина). Новорожденные дѣти, не получившія еще имени, должны были быть означены словами мальчикъ и дѣвочка, хотя, впрочемъ, ничто не препятствовало означить и фамилію ихъ отца, такъ какъ фамилія присваиваются имъ при самомъ рожденіи. «Незаконнорожденные» могли бы быть означены этимъ словомъ, и такимъ образомъ получила бы графа, имѣющая, конечно, болѣе значенія, чѣмъ отдѣльныя перечисленія лежанокъ и унтермарковскихъ печей. Кромѣ того, означеніе буквою М или буквою Ж могло быть замѣнено означеніемъ: женатъ, холостъ, замужняя, дѣвица, вдовецъ, вдова, что означало бы и полъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывало бы на главное условіе семейнаго быта. Упомянутыя отмѣтки занимаютъ три графы въ этой переписи населенія. Затѣмъ, въ 4-й графѣ, былъ выставленъ слѣдующій вопросъ: Родственные отношенія члена семьи къ главѣ *своей* семьи. Здѣсь требовалось означить: жена, сестра, братъ, дочь, зять, свояченица и т. д. Въ иныхъ случаяхъ, однако, вопросъ о родственныхъ отношеніяхъ съ *матерью* семьи долженъ былъ возбуждать нѣкоторое недоразумѣніе, какъ, на примѣръ, при означеніи двоюродныхъ или троюродныхъ братьевъ и сестеръ. Тогда, для «точного» означенія каждаго изъ нихъ, и главѣ своей семьи приходилось справляться съ родовымъ старшинствомъ дядей и тетокъ, дѣдушекъ и бабушекъ, да кромѣ того, при означеніи дальнихъ, порою запутанныхъ, родственныхъ отношеній, нужно было опредѣлять эти послѣднія. Быть можетъ, такія отмѣтки и приведутъ къ какимъ нибудь важнымъ статистическимъ соображеніямъ, что, однако, не представляется вѣроятнымъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить пропуска, сдѣланнаго въ этой графѣ составителями вѣдомости. Вмѣсто множества разныхъ, совершенно неумѣстныхъ вопросовъ о семейномъ родствѣ, правильнѣе было бы обратить вниманіе на «сиротство», составляющее одно изъ главныхъ отрицательныхъ условій семейной жизни, и ввести отмѣтку: круглый сирота или полусирота, приемышь, ограничивъ такія отмѣтки, положимъ, шестнадцатилѣтнимъ возрастомъ тѣхъ, къ кому онѣ могутъ относиться. Вопросъ о сиротствѣ у насъ не былъ еще ни разу затронутъ, но между тѣмъ онъ не лишенъ значенія и въ экономическомъ, и въ воспитательномъ, и въ общественно-благотворительномъ отношеніи.

Приступая къ означенію въ 5-й графѣ «хозяйственнаго отношенія живущихъ въ квартирѣ», наемщикъ этой послѣдней дол-

женъ былъ отмѣчать: прислуга, работникъ, жилецъ, ночлежникъ, гость, на хлѣбахъ, на попеченіи и т. д. и затѣмъ въ слѣдующей 6-й графѣ, противъ лицъ, обыкновенно живущихъ въ этой квартирѣ, но находящихся временно не въ Петербургѣ, писать: «въ отсутствіи», а противъ лицъ, обыкновенно не живущихъ въ квартирѣ—«заѣзжій». Само собою разумѣется, что слово «обыкновенно» возбуждало недоразумѣніе, равно какъ и вопросъ о ночевавшихъ въ квартирѣ лицахъ.

Въ 7-й графѣ задавался одинъ изъ самыхъ простыхъ статистическихъ вопросовъ: о возрастѣ прописываемыхъ лицъ. Сколько могло быть допущено умышленныхъ невѣрностей—излишне будетъ и говорить, но и неумышленныхъ было не мало, такъ какъ среди простонародья очень многіе не знаютъ съ точностію лѣтъ своей жизни, а что касается означенія возраста въ паспортахъ, то оно бываетъ всегда крайне невѣрно. Вообще же надобно полагать, что населеніе Петербурга окажется по переписи гораздо моложе, нежели оно есть въ дѣйствительности. Впрочемъ, и въ самой вѣдомости, розданной квартирантамъ, была допущена своего рода неточность. Въ 7-й графѣ должно было означать «возрастъ дѣтей мѣсяцами». Вслѣдствіе этого, квартиранты и не считали нужнымъ вносить такихъ дѣтей, которымъ не исполнилось еще полнаго мѣсяца. Между тѣмъ такая неполнота была бы вполне устранена, еслибы счетъ возраста былъ определенъ не только мѣсяцами, но и недѣлями, и днями. Такимъ образомъ, въ перепись не вошло значительное число новорожденныхъ, не достигшихъ еще одного мѣсяца, но принадлежавшихъ къ коренному петербургскому населенію, а потому и общій его учетъ будетъ несовсѣмъ вѣренъ.

Въ 8-й графѣ, подъ рубрикой «семейное состояніе», должно было писать: холостъ, женатъ, вдовъ, разведенъ; дѣвица, замужняя, вдова, разведенная.

Для статистики Петербурга весьма важнымъ вопросомъ долженъ считаться вопросъ о коренномъ и наплывномъ населеніи. Въ квартирной вѣдомости вопросъ этотъ заключался въ словахъ: «Родился въ Петербургѣ», и на этотъ вопросъ слѣдовало отвѣчать словами: «да» или «нѣтъ». Но и этотъ, самый простой и ясный, вопросъ былъ запутанъ 9-мъ параграфомъ «Наставленія», гдѣ было сказано, что «родившіеся во время проживанія (кого)? въ дачныхъ мѣстностяхъ Петербурга считаются городскими уроженцами». Кажется однако, что если почему либо признано было нужнымъ сдѣлать такую оговорку, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было означить и упомянутыя мѣстности, такъ какъ, по отношенію къ Петербургу, дачными мѣстностями считаются мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, а въ числѣ ихъ и нѣкоторыя мѣстности, лежащія даже въ великомъ княжествѣ

финляндскомъ; поэтому, безъ такого объясненія, правильнѣе было бы оставить вопросъ о мѣстороженіи въ той простой и удобопонимаемой формѣ, въ какой онъ былъ заданъ въ самой вѣдомости.

Свѣдѣнія о вѣроисповѣданіи отнесены были къ 10-й графѣ, но и по этой графѣ не могло не быть нѣкотораго недоразумѣнія, такъ какъ въ ней значилось: «противъ православныхъ пишете букву П, противъ другихъ прописывайте полностью». Между тѣмъ въ 10-мъ параграфѣ «Наставленія» и православные, и единовѣрцы были соединены въ одну общую отмѣтку, и потому возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли единовѣрцевъ отмѣчать только буквою П или же нужно означать полностью принадлежность ихъ къ обособившейся единовѣрческой церкви.

Относительно распредѣленія жителей Петербурга по сословіямъ, въ 11-й графѣ вѣдомости было, совсѣмъ «по-русски», сказано: «для мѣщанъ—обозначьте городъ, къ которому они приписаны». Иностранцевъ требовалось означать по государствамъ, въ которыхъ они состоятъ подданными. Считая, вѣроятно, вопросъ этотъ, по изложенію его въ вѣдомости, не слишкомъ понятнымъ, «Наставленіе» нашло нужнымъ дать относительно его нѣкоторыя разъясненія, и, говоря о принадлежности жителей Петербурга къ разнымъ сословіямъ, выставило въ числѣ сословій: «бѣлое духовенство и ихъ семейства», вѣроятно, не зная или позабывъ, что духовенство не составляетъ у насъ особаго сословія и что члены семействъ духовныхъ лицъ распредѣляются по различнымъ сословіямъ. Кромѣ того, оно учредило новое, не существующее, да и никогда не существовавшее у насъ сословіе, наставляя, что лица, которые не считаютъ себя принадлежащими къ перечисленнымъ въ «Наставленіи» сословіямъ, должны писать то «сословіе», къ которому они принадлежатъ, и въ примѣръ такой точности указало на артистовъ императорскихъ театровъ, которые, однако, какъ извѣстно, никогда не считались лицами, составляющими изъ себя особое сословіе. Такіе промахи едва-ли простительны статистикамъ вообще и въ особенности тѣмъ, которые преподають «Наставленіе» и собираются представить картину «гражданскаго благоустройства» Петербурга, не ознакомясь сами предварительно съ IX томомъ «Свода Законовъ» и его «Продолженіями». Сверхъ того, и вѣдомость и «Наставленіе» упустили изъ виду нѣкоторыхъ инородцевъ, которые не подходятъ ни подъ одно изъ сословій, перечисленныхъ въ этомъ послѣднемъ, какъ напримѣръ, башкиры или калмыки.

Самымъ щекотливымъ вопросомъ въ квартирной вѣдомости является вопросъ о занятіяхъ. Дѣйствительно, для людей, не по-

нимающихъ политико-экономическихъ задачъ, представляется страннымъ, что какія-то неизвѣстныя личности отъ имени или вовсе неизвѣстнаго, или только мало извѣстнаго учрежденія, такъ сказать, пристають къ каждому и къ каждой съ такимъ вопросомъ, который, — да и то не при всякомъ случаѣ — можетъ быть предложенъ только близкими между собою людьми. Понятно, поэтому, то неудовольствіе, какое вообще должны возбуждать подобные вопросы, какъ проявленіе неумѣстнаго любопытства, какъ вмѣшательство въ частную дѣятельность человѣка. Кромѣ неудовольствія, при такой статистической операціи, возникаютъ еще два особыя обстоятельства: затрудненіе — дать въ однихъ случаяхъ положительный отвѣтъ, а въ другихъ — опасеніе; это послѣднее является вслѣдствіе того, что найдется немало лицъ, которымъ объявить объ ихъ занятіяхъ бываетъ несовсѣмъ удобно. Но если вопросъ о занятіяхъ самъ по себѣ находится въ такой неблагоприятной обстановкѣ, то такая обстановка еще болѣе должна ухудшаться, когда къ вопросу, просто о занятіяхъ, добавляется еще и слѣдующее требованіе: «здѣсь сколько возможно подробно и точно означить, чѣмъ занимается, т. е. чѣмъ зарабатываетъ средства къ жизни, а если кто имѣетъ нѣсколько занятій — показать каждое отдѣльно». Эта 12-я графа подраздѣляется на два столбца. Въ одномъ изъ нихъ слѣдовало показать: главное занятіе, доставляющее средства къ жизни; въ другомъ — побочныя занятія, дающія доходъ. Несомнѣнно, что всюду найдется очень мало охотниковъ и охотницъ цускаться въ такую откровенность передъ людьми, которые ничѣмъ не приобрѣли довѣрія опрашиваемыхъ лицъ и которые имъ совершенно неизвѣстны. Поэтому, напрасно укорять петербургское населеніе за то, что оно не выказало готовности отдавать точный и подробный отчетъ по этому предмету, тѣмъ болѣе, что и самая перепись должна была заняться, по словамъ «Наставленія», «единственно» — кромѣ приведенія въ извѣстность числа петербургскихъ жителей, ихъ состава(?) и размѣщенія по частяхъ города, — только приведеніемъ въ извѣстность ихъ «санитарнаго и гражданскаго благоустройства», къ чему, конечно, не относится вопросъ о средствахъ къ жизни, какъ вопросъ чисто-имущественный, экономической, а въ частности и фискальный, потому что онъ можетъ считаться приблизительной разработкой вопроса о налогахъ. Вдобавокъ къ этому, вопросъ о занятіяхъ, какъ о заработкѣ средствъ къ жизни — главныхъ или побочныхъ — представляетъ самъ по себѣ большую неопредѣленность. Такъ, на примѣръ, лицо, открывшее учебное заведеніе, начавшее издавать газету или журналъ, устроившее какое-либо промышленное и торговое заведеніе и т. д., очень часто, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не только не получаетъ никакихъ средствъ къ жизни отъ подобныхъ за-

нятій, но, напротивъ, затрачиваетъ на нихъ свои наличныя средства или входитъ въ долги, пока, какъ говорится, дѣло не станетъ на-ноги. Лицъ, находящихся въ такомъ положеніи, встрѣчается въ Петербургѣ очень много, и, въ виду этого, приходится спросить: должны ли они считать свои занятія, при подобныхъ условіяхъ, дающими денежныя средства къ жизни, или, чтобъ не вводить въ заблужденіе мѣстныхъ статистиковъ, сообщать точно и подробно состояніе своихъ финансовыхъ дѣлъ, къ чему, однако, обязывать ихъ никто не имѣетъ никакого права.

Вообще вопросъ о занятіяхъ, а тѣмъ болѣе такихъ, которыя даютъ средства къ жизни или приносятъ доходъ, можетъ считаться у насъ пустою формальностью, не соотвѣтствующею вовсе дѣйствительности. Свѣдѣнія, относительно этого, получаютъ самыя неточныя даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ и ипотека, и подоходный налогъ, и разныя права, соотвѣтственно имущественной состоятельности, и гдѣ, слѣдовательно, жители болѣе уже привыкли къ отчетности и общественному учету ихъ денежныхъ средствъ. У насъ же подобный вопросъ представляется такою новизною, которую принимаютъ или какъ предварительный розыскъ по установленію налога, или какъ напрасное любопытство, и потому, въ одномъ случаѣ, не желаютъ сказать правду, а въ другомъ—не считаютъ вовсе нужнымъ дѣлать это.

Относительно занятій, въ вѣдомости указывалось, что лица, живущія доходомъ съ капитала или недвижимой собственности, а равно пенсіей, должны сіе показать, а не писать «своими средствами»; лица, проживающія до присканія мѣста, должны обозначить свое занятіе, прибавивъ «безъ мѣста». Прислугу отнюдь не слѣдуетъ писать «чернорабочими», а должно означать «прислуга и какая именно». Это послѣднее требованіе было повторено и въ «Наставленіи». По поводу такого означенія прислуги, нужно замѣтить, что едва-ли возможно гнаться за такую точностью, потому что названіе «чернорабочій» или «чернорабочая» давнымъ-давно установилось въ обиходной жизни и примѣняется къ такимъ прислужническимъ общимъ занятіямъ, которыя никакъ нельзя раздѣлить на какіе либо особые виды. Въ тѣхъ небогатыхъ семействахъ, — а они-то и составляютъ главную часть петербургскаго населенія, — гдѣ держатъ одну женскую прислугу, эта прислуга, въ одно и то же время, бываетъ и прачкою, и кухаркою, и судомойкою, и горничной, и служитъ за лакея, такъ что нѣтъ никакой возможности выдѣлить изъ домашняго обихода ея главныя занятія и означить, сходно съ дѣйствительностью, иначе, какъ только словомъ «прислуга» или «чернорабочая». То же слѣдуетъ сказать и относительно значительной части прислуги мужскаго пола, представители которой называются «чернорабочими» или просто—«работниками».

Въ графѣ 13-й требовалось показать «родной языкъ». Выраженіе это для большинства темнаго населенія было, конечно, вовсе непонятно и даже забавно, и, безъ сомнѣнія, скрывающаея подъ нимъ сдѣланъ запросъ: кто на какомъ языкѣ говорить съ самаго дѣтства? Вопросъ о «родномъ языкѣ» особенно неудобопримѣнимъ въ Петербургѣ. Здѣсь родилось и рождается много нѣмцевъ, поляковъ, французовъ, англичанъ, изъ которыхъ иные говорятъ собственно только по-русски, а между тѣмъ считаютъ роднымъ языкомъ языкъ той націи, къ которой они принадлежатъ по своему происхожденію. Однимъ изъ ясныхъ доказательствъ такой запутанности служить многочисленность такихъ петербургскихъ жителей, для которыхъ необходимо отправлять протестанское богослуженіе на русскомъ языкѣ. Прихожане той церкви, гдѣ оно совершается, говорятъ по-русски гораздо лучше, нежели по нѣмецки, а иные даже вовсе не знаютъ нѣмецкаго языка, но тѣмъ не менѣе, будучи нѣмцами по рожденію и, вдобавокъ къ тому, протестантами, они признаютъ роднымъ языкомъ не русскій, а нѣмецкій.

Графа 14-я заключаетъ въ себѣ безразлично обращенный ко всѣмъ жителямъ и жительницамъ столицы вопросъ: «умѣетъ ли читать?» Какъ бы кто ни относился серьезно къ статистикѣ, но, конечно, множество здѣшнихъ обывателей не могли невольно не улыбнуться надъ такимъ простодушнымъ уравненіемъ ученыхъ, литераторовъ, высокихъ должностныхъ лицъ и свѣтскихъ барынь, по ихъ образованію, съ малограмотными кучерами и дворниками, и полуграмотными кухарками и прачками, — уравненіемъ, пониженнымъ до такой степени, что даже не требовалось упоминать объ умѣніи писать. Очень понятно, что въ общей сводкѣ, сравнительно съ численностью всего петербургскаго населенія, отвѣтъ на этотъ вопросъ представится въ самомъ благопріятномъ видѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дастъ приближительнаго понятія о степени развитія образованія въ Петербургѣ. По поводу этого, крайне-неумѣло поставленнаго вопроса, одна изъ здѣшнихъ газета вполнѣ справедливо высказала: «замѣчательно, что въ то время, когда всѣ системы отопленія должны быть въ точности обозначены, вопросная вѣдомость по статистикѣ образованія, болѣе, кажется, важной, нежели устройство печныхъ очаговъ, интересуется знать только: умѣетъ ли отвѣтчикъ читать, а умѣетъ ли писать и какого рода воспитаніе онъ получилъ, не спрашивается. А между тѣмъ—добавляетъ газета—вопросную вѣдомость сочинялъ профессоръ университета».

Дѣйствительно, собранныя въ этомъ отношеніи, при переписи, свѣдѣнія крайне недостаточны, пожалуй, даже для какого

нибудь глухаго отдаленнаго поселка, а не только для первенствующей, по умственному развитію, столицы русскаго государства. Свѣдѣнія эти сглаживаютъ всё тѣ отгѣнки, которыя можно было соблюсти въ данномъ случаѣ. Еслибы, напримѣръ, требовалось означить: кто въ какомъ учебномъ заведеніи получилъ образованіе или какого рода выдержалъ испытаніе, или же обучался на дому чтенію и письму, то при такомъ условіи не только бы разрѣшился самъ по себѣ вопросъ объ умѣнии читать и писать, но и представилась бы болѣе любопытная и болѣе осмысленная картина образованія въ здѣшней столицѣ, нежели, напримѣръ, учетъ комнатъ, «безъ оконъ», выходящихъ на улицу или во дворъ», или «чугунныхъ печекъ» разнаго, хотя бы самаго затѣйливаго устройства.

Въ 15-й графѣ требовались свѣдѣнія, которыя, конечно, можно было получить съ наибольшею точностью инымъ путемъ. Такъ, въ упомянутой графѣ требовалось противъ каждаго учащагося писать, какое учебное заведеніе онъ посѣщаетъ, а относительно дѣтей, которыя не посѣщаютъ школы, писать «учится дома» или отмѣчать, что «не учится вовсе». Такимъ образомъ, школьное и домашнее обученіе могло быть приведено въ извѣстность по переписи, но жаль, что при этомъ было упущено изъ виду ремесленное обученіе, такъ какъ въ Петербургѣ немало находится дѣтей, которыя, живя на дому, ходятъ обучаться въ ремесленныя или нныя техническія заведенія. Такъ, напримѣръ, почти всё мальчики, приготавлиющіеся въ наборщики, только ходятъ учиться въ типографію, проживая у родителей, родственниковъ или въ чужихъ людяхъ.

Последняя графа посвящена собранію свѣдѣній о физическихъ и умственныхъ недугахъ столичныхъ жителей. Въ этой 16-й графѣ требовалось противъ лицъ: нѣмыхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, безрукихъ и безногихъ писать: «глухонѣмой, слѣпой» и пр. безъ одной руки или безъ обѣихъ, безъ одной ноги или безъ обѣихъ, отмѣтивъ при каждомъ: отъ рожденія, а о слѣпыхъ не отъ рожденія: съ какого возраста. Въ этомъ перечнѣ пропущены, однако, одинъ весьма важный физическій недостатокъ, а именно глухота, такъ какъ о глухихъ, если они не нѣмые, свѣдѣній не требовалось. Кромѣ того, вмѣсто указаній на время потери какого либо чувства или члена, гораздо пригоднѣе было бы указаніе на причины этого несчастія, означая, напримѣръ: на фабриктѣ, на конножелѣзной или паровой дорогѣ, на войнѣ, при постройкѣ и т. д. Наконецъ, нельзя не упомянуть о той неточности, къ которой должно было повести требованіе на счетъ указанія безрукихъ или безногихъ. Еслибы въ данномъ случаѣ шелъ вопросъ о декоративномъ, такъ сказать, подборѣ упомянутыхъ калѣвъ, то подобное ихъ означеніе вполне соответствовало бы предполагаемой цѣли. Не-

сомнѣнно, однако, что въ переписи требовались упомянутыя указанія съ «санитарными», а отчасти и съ экономическими цѣлями—т. е. требовалось узнать, сколько жителей столицы лишены возможности обыкновеннаго способа передвиженія на ногахъ, а также возможности заниматься работами, требующими примѣненія рукъ. Между тѣмъ извѣстно, что, имѣя руки и ноги, т. е. не будучи ни «безрукимъ», ни «безногимъ», человекъ лишается иногда употребленія этихъ членовъ; такъ, независимо отъ «безрукихъ» и «безногихъ», существуютъ сухорукіе, параличные, со сведенными или вывихнутыми руками и ногами, а между тѣмъ лица съ такими недостатками не должны были попасть въ перепись, потому что у нихъ руки и ноги были въ наличности, хотя они и не въ состояніи владѣть тѣми или другими.

Само собою разумѣется, что, не смотря на всѣ указанные промахи и недостатки какъ при составленіи запросныхъ листовъ, такъ равно и при самыхъ пріемахъ по производству «однодневной» переписи петербургскаго населенія, перепись эта можетъ быть обработана въ самомъ щеголеватомъ и разнообразномъ видѣ. Для вѣрующихъ, болѣе или менѣе, въ точность собранныхъ, при упомянутой переписи, какъ числовыхъ данныхъ, такъ и другихъ показаній,—разработка переписи съ внѣшней стороны можетъ казаться удовлетворительною и представлять, пожалуй, руководительныя статистическія данныя. Въ сущности, однако, она будетъ далека отъ такого важнаго значенія.

Высказывая мнѣніе о невозможности, при существующихъ у насъ условіяхъ, произвести даже просто правильное однодневное исчисленіе народонаселенія какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ государства, мы полагаемъ, что если, по тѣмъ или другимъ уважительнымъ соображеніямъ, не приходится отказываться отъ подобной работы, то необходимо хоть озаботиться объ ея улучшеніи, принявъ для этого слѣдующія мѣры.

Прежде всего, нужно опредѣлить: въ силу какого постановленія или распоряженія получаютъ статистическіе запросы такую обязательную силу, что за уклоненіе отъ дачи ихъ жители столицы могутъ быть подвергнуты отвѣтственности по статьѣ 29 «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями». Изъ «Наставленія», розданнаго счетчиками, видно, что «съ Высочайшаго Его Императорскаго соизволенія, должна была быть произведена, при обязательномъ содѣйствіи домохозяевъ и квартирохозяевъ *«однодневная перепись населенія С.-Петербурга»*. Но ни въ «Наставленіи», ни въ вѣдомостяхъ сущность такой обязательности не указана. Съ своей же стороны, городская дума не имѣетъ никакого права принуждать жителей Петербурга къ какому-либо обязательнымъ «личнымъ» дѣйствіямъ. Допустивъ,

впрочемъ, правильность такой обязательности, нужно принять въ соображеніе, что «перепись населенія» замѣняетъ собою «прежнюю ревизію», для которой въ законодательствѣ были установлены извѣстные правила, и что, поэтому, сама дума не могла безъ отмѣны ихъ идти въ своихъ разспросахъ далѣе того, что требовалось при прежнихъ «переписяхъ населенія», т. е. при ревизіяхъ. Въ «Наставленіи» упоминается, что заняться переписью городская дума поручила городской управѣ при посредствѣ статистическаго отдѣленія, которое однако, составляя запросные для столичнаго населенія листы, придало, подведеніемъ статьи 29-й, своимъ только посредствующимъ дѣйствіямъ значеніе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій общественныхъ учрежденій—значеніе, какого вовсе не могутъ имѣть вѣдомости, составленныя статистическимъ отдѣленіемъ, и «Наставленіе», подписанное лицомъ, завѣдующимъ по найму этимъ отдѣленіемъ. Если допустить такую широту власти, то статистическое отдѣленіе или, въ отдѣльности, только завѣдующій имъ можетъ потребовать отъ жителей столицы все, какія ему заблагоразсудится, свѣдѣнія изъ домашняго быта и личной обстановки cadaго, т. е. потребовать того, чего не имѣетъ правъ требовать ни правительственное, ни судебное учрежденіе. Если при настоящей переписи любознательность городскихъ статистиковъ доходила, напримѣръ, до требованія свѣдѣній отъ жильца о находящейся внизу его квартиры кладовой или о «системѣ» отопленія, чего онъ, ни по какому закону, знать не обязанъ, то развѣ можно ручаться, чтобы въ другой разъ не предлагались населенію столицы и другіе подобные запросы. Отчего, напримѣръ, въ видахъ «санитарнаго благоустройства», а также опредѣленія имущественнаго достатка, не обязать жителей столицы выставить передъ лицами женскаго пола: кто изъ нихъ носитъ шиньоны, корсеты и ботинки на высокихъ каблукахъ, а передъ лицами обоего пола: кто имѣетъ вставные зубы, означая при этомъ «подробно и точно» цѣлыя ли челюсти, или только отдѣльные зубы. Какъ ни смѣшны подобные вопросы сами по себѣ, но относительно ихъ необходимости можно привести гораздо болѣе уважительныя соображенія, нежели, напримѣръ, относительно двухъ ходовъ въ квартирѣ или о числѣ лежанокъ.

Далѣе, необходимо, прежде чѣмъ привлечь жителей столицы къ обязательному содѣйствію при переписи населенія, возбудить въ нихъ участіе къ этому общественному дѣлу и, главное, объяснить цѣль и значеніе переписи не только отрицательно, какъ это было сдѣлано въ «Наставленіи», но положительно и притомъ удобопонятно для большинства петербургскаго населенія, вовсе не понимающаго задачъ и стремленій статистики.

Но необходимѣе всего этого, осмысленный выборъ и строгая

обдуманность предлагаемыхъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе ихъ числа, насколько это возможно. Конечно, если въ длинномъ рядѣ подходящихъ къ статистическимъ изслѣдованіямъ дѣльныхъ вопросовъ промелькнетъ нѣсколько неумѣстныхъ, то это еще не разстроитъ общаго плана переписи. Если же вопросы, не только не представляющіе ничего существеннаго, но даже переходящіе какъ бы въ шуточные, будутъ имѣть явный перевѣсъ надъ вопросами дѣйствительно - пригодными, то, безъ всякаго сомнѣнія, собраніе статистическихъ свѣдѣній получить вовсе нежелательный отбѣнокъ. Между тѣмъ, при той переписи, о которой у насъ шла рѣчь, была собственно погоня лишь за тѣмъ, чтобы провести въ вѣдомостяхъ сколь возможно больше графъ, безъ отчетливаго сознанія, съ какою именно цѣлью онѣ должны быть исполнены, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ излишествѣ вопросовъ, были упущены, какъ мы видѣли, болѣе важныя свѣдѣнія.

Мы не беремся предрѣшать, насколько успѣшно будутъ разработаны свѣдѣнія, собранныя переписью 1881 года; даже послѣ появленія ихъ въ печати, трудно или, вѣрнѣе сказать, невозможно будетъ судить объ ихъ пригодности, такъ какъ не представится никакихъ средствъ для ихъ провѣрки. Что же касается самаго производства переписи, то, къ сожалѣнію, приходится сказать, что она, по своей смутности, сбивчивости и неясности, была не дѣйствительностью, но лишь какимъ-то сновидѣніемъ изъ области отечественной статистики.

Е. Карновичъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА *).

Д е к а б р ь 1 8 8 1.

Въ то самое время, когда выйдетъ въ свѣтъ первая книга «Наблюдателя», въ Петербургѣ будетъ находиться одна изъ самыхъ модныхъ Парижскихъ знаменитостей, — Madame Juliette Adam, извѣстная въ литературномъ мѣрѣ подъ псевдонимомъ Жюльеты Ламберъ. Въ настоящее время, г-жа Аданъ заняла среди французскихъ женщинъ мѣсто, которое занимала прежде ея пріятельница, Жоржъ Сандъ; но Жоржъ Сандъ не любила Парижа; она постоянно жила, почти круглый годъ, уединенно въ одномъ изъ провинціальныхъ замковъ и находила особенное удовольствіе въ жизни посреди крестьянъ. А г-жа Аданъ — парижанка въ душѣ и ее положительно можно назвать царицей парижанокъ; она сумѣла устроить у себя салонъ, гдѣ собираются самые замѣчательные люди всевозможныхъ партій, но по преимуществу республиканской; тамъ появляются также посланники иностранныхъ государствъ, не считая этого унизительнымъ для своего высокаго поста; и даже одинъ великій князь изъ русской императорской фамиліи неоднократно удостоивалъ ея салонъ своимъ посѣщеніемъ. Имѣть свой салонъ въ Парижѣ для всякой умной женщины представляется идеаломъ, о которомъ скорѣе можно мечтать, чѣмъ достигнуть его осуществленія. Въ періодъ послѣдней имперіи, такого рода салоновъ совсѣмъ не было въ бонапартистской партіи, исключая только одного салона принцессы Матильды, которая сумѣла сгруппировать вокругъ себя нѣсколькихъ академиковъ, въ числѣ которыхъ находились философы Тэнъ и Каро, поэтъ Коппэ, историкъ Целлеръ; но салонъ этотъ, имѣвшій чисто литературный

*) Первое письмо нашего парижскаго корреспондента предназначалось для январьской книги «Наблюдателя»; но, по причинѣ позднаго полученія его редакціею, было отложено до второй (февральской) книги. *Ред.*

характеръ, не задавался никакой другой цѣлью, кромѣ доставленія, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пріятнаго препровожденія времени тѣмъ лицамъ, которыя тамъ собирались, и притомъ не производилъ на публику никакого особеннаго вліянія. Теперь же, когда имперія пала, принцесса живетъ въ Парижѣ уединенной жизнью простой, частной личности; правда, что она продолжаетъ собирать вокругъ себя нѣкоторыхъ людей изъ литературнаго міра; но ея салонъ не имѣетъ никакого политическаго значенія, и общественное мнѣніе оставляетъ его совершенно безъ всякаго вниманія. Въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ, которое, какъ вамъ извѣстно, представляетъ собою какъ бы штабъ - квартиру нашего легитимистскаго дворянства, есть также нѣсколько салоновъ, гдѣ занимаются острогами академическаго свойства и реакціонной политикой, гдѣ расточаютъ почтительныя любезности Донъ-Карлосу, когда полиція республики снисходительно смотритъ на его пребываніе въ Парижѣ; но происходящія въ этихъ, вышедшихъ изъ моды, святилищахъ шумныя пренія и разговоры не находятъ себѣ отгоска за ихъ стѣнами.

Салонъ Madame Adam, напротивъ, совсѣмъ другого рода; онъ находится не въ какомъ либо отдаленномъ или глухомъ кварталѣ, но въ центрѣ Парижа, на бульварѣ Пуассоньеръ. Контингентъ постоянныхъ его посѣтителей составляютъ люди, принимающіе непосредственное участіе въ дѣлахъ политики, литераторы и артисты; однимъ словомъ, въ составъ его входятъ такія личности, какихъ никогда не бывало ни въ одномъ изъ салоновъ Сень-Жерменскаго предмѣстья. Въ этомъ салонѣ допускаются мнѣнія всевозможныхъ оттѣнковъ, и чтобъ попасть въ него, нужно только обладать какимъ нибудь талантомъ, причемъ однакожъ всякому должно быть извѣстно, что хозяйка салона—республиканка, и если кто посѣщаетъ ее, то, конечно, уже не съ цѣлью бранить республику.

Салонъ этотъ состоитъ изъ множества комнатъ, гдѣ приглашенные гости могутъ группироваться по сродству своихъ взглядовъ и характеровъ, и гдѣ они пользуются безусловною свободой; иногда тамъ собирается по вечерамъ отъ пятисотъ до 600 человекъ.

Въ то время, какъ въ главной гостиной хозяйка привѣтливо бесѣдуетъ съ нѣкоторыми изъ своихъ гостей, въ сосѣднихъ комнатахъ формируются группы другихъ посѣтителей по сходству своихъ политическихъ мнѣній, или происходятъ случайныя, неожиданныя встрѣчи разныхъ личностей между собою. Въ кабинетѣ г-жи Аданъ, обращаютъ на себя вниманіе любопытныхъ: множество книгъ, гравюръ, разныхъ предметовъ искусства, въ числѣ послѣднихъ глав-

нымъ образомъ превосходный портретъ ея, сдѣланный Бенжаменомъ Констаномъ; далѣе, вы еходите въ японскій салонъ, обстановка котораго располагаетъ къ тихимъ бесѣдамъ вдвоемъ и къ откровеннымъ разговорамъ; для танцующихъ отведена особенная зала. Тамъ есть мѣсто для всякаго рода общественныхъ развлеченій, причемъ положительно изгнанною оказывается только карточная игра, и вы не увидите нигдѣ ни одного стола, приготовленнаго для любителей виста... Въ извѣстные, исключительно опредѣленные дни, Madame Adam устраиваетъ для своихъ гостей литературный праздникъ; салонъ ея превращается въ амфитеатръ, по среднѣ воздвигается маленькая каеэдра, съ которой какойнибудь поэтъ представляетъ на судъ избранной публики свое первое большое произведеніе. Такимъ именно образомъ Поль Деруладъ, популярный авторъ «Chants du Soldat», познакомилъ насъ въ прошедшемъ году съ своей драмой библейскаго содержанія: *La Moabite*, (Моавитянка). А затѣмъ недавно провансальскій поэтъ, Жанъ Экаръ, прочелъ тамъ свой замѣчательный переводъ «Отелло» Шекспира.

Для насъ, парижанъ, было истиннымъ горемъ закрытіе этого салона, вслѣдствіе отъѣзда г-жи Аданъ въ Россію, откуда она предполагаетъ вернуться не ранѣе февраля; *) злые языки говорятъ даже, что она отправляется туда съ какимъ-то «секретнымъ порученіемъ» своего друга Гамбетты. Но я, признаюсь, совсѣмъ этому не вѣрю. Уважаемая издательница *Revue Nouvelle* имѣла случай не однажды принимать у себя русскихъ, притомъ изъ самыхъ высшихъ сферъ общества, которые приглашали ее посѣтить ихъ столицу; она же, съ своей стороны, пожелала не только видѣть, но и изучить Россію. Она предпринимаетъ это путешествіе именно въ то самое время года, когда ваша страна, облеченная своимъ снѣжнымъ покровомъ, представляетъ наибольшій интересъ для иностранца. Мы увѣрены, что наша путешественница воротится къ намъ съ обильнымъ запасомъ изслѣдованій и наблюденій, которыми она, можетъ быть, подѣлится съ читателями *Revue Nouvelle*, отчего мы много выиграемъ, и вы ничего не потеряете.

Однако-жъ я еще не сообщилъ вамъ, пока, желаемыхъ вами подробностей біографіи этой замѣчательной женщины. Г-жа Аданъ

*) Обстоятельства побудили, какъ извѣстно, г-жу Аданъ вернуться въ Парижъ раньше этого срока и сократить время своего „изученія“ Россіи.

приближается теперь къ пятидесятилѣтнему возрасту; она настолько умна, что могла бы даже обойтись безъ обаятельности женской физической красоты; но природа, столь щедро надѣлившая ее своими дарами, сдѣлала ее одною изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ нашего времени. Примѣняя къ ней получившее въобщую извѣстность выраженіе Ларошфуко, можно сказать, что «при совершенствахъ необыкновенно любезной женщины, она обладаетъ еще качествами честнаго человѣка».

Она родилась... въ промежутокъ между 1830 и 1840 годами. Въ печатныхъ біографіяхъ, годомъ ея рожденія считается 1836. Она вышла замужъ за одного медика, съ которымъ не нашла супружескаго счастья; такъ что затѣмъ послѣдовалъ даже разводъ, вина котораго, какъ говорятъ, пала исключительно на мужа. Послѣ его смерти, она вторично вышла замужъ за извѣстнаго своею политическою дѣятельностью Эдмона Аданъ, который игралъ важную роль въ прессѣ и въ общественной жизни въ періодъ республики 1848 года. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, Эдмонъ Аданъ удалился отъ участія въ политическихъ дѣлахъ и сталъ простымъ, частнымъ человѣкомъ; тогда онъ, вмѣстѣ съ другими лицами, сдѣлался основателемъ весьма важнаго финансоваго предпріятія, именно «Учетной Конторы» (Comptoir d'Escompte) гдѣ онъ получилъ мѣсто главнаго секретаря и гдѣ приобрѣлъ значительное состояніе, которое все завѣщалъ своей женѣ. Послѣ революціи 4-го сентября 1870 года, г. Аданъ былъ на короткое время въ Парижѣ префектомъ полиціи; но подалъ въ отставку тотчасъ же послѣ инсurreкціоннаго покушенія 31-го октября, котораго онъ не могъ предупредить. Потомъ онъ былъ назначенъ депутатомъ, а нѣсколько времени спустя, сенаторомъ. Онъ умеръ въ 1877 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся людей въ республиканской партіи и, еще при его жизни, салонъ его жены представлялъ собою самое интересное сборище искренно расположенныхъ къ нимъ обоимъ друзей. Но въ періодъ президенства Макъ-Магона, салонъ этотъ не могъ носить на себѣ другаго отпечатка, кромѣ чисто отрицательнаго свойства; такъ что царствованіе г-жи Аданъ началось, можно сказать, собственно съ водвореніемъ республики.

Она никогда не подписывалась этимъ именемъ ни подъ однимъ изъ своихъ сочиненій; всѣ произведенія ея молодости подписаны именемъ Жюльеты Ламберъ, такъ какъ это была ея дѣвическая фамилія. Она выступила на писательское поприще въ 1858 году въ повѣстяхъ для юношества. Въ это же самое время она вела весьма интересную полемику съ Прудономъ, издавши въ свѣтъ

замѣчательной трудъ подъ заглавіемъ: «Анти-Прудоновскія мысли по поводу любви, взгляда на женщинъ и на супружество». Первое изданіе этого произведенія, вышедшее впоследствии и вторично, было подписано ею именемъ перваго мужа, Ж. Ла-Мессинъ. Въ періодъ происходившихъ въ Италіи волненій, она энергически приняла сторону итальянцевъ, издавъ брошюру противъ свѣтской власти папъ, подъ заглавіемъ: «La Parauté dans la question italienne», а вслѣдъ затѣмъ—полную восторженныхъ восхваленій біографію Гарибальди, составленную по частнымъ документамъ. Начиная съ 1860 года, она уже открыто вступила на литературное поприще и напечатала одну за другою двѣ вещи: *Mon village* и *Mandarin*, нѣчто въ родѣ юмористическаго путешествія, мысль котораго внушена была прочитанными ею «Персидскими письмами» Монтескьё; потомъ она издала нѣкоторыя путевыя замѣтки: *Dans les Alpes*, *l'éducation de Laure*. Всѣ эти произведенія доставили ихъ автору почетный успѣхъ и дружбу Жоржъ-Зандъ, которая во время осады Парижа пріютила въ своемъ замкѣ Nohant дочь г-жи Аданъ. Сама же г-жа Аданъ осталась съ своимъ мужемъ въ Парижѣ и внимательно слѣдила за трагическими эпизодами этого тяжелаго періода. Въ это время она написала: *Le siège de Paris, journal d'une parisienne*; книга эта имѣетъ большое значеніе, какъ историческій документъ. Затѣмъ она еще написала нѣсколько романовъ: *Les récits du Golfe*, *Juan*, *Laide*, *Grecque*, гдѣ замѣтно сказывается вліяніе Жоржъ Зандъ. Она съ особенной восторженностью увлеклась двумя странами, Италіей и Греціей. Въ прошедшемъ году она поставила на сцену драму, подражаніе греческимъ писателямъ, подъ названіемъ «Галатея», а недавно она еще написала, по замѣткамъ, доставленнымъ ей Дмитріемъ Бигельсомъ, цѣлую книгу, которая содер- житъ въ себѣ критическіе этюды о современныхъ греческихъ поэтахъ.

Но самымъ капиталнымъ ея произведеніемъ, съ которымъ навсегда будетъ связано ея имя и посредствомъ котораго она будетъ въ самой большой мѣрѣ вліять на общество, это основаніе журнала «*Nouvelle Revue*». Во Франціи нѣтъ ничего труднѣе, какъ приступить къ изданію періодическаго органа печати. Вслѣдствіе почти безусловной свободы прессы, ежедневныхъ и дешевыхъ журналовъ расплодилось безчисленное множество, и они то именно захватили все вниманіе публики. Правда, что въ Англіи, гдѣ ежедневная пресса находится почти въ такихъ же условіяхъ, такихъ изданій, какъ разные «*Magazines*», также пропасть. Но въ Англіи,

какъ и во всѣхъ протестантскихъ странахъ, женщины вообще читаютъ очень много и—по британскому правилу—въ этихъ «Magazines» отнюдь не помѣщаются романы такого содержанія, какихъ не могла бы читать молоденькая miss. Вотъ отчего всѣ англійскіе романы имѣютъ присущій имъ нравственный, но, въ то же время, крайне скучный характеръ. Во Франціи, напротивъ принято, чтобъ во всякомъ Revue непременно помѣщались романы, которые не должны быть слишкомъ нравственными и чтеніе которыхъ не полагается для молоденькихъ дѣвушекъ. Стало быть, количество семействъ, абонирующихъ на полученіе всякихъ Revues, уже само собою оказывается крайне ограниченнымъ. Кромѣ того, эти Revues имѣютъ второстепенное вліяніе въ смыслѣ политическихъ воззрѣній; такъ что у нихъ имѣется, относительно, весьма небольшое число подписчиковъ, мало объявленій, такъ что въ сущности подобнаго рода изданія приносятъ мало выгоды. Пока только одинъ Revue успѣлъ обезпечить себѣ блестящее существованіе и нѣкоторое вліяніе на публику. Это Revue des Deux Mondes, основанный въ 1831 году покойнымъ Бюловомъ и который достигъ пятидесятилѣтія своего существованія. Дѣла этого журнала довольно долгое время шли плохо, но потомъ принимали постепенно хорошій оборотъ, и онъ достигнулъ своего полного развитія въ періодъ имперіи, собственно благодаря шаткости положенія, въ которое поставлена была тогда ежедневная пресса. Въ настоящее время Revue des Deux Mondes выпускаетъ въ свѣтъ 23,000 экземпляровъ, и его акціи, появившіяся въ обращеніи лѣтъ тридцать тому назадъ, приносятъ около 100 проц. своимъ счастливымъ обладателямъ. Правда, что изъ этихъ 23,000 экземпляровъ большая часть расходится за границей. Одна Россія выписываетъ ихъ ежегодно въ количествѣ 1,200 экземпляровъ. Прѣжде въ Revue des Deux Mondes проводились взгляды орлеанистской политики; даже въ настоящее время нельзя сказать, чтобы онъ открыто и совершенно искренно присоединился ко взглядамъ республиканскаго правительства. А въ литературномъ мірѣ онъ внушаетъ къ себѣ болѣе страха, чѣмъ любви. Его упрекали—въ особенности при жизни покойнаго Бюлоза—въ желаніи принудить всѣхъ сотрудниковъ выражать свои мысли по одинаковому шаблону и сдерживать оригинальность своихъ взглядовъ. Упрекали также—и этотъ упрекъ имѣлъ основаніе—что редакція вообще дурно расплачивалась и даже эксплуатировала своихъ сотрудниковъ. Въ дѣлѣ финансовой администраціи своего изданія, Бюловъ принялъ такого рода правило: платить очень дорого сотрудникамъ, статьи

• которыхъ могутъ произвести извѣстную сенсацію (напримѣръ: Жоржъ Занду и Ренану) и платить очень скупо тѣмъ сотрудникамъ, которые еще не успѣли составить себѣ громкой репутаціи. Когда послѣдніе жаловались на скудость получаемой платы, то Бюлозъ обыкновенно отвѣчалъ имъ почти то же самое, что отвѣчаютъ директоры театровъ своимъ актрисамъ: «Вы просите прибавки жалованья; да за что же? Вѣдь для васъ, моя милая, представляетъ уже немалую выгоду то обстоятельство, что вы играете на сценѣ моего театра!» Издатель *Revue des Deux Mondes* избрѣлъ двойной способъ дѣлать экономію. Прежде всего, за весьма рѣдкими исключеніями, онъ ничего не платилъ за первую, помѣщаемую въ его изданіи статью; вновь поступающіе сотрудники должны были считать себя счастливыми, что удостоились чести быть допущенными къ участию въ такомъ сотрудничествѣ. Во-вторыхъ, онъ платилъ съ листа, а не со страницы. Положимъ, что заказанная автору статья, за которую по условію онъ долженъ былъ получить по 160 франковъ за листъ (въ 16 страницъ) оказалась по объему своему въ сорокъ страницъ, и за это ему платили только 320 франковъ, а за остальные восемь страницъ онъ не получалъ ничего; стало быть, гонораръ его былъ рассчитанъ только за 2 листа. Съ нѣкотораго времени, въ *Revue des Deux Mondes* стали платить за первую помѣщаемую статью; но все-таки по прежнему продолжаютъ платить съ листа. Многіе изъ писателей перессорились съ этимъ органомъ печати изъ-за такой мелочной скупости, вслѣдствіе чего начали отдавать свои статьи въ большія газеты, какъ напримѣръ, *Temps* и *Débats*, которыя охотно принимаютъ ихъ работу и, будучи также весьма почтенными органами, платятъ гораздо лучше. Впрочемъ, газеты далеко не имѣютъ такого значенія, какъ *Revue*, и потому давно чувствовалась необходимость въ органѣ печати, способномъ соперничать съ фирмой Бюлоза и К°. Основать такой журналъ представлялось дѣломъ далеко не легкимъ. Кромѣ *Revue des Deux Mondes*, въ Парижѣ до сихъ поръ существовало только одно хорошо шедшее періодическое изданіе, это *le Correspondant*, выходящій въ количествѣ 6000 экземпляровъ и который собственно нужно считать чисто католическимъ органомъ прессы, выражающимъ взгляды гг. Фалу и Монталамбера. Само собою разумѣется, что характеръ этого органа отталкиваетъ отъ себя всѣхъ свободно мыслящихъ писателей и читателей.

Всѣ прочія періодическія изданія подобнаго рода, пытавшіяся конкурировать съ вышеупомянутыми журналами въ періодъ им-

періи и теперешней республики, прозябали кое-какъ, истратили много денегъ и въ концѣ концовъ все таки должны были прекратить свое существованіе, какъ, напримѣръ: *La Revue de Paris*, *la Revue de France*, *La Revue Contemporaine*, *la Revue Moderne*, *la Revue Européenne*. Они погибли отъ недостатка абонентовъ. Пока еще держится и продолжаетъ свое существованіе *Revue Britannique*; но этотъ журналъ по большей части бываетъ наполненъ переводными статьями, вслѣдствіе чего издательскіе расходы его весьма незначительны. Между недѣльными изданиями, *Revue politique et littéraire* занимаетъ весьма почтенное мѣсто, но на него принято смотрѣть скорѣе, какъ на пристанище для начинающихъ писателей, чѣмъ на органъ печати, гдѣ бы могли принимать участіе авторы, уже составившіе себѣ извѣстность.

Принимая въ соображеніе всѣ вышеприведенныя обстоятельства, вы можете легко убѣдиться въ томъ, что возникновеніе какого нибудь новаго *Revue* въ Парижѣ прямо вызывалось запросомъ и потребностью въ немъ со стороны литераторовъ и публики. А съ другой стороны возможность основанія такого журнала представлялась дѣломъ крайне труднымъ. Для того, чтобъ существовать въ хорошихъ условіяхъ, такого рода изданіе должно быть въ состояніи тратить по меньшей мѣрѣ 200,000 или 300,000 франковъ. Не принося ни одного сантима выгоды людямъ, положившимъ на журналъ свои деньги, затраченный капиталъ рискуетъ быть истощеннымъ совершенно, пока не наберется трехъ или четырехъ тысячъ подписчиковъ, необходимыхъ для поддержки существованія такого періодическаго изданія. Огромное вліяніе, которымъ пользуется г-жа Аданъ въ республиканской партіи, дало ей возможность собрать 1000 акцій по 500 франковъ, что составитъ 500,000 франковъ, для основанія новаго *Revue*. Журналъ этотъ, съ самаго своего начала, открыто принялъ либеральный и республиканскій характеръ. Онъ открылъ доступъ на свои страницы всѣмъ молодымъ и талантливымъ писателямъ, стараясь при этомъ избѣгать торжественныхъ и академическихъ формъ *Revue des Deux Mondes*. Madame Adam, съ самаго выхода первой книжки своего журнала приняла, самое дѣятельное участіе въ его редакціи, она сама написала или заказала другимъ написать по своей собственной инициативѣ цѣлую серію писемъ по поводу внутренней политики, которыя имѣли громадный успѣхъ за границей. Она честно и хорошо платила сотрудникамъ за ихъ работу, и вотъ каковы, въ общемъ, полученные ею теперь результаты. Сверхъ со-

бранныхъ два года тому назадъ 500,000 франковъ, Revue истратилъ только 40,000; но онъ, конечно, не замедлитъ въ самомъ скоромъ времени покрыть этотъ дефицитъ, за которымъ, по всей вѣроятности, послѣдуетъ даже выдача дивиденда акціонерамъ. Revue выходитъ въ настоящее время въ количествѣ 5000 экземпляровъ. Невозможно даже было желать болѣе блестящихъ результатовъ, вся честь которыхъ принадлежитъ умной и дѣловой инициативѣ редакціи. Теперь ея Revue сдѣлался могущественнымъ органомъ печати, настолько, что называютъ даже нѣкоторыя иностранныя правительства, признавшія полезнымъ публиковать въ немъ весьма важные документы.

Обаяніе и успѣхъ этого періодическаго изданія удваиваются, конечно, еще обаяніемъ, производимымъ личною самою издательницы. Г-жа Адавъ не пренебрегаетъ ни однимъ случаемъ, чтобъ стать во главѣ движенія и сгруппировать вокругъ себя все, что только есть въ Парижѣ умнаго и талантливаго. Такимъ образомъ поступила она еще недавно, по поводу вѣнской катастрофы: она обратилась съ воззваніемъ ко всѣмъ журналамъ и ко всѣмъ партіямъ, ради филантропическаго дѣла. Радикалы и легитимисты, сторонники Рошфора и приверженцы Гамбетты, которые никогда бы не сгруппировались около кого нибудь изъ своихъ собратьевъ-мужчинъ, всѣ тотчасъ же откликнулись на призывъ любезной и такъ высоко стоящей въ умственномъ отношеніи женщины. Благодаря ей, Парижъ былъ свидѣтелемъ устройства въ Орèга и въ Hôtel Continental двухъ артистическихъ праздниковъ, которые сдѣлались событіемъ сезона.

Вотъ какого рода посѣтительница пріѣдетъ въ Петербургъ; я полагаю, что читатели вашего журнала будутъ мнѣ благодарны за сдѣланный мною портретъ ихъ гостыи; а что касается «Наблюдателя», то я ничего большаго ему не желаю, какъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, достигнуть такого же блестящаго успѣха, какимъ пользуется Nouvelle Revue.

Гамбетта, ставъ во главѣ власти, преподнесъ намъ два новыхъ министерства: министерство земледѣлія, обсужденіе роли котораго не входитъ въ составъ парижской хроники, и министерство изящныхъ искусствъ. Последнее, не успѣвъ еще окончательно сформироваться, уже надѣлало пропасть шума въ теченіе своего трехнедѣльнаго существованія. Во времена имперіи, въ періодъ министерства Оливье, у насъ тоже былъ министръ изящныхъ искусствъ,— это Морисъ Ришаръ, хотя бонапартистъ по убѣжденіямъ, но тѣмъ не менѣе весьма милый человѣкъ, который не успѣлъ сдѣлать ни

большаго добра, ни большаго вреда. Вслѣдствіе бѣдствій, постигшихъ нашу страну, республиканскому правительству было пропасть всякаго другаго дѣла, кромѣ того, чтобы заниматься живописцами, скульпторами и музыкантами; завѣдываніе изящными искусствами было просто присоединено къ обязанностямъ министерства народнаго просвѣщенія. Во время управленія министерствомъ Жюля Ферри, былъ назначенъ при министрѣ помощникомъ статсъ-секретаря Альфредъ Тюркэ, очень любезный человекъ, который дѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и оставилъ по себѣ хорошее воспоминаніе. Теперь у насъ министромъ Антонэнъ Пру, севрскій депутатъ, старинный пріятель Гамбетты, человекъ хорошаго общества и въ полномъ смыслѣ джентльменъ. Прежде мнѣ самому приходилось встрѣчать его въ редакціи *République française*. Онъ въ то время занимался политикой и въ особенности иностранной. Одно время говорили, что онъ желалъ занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ. И вотъ теперь онъ очутился во главѣ министерства изящныхъ искусствъ. Но въ состояніи-ли онъ будетъ прибавить гениальности нашимъ артистамъ? Едва-ли. Какъ бы тамъ ни было, онъ, повидимому, намѣренъ дать имъ большую свободу и заявляетъ себя открыто противникомъ оффиціального искусства и академій. Онъ сказалъ всѣмъ, что имѣетъ намѣреніе закрыть оффиціальныя мастерскія, находящіяся по близости *Ecole nationale des Beaux Arts*. Онъ тоже намекалъ что, можетъ быть, со временемъ закроетъ нашу *Académie de France* въ Римѣ, это старинное учрежденіе, которое существуетъ со временъ Людовика XIV-го и откуда вышло большинство нашихъ артистическихъ знаменитостей. Этотъ слухъ произвелъ большое волненіе въ публикѣ. Вообще наши артисты, талантливые и бездарные, дѣлятся на два разряда: на такихъ, которые ставятъ непремѣннымъ условіемъ художественное образованіе, сохраненіе старинныхъ преданій, хотя бы они доходили до древнихъ эпохъ грековъ и римлянъ, и на такихъ, которые претендуютъ на свою личную самостоятельность въ пріемахъ искусства и на «врожденный даръ», хвастаясь при этомъ, что они люди новыхъ взглядовъ на искусство. Вотъ именно эти-то послѣдніе главнымъ образомъ и шумятъ, и спорятъ, и бываютъ склонны къ тому, чтобы относиться къ своимъ противникамъ, какъ къ критикамъ, которые, по ихъ выраженію, смотрятъ на искусство буржуазно, что въ ихъ устахъ должно имѣть смыслъ самой кровной обиды. Великій живописецъ Курбэ, бывшій самымъ выдающимся представителемъ этой школы, резюмировалъ свою теорію слѣдую-

щимъ образомъ: «По моему, не существуетъ ни учителей, ни методовъ. Все, что требуется, это имѣть только что нибудь внутри себя» (*avoir quelque chose dans le ventre*). Изъ числа горячихъ защитниковъ классиковъ, изъ людей консервативной партіи, въ особенности выдается Гундъ, авторъ Фауста. Онъ съ особенной энергіей отстаиваетъ классическія преданія. По поводу французской школы въ Римѣ, онъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«Меня прежде всего поражаетъ это остервенѣніе противъ *Ecole de Rome*, которое въ сущности является какъ бы послѣдствіемъ страстного желанія, формулированного съ большею или меньшею откровенностію, и смыслъ котораго, заключающій въ себѣ всю программу оппозиціи, резюмируется такъ: «Не нужно никакихъ профессоровъ! Мы должны дать волю полету своихъ собственныхъ крыльевъ». Нужно полагать, что, по мнѣнію этихъ господъ, въ этомъ-то именно и состоитъ сущность новѣйшаго искусства. И такъ, долой образованіе; долой всѣ прибрѣтенныя и передаваемые свѣдѣнія, т. е. не нужно никакого капитала, слѣдовательно, не должно существовать ни завѣщаннаго, ни законнаго наслѣдства; не нужно прошедшаго, т. е. никакихъ преданій; и вотъ мы вдругъ очутились въ фазисѣ внезапнаго самозарожденія (потому что въ этомъ случаѣ не можетъ быть середины: или получаемое образованіе, или врожденное знаніе). И замѣьте при этомъ, что тѣ именно, кто такъ ратуетъ за подобную систему, въ особенности толкуютъ, кстати и не кстати, о школѣ будущаго! Будущее! Да какое же право имѣете вы, господа, говорить о немъ, когда вы сами, въ этомъ будущемъ, сдѣлаетесь именно тѣмъ прошедшимъ, котораго вы не хотите и которое вы отвергаете?»

Затѣмъ, Гундъ ставитъ слѣдующій капитальный принципъ: «что безъ науки, нѣтъ и искусства».

«Я, конечно,—говоритъ онъ—вполнѣ убѣжденъ, что никто не въ состояніи передать геніальность другому, такъ какъ она не передаваема по своему существу, потому что она есть даръ природы чисто индивидуальнаго свойства; но что можетъ быть передаваемо, общаемо,—это слово, двигающее и выражающее геніальность, безъ котораго она остается нѣма и безсильна. Развѣ Рафаэль, Моцартъ, Бетховенъ не были геніальными людьми? Однакожь они, тѣмъ не менѣе, не сочли себя вправѣ презрительно отвергать традиціонныя правила, преподавныя имъ учителями, которыя не только посвящали ихъ въ практику искусства, но, сверхъ того, указывали имъ путь, вѣрнѣе приводящій къ цѣли,

избавляя ихъ такимъ образомъ отъ напрасной потери времени при отысканіи вѣрнаго пріема, выработаннаго вѣковыми опытами».

Заканчиваетъ Гуно слѣдующими словами:

«Сохранимъ же, во что бы то ни стало, передъ лицомъ всѣхъ и вопреки всѣмъ, прекрасное учрежденіе *École de Rome*, въ архивѣ которой занесены такія имена, какъ Давидъ, Ингръ, Фландренъ, Реньо, Дюрэ, Герольдъ, Галеви, Берлиозъ, Бизэ, которые могутъ служить нагляднымъ опроверженіемъ того обиднаго чувства презрѣнія, которымъ стараются заклеить, такъ сказать, цѣлую вѣковую династію артистовъ. Будемъ же всѣми силами отстаивать это священное убѣжище, подъ кровомъ котораго происходитъ развитіе художника, и которое, избавляя послѣдняго отъ преждевременныхъ заботъ о средствахъ къ своему существованію, въ то же время предохраняетъ его отъ стремленія къ пошлымъ триумфамъ, доставляемымъ популярностью безъ возвышенныхъ цѣлей и безъ будущаго».

Эта краснорѣчивая защитительная рѣчь артиста, въ которомъ всѣ безусловно признаютъ самаго лучшаго представителя французской школы въ музыкѣ, сильно повліяла на публику и, можетъ быть, заставитъ серьезно задуматься самого министра.

Одною изъ причинъ, изложенныхъ Гамбеттой для оправданія передъ палатой всегда дорогаго стоющаго созданія новаго министерства, является необходимость развить и поощрить во Франціи приложеніе искусства къ индустріи, такъ какъ въ нѣдрахъ нашей страны находится для того источникъ значительныхъ богатствъ. Въдѣ собственно артистическій отпечатокъ разныхъ *articles de Paris* и обезпечиваетъ за нашей столицей ту репутацію превосходства передъ всѣми другими, съ которою могутъ въ нѣкоторой степени соперничать развѣ только одни *articles de Vienne*. Г. Пру взялся совершенно серьезно за роль, которую предназначилъ ему глава министерства, по части приложенія искусства къ промышленности, и общаетъ намъ цѣлую серію реформъ, отъ которыхъ онъ ожидаетъ самыхъ хорошихъ результатовъ. А пока онъ началъ съ того, что учредилъ специальную комиссію. Вобщемъ нужно замѣтить, что такимъ образомъ начинаетъ почти всякій министръ.

Другой вопросъ, относительно котораго г. Пру общаетъ также пойти по пути реформъ, есть именно вопросъ о награжденіи актеровъ орденами. Весьма долго существовалъ во Франціи обычай, что актеръ или пѣвецъ не можетъ быть награжденъ орденомъ отличія, т.-е. быть кавалеромъ почетнаго легіона въ то время, когда еще онъ находится на службѣ. У насъ во Франціи

существуетъ только одинъ кавалерственный орденъ почетнаго легіона. Его присуждаютъ одинаково какъ за военныя заслуги, такъ и за гражданскія, что даже крайне возмущаетъ нашихъ офицеровъ, когда они видятъ эту красную ленточку, заслуженную ими цѣною крови, въ петлицѣ у людей, играющихъ на театральнй сценѣ и которыхъ они считаютъ достаточно вознагражденными тѣми деньгами, которыя они зарабатываютъ своимъ талантомъ. Въ періодъ имперіи, для пожалованія орденскою ленточкою какого нибудь актера, всегда ожидали того времени, когда онъ совѣмъ покидалъ сцену. Въ послѣдніе годы, благодаря прогрессу демократическихъ взглядовъ, вопросъ этотъ обсуждался весьма часто; читатели, безъ сомнѣнія, и сами догадаются безъ моихъ поясненій, какого рода аргументы приводились за и противъ. Компанія, начатая въ пользу пожалованія орденовъ актерамъ, была ведена съ большою энергіей однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ актеровъ *Théâtre français*, Кокелэномъ, который, кромѣ того, извѣстенъ, какъ большой пріятель Гамбетты. Во время пріема у себя артистовъ, тотчасъ по своемъ вступленіи въ должность, г. Пру объявилъ имъ, что онъ надѣется, вопреки существующему предразсудку, заявить имъ официально о своемъ уваженіи къ ихъ талантамъ. И дѣйствительно, въ официальномъ журналѣ, въ 1-й день января появилось объявленіе о назначеніи кавалеромъ ордена почетнаго легіона господина Фора, который состоитъ профессоромъ консерваторіи, будучи въ то же время драматическимъ актеромъ. Въ прошломъ году, Го, извѣстный актеръ *Théâtre français* также получилъ орденъ, но только лишь въ качествѣ профессора консерваторіи. Такимъ образомъ, вопросъ о награжденіи орденами драматическихъ артистовъ оказывается окончательно рѣшеннымъ, согласно желанію этихъ послѣднихъ.

Что же касается живописи и пластическихъ искусствъ, то, какъ я говорилъ вамъ, г. Пру, кажется, рѣшился покончить со всѣми классическими преданіями и принять подъ свое покровительство артистовъ, которые считаютъ себя принадлежащими къ новѣйшему направленію. У насъ, въ настоящее время, существуетъ въ живописи цѣлая школа артистовъ, которыхъ одни называютъ реалистами, другіе натуралистами, а сами они дали себѣ названіе импрессионистовъ, потому что они стремятся не столько къ воспроизведенію самихъ предметовъ, сколько къ воспроизведенію впечатлѣній, испытываемыхъ ими самими при видѣ этихъ предметовъ. Одинъ изъ нашихъ авторовъ-юмористовъ назвалъ ихъ интенсіонистами, вслѣдствіе того, что въ ихъ картинахъ

оказывается болѣе намѣренія (intention) изобразить нѣчто, чѣмъ дѣйствительнаго рисунка или красокъ. Главою этой школы-шумихи нужно назвать въ настоящее время г. Манэ, которому, конечно, нельзя отказать въ извѣстнаго рода талантѣ, но который, какъ и всѣ прочіе вышеупомянутые живописцы, забываетъ только объ одной вещи — о самой живописи и рисункѣ. На нашихъ годичныхъ выставкахъ картинъ, изъ которыхъ многія не были одобрены комиссіей жюри, — онѣ вообще имѣли только успѣхъ смѣшнаго. На послѣдней выставкѣ этотъ господинъ представилъ свою картину, называвшуюся «Охотникъ, истребляющій львовъ», гдѣ и пейзажъ, и самъ охотникъ были положительно лиловаго цвѣта. Прежде когда-то онъ написалъ портретъ г. Пру, и въ нынѣшнемъ году онъ былъ первымъ занесенъ въ списокъ лицъ, удостоенныхъ наградой орденомъ, въ 1-й день января. Обстоятельство это произвело страшный переполохъ и страшный скандалъ въ нашей артистической колоніи. Правда, что министръ, какъ бы извиняясь за такую дерзость, назначилъ въ то же самое время награду орденомъ г. Мерсону, живописцу идеальнаго и религіознаго направленія, желая доказать этимъ, что награды хватитъ на всѣхъ, кто будетъ того стоить.

Вообще реализмъ все болѣе и болѣе захватываетъ собою область литературы, искусства и театра. Образчикомъ этого можетъ служить недавно появившаяся драма, *le Petit Jacques*, послѣдній актъ которой происходитъ во дворѣ Ла-Рокэттъ (тюрьмѣ, куда сажаютъ приговоренныхъ къ смерти) и гдѣ вдали виднѣется... гильотина. Въ другой народной драмѣ, подъ заглавіемъ «*S a s e n u s e a c*», одна сцена происходитъ въ моргѣ, т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ выставляются тѣла самоубійцъ или убитыхъ. Трудно сказать, гдѣ остановятся господа реалисты? Въ «Фигаро» недавно помѣщенъ былъ предполагаемый разговоръ между двумя драматическими писателями. *Первый авторъ*. «Въ 4-мъ актѣ у насъ будетъ происходить на сценѣ открытіе изъ могилы трупа». *Второй авторъ*. «Какъ ты глупъ, любезный! Неужели ты не понимаешь, что изъ ложъ не видны будутъ копошащіяся въ могилахъ черви!»

Въ качествѣ драмы чисто литературнаго свойства, у насъ шли недавно: пьеса г. Сарду «*Odette*», которую вы, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени увидите на сценѣ у себя, въ Петербургѣ; затѣмъ большая героическая драма, содержаніе которой взято изъ романа Виктора Гюго: «Тысяча восемьсотъ девяносто третій годъ» и которая носитъ то же самое названіе. Дѣйствіе

происходить въ Вандеѣ между бѣлыми и синими. Пьесу эту, впрочемъ, не столько можно назвать драмою, сколько серією потрясающихъ картинъ, выхваченныхъ цѣликомъ изъ произведенія великаго писателя. Поль Деруладъ, лирической поэтъ, о которомъ я уже говорилъ, готовить къ печати большую драму въ стихахъ, сюжетомъ которой взята личность царевича Алексѣя. Со временемъ я еще возвращусь къ этому произведенію и къ его автору.

Я не буду долго останавливаться на нашихъ театральныхъ новостяхъ, о появленіи которыхъ у васъ въ Петербургѣ всѣ узнаютъ обыкновенно тотчасъ же. Теперь еще два слова о послѣднихъ выборахъ во французской академіи, которая, существуя уже два вѣка, всегда пользовалась привилегіей возбуждать къ себѣ вниманіе нашей публики. Хотя по традиціоннымъ понятіямъ и принято считать за признакъ хорошаго тона смѣяться надъ академіей, жаловаться на тиранническое вліяніе, оказываемое ею на литературу, смотрѣть на нее, какъ на остатки ancient régime, вмѣстѣ съ которымъ ей слѣдовало бы также исчезнуть; но въ сущности французская публика—я подразумѣваю подъ этимъ кружокъ литераторовъ—крѣпко держится за академію, и еслибы наступилъ тотъ день, когда послѣдняя была бы уничтожена—то этому кружку показалось бы, что чего-то недостаетъ нашей славѣ и нашимъ интеллектуальнымъ развлечениямъ. Я, разумѣется, говорю собственно о той французской академіи, цѣль которой состоитъ въ собраніи извѣстнаго числа самыхъ замѣчательныхъ писателей всякаго рода, поэтовъ, ораторовъ, романистовъ и пр. Академія, конечно, оставляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сторонѣ, такъ что въ семнадцатомъ столѣтіи ни Мольеръ, ни Паскаль не входили въ составъ ея членовъ, какъ въ настоящее время она не включила въ свое число ни Мишлэ, ни Кинэ. Но несмотря на то, нужно однако-жъ сознаться, что въ общемъ смыслѣ сорокъ безсмертныхъ—какъ ихъ называютъ—представляютъ собою, взятые всѣ вмѣстѣ, группу талантовъ, дѣлающихъ честь странѣ. Недавно французской академіи пришлось замѣстить троихъ умершихъ ея членовъ: Литтрэ, Дювержье-де-Гораннъ и Сень-Ренэ-Тальяндье. Вмѣсто ихъ, она назначила троихъ новыхъ почтенныхъ членовъ, избраніе которыхъ было одобрительно принято всей публикой вообще, именно: гг. Пастёра, Шербюлье и Сюлли Прюдома. Пастёръ, по избранію, занялъ кресло Литтрэ. Извѣстно, какимъ многостороннимъ ученымъ былъ Литтрэ; онъ въ одно время былъ и медикъ, и философъ, и филологъ. Академія назначила ему преемникомъ также знаменитаго ученаго, составив-

шаго себѣ извѣстность своими научными изслѣдованіями о микроскопическихъ насѣкомыхъ, о болѣзняхъ шелковичнаго червя, о броженіи алкоголическихъ веществъ и т. д. Въ сущности, Пастёръ не писатель, но первоклассный ученый, который довольствуется тѣмъ, что превосходнымъ языкомъ излагаетъ письменно результаты своихъ химическихъ работъ. Но въ Académie française существуетъ, какъ установившееся давнишнее преданіе, правило имѣть въ числѣ своихъ членовъ непременно хотя одного или двухъ членовъ академіи наукъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что Пастёръ необыкновенно счастливый человѣкъ, которому все удается. Онъ, еще при жизни своей, получилъ одну изъ самыхъ высшихъ наградъ, какой бываетъ удостоенъ какой нибудь ученый: національное собраніе вотировало о назначеніи ему пенсіи въ двѣнадцать тысячъ франковъ, въ награду за услуги, оказанныя его открытіями нашей странѣ. Имя его пользуется популярностью даже въ высшихъ слояхъ общества. Еще недавно онъ научилъ насъ способу излѣчивать холеру у куръ, и крестьяне Франціи обязаны ему легкимъ способомъ увеличиванія своихъ богатствъ. Ахъ! Еслибъ онъ могъ только еще найти средство къ истребленію филоксеры, этого злѣйшаго врага нашихъ виноградниковъ, то Бордо Реймсъ и Маконъ навѣрное еще при жизни воздвигли бы ему монументъ!

Вы, конечно, знакомы съ главными романами г. Шербюлье. Авторъ Владислава Польскаго, Миссъ Роуэлль, Самуила Броля и пр. является постояннымъ поставщикомъ беллетристики въ *Revue des Deux Mondes*. Романы его однако-жъ не пользуются особенной популярностью. Шербюлье главнымъ образомъ пишетъ для публики, состоящей изъ литераторовъ и людей съ тонкимъ пониманіемъ; но его произведенія отличаются такою оригинальностью замысла, такою тонкостью слога, такимъ неподдѣльнымъ юморомъ, которыя уже давно дали ему право занять мѣсто въ средѣ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей. Кромѣ того, Шербюлье не только романистъ, онъ также политическій публицистъ; его именемъ подписаны весьма замѣчательныя книги о современной Пруссіи и Испаніи, и его же перу принадлежатъ, подъ псевдонимомъ Вальбера, статьи по поводу иностранной политики, появляющіяся время отъ времени въ *Revue des Deux Mondes*. Шербюлье по происхожденію своему швейцарецъ, такъ какъ онъ родился въ Женевѣ, но онъ принадлежитъ къ семейству французскихъ протестантовъ, эмигрировавшихъ изъ Франціи; а вслѣдствіе законовъ революціи, потомки такихъ эмигрантовъ

всегда имѣютъ право, если только пожелаютъ, снова принять французскую національность. Шербиюле пожелалъ присоединиться къ французской національности, чтобы имѣть возможность поступить въ Académie française, которая не допускаетъ въ свою среду иностранцевъ.

Поэты, вообще, рѣдко бывали членами академій; послѣ смерти Отрана, тамъ теперь только два поэта: Викторъ Гюго и Делапрадъ. Поэтому любители хорошихъ стиховъ сочувственно привѣтствовали назначеніе Сюлли Прюдому членомъ академій. Три поэта въ массѣ, состоящей изъ сорока человекъ, конечно, составляютъ весьма незначительный процентъ. Это даже положительно мало, если принять въ соображеніе, что у насъ есть теперь цѣлая школа—такъ называемыхъ парнасцевъ,—которая довела искусство сочиненія стиховъ до замѣчательнаго совершенства, причеиъ издатель этихъ стиховъ, Лемэрръ, наживаетъ себѣ большое состояніе единственно лишь тѣмъ, что печатаетъ ихъ на превосходной бумагѣ эльзевиромъ. Однако-жь у поэтовъ «парнаской школы» критика находитъ большой недостатокъ именно въ томъ, что они болѣе хлопочутъ объ изящной формѣ, въ которую облачаютъ свои стихи, чѣмъ о самой поэзіи мыслей. Стихотворенія эти походятъ на превосходно выточенные маленькія вазы, въ которыхъ, однако-жь, ничего нѣтъ, кромѣ пустоты. Къ разряду такого рода поэтовъ, впрочемъ, уже никакъ не слѣдуетъ относить г. Сюлли Прюдому. Онъ прежде всего мыслитель. Онъ еще очень молодъ—для академика—родившись въ 1839 году. Его первые опыты были чисто научнаго свойства, и онъ даже попробовалъ было потомъ избрать себѣ карьеру въ области индустріи; но обуреваемый съ самыхъ молодыхъ лѣтъ страстью къ поэзіи, онъ издалъ въ свѣтъ цѣлую серію стихотвореній: *Stances et poèmes, les solitudes, les épreuves, les vaines tendresses*, переводъ въ стихахъ первой книги Лукреція и философскую поэму «*La Justice*». Всѣ его произведенія отличаются замѣчательной глубиной мысли, чистотой и энергіей формы, какихъ не встрѣчается въ такой степени ни у одного поэта изъ молодаго поколѣнія. Поэтому вступленіе г. Сюлли Прюдому въ число членовъ академій навѣрное будетъ сочувственно встрѣчено въ Европѣ всѣми любителями поэзіи. Я, конечно, очень хорошо понимаю, что самыя лучшіе стихи много теряютъ въ переводѣ и поэтому хочу попросить васъ воспроизвести въ оригиналѣ сонетъ, который даетъ весьма вѣрное понятіе о всегдашнемъ приеиъ поэта:

Le laboureur m'a dit en songe: Fais ton pain,
 Je ne te nourris plus, gratte la terre et sème.
 Le tisserand m'a dit: Fais tes habits toi-même;
 Et le maçon m'a dit: Prends la truelle en main.
 Et seul, abandonné de tout le genre humain
 Dont je traînais partout l'implacable anathème,
 Quand j'implorais du ciel une pitié suprême,
 Je trouvais des lions debout sur mon chemin.
 J'ouvris les yeux, doutant si l'aube était réelle:
 De hardis compagnons sifflaient sur leur échelle,
 Les messieurs bourdonnaient, les champs étaient semés.
 Je connus mon bonheur et qu'au monde où nous sommes
 Nul ne peut se vanter de se passer des hommes
 Et depuis ce jour là, je les ai tous aimés *).

Въ ту самую минуту, какъ въ академіи окончились выборы троихъ ея членовъ, наша литература понесла новую утрату. Скончался Шарль Бланъ. Его многочисленные труды по исторіи искусства и эстетики, именно его «Исторія живописцевъ всѣхъ школъ» доставила ему большую извѣстность. Онъ былъ роднымъ братомъ знаменитаго политическаго дѣятеля и публициста, Луи Блана; но будучи погруженъ въ свои историческія и артистическія изслѣдованія, онъ почти никогда не занимался политикой. Въ 1848 и въ 1872 году онъ былъ нѣкоторое время директоромъ изящныхъ искусствъ, въ тотъ періодъ, когда еще не существовало спеціальнаго министерства, и отправлялъ эту щекотливую должность, не возбудивъ противъ себя въ средѣ артистовъ ничего неудовольствія.

*) Вотъ подстрочный переводъ этого стихотворенія:

«Я видѣлъ во снѣ земледѣльца, который сказалъ мнѣ: добывай себѣ хлѣбъ самъ; я больше не намѣренъ кормить тебя; паши землю и сѣй. Ткачъ сказалъ мнѣ: изготавляй себѣ самъ ткани для твоего платья; а каменщикъ сказалъ: бери самъ лопатку въ руки. И оставшись одинъ, покинутый всѣмъ родомъ человѣческимъ, который всюду преслѣдовалъ меня безпощадными проклятіями, я воззвалъ къ небу, моля его сжалиться надо мною. Но тогда вдругъ на моемъ пути передо мною явились львы. Проснувшись, я все еще не вѣрилъ тому, что дѣйствительно наступаетъ дневной разсвѣтъ. Но услыхалъ смѣлыхъ работниковъ, стоявшихъ на своей высокой лѣстницѣ и насвистывавшихъ пѣсню; до меня долетало жужжанье трудящихся ремесленниковъ; хлѣбныя поля оказались засѣянными. Тутъ я созналъ мое счастье и понялъ, что въ здѣшнемъ мірѣ никто не можетъ похвастаться тѣмъ, чтобъ онъ не нуждался въ людяхъ. И съ этого самаго дня я полюбилъ ихъ всѣхъ».

Онъ мечталъ о созданіи въ Парижѣ музея копій со всѣхъ образцовыхъ произведеній, но такого рода мысль получила только начало своего осуществленія. Кромѣ «Исторіи живописцевъ всѣхъ школъ», его капитальнѣйшимъ трудомъ слѣдуетъ назвать «Грамматику рисовальнаго искусства», которая пользуется всемірной извѣстностью. Въ журналахъ появилась недавно почти никому неизвѣстная доселѣ подробность, касающаяся обоихъ братьевъ Бланъ, которые по своей матери были корсиканскаго происхожденія и родственниками вашего знаменитаго дипломата Поццо ди-Борго. Въ молодости своей они отправлялись даже отрекомендоваться своему двоюродному дѣду, жившему тогда въ Парижѣ. Поццо ди-Борго принялъ ихъ весьма холодно и ограничился только предложеніемъ имъ денегъ. Шарль Бланъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ, передалъ этотъ эпизодъ своей молодости слѣдующимъ образомъ:

«Я былъ свидѣтелемъ этой сцены, которая даже и въ настоящее время какъ будто происходитъ передъ моими глазами. Посланный положилъ довольно тяжеловѣсный мѣшокъ съ деньгами (наполненный пяти-франковыми серебряными монетами) за бюстъ Барла X и сказалъ: «Со времени революціи я уже не пользуюсь такимъ кредитомъ, какъ прежде, но я отрекомендую васъ обоимъ моему другу, господину Маркотту, директору лѣснаго вѣдомства». Съ этими словами, онъ досталъ изъ-за бюста туго набитый деньгами мѣшокъ и вручилъ его моему брату, который, поднявшись на цыпочки, положилъ мѣшокъ опять на прежнее мѣсто и сказалъ: «Мы не милостыни просимъ у васъ, а возможности примѣнить къ дѣлу наши способности».

Луи Бланъ уже собирался удалиться вмѣстѣ съ своимъ братомъ, откланявшись русскому послу, фамилію котораго носила ихъ мать до замужства, когда послѣдній, вѣроятно, желая сгладить произведенное имъ непріятное впечатлѣніе на молодыхъ людей, заговорилъ со старшимъ о ихъ матери такимъ образомъ: «Если у васъ обоихъ столько же ума, какъ у вашей матери, то вы навѣрное составите себѣ карьеру». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оба брата Бланъ дѣйствительно сдѣлали свою карьеру; но потомство, конечно, никогда не пожелаетъ соединить ихъ имена, въ особенности имя Луи Блана, съ именемъ Поццо ди-Борго!

Л. Левисъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Еврейскій вопросъ на русской почвѣ.

Прошлый годъ ознаменовался въ нашей внутренней жизни однимъ весьма крупнымъ, горячаго свойства явленіемъ, одновременно обнаружившимся, въ крайне рѣзкихъ формахъ, на огромномъ пространствѣ, въ многочисленномъ рядѣ однородныхъ фактовъ. Мы говоримъ о «погромѣ евреевъ», который принялъ было характеръ какого-то бурнаго, стремительнаго повѣтрія, охватилъ цѣлыя губерніи, и послѣдніе грозные раскаты котораго неожиданно разразились вдругъ въ Варшавѣ, уже въ исходѣ минувшаго года... Последніе - ли только?—Вопросъ также трудно поддающійся предсказаніямъ, какъ трудно предвидѣть и опредѣлить графически дѣйствіе подземнаго вулканическаго огня. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ такою же могучей стихійной силою, присущею народнымъ движеніямъ, которыя вспыхиваютъ по неисповѣдимой логикѣ исторіи, и только на близорукій взглядъ современниковъ представляются не болѣе, какъ случайными, дикими взрывами народного темперамента, уподобляемаго кое-какими мудрецами «разнузданному звѣрю»...

Мы полагаемъ, что, въ данномъ случаѣ, предъ нами одно изъ такихъ именно реальныхъ проявленій исторической логики—другими словами,—одинъ изъ ея вердиктовъ, потому что такого рода стихійныя соціально-политическія катастрофы, которыми разрѣшается обыкновенно каждое долготѣнее, весьма сложное по своимъ источникамъ, народное недовольство, и есть, въ сущности, неизбѣжный карающій *fatum*, олицетворявшій въ себѣ, по образной идеѣ элина, высшее непререкаемое правосудіе. Этотъ *fatum* дѣйствуетъ, правда, слѣпо и жестоко, нерѣдко обрушивается на невинныхъ—

за грѣхи ихъ отцовъ; онъ кажется бессмысленнымъ въ своемъ разрушительномъ порывѣ; но дѣло въ томъ, что подобныя явленія исторической стихіи нельзя мѣрять масштабомъ обыденной логики и морали, какъ не станете-же вы называть «нелѣпыми и безнравственными» разрушительныя изверженія, напр., Везувія потому только, что вамъ неизвѣстны физическіе законы, которыми они управляются и которыхъ вы не умѣете ни измѣнить, ни подчинить свой волѣ?..

Впрочемъ, взрывъ народнаго мщенія противъ евреевъ—не такое ужъ загадочное стихійное явленіе, чтобы его нельзя было ни объяснить, ни въ большей или меньшей степени предупредить и ослабить. И кажется, что теперь именно настала пора отнестись къ этому явленію съ рѣшительными мѣрами «предупрежденія» и «пресѣченія»... не въ томъ, конечно, смыслѣ, какъ понималъ эти охранительныя реченія Сквозникъ-Дмухановскій съ его, современными намъ, потомками по духу. Въ самомъ дѣлѣ, на нашихъ глазахъ произошло нѣчто, до того не укладываемое въ рамки европейской гражданственности, до того противорѣчащее сложившемуся въ насъ высокому мнѣнію о «нашемъ времени, когда»... когда «всечеловѣкъ», по выраженію покойнаго Достоевскаго, олицетворяющій въ себѣ любовь, миръ и братство всѣхъ «земнородныхъ», становится общедоступнымъ идеаломъ для всѣхъ, безъ различія, племенъ и націй,—что мы на минуту почувствовали себя какъ-бы перенесенными въ средневѣковый мракъ, обусловивавшій возможность изгнанія мавровъ изъ Испаніи, французскихъ варолюмеевскихъ ночей, сициліанскихъ вечерець, и т. под.

«Всечеловѣкъ», среди мирнаго теченія жизни, безъ всякихъ возбуждающихъ толчковъ извнѣ, ни съ того ни съ сего, раскалывается на двѣ враждебныя, дышашія непримиримой ненавистью, половинки, и—одна изъ этихъ половинокъ, сильнѣйшая, слѣпо, жестоко и беспощадно начинаетъ гнать другую, слабѣйшую, разрушать ея семейный очагъ и уничтожать ея достоиніе... Можно ли представить себѣ что нибудь болѣе ужасное и варварское, какъ зрѣлище согражданъ, живущихъ купно, подъ одной, такъ сказать, кровлей, опирающейся на незыблемыхъ столбахъ обществен-

наго союза и всечеловѣческаго братства,—согражданъ, сыновъ одного и того-же отечества, разъединившихся на два враждебные, воинствующіе лагеря, стремящихся разрушить эти великіе краеугольные столбы?!

«Такого позора для нашего города, для всѣхъ насъ, мы и представить себѣ не могли!»—гремѣли въ одинъ почти голосъ варшавскія газеты, предъ лицомъ «безпорядковъ», смутившихъ покой ихъ города.

Да, это дѣйствительно былъ «позоръ», но только обвинители стгоряча проглядѣли, какъ намъ кажется, истинныхъ, самыхъ главныхъ его виновниковъ, какъ проглядѣли они и начальные акты этого давняго, застарѣлаго «позора». Имъ бросился въ глаза и смутилъ ихъ только заключительный эпилогъ драмы, органически изъ нея вытекающій и, въ сущности, не имѣющій въ себѣ ничего неожиданнаго и сверхъестественнаго... Прослѣдите предшествовавшіе акты всей драмы, и—вы увидите, что расплата за ея сплошной позоръ выпала, по капризу судьбы, на долю самыхъ, быть можетъ, невиннѣйшихъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

Еврейскій вопросъ — вопросъ вѣковой и общечеловѣческой, и уже много разъ, не у насъ однихъ, но повсемѣстно, гдѣ скучивается еврейское племя, онъ заострялся въ такой жгучей и рѣзкой формѣ. Въ настоящее время, онъ выдвинутъ на первый планъ самой жизнью, причемъ замѣчательны одновременная повторяемость его и аналогичность формъ его проявленія въ разныхъ мѣстностяхъ, ничего не имѣющихъ между собою общаго, ни въ племенномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ. Мы были свидѣтелями, что евреевъ начали «бить» почти въ одно и то же время нѣмцы въ Германіи, поляки въ Варшавѣ, малороссы въ Елисаветградѣ и во всемъ почти юго-западномъ краѣ,—точно, всѣ сговорились и условились въ антисемитскомъ движеніи! Конечно, ничего похожаго на заговоръ и злоумышленное возбужденіе массъ изъ какихъ-либо конспиративныхъ центровъ тутъ не было и не могло быть, хотя кое-какіе, съ пылкимъ воображеніемъ, «сочинители» и усиливались прозрѣть такого рода зажигательныя науськиванія и револю-

ціонное руководство въ избіеніи евреевъ на нашемъ югѣ. Но это была очень ужь безцеремонная натяжка, никакими доводами и фактами не подтвердившаяся.

Повторяемость и спорадичность антисемитскихъ волненій, обнаружившихся въ столь отдаленныхъ другъ отъ друга и въ столь различныхъ между собою мѣстностяхъ,—явленіе глубоко знаменательное, весьма поучительное и, какъ продуктъ настроенія народныхъ массъ, носить характеръ чисто-стихійный. Мы говорили выше, что стихійность эта подчиняется извѣстнымъ историческимъ законамъ, а не есть какая нибудь случайность—простое нарушеніе тишины и порядка, вполне предупреждаемое «Уложеніемъ о наказаніяхъ». Она потребуетъ самаго пристального изученія со стороны социологовъ и людей государственныхъ, путемъ котораго—и только этимъ путемъ—можно прійти къ ея урегулированію и успокоенію. Прежде всего, необходимо установить возможно правильный взглядъ на еврейство—на его племенное, социальное и экономическое положеніе въ средѣ остального, господствующаго въ странѣ населенія. Мы безъ обиняковъ скажемъ, что, по нашему разумѣнію, «еврейство», въ томъ видѣ, въ какомъ оно сформировалось и существуетъ, напр., въ Россіи,—есть болѣзненный наростъ, который безобразитъ и парализуетъ весь общественный организмъ, питающій его своими соками. Отсюда его паразитность, его ненужность и даже вредъ въ экономіи народной жизни народнаго благосостоянія! Отсюда естественное стремленіе освободиться отъ этого нароста, ампутировать его,—стремленіе, созрѣвающее до степени нетерпѣливо-страстнаго, слѣпаго порыва въ тѣхъ, кого онъ наиболѣе и всего ближе угнетаетъ! Для того, чтобы убѣдить читателя въ вѣрности нашего заключенія, мы бѣгло рассмотримъ здѣсь еврейство, какъ національность, какъ экономическую корпорацію и какъ общественную группу, члены которой числятся русскими гражданами.

Извѣстно, что евреи, по своей національной обособленности и исключительности своего кагално-общиннаго союза, составляютъ ничто иное, какъ *status in statu* среди остального господствующаго населенія, по отношенію къ которому это еврейство становится

въ положеніе какихъ-то упавшихъ съ неба иноплеменниковъ, совершенно чуждыхъ «землѣ» и взирающихъ на нее алчными глазами завоевателей-хищниковъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, своего рода завоеватели, и дѣйствуютъ они въ сущности на такихъ-же началахъ разоренія и грабительства, на какихъ распоряжается иной жестокой побѣдитель среди покоренной имъ непріятельской страны. Разница только въ приѣмахъ и системѣ; но еще вопросъ—кто хуже и тягостнѣе для страны: тотъ-ли завоеватель, который, пройдя по ней съ огнемъ и мечемъ и взявъ съ нея тяжелую контрибуцію, удаляется со своей ордой во свояси, или тотъ, который тихомолкомъ, «яко тать въ нощи», прокрадывается въ страну, исподоволь оцѣпляетъ ее мирной, искусной, всепроникающей завоевательной системой, порабощаетъ всѣ ея производительныя силы посредствомъ всесторонней безпощадной эксплуатаціи, хищничества и паразитизма?—На нашъ вкусъ, Тамерланъ-завоеватель несравненно сноснѣе завоевателя-Шейлока, а потому и изъ двухъ вышепредставленныхъ видовъ завоеванія и нашествія иноплеменниковъ—мы выбрали-бы (еслибъ, избави Богъ, пришлось дѣлать такой выборъ) никакъ не послѣдній...

Что евреи, дѣйствительно, отождествляютъ собою завоевателей и являются нашествіемъ иноплеменныхъ—это подкрѣпляется еще тѣмъ общеизвѣстнымъ обстоятельствомъ, что они всюду, гдѣ успѣваютъ вѣдриться и скучиться, стремятся первымъ дѣломъ организовать свое кагальное «государство въ государствѣ», и образовать изъ своего крѣпкого союза, тѣсно соединеннаго общностью интересовъ религиозныхъ, племенныхъ и экономическихъ, какой-то, въ полномъ смыслѣ слова, непріятельскій укрѣпленный лагерь и въ то-же время этнографическій оазисъ среди завоеванной ими страны. Направляя всѣ свои силы, всю свою индустриальную дѣятельность и всю изворотливость своего ума къ единой цѣли—экономическаго порабощенія страны и ея населенія,—они въ то-же время, съ фанатической нетерпимостью и ревностью, стараются охранить себя, свой союзъ и свою племенную индивидуальность отъ всякаго духовно-культурнаго, ассимилирующаго общенія съ туземцами завоеванной ими страны. Напротивъ, считая себя Богомъ избран-

нымъ народомъ, они относятся къ этимъ аборигенамъ съ завѣдомымъ, принципиальнымъ презрѣніемъ и съ затаенной враждою, какъ къ чуждой для нихъ, низшей и нечистой расѣ паріевъ и варваровъ, не признанныхъ Іеговой. Они могутъ только эксплуатировать ихъ, подчинять и покорять своей власти, какъ рабовъ, во славу и во благодать великаго, единственно-великаго племени Израиля... Вотъ, въ обширхъ чертахъ, доктрина и практика еврейскаго «государства въ государствахъ», въ религіозно-національномъ и гражданско-экономическомъ отношеніяхъ!

Еврейское «государство»... Въ исторіи нѣтъ и не было болѣе странныхъ, болѣе чудовищныхъ фикцій! Въ смыслѣ государственномъ и даже въ смыслѣ національномъ, еврейство, какъ таковое, представляетъ собою нелѣпую, невозможную фикцію, реальное существованіе которой могло создаться, только благодаря, съ одной стороны, исключительнымъ судьбамъ этого племени, а съ другой, искусственнымъ перегородкамъ и неправильнымъ юридическимъ условіямъ, въ которыя оно было поставлено уже самими нами. Что это за удивительная, нигдѣ и никогда не виданная нація, которая съ незапамятныхъ временъ сбѣжала со своей территоріи, разбрелась по вселенной и растеряла, во время этихъ странствій, свою исторію, свою культуру, свою литературу, даже свой родной языкъ?.. Мы говоримъ — растеряла, потому что въ настоящее время, какъ извѣстно, всѣ эти достоинства древней еврейской цивилизаціи — засохшая, антикварная мертвечина, давнымъ давно остановившаяся въ своемъ развитіи и, своимъ бременемъ, только мѣшающая еврейству всецѣло пріобщиться къ остальному человѣчеству, перестать являться несноснымъ для него болѣзненнымъ наростомъ и, въ то-же время, какимъ-то чудовищнымъ анахронизмомъ. Нація безъ территоріи, безъ исторіи, безъ своей національной культуры, безъ своего языка, — что это, какъ не фикція, не анахронизмъ?! И нужно сказать, что само еврейство давно начало сознавать всю фальшь и призрачность своего національнаго индивидуализма, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Строго говоря, если смотрѣть на дѣло съ высоты историческаго взгляда, въ настоящую минуту мы застаемъ

еврейство въ періодѣ дезорганизаціи и разложенія, глубоко проникающихъ всю его, заскоруюлю въ вѣковыхъ предрассудкахъ и отжившихъ формахъ, толщу. Въ сущности, библейское предсказаніе о разсѣяніи евреевъ по лицу земли только теперь начинается осуществляться. До сихъ поръ,—напротивъ,—они, механически разбѣжавшись съ территоріи своей обѣтованной Палестины, не разсѣвались, а скучивались всюду, куда ни заносили ихъ рѣзвыя ноги и духъ пронырливости, всюду создавали свои маленькія Палестины, свои маленькія кагалныя государства. И только теперь, благодаря нивелирующему дѣйствию времени и цивилизаціи, эти уродливыя Палестины начинаютъ поменьку падать и разлагаться, а ихъ гражданинъ — столь ненавистный и презрѣнный «жидъ» — начинается перерождаться въ гражданина-европейца, роднаго и близкаго той странѣ, которая вскормила и вспоила его.

Нѣкоторые юдофилы, тайные и явные, — и въ томъ числѣ, нерѣдко, люди, претендующіе на европейскую образованность, — любятъ ставить въ честь и заслугу еврейской «націи» подвиги генія, труда и знанія знаменитыхъ, еврейскаго происхожденія, дѣятелей на разныхъ поприщахъ—такихъ, напр., всесвѣтно-извѣстныхъ дѣятелей и мыслителей, какъ Спиноза, Мендельсонъ, Гейне, Бёрне, Лассаль, Дизраэли и такъ далѣе, включительно до Рашели и нашей современницы, недавней петербургской гостыи, Сарры Бернаръ. Мы не будемъ здѣсь касаться довольно спорнаго вопроса о «даровитости» вообще еврейскаго племени; но, позволяемъ себѣ думать, что вышепоименованныя знаменитости, въ культурномъ отношеніи, столько-же принадлежать еврейству и оно настолько-же вправѣ ими гордиться, какъ своими, сколько можетъ распространяться это и на всякую европейскую знаменитость инаго племеннаго происхожденія. Извѣстно, напр., что Жуковский родился отъ турчанки, въ жилахъ Пушкина текла кровь негра, Лермонтовъ былъ шотландскаго происхожденія; но кому-же пришло-бы въ голову утверждать, что всѣ они были русскими и во всѣхъ отношеніяхъ?.. Точно также и Гейне, и Бёрне, и Лассаль были истые нѣмцы, совершенно чуждые еврейству, какъ чужды ему и истыя французженки, Рашель и Сарра

Бернаръ, хотя послѣднюю, говорятъ, и бѣгали встрѣчать съ овациями наши одесскіе еврейчики не какъ знаменитую артистку, а какъ свою компатріотку... Это было комическое недоразумѣніе! Въ томъ-то и заключается неопровержимое доказательство фиктивности націонализма евреевъ и мертвенности ихъ культуры, что они, едва-ли не со временъ библейскихъ пророковъ, не выставили и не въ состояніи выставить ни одного своего національнаго подвига и ни одного своего національнаго героя въ общемъ трудѣ и въ общей сокровищницѣ европейскаго генія и прогресса, и, что всѣ, являшіеся гдѣ-бы ни было и когда-бы ни было среди еврейства, геніи и таланты, отмѣченные перстомъ славы, начинали всегда съ полного отреченія отъ еврейства и безповоротно, всѣмъ своимъ существомъ, сроднялись со вскормившей ихъ европейской національностью и, такъ сказать, натурализировались въ христіанской культурѣ... И какъ-же могло быть иначе, при той культурной узкости, духовной затхлости и фанатическомъ мракобѣси, въ которыхъ цѣлые вѣка неподвижно вращается еврейство и гдѣ нѣтъ никакого простора для полета мысли и для творчества генія! По настоящему, — да оно такъ бывало и въ дѣйствительности, — всѣ эти вышедшіе изъ еврейства геніи и таланты подлежали съ его стороны проклятію, какъ отщепенцы отъ своей «націи» и измѣнники талмуду; кагалу и его завѣтамъ. И еврейство, со своей точки зрѣнія, въ этомъ случаѣ было право, потому что еврей, отдавшій себя служенію европейской христіанской цивилизаціи — уже не еврей, по самой натурѣ вещей.

Въ настоящее время, число такихъ отщепенцевъ отъ еврейства, разорвавшихъ съ нимъ связи болѣе или менѣе окончательно, увеличивается съ каждымъ днемъ повсемѣстно. Правда, въ большинствѣ случаевъ, этотъ испорченный типъ еврея — такъ называемый, «еврей цивилизованный», — какъ-то ухищряется одновременно ладить и съ кагаломъ, и съ «Европой», служить и нашимъ, и вашимъ, маскируя, нерѣдко, подъ покровомъ образованія, свободомыслія и эманципированности, самые темные и антипатичнѣйшіе инстинкты и привычки «жида»; но — это типъ переходный, временный, въ послѣдующихъ генерацияхъ котораго «жидъ» — будемъ надѣяться —

исчезнетъ неминуемо и безвозвратно. Нужно-бы только пособить скорѣйшему его «преобразованію» въ этомъ направленіи. Къ сожалѣнію, это еще очень долгая исторія, не по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, уже эмигрировавшимъ изъ своихъ, огражденныхъ китайскою стѣною, Палестинъ, а по отношенію ко всему еврейству, особенно у насъ, гдѣ оно составляетъ еще такую крѣпко-сплоченную, стройно организованную и превосходно дисциплинированную еврейскую «державу», раздвинувшую свои опустошительныя владѣнія на пространства огромной территоріи.

Между тѣмъ, съ этого именно пункта, т. е. съ разрушенія стѣны еврейскихъ Палестинъ, по нашему уподобленію, съ парализованія ихъ кагальнаго союза и отсюда—съ ослабленія искусственныхъ основъ, поддерживающихъ ихъ религіозно-племенную замкнутость и исключительность, словомъ, — съ упраздненія фиктивнаго еврейскаго націонализма и слѣдовало-бы начать коренное рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Еслибы это было рѣшено по разсматриваемому нами вопросу, тогда остальные его детали, такъ крикливо дающія о себѣ знанія нынѣ, сами собой упали-бы и потеряли свое вредоносное дѣйствіе. Дѣло въ томъ, что, при существованіи кагала, съ его дружной солидарностью и широкой корпоративной самопомощью, каждому еврею выгодно быть евреемъ — членомъ этого кагальнаго государства, дающаго ему моральную и матеріальную устойчивость противъ всякихъ напастей и искушеній. И наоборотъ, существованіе кагала, деспотически тяготѣющаго своимъ авторитетомъ и властью надъ совѣстью и матеріальнымъ положеніемъ каждаго своего члена, является, во многихъ случаяхъ, неодолимымъ тормозомъ для свободной ассимиляціи евреевъ съ пріютившей ихъ, господствующей христіанской народностью. Намъ лично не разъ случалось слышать отъ самихъ евреевъ, что они не рѣшаются окончательно разорвать съ еврействомъ просто изъ боязни навлечь на себя его проклятія и гоненія. Кому не извѣстны, наконецъ, безчисленные факты преслѣдованій и насилій, — кончавшихся иногда даже убійствами, — со стороны евреевъ, противъ тѣхъ ихъ соплеменниковъ и родственниковъ, которые, по влеченію личной совѣсти, переходили въ хри-

стіанство и соединялись съ христіанами, посредствомъ-ли брака, или другаго какого нибудь кордіального акта?

Кагалъ, какъ форма общиннаго союза, представляетъ собою единственное въ своемъ родѣ, чудовищное смѣшеніе теологии съ правомъ, религіозныхъ интересовъ съ экономическими и національными. Еслибъ еврейскій религіозный культъ не представлялъ собою сухой, бездушнoй формалистики и не исчерпывался одними внѣшними обрядами, еслибъ его всеобъемлющій ритуаль, включающій всѣ жизненныя отправленія въ узкія, нерѣдко безобразныя колодки обрядовъ и правилъ, составлялъ жизнедѣятельную систему, тогда еврей былъ бы связанъ имъ по рукамъ и по ногамъ, и весь ушелъ бы въ заботы о томъ, чтобы не провиниться какъ-нибудь предъ Іеговой въ нарушеніи того или другаго правила. Но еврей— большіе мастера въ философіи Чичикова— «и невинность соблюдать, и капиталъ прибрѣтать»; они изловчились такъ же обходить законы Моисея, какъ обходятъ обыкновенно сводъ россійскихъ законовъ. Они такъ удобно приладились къ своему сложному, громоздкому религіозному кодексу, что Іегова имъ во всемъ помогаетъ и ни въ чемъ не препятствуетъ. Святости житія у апостоловъ еврейства вовсе не противорѣчатъ, напр., алчная нажива, притѣсненіе слабыхъ, торгашество и всевозможные тонкіе гешефты, на канвѣ которыхъ можно разглядѣть всякіе узоры челоувѣческаго хитроумія и эгоизма, но—ни малѣйшей нитки стыда, долга и челоувѣчности. Мы здѣсь встрѣчаемся съ чрезвычайно важнымъ «вещественнымъ доказательствомъ», громко вопіющимъ противъ еврейства, какъ общественно-нравственной системы.

Безъ сомнѣвія, еврей, с а м и п о с е б ѣ, какъ всякіе другіе «инородцы», нисколько не хуже и не лучше, въ нравственномъ отношеніи, всѣхъ остальныхъ людей; но самое еврейство, какъ этико-юридическая система, положительно безнравственна на аршинъ общечелоувѣческой. Безнравственно оно уже потому, что оно мертво, что въ немъ давно угасъ творческій духъ, что въ немъ нѣтъ мѣста ни животворящему духу скептицизма и обновленія, ни высшему критериуму, почерпающему свой авторитетъ и свою чистоту въ общечелоувѣческихъ идеалахъ, зрѣющихъ и не-

прерывно развивающихся на почвѣ христіанской цивилизаціи. Всякая нравственная система, въ которой отсутствуют эти условія жизни и правды,—мертвый хламъ, затемняющій совѣсть и разумъ исповѣдующихъ ее, и порождающій систематическую ложь и безнравственность. Таково, именно, еврейство, — съ указанной здѣсь точки зрѣнія,—давно превратившееся въ одну внѣшнюю формалистику, въ сосудъ безъ содержанія, а потому и служащій съ полнымъ удобствомъ для «мерзости запустѣнія», для примиренія самыхъ невозможныхъ нравственныхъ противорѣчій и для безграничнаго разгула эгоистическихъ инстинктовъ, личныхъ и кагалныхъ.

Этимъ вполне объясняется, что такое еврейство, какъ одинъ изъ экономическихъ факторовъ въ странѣ. Сплоченное въ тѣсный союзъ не гуманитарными скрѣпами общечеловѣческой морали, по-сгроенной на христіанской любви, но религиозно-племеннымъ, узкимъ и надменнымъ эгоизмомъ, оно не можетъ, и по принципу, и по условіямъ своего исключительнаго, замкнутаго быта, чувствовать какое бы ни было сродство съ «землей» и съ окружающимъ его христіанскимъ населеніемъ, а напротивъ, должно стать во враждебныя, завоевательныя отношенія къ нимъ, стремиться подчинить ихъ себѣ тѣмъ или другимъ способомъ, для своего собственного существованія. Во время оно, евреи завоевывали и покоряли иноплеменные Іерихоны воинственными трубными звуками, мечемъ и огнемъ; нынѣ, находясь въ благодарномъ положеніи побѣжденныхъ, угнетенныхъ и слабѣйшихъ, они достигаютъ, по существу, той же цѣли болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ іерихонскія трубы, оружіемъ—обмѣромъ и обвѣсомъ, корчемствомъ и ростовщичествомъ, спекуляціей, барышничествомъ и т. п. орудіями и способами богатаго гешефтмахерскаго арсенала. Эксплуатація производительныхъ силъ народа, чужаждство и хищничество—вотъ экономическій девизъ, вотъ знамя воинствующаго и побѣдоноснаго Израиля на лонѣ русской земли!

Насъ одушевляетъ отнюдь не племенная и не какая либо иная ненависть къ евреямъ,—мы только констатируемъ факты и пытаемся установить правильный взглядъ на еврейство. Не наша вина,

что еврейство въ Россіи сформировалось въ чуждую и враждебную народному благостоянію, хищную орду—въ нашествіе иноплеменныхъ: не наша вина, что кагальное государство, представляя собою уродливое *status in statu*, есть ничто иное, какъ паразитный, болѣзненный наростъ на организмѣ русскаго народа и, само по себѣ, лишено всякихъ жизненныхъ, творческихъ силъ; не наша вина, что евреи, поскольку они остаются вѣрноподданными членами кагальной державы, оказываются очень плохими гражданами русскаго государства, служатъ ему за неволю и изъ подъ палки, и изыскиваютъ гнуснѣйшіе способы «избыть» службу государству, какъ это краснорѣчиво доказывается, напр., массой подлоговъ, изворотовъ и подкуповъ, при посредствѣ которыхъ евреи избѣгаютъ воинской повинности...

Если-же все это такъ, то мы вполне поймемъ, если не оправдаемъ, взрывъ народнаго негодованія и мщенія, вспыхнувшій съ такой страстностью и силой противъ еврейства во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно раскинуло свои сѣти и чужеядно присосалось къ народному поту и крови. Это былъ глубоко-поучительный урокъ и предостереженіе евреямъ, и намъ самимъ... Напрасно юдофилы-туземные и международные, влючительно до засѣдающихъ въ англійскомъ парламентѣ, агитирующихъ въ *Times's*» противъ «варварства» Россіи и собирающихся, по послѣднимъ извѣстіямъ, подать коллективную «петицію» русскому правительству,—напрасно стараются они оправдать еврейство и объяснить народный взрывъ противъ него юдофобскими науськиваніями, племенной ненавистью и суевѣрнымъ фанатизмомъ толпы. Печальныя явленія, которыхъ мы были очевидцами, обязаны своимъ возникновеніемъ исключительно соціальной кривдѣ и экономическому гнету, выразителями которыхъ, и притомъ самыми нетерпимыми—самыми ближайшими къ народу—всегда были и остаются евреи...

Теперь остается пожелать и постараться, чтобы грозное предостереженіе не пропало безслѣдно.

Повторяемъ, дни еврейства, въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ существуетъ, сочтены. Оно, рано или поздно, будетъ поглощено нашей народностью и культурой; самое названіе его сотрется

съ лица земли и изъ памяти народной. Этотъ ассимилирующій процессъ совершается на нашихъ глазахъ. Тысячи еврейскаго юношества рвутся въ русскія школы, учатся по-русски, проникаются русскими воззрѣніями и обычаями, входятъ въ близкое плодотворное общеніе съ русскимъ народомъ, и хотя, покамѣстъ, изъ рядовъ его выходитъ не мало рафинированныхъ представителей антипатичнаго типа «цивилизованнаго жида», но—это уже потерянные для еврейства члены, если не въ своемъ лицѣ, то въ лицѣ ихъ дѣтей и внуковъ, которые окончательно и неминуемо вырождаются въ совершенно русскихъ людей... Русскій народъ — слишкомъ большая, слишкомъ здоровая и крѣпкая своимъ національнымъ духомъ сила, чтобъ не засосать въ своей массѣ и не ассимилировать безслѣдно, брошенную исторіей въ его среду, кучку какихъ-бы ни было инородцевъ. Мы вѣримъ, что еврейство исчезнетъ съ лица русской земли; но—это дѣло вѣковаго процесса, который можно и замедлить, и ускорить, смотря по тому, какими условіями онъ будетъ обставленъ въ государственномъ отношеніи. Въ этомъ весь еврейскій вопросъ! И понятно, что въ интересѣ государства и русскаго народа, а также и самихъ евреевъ, слѣдуетъ употребить всѣ мѣры для ускоренія указаннаго процесса, вполне и безповоротно разрѣшающаго еврейскій вопросъ. Не должно быть никакихъ колебаній, никакихъ окольныхъ дорогъ въ преслѣдованіи единственно разумной въ этомъ дѣлѣ задачи: — уничтоженія всякой племенной и юридической обособленности евреевъ, разрушенія перегородокъ, обусловливающихъ ихъ замкнутость и скученность, и упраздненія всѣми мѣрами кагала, съ его явными и тайными функціями, какъ невозможнаго, немыслимаго *status in statu*, которымъ, главнымъ образомъ, и держится еврейство...

Мы здѣсь переходимъ уже за предѣлы настоящаго нашего обзрѣнія—къ мѣрамъ рѣшенія еврейскаго вопроса. Это не составляло нашей цѣли, но, быть можетъ, мы специально займемся впоследствии мѣрами, пригодными для рѣшенія поставленной задачи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Неблагополучное положеніе дѣлъ въ „единой Германской Имперіи“. — Новая конституціонная теорія князя Бисмарка. — Ближайшая причина появленія указа 4 января. — Министерство Гамбетты въ борьбѣ съ коалиціею партій. — Паденіе кабинета.

1882 годъ обѣщаетъ быть годомъ тяжелаго кризиса для Германіи. Положеніе дѣлъ натянуто до послѣдней степени. Между народомъ и правительствомъ готова образоваться пропасть, заполнить которую можно будетъ только обломками нынѣшняго quasi-конституціоннаго строя имперіи. Никогда еще «железный канцлеръ» не встрѣчалъ такого упорнаго сопротивленія своей политикѣ, своимъ стремленіямъ. Онъ видитъ отпоръ на всѣхъ пунктахъ. Начинаетъ даже колебаться въ своихъ основахъ, железомъ и кровью сплоченное, зданіе единой Германской имперіи, на возвышеніе котораго Бисмаркъ посвятилъ всю свою жизнь. На время смолкнувшая оппозиція имперскому единоначалію снова стала поднимать голову. Еще на этихъ дняхъ, баварская палата депутатовъ высказалась въ духѣ весьма враждебномъ имперіи. Одинъ изъ депутатовъ, клерикалъ Лерцеръ внесъ предложеніе о сокращеніи военныхъ издержекъ и, не взирая на вмѣшательство министерства, пытавшагося доказать, что этимъ нарушаются обязательства, принятые на себя Баваріей относительно имперіи, — предложеніе его было принято значительнымъ большинствомъ собранія. Подобная же демонстрація устроена была и имперскимъ рейхстагомъ, гдѣ, большинствомъ 233 голосовъ противъ 115, прошло предложеніе вождя партіи центра, т. е. клерикаловъ, Виндгорста, объ отиѣнѣ нѣкоторыхъ положеній майскаго закона 1873 года. Закономъ этимъ, которымъ римско-католическая церковь поставлена была въ полную зависимость отъ государства, князь Бисмаркъ думалъ завершить дѣло объединенія имперіи, такъ какъ считалъ католическое духовенство одной изъ главныхъ опоръ партикуляризма; и вотъ закону этому наносится ударъ, и гдѣ же? въ законодательномъ собраніи, олицетворяю-

щемъ собой идею обще-германскаго единства. Знаменательному рѣшенію рейхстага особенно демонстративный характеръ придаетъ то обстоятельство, что большинство, вотировавшее въ пользу предложенія Виндгорста, составилось изъ самыхъ разнообразныхъ и другъ-другу враждебныхъ элементовъ: за него подали голоса, кромѣ клерикаловъ, и партикуляристы всѣхъ подраздѣленій, и социаль-демократы, и прогрессисты, и либералы-сецессионисты, и даже часть консерваторовъ. Этимъ парламентъ хотѣлъ ясно выразить свое недовѣріе къ Бисмарку и его политикѣ. Во всякомъ другомъ конституціонномъ государствѣ, министерство, послѣ такой демонстраціи со стороны представительнаго собранія, сочло-бы себя обязаннымъ выйти въ отставку; но, очевидно, въ Пруссіи и Германіи—порядки иные. Князь Бисмаркъ и не помышляетъ объ уступкахъ. Напротивъ того, встрѣчаемое имъ сопротивленіе только усиливаетъ его упорство, и онъ твердо рѣшился идти напроломъ и, конечно, не побоялся сокрушить тѣ конституціонныя преграды, которыя мѣшаютъ ему идти по разъ избранному имъ пути. Канцлеръ намѣренъ доказать нѣмецкому народу, что онъ ошибается въ расчетахъ, думая противопоставить его власти власть народныхъ представителей, что у послѣднихъ нѣтъ для борьбы съ нимъ ни надлежащей силы, ни даже законныхъ полномочій. Мысль эта усиленно проводится довольно таки многочисленной стаей его застрѣльчиковъ, такъ называемыми оффиціозными органами берлинской печати, которые служатъ главнѣйшими истолкователями и распространителями теорій имперскаго канцлера. «Государство, восклицаетъ, напримѣръ, «*Norddeutsche Allegemeine Zeitung*», нельзя низводить на степень раба общества, олицетвореннаго въ парламентъ!» А другая преданная князю Бисмарку газета, «*Post*», развивая аналогичную мысль, облекаетъ ее даже въ хозяйственно-поэтическую форму: «Роль парламента въ государствѣ, говоритъ она, та же, что роль доброй жены и хозяйки въ семьѣ», т. е. роль преданнаго совѣтника, но всегда покорнаго и подневольнаго.

Дѣло такимъ образомъ сводится къ вопросу о существованіи германской имперіи, какъ конституціоннаго государства. Представительная форма правленія всегда была ненавистна Бисмарку, абсолютисту съ головы до ногъ, а теперь, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда либо. Оттого-то правительственные органы печати такъ и возстаютъ противъ парламентаризма, стараясь всячески дискредитировать въ глазахъ народа имъ же избранныхъ представителей. Они инсинуируютъ, что кто противъ правительства, тотъ противъ князя Бисмарка, кто-же противъ Бисмарка

тотъ противъ императора, и что нельзя быть вѣрноподданнымъ и въ то-же время держаться оппозиціи: по ихъ мнѣнію, кто не за правительство, тотъ или тайный республиканецъ и крамольникъ, или же по малой мѣрѣ партикуляристъ, иначе говоря, врагъ имперіи и императора. Подобныя мысли высказываются не только газетными политиками, но и людьми, стоящими во главѣ управленія. Такъ, когда въ нынѣшнемъ парламентѣ поднятъ былъ вопросъ о вліяніи чиновниковъ на выборы, то министръ Путткамеръ произнесъ рѣчь совершенно въ духѣ названныхъ ультра-консервативныхъ газетъ и принеся благодарность чиновникамъ, именно, за выказанное ими усердіе на выборахъ, то самое усердіе, которымъ такъ отличались французскіе префекты въ эпоху Наполеона III, беззащитливо проводя въ парламентъ правительственныхъ кандидатовъ. Но несравненно прямѣе и рѣзче дѣйствуетъ самъ желѣзный канцлеръ. Онъ теперь ставитъ вопросъ ребромъ и уже рѣшительно не признаетъ за нѣмцами права пользоваться конституціонными гарантіями. Какъ-бы намѣренно игнорируя конституціонныя обычаи, онъ выставляетъ впередъ личность самого императора и ставитъ его такимъ образомъ отвѣтственнымъ за всѣ дѣйствія правительства. Такъ поступилъ онъ при открытіи рейхстага и, съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности, сталъ вводить эту небывалую въ конституціонныхъ государствахъ систему. Встрѣчая же упорное сопротивленіе со стороны депутатовъ, князь Бисмаркъ хватается за послѣднее средство: онъ понуждаетъ престарѣлаго императора къ тому рѣшительному шагу, который можно назвать кульминаціоннымъ пунктомъ въ ходѣ государственнаго развитія нѣмецкаго народа, такъ какъ за нимъ слѣдуетъ ожидать или полной, безграничной реакціи, или же умаленія лояльныхъ чувствъ въ народѣ. Шагъ этотъ—указъ императора отъ 4 января, немало озадачившій Европу, какъ своимъ, ничѣмъ не мотивированнымъ появленіемъ, такъ и своимъ содержаніемъ. Содержаніе это до того любопытно и знаменательно, что не мѣшаетъ привести его въ главныхъ, существенныхъ выдержкахъ. Вотъ что говорится въ указѣ:

«Право короля вести управленіе и политику Пруссіи по своему соизволенію ограничено конституціей, но не устранено; правительственные акты короля нуждаются въ скрѣпленіи ихъ подписью министра..... однако, все таки остаются правительственными дѣйствіями самого короля, исходящими изъ его воли и выражающими его мысль и побужденія. Поэтому нельзя допускать, дабы не затемнить смысла конституціонныхъ правъ короля, чтобы права эти предстѣвлялись какъ бы

исходящими отъ отвѣтственныхъ министровъ, а не отъ самого короля... Въ виду этого, моя воля въ томъ, чтобы, какъ въ Пруссіи, такъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ имперіи, не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ моемъ и моего наслѣдника правѣ лично руководить политикой моего правительства и чтобы не допускалась мысль о томъ, будто искони признаваемая въ Пруссіи и 43 статей конституціи узаконенная неприкосновенность личности короля, или необходимость отвѣтственнаго скрѣпленія моихъ правительственныхъ распоряженій, устранили самостоятельность королевскихъ рѣшеній. Обязательность моихъ министровъ—охранять мои обусловленные конституціей права.....; того же ожидаю и отъ всѣхъ чиновниковъ, присягавшихъ мнѣ въ вѣрности. Я далекъ отъ того, чтобы посягать на свободу выборовъ; но тѣ должностныя лица, которымъ довѣрено исполненіе моихъ правительственныхъ распоряженій...., самой присягой обязываются и на выборахъ быть выразителями политики моего правительства»...

До крайности интересна и самая исторія происхожденія этого любопытнаго документа: она хорошо рисуетъ нравы и закулисныя махинаціи въ правительственныхъ сферахъ. Рассказываютъ, что князь Бисмаркъ уже давно старался понудить императора подписать указъ, составленный въ вышеприведенномъ духѣ, но что императоръ долго не соглашался. Понудила его къ тому исторія съ президентомъ Восточной Пруссіи, Горномъ. Императору было донесено о бездѣтельности послѣдняго во время выборовъ, давшей возможность прогрессистамъ одержать побѣду, и о его рѣзкомъ отвѣтѣ на выговоръ, сдѣланный ему министромъ Путткамеромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Бисмаркъ, ссылаясь на только что произнесенную Вирховомъ рѣчь въ рейхстагѣ противъ министерства, представилъ императору, что обществу грозитъ опасность, если позволено будетъ президентамъ провинцій и профессорамъ нападать на правительство. Все это такъ повліяло на престарѣлаго государя, что тотъ наконецъ рѣшился уступить настояніямъ своего канцлера.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если указъ 4 января произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Германіи и вызвалъ глубокую сенсацію за границей, гдѣ привыкли смотрѣть на положеніе германскихъ дѣлъ съ чисто конституціонной точки зрѣнія. Въ либеральныхъ нѣмецкихъ сферахъ, на первыхъ порахъ, старались даже не понять его значенія. «Koelnische Zeitung», напримѣръ, пыталась доказывать, что королевскій указъ—ничто иное, какъ воззваніе къ вѣрноподданническимъ чувствамъ правительственныхъ чиновниковъ. Быть можетъ, это до нѣко-

торой степени и вѣрно, но тѣмъ не менѣе, изложенныя въ указѣ доктрины остаются во всей ихъ наготѣ. Императоръ прямо заявляетъ, что не признаетъ верховныхъ правъ за народомъ, а слѣдовательно, и за парламентомъ. По его мнѣнію, управляетъ одинъ только король; представители же народа—не болѣе, какъ посредники между нимъ и государемъ. Они обязаны доводить до свѣдѣнія правительства о нуждахъ народа, но не должны дерзать противопоставлять свою политику политикѣ государя. Доктрины эти, конечно, новы для государствъ съ представительной формой правленія, почему онѣ и вызвали такое удивленіе за границей; но у себя дома, въ Германіи, онѣ возбудили лишь чувство скорби и какъ бы приниженности. Дѣло въ томъ, что Германія—вовсе не конституціонная держава въ строгомъ смыслѣ этого слова. Какъ въ имперіи, такъ и въ Пруссіи, министерская отвѣтственность строго установлена лишь относительно государя, но не относительно палаты. Не палата, а онъ составляетъ и увольняетъ министерство; онъ же приводитъ въ исполненіе и законы. Положимъ, депутатамъ дозволяется критиковать дѣйствія министерства, даже отказывать ему въ кредитѣ, но существованіе правительства нисколько не зависитъ отъ парламента, и уполномоченное императоромъ лицо, въ случаѣ крайности, можетъ обойтись и безъ содѣйствія народныхъ представителей, какъ это и доказалъ князь Бисмаркъ въ 1865 году, когда онъ неоднократно распускалъ парламентъ и самовольно расходовалъ на военные нужды суммы, не внесенныя въ бюджетъ. Словомъ, германскій парламентаризмъ представляетъ собой явленіе совершенно особаго вида, и ничего общаго съ конституціонной системой западно-европейскихъ государствъ не имѣетъ.

Изъ всего вышесказаннаго становится очевиднымъ, что императоръ Вильгельмъ, публикуя свой указъ отъ 4-го января, строго держался законной почвы и былъ далекъ отъ намѣренія произвести государственныя перевороты, какъ это ему приписываютъ за границей. Въ этомъ указѣ онъ не прибѣгаетъ къ какимъ-либо новымъ толкованіямъ существующихъ отношеній между престоломъ и народными представителями; онъ просто констатируетъ фактъ и излагаетъ принципы, на которыхъ зиждется все государственное зданіе германской имперіи. Указъ переходитъ за предѣлы строгой справедливости только тамъ, гдѣ взываетъ къ вѣрноподданническому чувству чиновниковъ и требуетъ отъ нихъ, въ силу принесенной ими присяги, беспрекословнаго исполненія данныхъ приказаній. Этимъ пересаживается на германскую почву извѣстная наполеоновская система давленія на общество, при помощи многочисленной

и строго дисциплинированной армии правительственных агентов, — система, оставившая такие тяжелые слѣды на Франціи, а въ результатѣ въ конецъ подорвавшая престижъ имперіализма. Система эта тѣмъ гибельнѣе можетъ отозваться въ Германіи, что тамъ духъ чиновничества пустилъ глубокіе корни въ народѣ. Сами нѣмцы сознаются, что у нихъ нельзя ясно опредѣлить, гдѣ кончается чиновникъ и гдѣ начинается простой гражданинъ. Строго говоря, всѣ учителя, всѣ профессора, занимающіе каѳедры въ университетахъ, — тоже чиновники. Отсюда слѣдуетъ, напримѣръ, признать измѣнникомъ Вирхова за его противоправительственныя рѣчи въ парламентѣ; такимъ же измѣнникомъ является и престарѣлый профессоръ Момсенъ, потому что въ рѣчахъ своихъ, во время избирательнаго движенія, остерегалъ народъ отъ цезаризма, который все прочнѣе и прочнѣе насаждается въ Пруссіи и Германіи. Помимо этого обстоятельства, императорскій указъ отъ 4-го января какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ буквѣ прусско-германскихъ узаконеній. Другой вопросъ, насколько онъ цѣлесообразенъ и насколько отвѣчаетъ духу времени. За послѣднее время, и въ Германіи, и въ Пруссіи, династическіе интересы не стояли на первомъ планѣ и германскому народу была предоставлена властью бѣльшая доза политической самостоятельности, чѣмъ какая принадлежитъ ему по закону. Онъ привыкъ пользоваться этой самостоятельностью и, номинально обладая тѣми же учреждениями, какія находятся въ дѣйствительно конституціонныхъ государствахъ, сталъ чувствовать себя въ положеніи народа, пользующагося полной свободой и всѣми политическими правами. И вдругъ монаршая воля разсѣиваетъ его иллюзіи и приводитъ къ горькой дѣйствительности.

Это и придаетъ трагическій характеръ кризису, переживаемому теперь Германіей. Очевидно, германская имперія близится къ тому критическому моменту, который въ концѣ 60 годовъ перенесла на себя французская имперія, когда народъ, потерявъ довѣріе къ режиму личной власти, сталъ требовать возврата къ прежнимъ парламентскимъ порядкамъ. Князь Бисмаркъ до того натянулъ всѣ пружины личной власти, что многія изъ нихъ перестали оказывать надлежащее воздѣйствіе, и нѣмецкій народъ, недовольный настоящимъ и опасаясь за будущее, все сильнѣе и сильнѣе чувствуетъ необходимость принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ управленія и контролировать дѣйствія правительства. Въ сущности, Германія теперь переживаетъ именно то, что

въ былое время довелось пережить другимъ государствамъ, ранѣе ея вступившимъ на самостоятельное политическое поприще. Въ Англіи, напримѣръ, борьба между королевскою властью и парламентомъ длилась нѣсколько столѣтій подъ рядъ. Она началась еще въ XIII вѣкѣ и закончилась только въ XVII, когда наконецъ утвердился теперешній государственный строй, которымъ по справедливости гордится Англія. Та же борьба происходила и во Франціи, съ начала реставраціи и вплоть до 50-хъ годовъ, когда Наполеономъ III введена была конституція, подобная существующей нынѣ въ Германіи, конституція, по которой отвѣтственны не министры, а самъ императоръ, парламенту же предоставляется лишь совѣщательный голосъ. Конецъ этой борьбы извѣстенъ: революція 1870 года низвергнула имперію, и на ея развалинахъ прочно установилась республика.

Какой оборотъ приметъ въ Германіи начавшаяся борьба между конституціонными началами и принципами самодержавія, — пока предвидѣть трудно. Либералы не теряютъ надежды на успѣхъ и вѣрятъ въ окончательное торжество новыхъ государственныхъ началъ надъ старыми. Во всякомъ случаѣ, настоящее критическое положеніе является хорошей школой для нѣмцевъ, поможетъ имъ стать на ноги и превратиться изъ кабинетныхъ политиковъ въ практическихъ дѣятелей на общественно-государственномъ поприщѣ.

И для Франціи 1882 годъ начался серьезнымъ кризисомъ. Между правительствомъ и палатой вдругъ возникло крупное недоразумѣніе. Чуть не ставится даже вопросъ о довѣрїи или недовѣрїи къ министерству. Французскій кризисъ существенно, однако, отличается отъ германскаго тѣмъ, что онъ строго держится конституціонной почвы. Къ тому же, за первымъ всѣ шансы на благополучный исходъ. Какой бы оборотъ ни приняли дѣла, кризисъ во Франціи во всякомъ случаѣ долженъ разрешиться полнымъ утвержденіемъ началъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго развитія республики. Быть можетъ, вслѣдствіе случайныхъ причинъ и благодаря чувству недовѣрїя къ министерству, составленному Гамбеттой, окончательное торжество этихъ началъ и будетъ на время отсрочено; но, въ концѣ концовъ, такая временная отсрочка не помѣшаетъ осуществленію реформъ, нынѣ внесенныхъ на разсмотрѣніе палаты и, въ сущности, одобряемыхъ всѣми истинными республиканцами.

Вступленіе Гамбетты въ управленіе дѣлами было вызвано необходимостью. Онъ одинъ представлялъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы успѣш-

но завершить здание республики. «Что бы ни говорили, замѣчаетъ «Темпс», личность Гамбетты все-таки — самая могущественная, самая одаренная, самая симпатичная въ нашей партіи». Недовольство, существующее какъ въ палатѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ, касается не столько самого Гамбетты, сколько его министерства. Оно разочаровало всѣхъ, и этого разочарованія французы не могутъ простить Гамбеттѣ. Отъ него ждали министерства, заранѣе окрещеннаго «великимъ», ждали, что онъ выберетъ себѣ изъ числа представителей большинства палаты наиболѣе крупныя силы, наиболѣе яркія свѣтила республики, ждали потому, что только одинъ онъ могъ сгруппировать ихъ въ одно блестящее цѣлое; но онъ не захотѣлъ, и это его нежеланіе и ставится ему въ вину. А между тѣмъ онъ не захотѣлъ именно потому, что только съ министерствомъ, составленнымъ изъ лицъ безъ особенныхъ заслугъ, а слѣдовательно, и безъ непомѣрныхъ претензій, но зато всей душой преданныхъ дѣлу республики, онъ могъ успѣшно совершить возложенную на него задачу. Настоящій кризисъ доказываетъ это нагляднѣе всего: въ виду сильной оппозиціи, всѣ министры, какъ одинъ человекъ, сплотились вокругъ своего вождя, и нѣтъ между ними ни малѣйшихъ разногласій.

Реформы, предлагаемыя нынѣ Гамбеттой, вовсе не представляютъ собой чего либо новаго и неожиданнаго. Необходимость ихъ давно уже сознавалась всѣми: всѣ ждали, что онѣ будутъ внесены на разсмотрѣніе палаты, и ждали почина въ этомъ дѣлѣ именно отъ Гамбетты. Къ тому же, все было заранѣе подготовлено, и путь для нихъ разчищенъ: выборы 20 августа и 4 сентября дали въ палатѣ перевѣсъ сторонникамъ реформъ; оставалось дѣло лишь за сенатомъ. До сихъ поръ послѣдній, составленный болѣе чѣмъ на половину изъ приверженцевъ старыхъ порядковъ и неискреннихъ республиканцевъ, постоянно тормозилъ дѣло республики; но сенатскіе выборы 8 января устранили и это неудобство. Теперь въ сенатѣ на 205 республиканцевъ приходится всего 95 консерваторовъ. Если даже къ послѣднимъ присоединить и группу квази-республиканца Жюля Симона, которая, изъ-за безмѣрнаго честолюбія своего вождя, находилась все время въ систематической оппозиціи и съ министерствомъ Фрейсина, и съ министерствомъ Ферри, то и тогда на сторонѣ первыхъ будетъ большинство въ 170 сенаторовъ.

Дождавшись такого результата сенатскихъ выборовъ и избранія въ президенты сената Леона Сэ, сочувствующаго дѣлу реформы, Гамбетта, не теряя времени, на первыхъ же порахъ только что открывшейся

парламентской сессии, внесъ въ палату составленный имъ проектъ пересмотра конституціи или, вѣрнѣе, пересмотра тѣхъ статей конституціи, которыя подлежатъ измѣненію, въ видахъ устраненія препятствій, мѣшающихъ правильному развитію республиканскаго строя. Въ засѣданіи 14 (2) января, Гамбетта прочелъ вносимый имъ законопроектъ и мотивы, поясняющіе его необходимость и значеніе. Въ основаніе его полагается созваніе конгресса, или національнаго собранія, т. е. соединеннаго собранія сената и палаты, для пересмотра основныхъ конституціонныхъ законовъ. Пересмотръ этотъ долженъ быть частичный, а не всей вообще конституціи. Далѣе, обсужденію конгресса подлежатъ лишь тѣ статьи, которыя будутъ предварительно указаны ему палатой; въ свою очередь и палата обязуется рассмотреть только тѣ пункты, которые указаны въ законопроектѣ и которые пойдутъ на обсужденіе конгресса. Предлагаемая на пересмотръ, статьи конституціи касаются: 1) выборовъ въ сенатъ, 2) общихъ выборовъ и 3) отмѣны публичныхъ молитвъ при открытіи и закрытіи палатъ. Важны только первые два пункта, такъ какъ ими устанавливаются на новыхъ и болѣе широкихъ началахъ выборы народныхъ представителей и сенаторовъ, а тѣмъ самымъ на будущее время значительно измѣняется и самый составъ какъ сената, такъ и палаты депутатовъ. Первый пунктъ касается организациі сената и выбора сенаторовъ, какъ вообще, такъ и пожизненныхъ или несмѣняемыхъ. Несмѣняемые прежде избирались однимъ сенатомъ; теперь же предлагается, чтобы они избирались обѣими палатами, т. е. сенатомъ совмѣстно съ палатой депутатовъ. Но гораздо важнѣе измѣненіе, вносимое въ общіе выборы въ сенатъ по департаментамъ. По конституціи 1875 года, каждая община, какъ бы она значительна или незначительна ни была, выбираетъ по одному делегату въ избирательную коллегію, назначенную для избранія сенатора. Такимъ образомъ, на одну доску ставились и большой населенный городъ, и какая нибудь незначительная деревушка.

Несправедливость такого распредѣленія очевидна. И вотъ теперь законопроектъ предлагаетъ, чтобы за единицу принята была не община, а извѣстное число избирателей; а именно, чтобы общины, въ которыхъ менѣе 500 избирателей, назначали по одному делегату; въ тѣхъ же, гдѣ 1,000 избирателей — по два делегата; 2,000 — по 4 и т. д. Отсюда, на долю такихъ большихъ городовъ, какъ Лионъ, Марсель, Бордо, придется болѣе 100 депутатовъ на каждый; на Парижъ же — около 850. Кромѣ того, предлагается измѣнить статью, касающуюся

участія сената въ составленіи бюджета. Отнынѣ сенатъ лишается права отмѣнять кредиты, установленные палатой или возстановлять не одобренные ею; въ дѣлѣ бюджета ему предоставляется лишь право высшаго контроля.—Что касается 2-го пункта, то реформа, предлагаемая законопроектомъ, заключается въ замѣнѣ существующей теперь системы выборовъ по округамъ—выборами по спискамъ, т. е. по департаментамъ. Смыслъ этого измѣненія—въ томъ, что отнынѣ избиратели департамента подаютъ голосъ за все то число депутатовъ, которыхъ департаментъ посылаетъ въ палату; этимъ парализуется вліяніе мелкихъ, враждебныхъ республикѣ партій, которыя не могутъ играть роли среди департаментскаго населенія, но зачастую брали перевѣсъ при баллотировкахъ по округамъ. — Предлагая эту реформу, Гамбетта не вдавался ни въ какія подробности, предоставляя это дѣло палатѣ и затѣмъ конгрессу; онъ только потребовалъ, чтобы система выборовъ по департаментскимъ спискамъ принципиально внесена была въ конституцію; равно какъ и новая система выборовъ въ сенатъ. Въ заключеніе, онъ добавилъ, что не требуетъ немедленнаго вота со стороны палаты, а пусть она предварительно отдастъ законопроектъ на разсмотрѣніе комиссіи и затѣмъ уже приступить къ преніямъ.

Законопроектъ этотъ встрѣченъ былъ палатой холодно, даже недоброжелательно; недоброжелательство это относится не къ сенатской реформѣ, которая, напротивъ того, принята была сочувственно, а къ введенію системы выборовъ по спискамъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что прежняя палата приняла въ принципѣ эту систему; но тогда ея вотиrowаніе не прошло въ сенатѣ. Причину такого страннаго явленія слѣдуетъ искать отчасти въ чувствѣ недовѣрія къ министерству, но, главнымъ образомъ, въ узкомъ чувствѣ самосохраненія и страхѣ депутатовъ за свою судьбу. Срокъ полномочій нынѣшней палаты истекаетъ въ 1885 г.; полномочія эти она получила на окружныхъ выборахъ; если, разсуждаютъ депутаты, мы примемъ новую департаментскую систему выборовъ, то этимъ подпишемъ себѣ смертный приговоръ, такъ какъ лишится довѣрія страны. Опасенія эти, быть можетъ, и естественны, но едва ли основательны. Законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, и если даже допустить, что нынѣшняя палата будетъ распущена до 1885 г., то депутаты въ новую палату будутъ все-таки еще выбраны по существующей окружной системѣ. Какъ-бы тамъ ни было, но прямое враждебное отношеніе однихъ, недовѣріе другихъ, опасенія третьихъ привели къ тому, что въ комиссію, избранную для обсужденія законопроекта, попали все про-

тивники послѣдняго: изъ 33 ея членовъ только одинъ оказался на сторонѣ министерства. Чтобы вѣрнѣе провалить законопроектъ, комиссія стала требовать не частнаго, а общаго пересмотра конституціи, зная напередъ, что послѣдній не будетъ пропущенъ сенатомъ, а значить не пройдетъ и весь законопроектъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она принялась настаивать на предоставленіи неограниченныхъ правъ конгрессу. Тщетно пытался Гамбетта убѣдить комиссію въ незаконности ея требованій, тщетно старался уяснить ей, что конгрессъ не долженъ выходить изъ предѣловъ очереднаго порядка, поставленнаго ему предварительно сенатомъ и палатой, что иначе онъ поставилъ-бы себя въ революціонное положеніе,—комиссія упорно остается при своемъ. Гамбеттѣ удалось только заставить ее согласиться на частичный пересмотръ конституціи; но она все еще продолжаетъ возставать противъ включенія системы выборовъ по спискамъ въ конституцію и требовать неограниченныхъ правъ для конгресса.

Таково было положеніе въ половинѣ января мѣсяца. Судя по отзывамъ прессы, избранная палатой комиссія тридцати трехъ далеко не выражаетъ собой общественнаго мнѣнія страны. По крайней мѣрѣ, всѣ наиболѣе выдающіяся республиканскія газеты, какъ *République Française*, *Voltaire*, *Temps*, *Journal des Débats*, *Union républicaine*, *Rappel* и даже *XIX-e Siècle*,—всѣ онѣ поддерживаютъ предложеніе правительства. Это обстоятельство могло бы дать надежду, что возникшій нынѣ кризисъ окончится благополучно и не повлечетъ за собой выхода въ отставку Гамбетты и его министерства. Въ сущности, такая отставка никому не желательна, за исключеніемъ развѣ крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ партій, и всѣмъ она представляется дѣломъ опаснымъ, такъ какъ не имѣется никого въ виду, кто, при настоящихъ условіяхъ, могъ бы замѣнить Гамбетту. Вотъ какъ отзывается, между прочимъ, о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ во Франціи газета *Temps*, какъ извѣстно, не особенно симпатизирующая Гамбеттѣ: «Ограниченный пересмотръ конституціи — это шагъ впередъ, шагъ ближе къ свѣту; неограниченный же — просто прыжокъ въ потемки; ибо, если не опредѣлить заранѣе кругъ дѣятельности конгресса, то кто знаетъ, что можетъ оказаться въ результатъ. Можно ли рисковать сенатомъ, палатой, кресломъ президента, конституціей и самой республикой, предавая ихъ на произволъ случайностей преній, границъ и исхода которыхъ никто предвидѣть не можетъ? Въ руки правительства, имѣющаго вождемъ истинно-народнаго оратора и государственнаго человѣка, вручено знамя охраненія республики.... Если

Гамбетта падеть, то падеть заступникомъ государственной прозорливости и здраваго смысла». Если такъ выражается газета умѣренно-республиканскаго пошиба, то, очевидно, что высказанное ею мнѣніе раздѣляется большинствомъ французскаго общества.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Гамбетта все-таки вынужденъ былъ подать въ отставку. Управление дѣлами переходитъ въ руки новаго министерства смѣшаннаго характера, такъ какъ оно образовывается изъ элементовъ, входившихъ въ составъ всѣхъ послѣднихъ трехъ кабинетовъ. Поэтому оно не будетъ министерствомъ программы, а исключительно дѣловымъ, и, какъ таковое, получаетъ значеніе временнаго и переходнаго. Во всякомъ случаѣ, по общему мнѣнію, первое министерство Гамбетты—далеко еще не послѣднее.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова, съ предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Спб. 1882 г. Имя недавно скончавшагося Г. Е. Благосвѣтлова хорошо извѣстно и въ публикѣ, и въ литературѣ, но читатели всегда знали его гораздо больше, какъ издателя-редактора популярнаго журнала «Дѣло» (прежде—«Русское Слово»), чѣмъ какъ писателя. Поэтому, нынѣ являющіяся въ объемистомъ томѣ «сочиненія» Благосвѣтлова будутъ приняты многими за неожиданный сюрпризъ, и это тѣмъ болѣе, что онъ, при жизни, помѣщая статьи свои въ редактируемыхъ имъ изданіяхъ, обыкновенно не подписывалъ ихъ своимъ именемъ.

За всѣмъ тѣмъ, нужно сказать, что и на самомъ дѣлѣ Благосвѣтловъ, при всемъ умѣ и обширной эрудиціи, отличающихъ его «сочиненія», не имѣлъ выдающагося, характернаго значенія, какъ писатель-публицистъ, да и теперь, когда сочиненія его собраны воедино и приведены въ извѣстность, критика едва-ли придастъ ему такое значеніе. По справедливому замѣчанію его біографа, онъ былъ «не столько мыслитель, сколько человѣкъ сильнаго, упорнаго характера», и всю энергію свою, всѣ силы направлялъ исключительно «на редакторскую и издательскую дѣятельность». На поприщѣ этой-то дѣятельности Благосвѣтловъ является уже очень замѣтной, оригинальной и, можно сказать, исторической фигурой, заслуживающей полнаго вниманія и изученія какъ по отношенію къ судьбамъ всей нашей журналистики вообще, такъ и въ связи съ эпохой, въ которую онъ жилъ и для характеристики которой онъ представляетъ одно изъ типичнѣйшихъ явленій, какъ истый сынъ своего времени—этого болѣзненно-нервнаго, тревожнаго, полнаго противорѣчій и разладовъ мысли, крайне безпорядочнаго и переходнаго времени! Въ предѣлахъ этой-то области мы и хотимъ остановиться здѣсь на личности Благосвѣтлова, какъ редактора и издателя, словомъ—какъ журналиста. Для оцѣнки и характеристики его съ этой стороны, изданный томъ его «сочиненій» представляетъ драгоцѣнный матеріалъ—только не въ самихъ сочиненіяхъ, которыхъ мы здѣсь и касаться не будемъ,

а въ предпосланномъ имъ «предисловіи» Н. В. Шелгунова, составленномъ по интимнымъ письмамъ покойнаго къ автору за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Біографическій очеркъ г. Шелгунова полонъ интереса и, по нашему разумію, лучше самой книги обрисовываетъ личность покойнаго автора.

Какъ извѣстно, въ литературномъ мірѣ Благосвѣтловъ при жизни не пользовался симпатіями, даже со стороны своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. О немъ, о его черствости, неуживчивости, наклонности къ эксплуатаціи и наживѣ ходило немало злоязычныхъ толковъ, проникавшихъ время отъ времени и въ печать; но это—замѣчаетъ г. Шелгуновъ,—«говорила только одна сторона. Теперь, изъ писемъ Благосвѣтлова, вы услышите другую сторону, услышите отъ самого Благосвѣтлова, какъ онъ думалъ, какъ страдалъ, какъ чувствовалъ, услышите отъ него, какъ ломала его жизнь, та самая жизнь, на борьбу съ которой онъ выступилъ гордо, смѣло и самоувѣренно, явившись борцомъ за права отдѣльной личности».

Г. Шелгуновъ весьма вѣрно опредѣлилъ главную субъективную черту характера Благосвѣтлова: это — «личное начало», «личное чувство», которыя въ немъ составляли сущность, натуру, и были возведены въ теоретическій принципъ, какъ руководящій мотивъ человѣческой жизни вообще. Самъ Благосвѣтловъ, въ одной изъ своихъ раннихъ статей, такъ формулировалъ свою теорію эгоизма: «Въ основаніи социальныхъ инстинктовъ,—говорилъ онъ,—лежитъ глубокое сознаніе того или другаго принципа, равно полезнаго всѣмъ, такъ что каждый индивидуумъ стремится къ нему настолько, насколько сознаетъ его выгоду и чувствуетъ себя безопаснымъ и свободнымъ подъ этой защитой. Безъ этого чувства нѣтъ побужденія къ ассоціаціи, и нѣтъ надобности стѣснять свою личную свободу. Идти врознь, но независимо, гораздо удобнѣе, чѣмъ напрасно давить себя въ табунѣ». И Благосвѣтловъ строго держался послѣдней системы: онъ всегда и во всемъ шелъ «врознь», не стѣснялъ безъ нужды свою «личную свободу» для другихъ, боролся за личное счастье и благосостояніе, и въ нѣкоторой степени достигъ этой цѣли, хотя борьба сломила его и преждевременно свела къ могилу. Конечно, служеніе личному началу вовсе не исключало въ немъ инстинкта общности, стремленія принести посильную пользу родинѣ, и—какъ увидимъ ниже—онъ постоянно руководствовался такимъ стремленіемъ въ своей журнальной дѣятельности, иногда наперекоръ личной выгодѣ.

Журналистомъ Благосвѣтловъ сталъ случайно, какъ и многіе другіе его собраты. «Случай въ жизни русскаго литератора,—справедливо говоритъ по этому поводу г. Шелгуновъ,—играетъ чуть-ли не главную роль. Всѣ мы готовимся къ чему-то другому,

а литераторами дѣлаемся случайно. То-же повторилось и съ Благосвѣтловымъ». Онъ готовился къ учено-педагогической дѣятельности и, по окончаніи университета, началъ свою карьеру учителемъ. Быть можетъ, это была его настоящая дорога. По свидѣтельству его біографа, «онъ могъ-бы сдѣлаться очень хорошимъ профессоромъ. Благосвѣтловъ говорилъ гораздо лучше, чѣмъ писалъ, и въ его энергичной, образной и цвѣтистой рѣчи, съ отбѣнкомъ ироніи, чувствовалась обаятельная, а подчасъ и неотразимая сила». Но случай распорядился съ жизнью Благосвѣтлова иначе. Вслѣдствіе преувеличеннаго и неосновательнаго заподозриванія его въ неблагонамѣренности, со стороны учебнаго начальства, онъ потерялъ, одно за другимъ, нѣсколько учительскихъ мѣстъ, бросилъ педагогическую дѣятельность и ухалъ за границу, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, занимаясь наукой, приглядываясь къ западной жизни и входя въ общеніе съ такими мыслителями, какъ Герценъ. Пребываніе за границей оказало огромное вліяніе на его міровоззрѣніе и на складъ его убѣжденій. Онъ сталъ ревностнымъ «западникомъ» и такимъ оставался всю жизнь. Въ Парижѣ случай свелъ его съ графомъ Кушелевымъ, основывавшимъ тогда свой журналъ «Русское Слово», въ которомъ Благосвѣтловъ принялъ самое дѣятельное участіе, сперва въ качествѣ сотрудника, потомъ—редактора, а наконецъ—хозяина-издателя, когда графъ Кушелевъ передалъ ему журналъ, вслѣдствіе сдѣланнаго ему внушенія—оставить такое неблаговидное для представителя знатнаго рода занятіе. Съ «Русскимъ Словомъ», какъ извѣстно, случилась въ 1866 г. катастрофа. Оно было окончательно закрыто. Съ этого-то времени и начинается рядъ, поистинѣ, Танталовыхъ редакторскихъ мукъ для Благосвѣтлова. Благосвѣтловъ задумалъ, для удовлетворенія подписчиковъ закрытаго «Рус. Слова», издать сборникъ «Лучъ». Первый томъ этого сборника прошелъ, но второй былъ остановленъ, и его редакторъ преданъ суду, который, впрочемъ, не состоялся, потому что «сама цензура не знала, къ чему привязаться». Его остановили просто за то, что въ немъ оказались сотрудники изъ бывшаго «Рус. Слова». «По этому одному вы можете судить,—писалъ Благосвѣтловъ г. Шелгунову,—какъ душно въ нашемъ воздухѣ... Чтò будетъ дальше съ литературой—никто не знаетъ, но теперь такъ тяжело, что я не помню хуже времени».

Не смотря, однако, на такое безвременье для литературы, Благосвѣтловъ не покидаетъ мысли издавать журналъ и, благодаря своей энергіи, упрямству и изворотливости, успѣваетъ въ томъ же году основать, отъ имени другаго лица и подъ густой вуалью своей анонимности, новый подцензурный журналъ «Дѣло». Эта вуаль, однако, была очень скоро сорвана и,

новый журналъ, принятый (конечно, не безъ основанія), какъ возрожденное подъ другимъ именемъ «Русское Слово», подвергся длинному ряду жесткихъ репрессалій и преслѣдованій, дѣлавшихъ существованіе его, и издателя положительно невыносимымъ. «Повѣрите-ли,—писалъ Благосвѣтловъ,—что я на свободѣ чувствую себя не лучше крѣпости (передъ этимъ онъ, по неосновательному подозрѣнію, былъ заключенъ въ крѣпость и просидѣлъ тамъ нѣсколько недѣль). Скверные нервы не даютъ ни минуты покоя, потому что каждый день несетъ новыя тяжелыя впечатлѣнія. Удивляешься, что за каменная природа человѣка; кажется, давно бы пора лопнуть хилому механизму жизни, анъ нѣтъ—онъ стоитъ и жаждетъ не покоя, а дѣятельности. Но дѣятельность-то становится не подъ силу; ужъ слишкомъ много навалило хлопотъ и непріятностей. Одна мораль — если родишься въ Россіи и сунешься на писательское поприще съ честными желаніями,—проси мать слѣпить тебя изъ гранита и чугуна. Мать моя озаботилась въ этомъ отношеніи. Спасибо ей, родимой!» Какovy были «хлопоты» и «непріятности» по изданію «Дѣла», продолжавшія цѣлые годы, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ, имѣющихъ значеніе интереснѣйшаго матеріала для исторіи нашей журналистики. Не смотря на то, что Благосвѣтловъ, жаждая сберечь журналъ отъ крушенія и преслѣдованія, нарочно дѣлалъ его «безцвѣтнымъ» на первое время, не допускалъ въ немъ «ни одной рѣзкой выходки, ни одного рѣзкаго парадокса», старался лишь о томъ, чтобъ онъ былъ «неглупымъ, солиднымъ и честнымъ», тѣмъ не менѣе, съ первой-же книжки, онъ подвергся беспощадному цензурному искорененію исподоволь. Первая книжка «Дѣла» (въ 1866 г.) опоздала выходомъ, потому что изъ набранныхъ для нея 48 листовъ — 22 были запрещены, и это повторилось ежемѣсячно. По выходѣ первой книги, Благосвѣтлову было дано словесное предостереженіе, что «Дѣло» легко можетъ отправиться за «Русскимъ Словомъ» въ Лету.

Въ виду такой угрозы, Благосвѣтловъ, не могшій, конечно, измѣнить и никогда не измѣнявшій своимъ убѣжденіямъ и исповѣдуемому «направленію», рѣшаетъ «удалиться пока въ тихую область исторіи и естественныхъ наукъ, а политическихъ и экономическихъ вопросовъ не трогать». Это, впрочемъ, ставилось ему категорически въ условіе, какъ *sine qua non* существованія «Дѣла». Сперва, когда было открыто участіе Благосвѣтлова въ изданіи «Дѣла», явилась мысль запретить его условно, но потомъ, пишетъ Благосвѣтловъ,—«немного успокоились, дали нѣкоторый отдыхъ журналу, но все еще держатъ его между жизнью и смертью». Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, генералъ Шидловскій, однажды сказалъ,

что «если редакція «Дѣла» дастъ слово избѣгать вопросовъ о бракѣ, о собственности и вопросовъ религіозныхъ, то онъ, Шидловскій, находитъ существованіе журнала возможнымъ». Тогда-же стало извѣстно, что «правительству нуженъ такой органъ, если не для настоящаго времени, то для будущаго; запретить его оно вовсе не желаетъ и не думаетъ, но хочетъ отнять у него то влияние, которое онъ приобрѣлъ. Въ политическомъ отношеніи «Дѣло» считается безвреднымъ но въ социальномъ—неблагонамѣреннымъ, и противъ этого-то и борется цензура».

Особенно тяжкимъ временемъ для Благосвѣтлова и его журнала было управленіе цензурой М. Н. Лонгинова, сопровождавшееся, вдобавокъ, ретрограднымъ давленіемъ на литературу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстаго. «Туча естъ!—писалъ въ это время Благосвѣтловъ.—Гр. Толстой заявилъ, что пока литература будетъ своевольничать, воспитаніе по классической системѣ не будетъ достигать цѣли». На этомъ основаніи, гр. Толстой съ особенной нетерпимостью началъ относиться къ «Дѣлу», запретивъ выписывать его во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не щадилъ «Дѣла» и Лонгиновъ. Однажды онъ сказалъ, что февральскую книжку «Дѣла» выпустить въ ноябрѣ. Затѣмъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе несслыханное, чтобы каждая статья, въ которой окажется хоть одна фраза, подлежащая исключенію,—уничтожалась вся цѣликомъ. «Посылаю,—писалъ Благосвѣтловъ,—одну рукопись за другою въ типографію и все запрещаютъ... Двѣнадцать статей запрещено для одной книжки!..» «Вы знаете,—пишетъ онъ позднѣе,—мое терпѣніе и мою находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ, но я опустилъ руки... Чего они отъ насъ требуютъ—мы не добьемся. Говорить одно: чтобы «Дѣло» не походило на прежнее «Дѣло». Что значить это? Какъ это сдѣлать?—Ничего не объясняютъ и никакого указанія не даютъ»... «Ухъ, какъ опротивѣло все»,—пишетъ онъ въ третьемъ письмѣ.

Это была безконечная, мелочная, бесплодная, но мучительная борьба, заставлявшая Благосвѣтлова по недѣлѣмъ не спать, непрерывно терзавшая его и, наконецъ, сломившая. Онъ еще съ 1868 г. добивался постоянно, какъ льготы, какъ единственнаго исхода дать отдыхъ себѣ и журналу,—выходить безъ предварительной цензуры, но такъ и умеръ, не достигнувъ этой цѣли.

Въ области издательской и редакторской дѣятельности, Благосвѣтловъ былъ неутомимый и неусыпный работникъ. Онъ «ужасно много работалъ»,—говоритъ г. Шелгуновъ,—и, «конечно, могъ-бы работать меньше, еслибы больше довѣрялъ людямъ». Недовѣрчивость къ людямъ была выдающеюся чертой его характера и доходила въ немъ до того, что онъ, обыкновенно, руко-

пися, выправленные его соредакторами, подвергалъ еще своему просмотру. Особенно велико было его «недовѣріе къ грамотности нашихъ писателей», съ рукописями которыхъ, вслѣдствіе этого, онъ вообще не церемонился и навлекалъ на себя много нареканій, отчасти справедливыхъ, по сознанію его біографа. Нецеремонность эта, кромѣ того, доставляла ему самому немало хлопотъ. «Сколько хлопотъ для редакціи съ этимъ филистерствомъ,—писалъ онъ.—Если вы у одного сократили слово *ибо*—онъ оретъ, что его исказили, если вы сгладили противорѣчіе у другаго—онъ оретъ, что вы лишили его ученой невинности, и вотъ вамъ легіоны глупыхъ враговъ, съ глупымъ самолюбіемъ и пустыми амбіціями. Извольте все это соглашать, ѣздить отъ одного къ другому, упрашивать и дурака, и умнаго»... Вообще, изъ писемъ Благосвѣтлова видно, что онъ не грѣшилъ большой снисходительностью и уваженіемъ къ людямъ, и къ русскимъ литераторамъ въ частности. Благосвѣтловъ, по выраженію его біографа, «усталъ отъ людей», они стали ему «тяжелы»; но нужно сказать, что и самъ онъ былъ для нихъ не легокъ. Изъ его отношеній къ сотрудникамъ особенно рельефно выступаетъ его тѣсная связь съ покойнымъ Писаревымъ—связь, которая разорвалась по ничтожному поводу, но которая, вѣроятно, была слѣдствіемъ давнишняго внутренняго разлада. Писаревъ, составлявшій главную силу «Дѣла» и, своимъ блестящимъ талантомъ, наиболѣе привлекавшій ему читателей въ средѣ молодежи, разошелся съ Благосвѣтловымъ въ 1867 году и уже не сходилъ съ нимъ до самой смерти. Для характеристики этой распри и самихъ ея участниковъ, мы приведемъ здѣсь письма того и другаго, писанныя по одному и тому-же поводу.

«Я пишу къ вамъ, — обращается Писаревъ къ г. Шелгунову, — чтобы сообщить вамъ извѣстіе, которое, по всей вѣроятности, будетъ вамъ очень непріятно и, можетъ быть, значительно уронить меня въ вашихъ глазахъ. Я разошелся съ тѣмъ журналомъ, въ которомъ мы съ вами работали, и, долженъ вамъ признаться, разошелся не изъ-за принциповъ и даже не изъ-за денегъ, а просто изъ-за личныхъ неудовольствій съ Г. Е. Онъ поступилъ невѣжливо съ одною изъ моихъ родственницъ, отказался извиниться, когда я этого потребовалъ отъ него, и тутъ же замѣтилъ мнѣ, что если отношенія мои къ журналу могутъ поколебаться отъ каждой мелочи, то этими отношеніями нечего и дорожить. У меня уже заранѣе было рѣшено, что если Г. Е. не извинится, я покончу съ нимъ всякія отношенія. Когда я увидѣлъ изъ его словъ, что онъ считаетъ себя за олицетвореніе журнала, и смотритъ на своихъ главныхъ сотрудниковъ, какъ на наемныхъ работниковъ, которыхъ въ одну минуту можно замѣнить новымъ комплектомъ подень-

щиковъ, тогда я немедленно раскланялся съ нимъ, принявши мѣры къ обезпеченію того долга, который остался на мнѣ. Эта исторія произошла въ послѣднихъ числахъ мая. Такъ какъ я не имѣю возможности содержать въ Петербургѣ цѣлое семейство, то моя мать и младшая сестра въ началѣ іюня уѣхали въ деревню, а я остался; ищу себѣ переводной работы и веду студенческую жизнь. Вы, можетъ быть, скажете, Николай Васильевичъ, что изъ любви къ идеѣ мнѣ слѣдовало бы уступить и уклониться отъ разрыва. Можетъ быть, это дѣйствительно было бы болѣе достойно серьезнаго общественнаго дѣятеля. Но признаюсь вамъ, что я на это не способенъ. Я рѣшительно не могу, да и не хочу сдѣлаться настолько работъ какой бы то ни было идеи, чтобы отказаться для нея отъ своихъ личныхъ интересовъ, желаній и страстей. Я глубокой эгоистъ не только по убѣжденію, но и по природѣ».

А вотъ что писалъ г. Шелгунову по тому же поводу Благосвѣтловъ: «Вы пишете мнѣ, чтобъ я подалъ ему первый руку примиренія; я охотно и даже съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это, но я пересталъ его уважать... Не знаю, въ какомъ видѣ передана вамъ наша размовка... Дѣло было такъ: я поставилъ въ объявленіи, между извѣстными вамъ лицами, имя М. В., — поставилъ на томъ основаніи, что она участвовала въ «Русскомъ Словѣ» и изъявила желаніе участвовать въ «Дѣлѣ». Кажется, въ этомъ вины еще нѣтъ особенной. На это воспослѣдовалъ вопросъ г-жи... какимъ образомъ редакция смѣетъ распоряжаться ея именемъ. Отвѣтилъ я, что вѣдь сама же она спрашивала редакцію дать ей работу въ «Дѣлѣ», прибавивъ при этомъ, что «Дѣло» опредѣляется только тремя именами. Затѣмъ явился Писаревъ и потребовалъ отъ меня, чтобъ я ѣхалъ къ М. В. извиняться, или онъ оставитъ журналъ. Такое отношеніе къ органу, успѣхомъ котораго больше всѣхъ слѣдовало бы дорожить именно Писареву, такой взглядъ на свою общественную дѣятельность мнѣ показался до такой степени мелкимъ и узкимъ, что я разомъ почувствовалъ всю гадость современнаго русскаго человѣка. Извиняться не бѣда, даже въ томъ, въ чемъ не чувствуешь никакой вины, но я вѣдь знаю дворянскія замашки моего пріятеля... Пошлякъ я былъ бы въ своихъ собственныхъ глазахъ, еслибъ позволилъ хотя одинъ шагъ сдѣлать ради такихъ отношеній. Я завтра же могу оставить свою общественную дѣятельность, я не боюсь бѣдности и въ этомъ моя большая сила, но не могу унизиться до пошлости»...

Сдѣланныя нами извлеченія достаточно показываютъ, съ какими горькими обстоятельствами, и личнаго, и общественнаго характера, приходилось бороться Благосвѣтлову въ его жур-

нальной дѣятельности и какъ эти обстоятельства постепенно уединили его въ тяжелую, желчную замкнутость, въ которой онъ и пребывалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Но свое журнальное знамя онъ пронесъ не смятымъ и не запачканнымъ сквозъ «строй житейскихъ обстоятельствъ»; а это немаловажная заслуга въ той средѣ, гдѣ зачастую убѣжденія и взгляды мѣняются, смотря по вѣтру.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семейскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ученому, посвящающему свои труды изслѣдованію прошедшей жизни народа, представляется три пути. Онъ можетъ заняться политической судьбой народа, сношеніями и столкновениями его съ сосѣдями, смѣной династій и царствующихъ особъ, постепеннымъ развитіемъ его военной силы и государственнаго могущества, однимъ словомъ, интересоваться больше поверхностными видоизмѣненіями народной жизни, не проникая въ ея глубь и не задумываясь долго надъ причинами явленій. Онъ можетъ также обратить свое вниманіе на ростъ умственныхъ силъ въ народѣ, на степень и направленіе его духовнаго развитія въ разныя эпохи, на исторію литературы и науки, считая, что уровень интеллигентности народа служить и лучшимъ признакомъ преуспѣянія этого народа во всѣхъ другихъ областяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причиной дальнѣйшаго движенія впередъ. Наконецъ, историкъ можетъ посвятить свой трудъ изученію внутренней повседневной жизни народа,—не только его нравовъ и обычаевъ, но и основныхъ условій существованія—его хозяйства, организациі производства и распредѣленія въ разныя времена его исторической судьбы, его экономическаго развитія. Если исторія политическая и рассказы о войнахъ прежде плѣняли преимущественно умы, если изученіе умственнаго развитія и роста цивилизациі представляло недавно господствующее направленіе въ исторической наукѣ и теперь еще занимаетъ многихъ выдающихся ученыхъ, то въ наше время ходъ научныхъ изслѣдованій направился главнымъ образомъ по новому пути. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, можно сказать, выступаетъ съ большею рельефностью необходимость изученія экономической исторіи человѣчества. Оно и понятно.

Всѣ другія явленія человѣческой исторіи, безъ знакомства съ экономическими фактами, представляются беспочвенными, не имѣющими реального объясненія и не объединенными ясною причинною связью. Среди разнообразныхъ мотивовъ, управляющихъ человѣчествомъ и двигающихъ массами, весьма видную роль играютъ интересы экономическіе. Въ экономическихъ отношеніяхъ народа главнымъ образомъ кроются причины всей исторіи внутренняго развитія страны, какъ нерѣдко только ими

же возможно объяснить теченіе ея вѣйшіей жизни. Развитие неравенства въ человѣческихъ обществахъ, возникновеніе сословій, борьба между ними изъ за преимуществъ и преобладанія,—всѣ эти явленія, наполняющія содержаніе исторіи и представляющія наибольшій интересъ съ социологической точки зрѣнія, вытекаютъ, какъ результатъ перемѣнъ въ экономическихъ отношеніяхъ людей. Неудивительно, что научныя историческія изслѣдованія послѣдняго времени все больше и больше направляются на ознакомленіе съ этими именно отношеніями.

Въ связи съ этимъ находится и то обстоятельство, что, при изученіи современной жизни, все болѣе обращается вниманіе ученаго и образованнаго міра на вопросы и интересы экономическіе, на разрѣшеніе тагъ называемаго социальнаго вопроса, т. е. вопроса о правахъ на достойное человѣческое существованіе трудящихся массъ. Массы напряженно ожидаютъ разрѣшенія вопроса «брюха», ихъ волнующаго; а это побудило и людей науки, и политическихъ дѣятелей (даже въ родѣ князя Бисмарка) обратить свое вниманіе въ эту сторону.

Изслѣдованія прошедшей и современной экономической жизни народовъ успѣли уже бросить нѣкоторый свѣтъ въ эту область. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что даже и въ западной Европѣ этотъ предметъ только-что затронутъ и знакомство съ исторіей экономическихъ отношеній требуетъ еще упорнаго труда и затраты большаго количества силъ. Такія изслѣдованія, какъ замѣчательные труды Маурера по исторіи внутренняго быта Германіи или превосходное сочиненіе Роджерса—«Исторія земледѣлія и цѣнъ въ Англіи», должны служить обнѣять слишкомъ 500-лѣтній періодъ, представляютъ еще и на Западѣ весьма рѣдкія явленія въ наукѣ.

У насъ въ Россіи дѣло находится еще въ худшемъ положеніи. Здѣсь не приходится останавливаться на тѣхъ условіяхъ нашей общественной жизни, которыя тормозятъ процвѣтаніе и свободный ростъ науки. Надо только констатировать фактъ, что число серьезныхъ научныхъ силъ у насъ весьма ограничено. Притомъ, вниманіе большинства молодыхъ силъ обращено на изученіе современной жизни народа, которая тоже еще представляетъ собою совершенную terra incognita. Историческимъ трудамъ посвятили себя немногіе изъ нашихъ ученыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали свои работы изслѣдованіями экономического прошлаго западно-европейскихъ народовъ, руководствуясь, можетъ быть, тѣмъ соображеніемъ, что для историка въ этой области техника труда и доступность матеріаловъ находятся въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ, а историко-сравнительное значеніе такихъ изслѣдованій весьма важно и для нашей науки. Сочиненіе профессора Ковалевскаго «Эконо-

мическій строй Англіи въ средніе вѣка» и книга профессора Карвеа «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.»—явленія, выдающіяся и въ западно-европейской литературѣ. Большой интересъ представляетъ также помѣщенная въ кіевскихъ «университетскихъ извѣстіяхъ» работа профессора Лучицкаго: «Исторія крестьянской реформы въ Западной Европѣ».

Г. Семевскій обратился прямо къ русской исторіи. «Мы имѣемъ, говоритъ онъ, исторію государства Россійскаго, надо подумать и объ исторіи русскаго народа». Но полная исторія русскаго народа—задача слишкомъ обширная и совершенно невыполнимая силами одного человѣка, при полной неразработанности исторіи отдѣльных періодовъ и отдѣльных мѣстностей. Поэтому г. Семевскій суживаетъ свою задачу изслѣдованіемъ исторіи крестьянскаго сословія лишь въ одну эпоху его историческаго существованія. Отъ такого ограниченія пространства, изслѣдованіе только выигрываетъ въ своей основательности.

Эпоха избрана авторомъ очень удачно. Въ самомъ дѣлѣ, эпоха царствованія Екатерины II—одна изъ самыхъ занимательныхъ въ русской исторіи, а особенно по отношенію къ исторіи крестьянскаго сословія. Развитіе крѣпостнаго права и порабощеніе массы народа достигло тогда своего апогея. Это эпоха виѣшнихъ войнъ и виѣшняго блеска, сопровождаемаго внутреннимъ мракомъ; эпоха разврата, плохо замазаннаго свѣтлыми приличіями; эпоха напыщенныхъ фразъ и грубыхъ поступковъ; эпоха увлеченія либерализмомъ и фаворитами... Сама императрица, свободномыслящая послѣдовательница французскихъ философовъ, авторъ либеральнаго «Наказа комиссіи», издаетъ законы, направленные къ вящему отягощенію массы народа. Въ этотъ періодъ, въ послѣдній разъ созываются представители русскихъ сословій въ извѣстную комиссію для составленія новаго уложенія; среди нихъ мы встрѣчаемъ и представителей государственныхъ крестьянъ, а въ то же время совершается щедрою рукою раздача имѣній, населенныхъ казенными крестьянами. Ко всему этому екатерининская эпоха ознаменована наиболее яркимъ и ожесточеннымъ протестомъ крестьянства противъ произвола помѣщиковъ.

Лежащій предъ нами первый томъ труда г. Семевскаго является собственно переработкой нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ статей автора, посвященныхъ интересной екатерининской эпохѣ и уже напечатанныхъ въ разное время въ журналахъ. Онъ обнимаетъ два отдѣла: о крѣпостныхъ крестьянахъ въ Великороссіи и о крестьянахъ помещичьихъ, т. е. составлявшихъ принадлежность не лица, а завода или фабрики.

Методъ изслѣдованія автора заслуживаетъ подражанія. Онъ не ограничивается тѣмъ, что приводитъ и анализируетъ добытые историческіе факты и дѣлаетъ изъ нихъ выводы. Онъ пользуется повсюду знакомствомъ съ современнымъ экономическимъ бытомъ народа не только потому, что оно облегчаетъ пониманіе прошедшаго и возстановленіе слѣдовъ старины, но и для сопоставленія и сравненія настоящаго положенія съ данными прошедшей жизни. Авторъ облегчаетъ также историко-сравнительное изученіе экономического прошлаго, сопоставляя постоянно добытыя имъ свѣдѣнія съ тѣмъ, что извѣстно относительно государствъ Западной Европы.

Г. Семеновскій полагаетъ, что уже настала пора для безпристрастной оцѣнки крѣпостнаго права и, указывая на дурное, не проходить молчаніемъ и нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ описываемой имъ эпохи русской народной жизни. Дѣйствительно, справедливость требуетъ признать, что и старое время имѣло свои преимущества въ сравненіи, напр., съ настоящимъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ. По численному развитію крѣпостничества, Россія далеко не занимала перваго мѣста среди европейскихъ государствъ. По даннымъ ревизіи, имѣвшей мѣсто въ первые годы царствованія Екатерины, г. Семеновскій вычисляетъ процентное отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ: крѣпостные составляли 53% сельского населенія и около 45% всего населенія Великороссіи. Распрежденіе крѣпостнаго населенія было слѣдующее: по окраинамъ (если не считать Малороссію) оно было болѣе рѣдкое, а по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ оно становилось гуще; это объясняется тѣмъ, что пожалованіе помѣстій совершалось всего болѣе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ столицѣ. Количество земли, находившееся тогда въ распоряженіи крестьянъ, было очень велико въ сравненіи съ ихъ настоящимъ землевладѣніемъ. Въ оброчныхъ вотчинахъ Великороссіи приходилось среднимъ числомъ на душу около 13½ дес., въ томъ числѣ по 4 дес. одной пашни; въ барщинныхъ приходилось всей земли по 10,6 дес. на душу, въ томъ числѣ всей пашни на душу. Въ рукахъ крестьянъ, такимъ образомъ, тогда было по меньшей мѣрѣ *въ три съ половиною раза* болѣе земли, чѣмъ нынѣ. При тѣсной зависимости благосостоянія крестьянина отъ величины его земельного надѣла, очевидно, что экономическое положеніе массы крестьянъ за сто лѣтъ подвинулось назадъ, а не впередъ. Къ подобному же грустному выводу, что прогрессъ общества не касается экономического положенія трудящихся классовъ,—пришелъ и *Роджерсъ*. Въ своей книгѣ онъ фактически доказалъ, что нынѣшній англійскій рабочій нахо-

дится въ худшемъ положеніи, чѣмъ его собрать за четыреста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

Рядомъ съ достаточнымъ землевладѣніемъ, и повинности крѣпостныхъ крестьянъ не были чрезмѣрными, хотя были значительнѣе повинностей крестьянъ казенныхъ. Законъ нигдѣ не опредѣлялъ размѣра повинностей и поборовъ съ крестьянъ, и это давало помѣщику возможность произвольно обременять своихъ крѣпостныхъ. Но въ среднемъ оброчные крестьяне платили въ 3 или въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе казенныхъ, что не превышало однако величины арендной платы за землю. Крестьяне, состоявшіе на барщинѣ, платили больше. Обыкновенно барщиннымъ крестьянамъ, если не считать помѣщичьихъ злоупотребленій, приходилось удѣлять три рабочихъ дня въ недѣлю, да, кромѣ того, съ нихъ взымались еще разные поборы продуктами. Можно принять, что повинности барщинныхъ крестьянъ вдвое превосходили повинности оброчныхъ, и, слѣдовательно, разъ въ шесть превышали повинности казенныхъ крестьянъ, которыя съ 60-хъ до 80-хъ годовъ возрасли отъ 1 р. до 3 руб. съ души. Въ настоящее же время, повинности крестьянъ очень часто превышаютъ даже доходъ съ земли.

Надо замѣтить, что положеніе оброчныхъ крестьянъ было, вообще, лучше положенія крестьянъ, состоявшихъ на издѣльной повинности. Барщинная система практиковалась преимущественно въ мелкопомѣстныхъ владѣніяхъ, гдѣ крестьянамъ всегда жилось хуже. Крупные помѣщики чаще предпочитали оставлять своихъ крестьянъ на оброкѣ. Оброчные крестьяне могли поэтому пользоваться всею землею помѣщика, платили лишь умѣренный оброкъ и, живя вдали отъ помѣщика, пользовались значительной долей самостоятельности и независимости. Хотя процентъ крупныхъ владѣльцевъ былъ небольшой, но въ ихъ рукахъ сосредоточено было значительное число крестьянъ, что видно будетъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣровъ. Такъ, гр. Шереметеву принадлежало въ Великороссіи 64,000 душъ, м. пола, да за донерью своею онъ далъ приданого 14,700 душъ, гр. Разумовскій владѣлъ 36,000 д., братья Орловы 27,000. Отношеніе крестьянъ, состоявшихъ на оброкѣ, къ барщиннымъ крестьянамъ, составило 44% : 56% . Вообще, нельзя «не признать, говорить г. Семевскій, что фактически положеніе крестьянъ было благопріятнѣе, чѣмъ можно ожидать въ виду ихъ юридическаго безправія». Хотя de jure они не могли имѣть никакой собственности, но фактически крѣпостные владѣли и движимымъ, и недвижимымъ имуществомъ, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже своихъ «холоповъ», иногда въ большомъ количествѣ.

Самая мрачная сторона крѣпостнаго права это, безъ сомнѣнія, полная необезпеченность личности крѣпостнаго. Законъ

ничѣмъ не ограничивалъ произвола помѣщика надъ его «душами»; имущество и личность послѣднихъ одинаково принадлежали деспотическому властелину.

Больше всего страдали отъ произвола и жестокости помѣщика тѣ крестьяне, которые приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ нимъ. Положеніе барщинныхъ крестьянъ, среди которыхъ жилъ самъ помѣщикъ или его управляющій, было хуже положенія оброчныхъ. Наибольше несносной была судьба дворовыхъ людей, т. е. класса, предназначеннаго для личныхъ и домашнихъ услугъ господину. Нигдѣ этотъ классъ не былъ такъ многочисленъ, какъ въ Россіи. Во Франціи и Германіи, въ XVIII вѣкѣ его вовсе не существовало. У насъ же число этихъ оторванныхъ отъ земли людей, большою частью праздно болтавшихъ въ барскихъ хоромахъ, было весьма значительно. Г. Семевскій не приводитъ общей цифры дворовыхъ людей, но во многихъ помѣщичьихъ домахъ встрѣчалось отъ 150—200 человекъ крѣпостной прислуги; въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ процентъ дворовыхъ доходилъ до 9% и 10% крестьянскаго населенія. Въ числѣ дворовыхъ встрѣчались люди самыхъ разнообразныхъ профессій: лакеи, повара, фореиторы, псары, егеря, мастерские разныхъ ремеселъ, прикащики, учителя, хоры пѣвчихъ, оркестры музыкантовъ, артисты и артистки. Но надъ всеми этими людьми, часто болѣе образованными, чѣмъ самъ помѣщикъ, царилъ господскій произволъ. Самыя дикія и развратныя прихоти помѣщика удовлетворялись безпрепятственно. Изъ множества фактовъ ужаснаго и сумасброднаго обращенія съ крѣпостной прислугой, приводимыхъ г. Семевскимъ, укажемъ хоть одинъ. Знатная барыня, граф. Салтыкова продержала у себя въ спальнѣ крѣпостнаго парикмахера въ теченіе трехъ лѣтъ въ кѣлткѣ, единственно изъ-за желанія скрыть, что она носитъ парикъ. Когда несчастному удалось бѣжать, онъ былъ до такой степени блѣденъ, сторбленъ и хилъ, что на него страшно было смотрѣть. Тѣмъ не менѣе, барыня, опасаясь, что тайна ея будетъ узнана, настойчиво добивалась его разысканія. Императоръ, узнавшій отъ полиціи, какую жизнь велъ несчастный, запретилъ его выдавать, но графиню приказалъ *успокоить* извѣщеніемъ, что тѣло парикмахера найдено въ Невѣ...

Помѣщики смотрѣли на своихъ крестьянъ, какъ на имущество, которымъ можно распорядиться безконтрольно. Сообразно съ требованіями своей выгоды или своего каприза, они продавали крестьянъ оптомъ и въ розницу, проигрывали ихъ въ карты и мѣняли на щенковъ. Къ концу царствованія Екатерины, пишетъ г. Семевскій, продажа людей въ розницу приняла самый позорный видъ: людей продавали буквально наравнѣ со скотами, причемъ наиболѣе сильный запросъ былъ на красивыхъ дѣву-

шекъ». Цѣлыми толпами гнали людей на ярмарки. Такъ, путешественникъ Савва Текели видѣлъ въ Тулѣ на площади до сорока дѣвушекъ, приведенныхъ на продажу. Дѣвушки сами предлагали себя, какъ выгодную покупку, путешественнику; на его вопросы они отвѣчали: «намъ все равно, вамъ или другимъ служить».

Законъ также не предусматривалъ, какимъ наказаніемъ помѣщикъ могъ подвергать своихъ крестьянъ. Богатые помѣщики, желавшіе установить однообразный порядокъ въ своихъ многочисленныхъ деревняхъ, сами составляли для руководства своимъ управляющимъ *sui generis* уложенія о наказаніяхъ. Въ такихъ случаяхъ крестьяне имѣли, по крайней мѣрѣ, дѣло съ определенной и разъ на всегда установленной системой. Гораздо чаще наказаніе опредѣлялось только характеромъ и расположеніемъ духа господина. «Нещадное» битіе кнутомъ, батогами и плетью было наказаніемъ зауряднымъ; даже розги явились, собственно говоря, уже гуманнымъ нововведеніемъ, лишь медленно и поздне въвошедшимъ въ употребленіе. Зато они и назначались въ количествѣ просто невѣроятномъ—до 17,000 ударовъ.

Ясно, что хотя законъ и не предоставлялъ помѣщикамъ права казнить смертью своихъ крестьянъ, но право «нещаднаго битья» фактически давало имъ въ руки такую власть, и случаи смерти отъ жестокаго обращенія господина были не рѣдки. Представители закона и административныя власти смотрѣли сквозь пальцы на подобные факты.

Вотъ почему въ царствованіе Екатерины мы встрѣчаемъ сравнительно небольшое число преслѣдованій владѣльцевъ за убійство крѣпостныхъ. Самый законъ, каравшій помѣщика за жестокое обращеніе и убійство, не былъ ясно выраженъ. Отсюда вытекала неравномѣрность отвѣтственности, какой судъ подвергалъ за подобныя преступленія помѣщиковъ: въ то время, какъ одни платились ссылкой въ каторжныя работы навсегда, другіе отдѣлялись церковнымъ покаяніемъ.

Правительство рѣдко преслѣдовало свирѣпыхъ помѣщиковъ и чаще направляло свою законодательную власть противъ крестьянъ. Такъ, въ 1765 году, помѣщикамъ дозволено было ссылать своихъ людей «за продерзости» въ каторжныя работы. Въ 1767 году крестьянамъ запрещено жаловаться на помѣщиковъ.

Неудивительно, что жестокость помѣщиковъ иногда доходила до *pes plus ultra*. Напр., извѣстная Дарья Салтыкова судилась за *убійство 75 человекъ*. Помѣщики, оказывающіе, были еще кровожаднѣе и жесточе мужчинъ. Княгиня Козловская собственноручно бичевала своихъ людей, мужчинъ и женщинъ, по «самымъ чувстви-

тельными мѣстамъ», и одной дѣвушкѣ, вложивъ пальцы въ ротъ, разодрала губы до ушей...

Читая длинный мартирологъ замученныхъ жертвъ, приведенный г. Семейскимъ (который, однако, далеко не могъ исчерпать всѣхъ подобныхъ фактовъ), по неволѣ становится жутко. Но не легко подумать и о томъ, сколько времени необходимо, чтобы искоренить скверну, оставшуюся въ наслѣдіе отъ этого зла какъ потомкамъ тѣхъ, которые не гнушались практиковать такой ужасный гнетъ, такъ и тѣхъ, которые въ теченіе вѣковъ покорно его сносили...

Впрочемъ, крестьяне не всегда сносили безъ протеста безчеловѣчный гнетъ. Они мстили своимъ притѣснителямъ не только самоубійствами и подачей челобитныхъ; они убивали помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, пускали краснаго пѣтуха на имущество владѣльцевъ, уходили въ бѣга за границу и въ ряды вольницы, поднимали волненія и бунты. Волненія, однако, рѣдко получали широкое распространеніе, ограничиваясь большею частью непосредственно мѣстомъ, гдѣ они возникли. Только пугачевщина соединила массу недовольныхъ въ одно бурное море.

Сравнивая число мелкихъ волненій въ царствованіе Екатерины съ волненіями крестьянъ при Николаѣ I, г. Семейскій говоритъ: «мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при Николаѣ Павловичѣ волненія были гораздо чаще». Очень жаль, что авторъ не сопоставляетъ этихъ данныхъ съ волненіями въ періодъ послѣ освобожденія, — меньше ли часто они повторяются теперь?

Замѣчательно, что въ прошломъ столѣтіи правительство смотрѣло на крестьянскія волненія только какъ на столкновеіе частныхъ интересовъ, и потому крестьянамъ иногда сходило даромъ не только неповиновеніе помѣщику, но даже отраженіе военнаго отряда. Такъ, дѣло о крестьянахъ помѣщика Сергѣева было прекращено «по нехожденію челобитчика». Да и вообще, какъ ни суровы были наказанія, какія претерпѣвали крестьяне за волненія, но «надо замѣтить, что въ XIX вѣкѣ крестьяне подвергались и болѣе тяжелымъ истязаніямъ».

Г. Семейскій очень внимательно изучилъ всѣ стороны и детали своего предмета, и достаточно проанализировалъ собранные имъ факты, такъ что упрековъ можно ему сдѣлать мало въ этомъ отношеніи. Однако нѣкоторыя вещи, представляющія большой научный интересъ, онъ оставляетъ безъ необходимаго разьясненія. Приведемъ примѣръ. Указывая на то, что споръ о выгодахъ и невыгодахъ общиннаго землевладѣнія и нападки на общину со стороны агрономовъ начались еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, авторъ разрѣшаетъ и самый споръ, имѣвшій мѣсто уже во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, о про-

исхожденіи современнаго типа общины путемъ правительственныхъ мѣръ. Авторъ утверждаетъ фактическими данными, что «общинное землевладѣніе съ передѣлами земли было въ половинѣ XVIII вѣка явленіемъ, уже давно установившимся въ центральной Россіи». Въ то же время г. Семевскій признаетъ, что «въ теченіе столѣтія, протекшаго съ того времени, этотъ типъ общиннаго землевладѣнія получилъ большое территориальное распространеніе и появился на окраинахъ, частію какъ результатъ внутренней самодѣятельности общины, частію подъ влияніемъ распоряженій правительства, смотрѣвшаго на эту форму землевладѣнія, какъ на главное условіе уравнительнаго и спокойнаго пользованія землею членами крестьянской общины». Важность самаго предмета и интересъ, сообщенный ему научнымъ споромъ, требовалъ, чтобы авторъ долѣе остановился на этомъ. А между тѣмъ въ книгѣ не указаны ни характеръ этихъ «правительственныхъ распоряженій», ни способъ, какимъ они проявляли свое вліяніе на внутреннія условія аграрной общины. Точно также авторъ проводитъ очень любопытную параллель между законодательствомъ запада и нашимъ, и находитъ, что въ сравненіи «съ мѣрами нашего правительства относительно Великороссіи XVIII в., мы видимъ въ Германіи энергическое стремленіе положить предѣлъ обезземеленію крестьянъ и, напротивъ, полную бездѣятельность правительства въ этомъ отношеніи у насъ. Но, обративъ вниманіе не на одни правительственные указы, а на дѣйствительный строй жизни, мы не можемъ не признать, что поземельныя отношенія, сложившіяся въ Великороссіи, были неизмѣримо благопріятнѣе для массы крестьянъ, и что хотя помѣщикъ могъ совершенно безнаказанно превратить своихъ крѣпостныхъ въ батраковъ,—лишь весьма немногіе пользовались этимъ правомъ». Безъ сомнѣнія, это обстоятельство неизмѣримо важно для нашей исторіи:—имъ, можно сказать, опредѣляется все настоящее различіе въ экономическихъ условіяхъ Россіи, развитіе индивидуальной крупной поземельной собственности на западѣ и сохраненіе общиннаго землевладѣнія у великорусскихъ крестьянъ. А между тѣмъ и здѣсь авторъ не даетъ себѣ труда разяснить это явленіе и, констатируя самій фактъ, не пытается даже указать на его причины.

Со стороны изложенія, автора можно упрекнуть въ томъ, что онъ недостаточно налегаетъ на свои выводы, такъ что иной читатель можетъ затерять нѣкоторые изъ нихъ въ грудѣ фактовъ и, нерѣдко, мало интересныхъ подробностей.

Замѣчательная эрудиція г. Семевского стояла уже ему 10 лѣтъ усидчивой работы въ архивахъ, причемъ приходилось преодолевать немало затрудненій разнаго рода. Но зато трудъ автора, съ первымъ томомъ котораго мы познакомили читателей, представляетъ выдающееся явленіе и заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать его продолженія.

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ».)

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

Пріѣздъ г-жи Эдмонъ Аданъ въ Россію.—Скудость матеріаловъ, добытыхъ ею о русской жизни.—Посылное приношеніе.—„Faits divers“ изъ будущей книжки „Revue Nouvelle“: Дѣвчья зима.—Домикъ Бориса Чичерина.—Habeas plus quam corpus: habeas dos.—Гуны-славяне.—Кто такіе были Батый и Тамерланъ? — Смоленскіе «ягодники». — Протестующая почта и Тихій океанъ канцелярской производительности.—Сизифова работа правленія московскаго университета.— Г. Катковъ и казенныя угодья.—Письмо вернувшагося на родину „вопроснаго земца“ къ петербургскому пріятелю.

Недавно въ Петербургъ и Москвѣ гостила извѣстная французская писательница, madame Edmond Adam.

Причины пріѣзда къ намъ «политической дамы» сначала окружены были туманомъ загадочности. Люди вообще, а мы въ частности, стали теперь чрезвычайно подозрительны. Бойкая и блистательная хозяйка перваго парижскаго «салона» такъ энергически вертитъ французскою литературно-политическою рулеткою, такъ панибратски каламбуритъ съ Гамбеттою, играетъ въ пикетъ съ Викторомъ Гюго, споритъ о Богѣ съ папскимъ нунціемъ и объ устьяхъ Дуная съ кавалеромъ Нигра, что поспѣшные сборы ея въ нашу столицу привели въ безпокойство даже берлинскихъ оффиціозовъ. Бисмаркова «Neue Preussische Allgemeine Zeitung» поспѣшила уснастить намеками это «событіе», неоднократно подъ разными предлогами возвращалась къ нему и перевела духъ только тогда, когда «самъ», покрутивъ щетинистымъ усомъ и мелькомъ взглянувъ на свою марсовскую, грозно въ зеркалѣ отраженную фигуру, не безъ достоинства замѣтилъ, что человекъ, взявшій Седанъ, Метцъ и Страсбургъ, не вправѣ безпокоить себя мыслями о коварствѣ. сннхъ чулкомъ съ локонами-завитушками.

У насъ, какъ всегда и обо всемъ, говорили разное. Въ воен-

ныхъ кружкахъ распространился слухъ, что «генералъ Гамбетта прислалъ Адамову жену съ тайнымъ и срочнымъ порученіемъ»; въ низшихъ бюрократическихъ сферахъ связывали прїездъ издательницы «Revue Nouvelle» съ роковымъ, хотя все еще и не выплывающимъ сокращеніемъ штатовъ; въ финансовой средѣ толковали о новомъ, отъ избытка ресурсовъ, займѣ и о замаскированной близости г-жи Адавъ съ парижскимъ Бонту, пластомъ было положившимъ Ротшильда, но—увы!—уже вылетѣвшимъ нынѣ въ трубу; литературные вѣстовщики сѣяли и поддерживали толки, будто г-жа Адавъ прїѣхала затѣмъ, чтобы осмотрѣть еще одну новую типографскую машину «Новаго Времени», отвѣдать стерляжьей ухи у И. С. Аксакова и, принявъ православіе, покончить съ сырымъ вдовствомъ, выйдя замужъ или за профессиональнаго «изящника» Болеслава Маркевича (маркизъ Поза, безъ качествъ Ромео) или за патентованнаго философа Всеволода Соловьева (Ромео безъ качествъ маркиза Позы)... Даже петербургскіе евреи и тѣ уповали, предполагая, что знаменитая гостя прямо командирована Европою для участія, хотя бы только съ совѣщательнымъ голосомъ, въ комитетѣ «обрѣзанія правъ» у еврейскихъ шинковъ и ссудныхъ кассъ, и для монологической защиты этихъ «устоевъ» учреждений, какъ съ точки зрѣнія цивилизаціи вообще, такъ и антипрудонства въ частности.

Само собою разумѣется, что двери щегольскаго отельнаго апартаментна г-жи Адавъ, во все время ея пребыванія въ Петербургѣ, почти не затворялись. Видная, моложавая еще, и нарядная режиссерка «опортунистской политики» принимала охотно и очень любезно. Говорятъ, что почти весь литературный персоналъ Петербурга перебивалъ у нея съ новогородными пожеланіями и поклонами привѣтствія, не исключая даже полуанекдотическихъ редакторовъ «Вазы», «Луча» и «Горнаго Журнала». Звонили, расшаркивались и рекомендовались и люди иныхъ профессій. Приходилъ александринскій актеръ Петипа и просилъ у всемогущей парижанки мѣста перваго любовника въ «Théâtre français». Приходилъ муниципальный первенецъ Петербурга, «корневикъ новой формаціи», но, не найдя г-жи Адавъ дома, оставилъ калачъ, солонку, визитную карточку—Иванъ Иличъ Глазуновъ» гарадской галава»—и вновь изданные имъ святцы, въ шагреновомъ переплетѣ. Приходили вмѣстѣ три генерала, три эксъ-губернатора,—гг. Скарятинъ, Токаревъ и Лошкаревъ,—во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, но съ лентами. Одинъ говорилъ о татарахъ, другой—о логишинцахъ, третій—о святости дружескихъ узъ. У каждаго изъ нихъ была «пояснительная» записка въ рукахъ и ламартиновскій видъ. Они ходатайствовали о дипломатическомъ заступничествѣ, невпопадъ хвалили Магъ-

Магона и просили мѣста префектовъ, въ какихъ угодно департаментахъ, общая успѣшно сочетать свободный режимъ съ рѣжимированною свободою. Приходило и лицо, пожелавшее остаться анонимомъ; оно не назвало себя, но говорило восхитительнымъ языкомъ Буало и предлагало, для помѣщенія въ «Revue Nouvelle», двѣ толстыя рукописи: «Récit authentique d'Oufimiada» и общественно-политическій романъ изъ русской жизни, подъ заглавіемъ «Сакердонъ». Забѣгалъ и неутомимый М. А. Филипповъ, съ первою книжкою «Вѣка», начинающей классическою фразой «По поводу *тому*, что...» и кончающей (на обложкѣ) переименованіемъ поэта Холодковского, работающаго въ «Вѣкѣ» же, въ Холдаковского. Этому легкокрылому редактору специально хотѣлось познакомить французскую писательницу съ современнымъ состояніемъ правописанія и корректуры въ Россіи. Былъ также и г. Евгений Марковъ: онъ сблизилъ г-жу Адавъ съ завѣтною программю «нашего дѣваго центра» по питейному дѣлу и откровенно, franchement, высказалъ свой взглядъ на переселенческій вопросъ. Онъ не признавалъ полумѣръ и требовалъ, для нашего болѣе быстрого и существеннаго обновленія, всеобщаго и одновременнаго переселенія всѣхъ русскихъ, живущихъ на югѣ, на сѣверъ, а всѣхъ сѣверянъ на югъ. Но легкомысленная французенка только улыбулася и вскользь замѣтила, что это будетъ—très pittoresque. Словомъ, много перебывало всякаго народа, и гостинная г-жи Адавъ постоянно служила весьма оживленнымъ сборищемъ.

Плѣнительная хозяйка внимательно и нетерпѣливо слушала другихъ, но и сама говорила. Изъ рѣчей ея оказалось, что пріѣздъ къ намъ г-жи Адавъ имѣлъ цѣль и вполне естественную, и вполне ясную. Она не привезла къ намъ ни вѣчнаго мира, ни новой войны, ни даже проэкта оборонительно-наступательнаго союза. Она собралась въ путь по личному своему почину. Она просто уступила своей горячей любознательности и пожелала на мѣстѣ познакомиться съ народомъ, котораго американско-петербургскій корреспондентъ Иванъ-де-Вестинъ постоянно называлъ въ своихъ интимныхъ письмахъ къ ней «наилубопытѣйшимъ въ мірѣ» (le plus curieux dans le monde entier). Единственно только въ этихъ видахъ,—наблюденія и самопросвѣщенія,—г-жа Адавъ и распорядилась на счетъ дорожныхъ сундуковъ и временно заперла свой парижскій салонъ на трехнедѣльный срокъ. Она полагала при этомъ, что, если выключить недѣлю собственно на дорогу, то 14-ти дней вполне будетъ достаточно для болѣе или менѣе основательнаго изученія насъ и вдоль и поперекъ, и въ общемъ складѣ и въ частичномъ разборѣ. «Народъ—они, (думалось французской писательницѣ) хотя теперь и наилучшій въ мірѣ, но во всякомъ случаѣ

несложный, а потому двухъ недѣль вполне довольно, чтобы я могла усвоить себѣ то, что мнѣ нужно, и разъяснить то, что для меня пока и волшебено, и загадочно».

Конечно, въ этомъ произвольномъ предположеніи,—на счетъ срока изученія,—наша почтенная гостя напередъ и жестоко обманывала самой себя. Въ томъ, что мы любопытны, даже очень любопытны, особенно, если глядѣть на насъ со стороны— не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Это — непоколебимая аксіома, и очень многимъ изъ насъ неоднократно и ерѣпко хотѣлось-бы «убѣжать отъ самихъ себя», чтобы затѣмъ посмотреть на самихъ себя-же и медленно, смакуя, воспріять весь эффектъ этого самосозерцанія. Но вопросъ о нашей подражываемой несложности требуетъ не только рѣшительнаго протеста, но даже и насъязв прожигающей ироніи. Мы-то несложны!.. Да съ нашимъ общимъ «генеральнымъ строеніемъ» не выдержитъ и поверхностнаго сопоставленія самая хитрая, самая головоломная, самая непонятная модель грандіозной машины-монстръ *perpetuum-mobile*; да еще такой машины, которую изобрѣлъ механикъ-самоучка, мѣщанинъ Семенъ Пастуховъ, изъ Конотопа; да еще такой механикъ-мѣщанинъ, который задался идеею—вить веревки изъ свѣтовыхъ лучей. Въ течение десяти закатистыхъ вѣтковъ, мы щупаемъ, наблюдаемъ, извѣдываемъ себя и за все это время успѣли лишь прійти къ необходимости дружески заподозрить присутствіе внутри насъ самихъ «силъ непочатыхъ, хотя и не выраженныхъ, и мощи необъятной, хотя и спеленанной»; а г-жа Эдмонъ Аданъ думала въ четырнадцать дней закончить свою записную книжку, подвести итоги, рѣшить всѣ уравненія съ тысячами неизвѣстныхъ и, вернувшись въ Парижъ, обстоятельно доложить, при посредствѣ своего журнала, Европѣ—почему мы, бодаясь головами, ходимъ на четверенькахъ по пути нашего развитія, почему у насъ вербы растутъ на грушахъ и почему идетъ повсемѣстно такая «игра словъ», что, положимъ, слово «восемнадцать» вдругъ обозначаетъ хорошенькую женщину, а вопросъ «гдѣ вы живете?» понимается въ смыслѣ «благодарю васъ, я уже помылся»?!

Само собою разумѣется, что «сводъ» матеріаловъ, добытыхъ у насъ г-жею Аданъ, оказался весьма скромнымъ и небогатымъ. Все, прежде ей о Россіи извѣстное, она должна была позабыть, а ничему новому научиться не могла. Въ Петербургѣ французская путешественница бесѣдовала только съ литераторами, эксъ-дипломатами и коммерсантами французской колоніи, посѣтила Эрмитажъ, «Панораму Плевны», Гостинный дворъ и торжественно гарнированный разными «ручными» знаменитостями салонъ княгини Т.,—салонъ очень красивый по мебелировкѣ и очень скучный по духу; узнала, что французовъ у насъ прежде

любили, что нынѣшняя Франція состоитъ «подъ сомнѣнiемъ», что Додэ и Золя пользуются успѣшнымъ сбытомъ; что даже маленькiя дѣти и тѣ говорятъ у насъ по-французски, и обозрѣла нѣсколькихъ неподдѣльныхъ мужиковъ, при перевздѣ своемъ съ вокзала Варшавской желѣзной дороги въ гостиницу.

По пути въ бѣлокаменную, г-жа Аданъ видѣла только шкафъ съ «малиновыми» колокольчиками на Валдайской станціи, выставку сафьянныхъ, шитыхъ золотомъ, туфель въ Твери, а въ Клину—ажитированнаго урядника, въ моментъ составленія имъ какого-то «бытоваго протокола». Ей пояснили при этомъ, что въ Россіи урядники - протоколисты—самые усердные и самые популярныя писатели - протоколисты. Московскiя впечатлѣнія г-жи Аданъ были, конечно, въ такомъ же родѣ. Она обозрѣла Иверскую часовню, торговые ряды, храмъ Спасителя, ресторанъ «Славянскiй Базаръ»; была въ Маломъ театрѣ, у царь-пушки, подѣ царь-колоколомъ; съѣла обѣдъ съ разстегаями и бараньимъ бокомъ у г. Аксакова, и выслушала отъ него длиннѣйшую, отчасти философскую, отчасти вѣщую, отчасти совсѣмъ непонятную, но горячую, яркую, густыми красками расписанную рѣчь о важности и «чреватости» переживаемой нами эпохи, когда «мы силою единой любви поднимаемъ и себя, и землю». Наконецъ, интеллигентная туристка низко, уже по русскому обычаю, поклонилась Москвѣ на всѣ четыре стороны и собралась домой. Только и было наблюдений, разъясненій, свѣдѣній и данныхъ.

Между тѣмъ, еслибы г-жа Аданъ имѣла возможность поближе присмотрѣться и поосновательнѣе ознакомиться съ нашей текущей дѣйствительностію, она, вернувшись изъ Россіи, могла бы несомнѣнно украсить свой журналъ довольно любопытною статьею, даже и въ томъ случаѣ, коль скоро пожелаала бы поразсказать подписчикамъ и читателямъ «Revue Nouvelle» лишь тѣ, болѣе общіе и краснорѣчивыя факты изъ области нашей «обиходной политики», которые дозрѣли и расцвѣли только во время пребыванія г-жи Аданъ въ предѣлахъ Россіи, т. е. въ теченіе одного послѣдняго мѣсяца. Конечно, факты эти отрывочны и какъ-бы безсвязны; случились они подѣ разными градусами широты и долготы, при разныхъ обстановкахъ и при участіи различныхъ героевъ; жизнь не упорядочиваетъ своего текущего хаоса и несетъ его валомъ, внизъ по теченію. Но пестрота матеріала отнюдь не свидѣтельствуетъ о его мизерности. Напротивъ, чѣмъ больше оказалось бы красокъ, штриховъ, лучей, тѣней, сюжетовъ и жанровъ, тѣмъ интереснѣе были бы дорожныя впечатлѣнія туристки, и если они почему-либо не хотѣли бы уложиться въ одной общей статьѣ, то никто не помѣшалъ бы г-жѣ Аданъ помѣстить ихъ въ концѣ книжки «Revue Nouvelle», въ сбор-

номъ и гостеприимномъ отдѣлѣ «Faits divers». Это отдѣлъ чудесный. Онъ принимаетъ въ свои объятія разныя разности, всякую всячину—и «Столкновеніе корабля съ рыбою», и «Черты изъ молодости Вагнера», и «Статейку о гаремныхъ библіотекахъ», и рассказы «О дуэли по американски», и свѣдѣнія «О ловлѣ жемчуга на берегахъ Австраліи», и «Исторію одного разстрѣляннаго» и т. п.; этотъ отдѣлъ никого не стѣсняетъ, легко читается и очень многимъ нравится. Онъ не заботится объ искусственномъ связываніи отдѣльныхъ, прямо не родственныхъ другъ другу фактовъ, не стрижетъ ихъ подъ гребенку, не наряжаетъ въ одинаковыя курточки, а лишь наклеиваетъ краткіе заголовки и прямо развертываетъ всю радужную пеструю событій, лишь и явленій. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ не сталъ достояніемъ ни французской писательницы, ни французской литературы.

Слѣдя за отечественною письменностью, я и попытался сдѣлать именно эту работу. Я рѣшился посвятить ее нашей любознательной гостѣ и, съ этою цѣлью, вошелъ въ переговоры, относительно возможно-безукоризненнаго перевода моего скромнаго приношенія, съ лучшимъ учителемъ французскаго языка въ Петербургѣ.

Вотъ ради чего подобраны нами нижеслѣдующіе текущіе *Faits divers*, предназначаемые для одной изъ будущихъ книжекъ «Revue Nouvelle».

Дѣвичья зима. Это—новое опредѣленіе зимы; но незнакомыя явленія нуждаются и въ новыхъ характеристикахъ. Если непрочное, потухающее лѣто носить названіе «бабьяго лѣта», то феноменальная зима, въ которой нѣтъ ничего зимняго, всего естественнѣе должна быть названа «дѣвичьею зимою». Въ тѣхъ самыхъ высшихъ сферахъ космическаго бытія, откуда никогда нѣтъ никакихъ извѣстій, происходитъ нѣчто небывалое, и смутныя, неотрадныя предположенія русскихъ метеорологовъ о томъ, что земля измѣнила своей нормальной орбитѣ, избрала иной путь и несетъ насъ куда-то, постоянно *лицомъ къ солнцу*,—получаютъ много серьезной вѣроятности. Неизмѣнный русскій климатъ, климатъ-крѣпышъ и климатъ-разбойникъ, на отрѣзъ отказался отъ самого себя. Наша зима, морозившая нѣкогда французскихъ гренадеровъ, кажется теперь непомятно жаркою даже для итальянскихъ баритоновъ. Благословенное небо Монако и Ниццы повисло даже надъ Колою и Березовымъ. Легендарная тройка стала анахронизмомъ; восточные буруны смѣнились южными, пріятно щекочущими зефирами, а «дѣдушка-морозъ», взваливъ елку на плечи и повѣсивъ красный носъ, махнулъ на все рукою и ушелъ въ безвѣстную отлучку. Изъ Харькова пишутъ, что тамъ, сей часъ же послѣ Рождества, принялись

за паханье! Изъ Ковенской губерніи сообщаютъ, что появились фѣлки и подсиѣжники. Въ знаменитомъ своими морозами Архангельскѣ «малая палата» свидущихъ людей г. Баранова совѣщается у Бѣлаго моря, точно у Соррентскаго залива, чуть не подъ открытымъ небомъ, а въ Петербургѣ, въ день Крещенія, когда снѣгъ долженъ искры метать изъ подъ желѣзныхъ полозьевъ, было утромъ на солнцѣ 18° по Ц. и кузнечики трещали на панеляхъ.

Эти явленія обладаютъ поучительнымъ смысломъ. Они свидѣтельствуютъ, что погода въ созвѣздіи «Рака» должна быть признана во всѣхъ смыслахъ восхитительною, и что если противъ насъ, по неразумію своему, возстаютъ люди запада, то за насъ, по неисповѣдимой благодати своей, заступается небо и Запада, и Востока, и Сѣвера, и Юга.

Домикъ Бориса Чичерина. Недавно Москва внезапно обезглавила. Бывшіе ея муниципальные дѣятели, заблудившись въ дѣвственныхъ лѣсахъ проданной ими «довѣрительно» на срубъ Сокольничьей роши, растеряли свои портфели и подали въ отставку. Примѣру ихъ послѣдовалъ и московскій городской голова г. Третьяковъ, политиканствующій коммерсантъ-вельможа, въ рошѣ не бывавшій, но не желавшій, въ качествѣ главы кабинета, отстать отъ своихъ управскихъ министровъ. Такимъ образомъ, постъ московскаго городского головы оказался вакантнымъ. Москва—особенный городъ, и для нея всегда требуется особенный голова. Послѣдній долженъ быть Крезомъ по своей жизни, сановникомъ по виду и купцомъ по душѣ. Но Москва, будучи городомъ особеннымъ, въ то же время остается неизмѣнно вѣрною преданіямъ любомудрія и кроткаго послушанія всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ писаться ея капралами. Капральское командованіе въ московской думѣ принадлежитъ двумъ гласнымъ, славнымъ именами своихъ братьевъ: кн. Щербатову, «брату того Щербатова», и г. Самарину, «брату того Самарина». Составляя въ думѣ законодательный совѣтъ «двухъ», гг. Щербатовъ и Самаринъ, посовѣтовавшись у пивійскаго треножника г. Аксакова, рѣшили призвать на московское главенство г. Бориса Чичерина, сидѣвшаго въ своемъ тамбовскомъ помѣстьѣ, въ отшельническомъ уединеніи Виктора Гюго въ Джерсеѣ или Гарибальди на Капрерѣ. Г. Чичеринъ,—эксъ-профессоръ московскаго университета,—представитель крупной собственности и компилятивной науки. Онъ не былъ для теоріи государственнаго права ни Аристотелемъ, ни Гнейстомъ, ни Модемъ, и главнымъ образомъ потому только издавалъ свои сочиненія, что они очень легко подбирались изъ студенческихъ тетрадокъ. Но почтенный государствовѣдъ, не затмивъ Аристотеля, умѣлъ развивать Макіавелли. Онъ страстно громилъ общину, без-

пощадно казнилъ нашу наследственную и подневольную хромоту общественную, принципиально удерживался отъ всякаго личнаго участія въ муравьиномъ земскомъ дѣлѣ, никогда не забывалъ о своей породистой «бѣлой кости» и былъ авторитетнымъ застольнымъ лидеромъ для тѣхъ ландордовъ нашего землевладѣнія, которымъ повсемѣстно мерещатся неистовые и непотребные «танцы на вулканѣ», послѣ того, какъ они разочаровались и въ благахъ земельного кредита, и въ безкорыстїи колупаевскихъ ссудъ и одолженій. Г. Чичеридъ давно разстался съ Москвою. Онъ не оставилъ въ ней никакихъ корней, никогда не имѣлъ никакого отношенія къ хозяйственному управленію города, а потому располагалъ такими же правами на кандидатство въ московскіе головы, какъ и на избраніе въ гамамы крымскихъ караймовъ. И г. Чичеринъ былъ «варягомъ» для города, и городъ былъ для г. Чичерина—конгломератомъ скучныхъ и мелкотравчатыхъ мѣщанскихъ дѣлшекъ. Но капралы налегали, а тамбовскій отшельникъ не находилъ сердцеца для охлаждающаго отказа. И вотъ продѣлана была такая муниципальная комедія, свершилась такая крющотворская задуманная объѣздка на кривой закона, что даже самый опытный консисторскій секретарь и самый травленный нотаріусъ, изъ прежнихъ юсовъ, подкабливавшихъ документы и обрѣзававшихъ подписи, остались бы въ восторгѣ и экзотическомъ удивленіи. Изъ газетъ вы знаете подробно, какъ было дѣло съ знаменитымъ «домикомъ Бориса Чичерина», достойнымъ извѣстности «домика Петра Великаго»; анекдотическимъ домикомъ на курьихъ ножкахъ, ютящимся на одномъ изъ захолустныхъ городскихъ задворковъ и торжественно купленнымъ, какъ необходимая декорация для задуманной интермедїи, какъ имущественный «цензъ» для профессора-обывателя.

Время не ждало, и нужно было быстро и стремительно оборудовать потѣшную исторію возведенія г. Чичерина въ московскіе «домовладѣльцы». Она и не застряла. Она даже вышла чѣмъ то художественно-дѣльнымъ и художественно законченнымъ. Нотаріусы, судьи, чиновники, думцы, управскіе дѣятели—всѣ, подавъ другъ другу руки, завертѣлись вокругъ забавнаго домика; всѣ суетились, хлопотали, облегчали формальности, устраняли препятствія, лѣзли вонъ изъ кожи. Московскій окружный судъ, специально ради «домика Бориса Чичерина», имѣлъ на праздникахъ экстренное засѣданіе, единственно затѣмъ, чтобы помочь г. Чичерину,—во всякомъ случаѣ довольно крупному и замѣтному общественному лицу, человѣку съ именемъ и съ прошлымъ, ученому, вѣщавшему съ высоты университетской кафедрѣ объ уваженіи и гражданской любви къ закону, — обойти законъ, какъ торчащій на пути плетень, смутить и скандализи-

ровать избирателей, посмѣяться надъ безсиліемъ растерявшейся печати и дать «курьезный фактець» на зубокъ публичнымъ толкамъ, и безъ того уже достаточно циничнымъ и достаточно развращеннымъ.

Побѣдителей не судятъ. Стратегія г. Чичерина обезпечила ему триумфъ и главенство. Пусть замоскворѣцкій домигъ на курьихъ ножкахъ служить capitoлиемъ для авторитетнаго законника, столь убѣдительно и на первыхъ же порахъ доказавшаго, что *visum injuria summum jus*. Но, скажите, можно ли сѣтовать послѣ этого на слабое и шаткое «правовое» развитіе средняго русскаго обывателя, которому изъ всей-то области юриспруденціи только и извѣстно, что въ надлежащихъ канцеляріяхъ, присутствіяхъ и установленіяхъ существуютъ давенпортовскіе шкафы съ фоліантами невѣдомыхъ, необозримыхъ законовъ, шкафы, внутри которыхъ надлежащіе чиновники исполняютъ надлежащія симфоніи, увертюры и ноктюрны?

Habeas plus quam corpus: habeas dos. Нѣтъ ничего хуже, когда отвлеченная мудрость закона забѣгаетъ впередъ реальной жизни и, витая въ эмпирахъ общаго и формальнаго, жантильничаетъ и стѣсняется по части выбора средствъ, въ то время какъ исполнители и охранители закона чувствуютъ явную потребность въ примѣненіи простыхъ и рѣшительныхъ мѣръ воздаянія *pro merito* или исправленія *pro bono publico*. Охранители и исполнители обуреваются тогда сомнѣніями и взаимно противоположными думами. Въ нерѣшительности стоятъ они на перепутьѣ и не знаютъ, кого именно слушаться: требованій ли закона, избобрѣннаго отчасти заграничными бакалаврами, отчасти учеными русскими семинаристами, или—убѣдительныхъ велѣній долга и трезваго пониманія? Сплошь и рядомъ, законъ даже какъ бы нарочно противорѣчитъ этимъ велѣніямъ. Долгъ торопитъ, законъ медлитъ; долгъ ищетъ финала, законъ—предисловія; долгъ любитъ простоту, законъ—сложность; долгъ дѣйствуетъ, законъ—размышляетъ; долгъ развязываетъ руки, законъ—беретъ за ручки и прячетъ ихъ въ брючки. Положеніе многихъ исполнителей закона было бы, вслѣдствіе этого, весьма затруднительнымъ. Они должны были бы или предаваться до самозабвенія закону и отвлекаться тогда отъ жизни и прикладной морали; или—отстаивать виды и соображенія прикладной морали и постоянно входить тогда въ болѣе или менѣе непріятныя столкновенія и пререканія съ закономъ. По счастью, исполнительное и законоохранительное человѣчество имѣетъ въ своемъ распоряженіи такую неоцѣненную сокровищницу, какъ сокровищница практическаго разума. Оно раскрываетъ ее въ моментъ помянутыхъ думъ и сомнѣній, и благополудно находитъ въ ней то, что нужно: и салютъ для закона, который благодаритъ за почтеніе, и депту

для прикладной морали, которая шлетъ привѣтъ за память о ней и вниманіе.

Такъ было въ Варшавѣ, когда послѣ недавнихъ еврейскихъ беспорядковъ разыгрался конфликтъ между причудами закона, съ одной стороны, и велѣніями долга и прикладной морали—съ другой. Въ толпѣ задержанныхъ за уличные беспорядки оказалось много несовершеннолѣтнихъ уличныхъ мальчишекъ. Они «какъ бы сами просили» розогъ. По самой природѣ вещей, розги ужасно шли имъ... «въ лицу». Прикладная мораль и заявила о своихъ правахъ на счетъ «чики-чики-чюкъ», но доктринерскій законъ грозилъ пальцемъ и говорилъ—«не прикасайся». Что тутъ было дѣлать? Предстояло обратиться къ сокровищницѣ практическаго разума. Къ ней обратились, и она, какъ и слѣдовало ожидать, указала срединный, прекрасно обдуманый, выходъ. На подмогу кобенившемуся и мудрствовавшему закону призвали «обычное право» и патриархальную власть семейнаго очага. Послѣ того какъ былъ сдѣланъ надлежаще-внушительный запасъ розогъ, пригласили въ полицію родителей мальчишекъ и ихъ ремесленныхъ хозяевъ. И тѣмъ и другимъ обязательно вручили готовые уже бланки прошеній, лаконическій текстъ которыхъ горячо умолялъ начальство о возданіи мальчишкамъ розогъ. Количество розогъ не было проставлено и отчасти зависѣло отъ щедрости самихъ просителей. Бланки прошеній давались при этомъ приглашеннымъ лицамъ «съ покорнѣйшею просьбою»—подписывать ихъ поскорѣе и не задерживать хода предстоявшей операціи. «Покорнѣйшая просьба» казалась, почему то, всѣмъ приглашеннымъ весьма настойчивою, убѣдительною, и исполнялась немедленно. Тогда отцы и хозяева арестованныхъ мальчишекъ снабжались вырѣзными изъ книги *чеками на розги*, съ которыми и обращались въ сѣзжую, гдѣ содержались арестованные мальчишки. Смотритель сѣзжей принималъ чекъ и вызывалъ мальчишку, а пожарные служители моментально отсчитывали требуемое количество розогъ и отпускали съ миромъ. Такъ въ Варшавѣ удалось благополучно—и законъ не огорчить, и прикладную мораль въ должномъ почетѣ удержать, и даже чекамъ дать совсѣмъ новое примѣненіе. Гордіевъ узелъ былъ разсѣченъ мечемъ; варшавскій же узелъ—розгами. Такова разница между двумя этими узлами.

Nabeas plus quam corpus: habeas dos!

Гунны-славяне. Въ настоящее время, когда столь часто раздаются голоса въ пользу исправленнаго и дополненнаго повторенія всей русской исторіи, отъ ея начала: отъ новаго крещенія всѣхъ насъ на Дѣлѣпрѣ, новыхъ походовъ на Византію, новыхъ переводовъ номоканоновъ, новыхъ общественныхъ дѣлений и группировокъ на свѣтлыхъ боярь, большихъ людей, грид-

ней, огнищанъ, купцовъ, гостей, черныхъ людей,—знаменитый московскій ученый Д. И. Иловайскій очень кстатѣ принялъ на себя защиту репутаціи племени, имѣвшаго непосредственное отношеніе къ колыхбелѣ нашего историческаго прошлаго. Г. Иловайскій далъ недавно генеральное сраженіе въ московскомъ обществѣ любителей антропологіи и, спокойно выдержавъ напоръ удивленныхъ взглядовъ со стороны присутствовавшихъ въ засѣданіи естествовѣдцовъ, антропологовъ и этнографовъ, предложилъ перевести гунновъ, хотя и заднимъ числомъ, изъ туранскаго племени, къ которому они до г. Иловайскаго принадлежали, къ семьѣ славянскихъ народовъ, къ которымъ отнынѣ гунны принадлежать должны. Эксъ-профессоръ и гастролирующій въ «Спб. Вѣдомостяхъ» комаровскій публицистъ, издавшій такъ много книжекъ, для пользованія ими въ «старшемъ возрастѣ» гимназическаго развитія, объяснилъ неслестныя для гунновъ мнѣнія науки объ ихъ безспорномъ монгольствѣ—клеветническими инсинуаціями и «крайнимъ пристрастіемъ» римскихъ писателей IV и V вѣковъ. Главными инсинуаторами, болѣе другихъ вредившими доброму имени гунновъ, были историографы Ампианъ Марцеллинъ и Иорнандъ. Это были недостойные писатели. Оба они относились съ постыднымъ для ученыхъ предубѣжденіемъ къ гуннамъ, хотя даже и они не осмѣливались давать «прямыхъ указаній на косые глаза, выдающіеся скулы и острый подбородокъ» гунновъ. Они только намекали на эти физиономическія отличія и простой поклепъ несли.

Г. Иловайскій проситъ не вѣрять ни Марцеллину, ни Иорнанду, а вѣрять ему, г. Иловайскому.

Дѣло въ томъ, что гунны не только не поражали своими физиономическими уродствами, но могли считаться почти что «хорошенькими». Правда, на войнѣ и въ походахъ они казались безобразными, но «безобразіе ихъ было не природженное, а искусственное, ради военныхъ цѣлей и ради устрашенія непріятелей». Чтобы произвести эффектъ на врага, лукавые и находчивые гунны дѣлали «нарѣзки» на своихъ щекахъ, «стигивали головы младенцамъ», мазали физиономіи свои сажеею и наклеивали передъ боемъ маскарадныя носы. Гунны, поѣтому, пожалуй, были большими мистификаторами и даже куралесниками, но обвинять ихъ въ томъ, что они запятнали чистоту и благородство своего происхожденія косыми глазами, торчащими скулами и острыми подбородками—нѣтъ никакихъ научныхъ резоновъ. Напротивъ, соображаясь съ показаніями Сципіона и съ патриотическими обязанностями чисто русскаго историка, г. Иловайскій склоненъ думать, что у гунновъ были голубые глаза съ поволокою, розовые, мягко-закругленные подбородки и полное отсутствіе скулъ; что косвенно-родственное намъ племя отди-

чалось «прекраснымъ сложеніемъ», «среднимъ и даже болѣе чѣмъ среднимъ ростомъ» и что «всѣ черты быта и нравовъ гунновъ очень много говорятъ въ пользу ихъ славянства». Тутъ была поставлена точка, и началось видимое «дѣйствіе» сейчасъ резюмированного реферата на слушателей. Восемь ученыхъ (гг. Поповъ, Миллеръ, Коршъ, Богдановъ, Покровский, Анучинъ, Михайловскій, Иковъ), точно ужаленные, вскочили съ своихъ мѣстъ и, едва сдерживая нетерпѣніе, пожелали вступить въ ученую схватку съ расходившимся анекдотистомъ. Но г. Иловайскій очень спокойно отнесся къ первому залпу своихъ, подобно Марцеллину, предубѣжденныхъ критиковъ и оплатилъ такимъ извѣстіемъ, которое окончательно убило его растерянныхъ и поникшихъ головами оппонентовъ. Безпощадный врагъ варяговъ и безкорыстный другъ гунновъ заявилъ, что въ слѣдующемъ же засѣданіи «общества любителей веселыхъ каламбуровъ» онъ, ссылаясь отчасти на самого себя, отчасти на латинскаго историка II вѣка, Деція Комикоза изъ Цистерны, докажетъ, — въ назиданіе нашимъ отлынивающимъ отъ славянофильства либераламъ, что Батый былъ прямымъ потомкомъ выселившагося на востокъ «чеха изъ Болгаріи», а Тамерланъ I — обмонголившимся грекомъ изъ Ростова. Кто же не повѣритъ, пусть тотъ проврѣтитъ!

«Ягодники». Въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи поставленъ былъ въ связи съ предположеннымъ пониженіемъ выкупныхъ платежей вопросъ объ экономическомъ состояніи крестьянъ. Вопросъ этотъ сразу оживилъ собраніе. «Онъ произвелъ нѣчто въ родѣ бури». По причинѣ говора и жестикуляціи нѣкоторыхъ изъ гласныхъ, говорить отчетъ мѣстной газеты, «сначала невозможно было уловить смысла ни управскаго доклада, ни начавшихся по поводу его рѣчей». Всѣ хотѣли говорить въ одно и то же время. Докладъ управы по этому предмету показался большинству простою канцелярскою справкою, сухою, безцвѣтною и малосодержательною. Докладъ дѣйствительно напоминалъ компилятивную и заѣзженную передовую статейку во вкусѣ «Сына Отечества». Онъ перечислялъ, чуть ли не въ алфавитномъ порядкѣ, общеизвѣстныя причины крестьянскаго нестройства — недостатокъ скота, дѣса, скудость заработковъ, эпидемію, диотеритъ, мельчаніе земельныхъ участковъ вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, — и кратко выражалъ скорбь управы по всѣмъ этимъ параграфамъ. Между тѣмъ онъ предназначался «для Петербурга» и потому долженъ былъ быть по возможности отиѣннымъ сообщеніемъ. Гласные и заспорили о томъ, чѣмъ бы скрасить и выдѣлить анемическое и неудачное произведеніе управскихъ героевъ. Въ Смоленскѣ, замѣтитъ кстати, и понынѣ думаютъ, что петербургскіе столоначальники

имѣютъ терпѣніе читать все то, что имъ присылаетъ провинція. Недаромъ земля наша утопаетъ въ предрасудкахъ. Собраніе, вѣроятно, долго дебатировало бы о разныхъ вставкахъ, дополненіяхъ и разъясненіяхъ, еслибы одинъ изъ гласныхъ, обладавшій богатырскою грудью, не перекричалъ коллегъ своихъ и не сказалъ приблизительно слѣдующаго:

— «Петербургъ, милостивые государи, удивить трудно. Но если мы хотимъ послать въ столицу какую нибудь дѣйствительно любопытную вѣсть насчетъ экономическаго состоянія крестьянъ, то пусть управа напишетъ въ своемъ докладѣ, что у насъ есть и такія деревни, которыя питаются только ягодами, одними ягодами, и всѣ заработки которыхъ заключаются единственно въ собраніи ягодъ. Это будетъ ново».

И гласный подробно перечислилъ названія сель и деревень, заселенныхъ «смоленскими ягодниками». Собраніе согласилось съ заключеніемъ своего сочлена, приняло сообщенный имъ— «дѣйствительно любопытный»—фактъ къ свѣдѣнію и рѣшило дать ему надлежащее развитіе, поставивъ его во главѣ приведеннаго управою перечня. Но собраніе, думается намъ, ошиблось при оцѣнкѣ этого факта. Онъ не столько огорчаетъ, сколько ободряетъ. Онъ прежде всего свидѣтельствуетъ о необыкновенной изобрѣтательности русскаго мужика и его, по истинѣ, феноменальномъ желудкѣ. Когда у мужика нѣтъ хлѣба, онъ ѣстъ мякину; нѣтъ мякины—ѣстъ картофель; нѣтъ картофеля—жуесть лукъ и пьетъ квасъ. Когда же нѣтъ у него подъ рукою уже рѣшительно ничего съѣдобнаго, онъ, какъ видите, великодушно отказывается отъ всѣхъ своихъ, положеннымъ ему зоологіей, правъ на всеядность, беретъ примѣръ съ галокъ и ежедневно наѣдается рябиною, клюквою или брусникою, оставляя еще про запасъ сухіе листья и еловые шишки. При такомъ изворотливомъ, какъ вьюнъ, и лукавомъ, какъ голодная лиса, мужикѣ, мы можемъ спать спокойно.

Протестующая почта. Изъ всѣхъ репутаций—какія только существуютъ—репутация почты самая установившаяся. Невозможно придумать учрежденія болѣе выносливаго и терпѣливаго, болѣе безстрашнаго и готоваго къ услугамъ. Подобно землѣ, стихійно вертящейся вокругъ своей оси, почта спокойно несетъ куда-то, въ пространство безконечнаго, свои вагоны, тележки, тюки, кипы, сумки, несетъ исправно, своевременно, неутомимо, вѣчно дѣйствуетъ и никогда не размышляетъ. Велико, поэтому, было изумленіе очень многихъ, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что даже почта и та рѣшилась, нарушивъ всѣ свои традиціи, протестовать противъ чрезмѣрнаго развитія у насъ канцелярской письменности. Почта поражена, почта пасуетъ! Нѣсколько тысячъ столоначальниковъ пишутъ болѣе,

чѣмъ всѣ 80 милліоновъ русскихъ обывателей въ совокупности. Собранные въ одно мѣсто токи съ казенною корреспонденціею составили бы вѣчто въ родѣ Гималайскаго хребта, а уложенные рядомъ рапорты, циркуляры, приказы, отношенія и доношенія могли бы опоясать непрерывнымъ кольцомъ весь земной шаръ. Въ ежедневно расходуемые канцелярскіе конверты легко заклеились бы всѣ вопросы и секреты всего человѣчества, и столь же легко получились бы пять батарей крупновскихъ орудій изъ перевитыхъ чиновничьихъ перьевъ, только суточного обхода. «Тихій океанъ» столоначальнической производительности катитъ свои волны вдоль и поперекъ всей страны, затопляя всѣ вагоны, фургоны и телѣги почтоваго вѣдомства.

Почта поражена, почта пасуетъ и протестуетъ. Болѣе политическіе экспедиторы и сортировщики вспоминаютъ о «Поптѣ» Айвазовскаго и требуютъ оплаты почтовой корреспонденціи, какъ законнѣйшей дани и какъ единственнаго средства возмездія и обузданія. Почта ведетъ свою статистику и доподлинно знаетъ, сколько бумагъ среднимъ числомъ входитъ въ каждаго чиновника и сколько исходитъ изъ него? Но кто и какъ сосчитаетъ, сколько мыслей плыветъ на поверхности этого океана?

«Сизифова работа». Такъ наименовалъ повѣренный московскаго университета, г. Пржевальскій, искъ, предъявленный университетомъ къ арендатору университетской типографіи, г. Каткову. Воспоминаніе о злополучномъ Сизифѣ пришлось въ данномъ случаѣ очень кстати. Сизифъ, какъ извѣстно, облеченъ былъ на вкатываніе въ гору большаго камня, который постоянно сваливался и все таки не достигъ, въ концѣ концовъ, своего назначенія. Правленіе московскаго университета, по доброй волѣ, приняло на себя подобную же неблагоприятную задачу. Эпоха «осаднаго классицизма,» какъ извѣстно, сюрпризомъ миновала въ 1880 году, когда графъ Д. А. Толстой, по очень удачному выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», «задремалъ у кормила» и выпустилъ бразды власти изъ ослабѣвшихъ въ дремотѣ рукъ. Преемникъ графа Толстаго не питалъ, по отношенію къ московскому громовержцу, нѣжныхъ чувствъ Филемона къ Бавкидѣ, а московскій университетъ, просматривая свою долговую книгу, кстати вспомнилъ о старыхъ и вѣчно новыхъ счетахъ съ несостоятельнымъ, какъ струсберговско-учетный банкъ, содержателемъ университетской газеты и университетской типографіи. Счеты эти накоплялись годами, и многіе камни мхомъ обросли со времени отправки г. Каткову перваго счета. Великіе люди не всегда бываютъ исправными плательщиками. Примѣры: г. Катковъ и султанъ турецкій. Публицистическій вожакъ Россіи не признавалъ теоріи гражданскихъ обязательствъ,

ни по классическому римскому праву, ни по дѣйствующему русскому законодательству. Онъ ходилъ въ долгу, какъ въ шелку, даже болѣе, — какъ въ парчѣ священной. Разумѣется, что, при нормальномъ ходѣ вещей, неисправный арендаторъ былъ бы всесторонне «описанъ» судебнымъ приставомъ и поставленъ въ необходимость достать бумажникъ изъ редакторскаго халата. Но московскій университетъ зависить отъ Петербурга, а въ Петербургѣ считали чѣмъ то въ родѣ святотатства даже самую мысль о какихъ либо судебныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ нареченнаго отца «новой русской школы». Вслѣдствіе этого, всѣ неоплаченные университетскіе счета, единственно только для свѣдѣнія, вѣшались на крючекъ, а коварныя газетныя напоминанія о нихъ разсматривались «Московскими Вѣдомостями» и ихъ клеветамп, какъ безспорное проявленіе неблагонамѣренности, духовной порчи, общественнаго разврата и печатнаго безстыдства.

Но красное лѣто временно миновало для г. Каткова. Онъ осылъ, замолкъ, ошетинился, какъ бы пересталъ служить кумиромъ поклоненія для вѣдомства народнаго просвѣщенія, и московскій университетъ, съ согласія А. А. Сабурова, рѣшился произвести маленькую облаву на подстрѣленнаго гиппопотама. Правленіе университета привело въ порядокъ всѣ свои дѣловыя сношенія съ г. Катковымъ. Оно достало изъ подъ спуда хартію контракта, разобрало и освѣтило еѣ по частямъ, сосчитало количество денегъ, не уплаченныхъ г. Катковымъ, благодаря его force majeure, заручилось компетентнымъ заключеніемъ своихъ университетскихъ юристовъ, и пригласило для представительства на судѣ извѣстнаго и опытнаго адвоката. Такъ родился гражданскій искъ университета къ г. Каткову. Процессъ безспорно долженъ былъ рѣшиться въ пользу истца, ибо все въ немъ было ясно, прямо и несомнѣнно. Но г. Катковъ, желая выиграть время, вчалъ тогда противъ университета встрѣчный искъ, разрѣшивъ своему повѣренному пустить въ ходъ самую запутанную и умопомрачительную казуистику и софистику. Г. Катковъ, конечно, рассчитывалъ при этомъ на перемѣнчивость петербургской «погоды» и на коловратность своей собственной фортуны, которая неоднократно то повертывалась къ нему спиною, то опять шла къ нему на встрѣчу съ сіяющей и умиленной физиономіею. Сокровенные расчеты несостоятельнаго арендатора оказались совершенно вѣрными. Петербургская «погода» дѣйствительно перемѣнилась, фортуна опять усмѣхнулась, и дирижеръ-любитель русскаго просвѣщенія вновь возвратился къ побѣднымъ лаврамъ и триумфамъ. Онъ уже чувствовалъ себя на прежней колесницѣ не судимаго побѣдителя, когда иронія случая восхотѣла, чтобы застрѣвшій и, подобно

сигарамъ, залежавшійся, но не рѣшенный искъ университетскаго правленія подоспѣлъ къ разсмотрѣнью по судебной очереди. Искъ угрожалъ выигрышемъ правленія и длиннымъ рядомъ болѣе или менѣе щекотливыхъ разоблаченій, которыя неминуемо поставили бы законъ, какъ это у насъ очень часто бываетъ, въ незавидное положеніе казанской вдовы, вышедшей замужъ за бѣднаго Макара! Главная же бѣда въ томъ заключалась, что отпѣтые нигилисты судебного вѣдомства очень легко могли довести процессъ до самаго крайняго и скандальнаго финала, подмахнуть надлежащій исполнительный листъ и заставить г. Каткова, — его, Каткова! — заплатить наличными деньгами тотъ самый долгъ, который онъ считалъ уже давно погашеннымъ и прощающею всякіе грѣхи земскою давностію, и не забывающею никакихъ заслугъ русскою исторіею. Дѣло не ждало и требовало немедленныхъ тормозовъ. За ними не было остановки. Г. Катковъ, сдѣлавъ нѣсколько условныхъ франкмасонскихъ жестовъ, сразу опрокинулъ къ верху ногами затѣянный противъ него процессъ. Изъ газетъ извѣстно, какъ это случилось. Правленіе московскаго университета вдругъ вынуждено было отказаться отъ всякаго наступленія и, осѣвъ на мѣстѣ, во-время позаботиться уже о своей собственной самозащитѣ. Вставшій на дыбы гиппопотамъ былъ не въ духѣ, ломалъ барьеры и жаждалъ мести за недавніе уколы. Правленіе университета послѣдняго начало получать съ разныхъ сторонъ бездну конфиденціальныхъ соображеній, «доводовъ и убѣжденій», что казнѣ отнюдь не слѣдуетъ то получить, что ей получить слѣдуетъ, и что взглядъ г. Каткова на аренду казенной типографіи, какъ на казенную «аренду», въ награду чиновникамъ выдаваемую, совершенно вѣренъ. Доводы и убѣжденія рѣшительно клонились къ тому, чтобы оборвать, прекратить, уничтожить антикатковскій искъ и какъ можно скорѣе набросить покровъ забвенія на эту печальную исторію печальныхъ недоразумѣній. Доводы и желанія эти шли и отъ ближайшаго, и отъ болѣе отдаленнаго начальства, и изъ Петербурга, и изъ Москвы, и облечены были въ весьма разнообразныя эпистолярныя и стилистическія формы. Они принимали и форму судебныхъ совѣтовъ, предлагавшихъ университету отказаться отъ иска даже по той статьѣ закона (680 уст. гр. суд.), которая предусматриваетъ возможность прекращенія иска, единственно только вслѣдствіе смерти, сумашествія или лишенія всѣхъ правъ состоянія исковой стороны; и форму категорическихъ предписаній, исключительно опиравшихся на авторитетъ субординаціи, и офиціозныхъ писемъ. Внушавшихъ университету мысли о благородствѣ и мужествѣ добровольныхъ отступленій, и экстренныхъ телеграммъ — законническій слогъ которыхъ уже долженъ былъ «образумить» истцовъ, закусив-

шихъ удѣла и желавшихъ во что бы то ни стало увидѣть катковскія деньги. Словомъ, для совершеннаго исчерпанія всѣхъ извѣстныхъ человѣчеству формъ и средствъ письменныхъ сношеній, не доставало только прилета въ университетъ бѣлаго голубя съ оливковою вѣткою мира и съ розовымъ листкомъ почтовой бумаги, на которомъ были бы изображены слова: «прости и полюби!»

Быстро раскпѣвшееся за кулисами, дѣло приняло такой оборотъ, что дальнѣйшее настаиваніе университета на неотъемлемыхъ правахъ своихъ становилось уже чѣмъ-то исторически-чудовищнымъ, въ родѣ ветхозавѣтнаго убіенія Каиномъ Авеля или безумнаго соженія храма Геростратомъ. Оставалось только сложить у ногъ триумфатора оружіе, взглянуть на покотившійся внизъ, почти съ вершины, камень и попросить извиненія.

«Кляуза», конечно, пала. Правленіе университета вынуждено было отказаться отъ всѣхъ своихъ претензій; искъ былъ прекращенъ, адвокатъ г. Каткова, нѣкій Гольденвейзеръ или Зильбергрошъ, картавя, пропѣлъ въ судебномъ засѣданіи «пѣснь торжествующей добродѣтели», а самъ г. Катковъ остался и при своемъ могуществѣ, и «при капиталѣ». Подобный финалъ процесса, наклеившій, вмѣсто гербовыхъ марокъ на судебные акты, «носъ» самой Ѳемидѣ, и понятенъ, и для самолюбія г. Каткова очень лестенъ. Арендаторъ московской газеты, по крайней мѣрѣ, теперь увѣренъ, что онъ неуязвимъ, несокрушимъ и непобѣдимъ. Но онъ, безъ сомнѣнія, все-таки груститъ и груститъ вполне основательно. Почему, въ самомъ дѣлѣ, выпало на его долю арендовать только одну какую-то казенную типографію? Почему не пришло ему въ голову пристроиться, на такихъ же «льготныхъ» контрактныхъ условіяхъ, и къ другимъ казеннымъ благополучіямъ—напр. къ казеннымъ лѣсамъ, землямъ, рудникамъ, или хотя бы къ казеннымъ рыбнымъ ловлямъ, или конскимъ заводамъ. Почему не сорвалъ онъ съ государства болѣе крупной взятки за свое сподвижничество? Почему? Почему? Почему?!—Какая досада, что хорошія мысли всегда заднимъ числомъ приходятъ.

Письмо (случайно найденное) вопроснаго земца къ петербургскому пріятелю. «Милый дружище! я обѣщаль тебѣ чергнуть вѣсточку сейчасъ же послѣ благополучнаго возвращенія своего въ родныя палестины. Исполняю данное слово, хотя и берусь за перо въ состояніи какой то мерзвѣйшей «простраціи». Въ гостяхъ, братъ, хорошо, а дома не въ примѣръ хуже. Вашъ Петербургъ оставилъ во мнѣ, сознаюсь съ удовольствіемъ, въ общемъ весьма пріятное впечатлѣніе. Безсознательно для самого себя, я возмужаль тамъ духомъ и парилъ auf der Höhe. Одно уже только сознаніе, что

находишься въ центрѣ «вѣяній», стоишь, можно сказать, у самаго прицѣла, смотришь à vol d'oiseau на всю Россію, во всей ея совокупности, говорило многое и уму моему, и сердцу. Но, ты знаешь, я встрѣтилъ еще такое привѣтливое обращеніе, такъ много слышалъ вопросовъ истинной любознательности и попечительной заботливости и, усердно работая по утрамъ, съ такимъ наслажденіемъ отдыхалъ по вечерамъ. Помнишь ли очень милый званый *soigée*, съ «нашими», у князя Голикова, когда меня познакомили съ двумя кассационными сенаторами и какимъ-то прѣзжимъ по богослужебнымъ дѣламъ, лондонскимъ пресвитеромъ? Помнишь Сарру въ «Адриеннѣ», Зембрихъ въ «Травіатѣ», Сарасате съ его чертовскими танцами? Помнишь наше скромное торжество у новооткрытаго Танти, когда я кончилъ свое статистическое изслѣдованіе о числѣ питейныхъ заведеній въ Южной Америкѣ? Помнишь нашу прощальную товарищескую трапезу, когда Бѣлоруссія чокалась съ царствомъ Казанскимъ и Нижній Новгородъ пилъ здравіе тихаго Дона? Увы, съ васъ, петербуржцевъ, все такъ же легко скатывается, какъ съ гусей вода. Но зато мы умѣемъ хранить по своимъ берлогамъ завѣты, традиціи и воспоминанія.

«Ты знаешь, я спѣшилъ домой къ открытію нашего губернскаго собранія. Я вѣдь и членъ управы, и губернской гласный, и почетный мировой. Не успѣлъ я, однако, жену на вокзалѣ привѣтствовать, какъ начались мои огорченія. Во-первыхъ, гдѣ то на дорогѣ обмѣняли мой чемоданъ. Во-вторыхъ, пришлось узнать, что, во время моего отсутствія, теща, сходя съ лѣстницы, вывихнула ногу и рѣшила исподоволь мстить за это происшествіе твоему покоривъйшему слугѣ. Семейный очагъ, значитъ, тю-тю! Въ-третьихъ, я не медя отправился въ наше собраніе.

«Милый дружище! Когда же, наконецъ, наши байбаки станутъ походить на человѣковъ? Когда же просвѣтятся ихъ умы и облагородятся нравы? Когда же сообразятъ они, что нѣтъ ничего гнуснѣе, какъ вѣчно грызть ногти, шипѣть и ехидничать?

«Я подоспѣлъ къ самому открытію собранія и вошелъ въ нашу залу дебатовъ съ сознаніемъ исполненнаго долга и съ надеждою на заслуженное одобреніе. Не скажу, чтобы встрѣтили меня враждебно. Но пріемъ, сдѣланный мнѣ, какъ-то неприятно ущемилъ темя своею холодностью и сдержанностью. Я чувствовалъ, что-то такое у нихъ произошло. Мои сотоварищи какъ бы меня не замѣчали. Я могъ сообщить имъ много новаго и интереснаго, но невнимательное ихъ отношеніе какъ-то леденило слова на устахъ и отбивало всякую охоту къ бесѣдѣ... Нашъ предводитель Петлинъ явно косился на меня, а партія прислуживавшихъ ему передовиковъ говорила безъ умолку и

держала въ своихъ рукахъ окончательное рѣшеніе всѣхъ стоявшихъ на очереди дѣлъ. Мнѣ стало жутко. Какая развязность, какая самонадѣянность, какой рѣзкій, придиричивый тонъ, особенно, когда стали говорить о губернаторскомъ протестѣ противъ права земскихъ управъ безконтрольно заготовлять для себя канцелярскія принадлежности. Когда же перешли къ вопросу о томъ, почему мало дождей выпадало въ эти годы, и когда я, выражая свое мнѣніе, хотѣлъ сослаться на свою недавнюю поѣздку — мнѣ устроили нѣчто, почти неприличное. Гласный Язвовъ, извѣстный у насъ своимъ французофильствомъ, чело-
вѣкъ, впрочемъ уже прогорѣвшій, сладко улыбаясь, спросилъ меня:

— А вы, Николай Александровичъ, ѣздили? Мы и не знали. Вы какъ же, подъ какимъ девизомъ путешествовали?

«Я не успѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, развить своего, вызваннаго этимъ вопросомъ, отвѣта, какъ сидѣвшій за мною гласный Петроковъ, тенденціозникъ, книжникъ и порядочный нахаль, довольно громко произнесъ:

— Г. Сундуковъ, господа, насколько мнѣ извѣстно, ѣздилъ отъ самого себя и отъ Маріи Петровны.

«Я, разумѣется, всталъ съ своего мѣста и вышелъ, а председатель прокричалъ мнѣ въ догонку:

— Въ другой разъ, какъ будете ѣхать, Николай Александровичъ, заходите къ намъ, если не за мнѣніями, то хоть за про-
гонами.

«Воля твоя, дорогой, стоитъ ли работать для *такихъ* людей? Мнѣ очень жаль, что я не принялъ у васъ тамъ представлявшагося мнѣ, почти безъ всякихъ хлопотъ, единственно по письму Евлампія Ивановича, мѣста приютскаго эконома и не остался въ Петербургѣ. Я подумаю еще объ этомъ. Пиши ко мнѣ пока по старому адресу въ нашъ Славутинъ и помни о горячо любящемъ тебя
Н. Сундуковъ».

Я могъ бы продолжать еще. У меня, подъ рукою, цѣлая кипа любопытныхъ «разныхъ извѣстій», на примѣръ, о томъ, какъ генералъ Скобелевъ, разрушившій текинцевъ, разбилъ на обѣдъ, на-голову, всю русскую интеллигенцію, какъ «свѣдущій» симбирскій земецъ г. Пазухинъ додумался до проэкта съѣчь мужиковъ, какъ въ Кутансѣ ограбили казначейство и какую государственную мораль вывела отсюда московская газета, какъ въ Воронежѣ собачья выставка временно убила всѣ довлѣющія злобы дня и пр. и пр. Но права повѣствователя сталкиваются съ обязанностями ограниченнаго извѣстнымъ количествомъ страницъ лѣтописца, а потому и приходится поставить обычную скрѣпу.

Буква.

Князь Мещерскій, какъ юмористъ.

Въ хорѣ голосовъ, объявившихъ недавно всю, сколько нибудь, образованную Россію чуть не сплошь зачумленную, призывавшихъ россиянь къ смиренію, покаянію и исправленію, и преподававшихъ ей самую разнообразную мораль, начиная отъ азбучно-прописной и кончая домороженно-философской, — не доставало одного, весьма привычнаго намъ голоса, для того чтобы кошачій концертъ, гармонически нѣжившій нашъ слухъ, достигъ симфоническаго апогея и окончательно въ доскъ убилъ какъ всю Европу съ ея мыслителями, такъ и всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые еще упорствовали въ своемъ лжелиберализмѣ и осмѣливались думать, что, конечно, можно заставить замолчать; но нельзя принудить думать наперекоръ всякой логикѣ, здравому смыслу, развитой мысли, научнымъ выводамъ и историческому опыту всего человѣчества. — На всю Русь гудѣлъ и ошарашивалъ мозги бассо-профундо «желѣзнаго публициста» Каткова; баритонилъ подлѣ него съ пономарскимъ ухарствомъ Гиляровъ-Платоновъ; производилъ всевозможныя рулады и фіоритуры, «растекаясь сизымъ орломъ» по поднебесью, сладкоглаголивый теноръ Аксаковъ; изумлялъ контральтowymi нотами и диссонансами, à la Вагнеръ, проказникъ Суворинъ; слышались вторые альты Тимоеско-Моравскаго полководца Комарова и «купческаго племянника» Аверкіева; сильными дискантами поднѣвали болѣе мелкіе журналисты, въ родѣ воскресшаго изъ мертвыхъ Старчевскаго и никакъ не могущаго достигнуть совершеннлѣтія Гайдебурова. Помалкивалъ только одинъ, давно излюбленный нами, ненавистникъ реформъ и гонитель всякаго просвѣщенія, пресловутый «князь-точечникъ», или, лучше сказать, не совершенно помалкивалъ, а только слабо попискивалъ, издавая какое-то, никому ненужное «Добро» вмѣсто всякихъ, сколько нибудь ясныхъ, члено-раздѣльныхъ звуковъ. Между тѣмъ казалось, что кому бы ужъ, какъ не ему, и подобало въ наши дни горланить «во всю свою волю» и чо всю мощь богатырской глотки, — въ такое время, когда все пу-

талось, затемнялось, заговаривалось, завиралось и исхирилось до послѣдней возможности. Оказалось, что на то были свои причины, и дорогой россиянамъ проповѣдникъ за это время собирался съ силами, набирался духу и, такъ сказать, «рекѣльировался», чтобы къ настоящему году, передохнувъ, тѣмъ съ большей энергіей и рвеніемъ выступить на новую ожесточенную борьбу со всѣми вѣтрянными мельницами, съ какими онъ и въ прежнее время не мало уже состязался, пока злополучная судьба не довела до того, что его знаменитый «Гражданинъ», кажется, вмѣстѣ съ самимъ г. Пуцковичемъ, былъ проданъ закладчику....

Зато теперь князь выступилъ уже въ полномъ вооруженіи, въ качествѣ редактора и издателя не одного, а двухъ еженедѣльныхъ изданій: возрожденнаго «Гражданина» и юмористической газеты съ карикатурами, называющейся «Добрякъ», первые №№ котораго лежатъ передъ нами.

Что князь Мещерскій, будучи до сихъ поръ только образцовымъ публицистомъ, захотѣлъ сдѣлаться и образцовымъ юмористомъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, бывши столько лѣтъ мишенью всевозможныхъ эпиграммъ и остротъ, изъ которыхъ инныя были достаточно злы и мѣтки, онъ рѣшился самъ обратиться къ тому оружію, которое можетъ наносить,—какъ онъ убѣдился на собственномъ опытѣ,—довольно тяжелыя и надолго памятыя раны. Съ другой стороны, русскую печать за послѣднее время обуяла какая-то юмористическая манія, разрастающаяся съ каждымъ часомъ и угрожающая обратиться чуть не въ чумную эпидемію. Кто нынче не юмористъ или, вѣрнѣе, не юмористическій публицистъ, хотя бы юморъ этотъ и былъ самага грошоваго свойства? Г. Есиповъ, полагающій, что названіе сатиры происходитъ отъ слова «сатиръ» и что изображеніемъ округленныхъ формъ женскаго тѣла можно поднять общественную нравственность—нынѣ сатирикъ; Лейкинъ — играющій, подобно Паганини, на одной струнѣ, свою вѣчную канитель о купеческомъ пьянствѣ — юмористъ *par'excellence*; самъ себя иллюстрирующій. Малоръ Худековъ, отставной артистъ А. Соколовъ и неизвѣстно гдѣ состоявшій на службѣ Баталинъ—уже заслуженные, давнишніе и завязые «столпы» русскаго юмора. Но всего этого еще мало: у гг. Старчевскаго съ Макшеевымъ появились свои юмористы, такъ же, какъ и у разныхъ одесскихъ и иныхъ провинціальныхъ газетчиковъ. Мало того, самъ Гиляровъ-Платоновъ заразился общимъ теченіемъ и, какъ носятъ слухи, за достовѣрность которыхъ, впрочемъ, не ручаемся, опредѣлилъ въ «Современныя Извѣстія» на должность сверхштатнаго

юмориста (безъ жалованья) какого-то псаломщика съ одного изъ московскихъ кладбищъ, чтобы обличать и предавать анафемѣ тѣхъ, кто не одобряетъ «безквасныхъ и безгорчавыхъ» словословіи его газетки и не впадаетъ въ энтузіазмъ, слушая малиновый звонъ колоколовъ бѣлокаменной...

Подходить, кажется, время, когда никакой журналъ и никакая газета не будутъ мыслимы безъ «собственныхъ юмористовъ», какъ ежедневныя газеты немислимы безъ телеграммъ и собственныхъ корреспондентовъ, или спекулятивныя изданія разныхъ промышленныхъ «жучковъ» и «кузекъ», налетѣвшихъ на ниву русской журналистики, немислимы безъ премій—олеографическихъ картинъ, изображеній голыхъ женщинъ, скверныхъ картинокъ и упражненій для дѣтской забавы въ родѣ ребусовъ, шарадъ, логогрифовъ и тому подобной дребедени. Юморъ же въ наше время, — когда къ исполненію этой повинности привлечены не только не остроумные, но прямо скудоумные люди, а въ случаѣ крайности малограмотные и совсѣмъ безграмотные, а для юмористическихъ стихотвореній, бросаемыхъ охапками въ типографіи, не оказалось никакой необходимости ни въ смыслѣ, ни въ настоящихъ римахъ, ни въ цезурѣ, ни даже въ размѣрѣ,—юморъ въ такое время сталъ формою весьма легкою и удобною для всяческихъ «строчилъ».

Поэтому мы нисколько не удивляемся, что дорогой нашъ князь сдѣлался внезапно юмористомъ. — Первый номеръ его «Добряка» при этомъ оказался нисколько не лучше и не хуже какого нибудь «Шута» или иныхъ листовъ этого рода, ихъ же имена Ты, Господи, всѣси. Сходство его съ другими листками тѣмъ полнѣе, что и онъ не даетъ никакой возможности улыбнуться, какъ бы вы этого ни хотѣли и въ какомъ бы веселомъ настроеніи духа ни принялись за чтеніе. Мы должны, однако, дать хотя нѣкоторые образчики стиховъ и прозы этого номера, чтобы нашимъ читателямъ уже не было надобности брать его въ руки. Содержаніе его — какъ остроумничаетъ князь въ оглавленіи — самое разнообразное. Что понимаетъ онъ подъ юмористической поэзіей, читатели увидятъ по слѣдующему отрывку изъ стихотворенія «Кому на Руси жить хорошо»:

И тошнѣй вѣметчины,
 Распустился дымъ
 Питерской газетчины,
 Съ запахомъ свинымъ.
 Жулики ученые,
 Неучъ и нахалъ,
 Ицки не крещенные—

Всякій записаль,
 И съ умомъ телатины,
 Ихъ читая гиль,
 Стали нигиллятины,
 Разводить мы гиль.

Кому этого мало, для того приведемъ еще четверостишіе, которыми, кажется, самъ князь въ «Почтовомъ ящикѣ» угощаетъ кого-то изъ несчастныхъ своихъ корреспондентовъ, имѣвшаго неосторожность прислать свои стихи въ новую газету.

Увы, твои стихи напоминаютъ
 Кухарки-пьяницы обѣдъ,
 Гдѣ въ супъ волоса гуляютъ,
 А бланманже уходитъ въ винеградъ.

Изъ подобныхъ стиховъ можно заключить, какова и проза, и мы могли бы объ ней просто умолчать, еслибъ князь не сдѣлалъ двухъ нововведеній. Во-первыхъ, онъ ввелъ у себя отдѣлъ, въ которомъ помѣщаетъ отрывки изъ старинныхъ русскихъ журналовъ и газетъ, выходившихъ въ Россіи 100 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Понятно, само собою, какъ эта старая ветошь, да еще выбранная по вкусу князя Мещерскаго, можетъ быть интересна и поучительна въ наши дни! Кромѣ того, онъ отважился въ нашу и безъ того довольно неопрытную печать ввести такой откровенный приемъ (должно быть, великосвѣтскій), о которомъ нельзя не упомянуть. Въ одной изъ статей, называющейся «замѣчательное письмо» отъ одного якобы армейскаго фельдшера къ товарищу, къ которому онъ пишетъ о дѣвущкѣ, за которой ухаживалъ, — князь помѣщаетъ такія фразы: «её упрекаютъ, въ ея невинность почему-то не вѣрятъ, хотя я тутъ ни въ ротъ ногой, ни»..... или: «да, братъ, не то, совсѣмъ не то! Да и не будетъ того! По крайней мѣрѣ, я уже не надѣюсь на то! Откуда? Выбора нѣтъ! А выборъ надо большой, ибо не всякая юбка можетъ дать то». Какъ ни непотребны покажутся читателю такія выраженія, но онъ можетъ подумать, что князь, вѣроятно, хотѣлъ подражать способу выраженія полубразованныхъ людей и, по незнакомству съ нимъ, маленько пересолил. Такое мнѣніе будетъ однако ошибочнымъ, и мы вполне увѣрены, что князь затѣялъ доставить такимъ выраженіямъ право гражданства въ русской юмористикѣ; иначе онъ, конечно, не сталъ бы помѣщать слѣдующихъ шутокъ, красующихся въ одномъ изъ отдѣловъ его газеты, колю названомъ: «разное». Вотъ эта милая шутка:

С К Л О Н Е Н І Е.

Земство—спить

Земства—сундуки пусты

Земству—носъ

Земство—ну его къ... и т. д.

Но если первый дебютъ князя въ качествѣ юмориста и не особенно удался, если въ «Добрякъ» своемъ онъ и выказался только весьма зауряднымъ шутомъ голике-ешиповскаго пошиба и, при своихъ покушеніяхъ острить, добрякался чортъ знаетъ до чего, то это не должно его обезкураживать. Онъ — комикъ по призванію и, чтобы стать успѣшнымъ юмористомъ и производить всеобщій смѣхъ, ему слѣдуетъ только не стараться возбуждать смѣха, а быть лишь самимъ собою и сохранять всевозможную серьезность. Такъ бываетъ съ нѣкоторыми актерами, кривлянья и ужимки которыхъ не веселятъ даже райка, но стѣбитъ имъ только напустить на себя серьезность, — и единодушный хохотъ раздается въ средѣ зрителей. Доказательствомъ этого служитъ и первый номеръ «Гражданина» настоящаго года, чтеніе котораго заставляеть весело смѣяться, тогда какъ «Добрякомъ» князю не удалось сорвать у читателей ни одной самой легкой улыбки. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о сущности статей, самый внѣшній видъ номера приводитъ въ веселое настроеніе. Онъ такъ небрежно напечатанъ, что цѣлыя гранки текста въ немъ перепутаны, и исполненъ такою массою чудовищныхъ и невозможныхъ опечатокъ, что намъ кажется, что онъ изданъ не любезнымъ нашимъ княземъ, а самимъ Фердинандомъ VIII. Читая, напримѣръ, нѣсколько разъ сряду, что у насъ министромъ финансовъ состоитъ то Буше, то Боше, или фразы въ родѣ: «въ бывшемъ нѣкогда Казанскомъ царствѣ, а нынѣ въ Россійскомъ государствѣ, въ славномъ городѣ Чебоксарахъ случилось... разумѣется, то вый трактъ, содержаніе котораго казнь стоило ежегодно 40,000 рублей», или: не «менѣе интересно также, что въ Туркестанскомъ краѣ много лѣтъ существовалъ поч. — вопроса о воздухоплаваніи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что завтра или послѣ завтра мы полетимъ по воздуху, какъ летаютъ даже глупыя вороны», (стр. 15) — такъ и ждешь увидать подъ такими измышленіями знакомую подпись: «39 мартабря». По сущности идей «Гражданина» еще веселѣе его внѣшней формы. Такъ, послѣ заявленія къ читателямъ, что князь не намѣренъ за вины г. Пущковича, причинившаго подписчикамъ убытки въ 1878, 1879 и 1880 годахъ, разсылать даромъ «Гражданинъ» на настоящій годъ и, заявивъ, что онъ начинаетъ изданіе «съ *приятнаго*, какъ онъ

смѣетъ думать, сюрприза (ну, это еще Богъ знаетъ!) для годовыхъ своихъ подписчиковъ», намѣреваясь разослать имъ въ началѣ года первый томъ своего новаго романа, — онъ переходитъ затѣмъ въ изложенію своего profession de foi, въ статьѣ подъ названіемъ: «Невеселое слово». Первая же строка этого «слова», наперекоръ заглавію, очень весело заставляютъ читателя предполагать снова, что князь если и не страдаетъ еще полнымъ умственнымъ разстройствомъ, то, по крайней мѣрѣ, полную потерю памяти. Вотъ эта фраза: «я прекратилъ свое непосредственное участіе въ изданіи «Гражданина» перваго періода его бытія, въ концѣ *пятидесятихъ* годовъ (курсивъ подлинника) при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ». Очевидно, что князь Мещерскому, ничего въ пятидесятихъ годахъ не издававшему, — чего онъ самъ, конечно, не можетъ не знать, — странныя обстоятельства, о которыхъ онъ заявляетъ, представились или въ бреду, или въ сонномъ видѣніи. Дѣло въ томъ, что ему кажется, что онъ «долженъ былъ отдать изданіе въ другія руки потому, что начальство «признало его направленіе вреднымъ» и именно «за тѣ изъ его статей (е въ этомъ словѣ у него для курьеза напечатано вверхъ ногами), въ которыхъ оно усматривало излющную преданность правительству». Читатель, конечно, пойметъ, что если съ княземъ, въ концѣ 70-хъ или даже въ 1880 году, и произошло что либо подобное, то совсѣмъ не то, о чемъ онъ повѣствуетъ, а только нѣчто похожее. Такъ, весьма можетъ быть, что кто либо изъ его начальства, замѣтивъ въ статьяхъ князя усердіе не по разуму, и рѣшился замѣтить ему о ихъ компрометирующемъ значеніи для правительства, но изъ деликатности, въ разговорѣ съ княземъ, замѣнилъ прилагательное, соотвѣтствовавшее идеѣ медвѣжьей услугъ, — другимъ, болѣе лестнымъ для князя, а именно «вреднымъ». Князь, какъ дипломатъ, долженъ былъ бы это понять, а оказалось, что онъ ничего не понялъ. Затѣмъ, въ объясненіи князя, гдѣ онъ безцеремонно называетъ себя «умнымъ и нужнымъ царскимъ слугою», онъ уже до того зарпортовывается, что выставляетъ себя, съ немалою наглостью, «жертвой роковаго недоразумѣнія, отъ прекращенія котораго зависитъ (excusez du peu!) *значеніе православной и царственной Россіи*», и что онъ *главнымъ образомъ* и издаетъ свой «Гражданинъ» снова, чтобы отвѣтить «*на этотъ вопросъ (?)* и на другіе, съ нимъ соприкасающіеся».

Затѣмъ въ его объясненіи слѣдуетъ все, что и слѣдовало отъ него ожидать, т. е., что Россія нуждается въ «прозрѣніи», а прежде всего въ сильной власти, что либеральную печать не слѣ-

дуетъ принимать за выраженіе общественнаго мнѣнія, что прогнившая интеллигенція способна заявлять только о своихъ, съ воздуха взятыхъ, либеральныхъ прихотяхъ и холопскихъ похотяхъ, и что въ Петербургѣ заражены нигилизмомъ не только блузники (ужь не гимназисты ли, которымъ нынче дали блузы, такъ какъ другихъ блузниковъ у насъ нѣтъ?) до *тайныхъ совѣтниковъ*. Новаго тутъ, какъ видитъ читатель, только одно то, что князь дѣлаетъ еще новый шагъ противъ другихъ своихъ соратниковъ, а именно и тайныхъ совѣтниковъ не исключаетъ изъ нигилистовъ, такъ что заставляетъ невольно спросить: кто же послѣ этого,—кромя его, разумѣется,—въ Россіи не нигилистъ?

Затѣмъ князь заканчиваетъ свое «невеселое слово» слѣдующими несовсѣмъ понятными словами, которыя заставляютъ, къ крайнему огорченію, думать, что князь не только помѣшанъ, но даже заключенъ въ домъ умалишенныхъ:

«Мы не настолько глупы (??..) что мечтаемъ о *вліяніи нашей жизни на окружающій насъ сумашедшій домъ* (??..), но мы убѣждены, что мы можемъ, мало-по-малу, честнымъ словомъ принести извѣстную пользу. И съ Божьею помощію, составивъ себѣ *почтенный и цѣльный кружокъ* (??..) сотрудинокъ, мы начинаемъ».

Въ числѣ средствъ, придуманныхъ «цѣльнымъ кружкомъ» князя, является, между прочимъ, совершенно оригинальный по замыслу отдѣлъ въ журналѣ: «Бесѣдующій Гражданинъ», въ которомъ эти мудрецы надумали перепечатывать «оффиціальныи отдѣлъ, передовыя статьи, корреспонденціи, рассказы, басни, сказки, анекдоты, эпиграммы, шутки, загадки, биржевой отдѣлъ и даже объявленія и фельетоны»... Откуда бы вы думали, читатель? Изъ стариннаго русскаго журнала, печатавшагося въ 1789 году подъ тѣмъ же названіемъ «Бесѣдующаго Гражданина», для того чтобы «помянуть нашихъ наставниковъ и людей, прежде насъ бывшихъ» и, разумѣется, отучать этимъ тайныхъ совѣтниковъ отъ нигилизма! Не правда ли, что введеніе такого «поминальнаго» отдѣла чрезвычайно остроумно и поучительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подтверждаетъ нашу догадку, что князь начинаетъ страдать душевною болѣзнью.

Мы еще не сказали и десятой доли того, что хотѣли бы передать о прелестяхъ перваго дебюта «Гражданина», по его возобновеніи, а ужь статья наша разрослась больше, чѣмъ это полагается для фельетона, почему мы, къ сожалѣнію, должны ее окончить, упомянувъ только о томъ, что «цѣльный кружокъ» обви-

няеть въ нигилизмѣ—на этотъ разъ ужь можно сказать, никто не отгадаетъ кого... с а м с го г. Лѣскова!!

Не можемъ, однако, не подѣлиться весьма оригинальнымъ отзывомъ какого-то Владимира Островина о пьесѣ «Карьера», до того онъ своеобразенъ: «Въ пьесѣ есть жалкія слова, вызывающія спазму въ глоткѣ (плачь), а также смѣшныя сценки, отъ которыхъ сотрясается грудобрюшная преграда зрителей». Мы могли бы на этомъ кончить, но какъ еще изъ басни Крылова извѣстно, что иногда въ самыхъ зловонныхъ кучахъ можно найти дорогое зерно, то мы на разставаніе и подѣлимся такимъ зерномъ, найденнымъ нами въ макулатурной кучѣ князя Мещерскаго, хотя это зерно спрятано въ очень не великосвѣтскую оболочку: «если г. Баталинъ хочетъ бороться, во имя порядка, для того чтобы вмѣсто петербургскаго либерализма предлагать обществу петербургскій цинизмъ въ области пахабнаго, то пусть лучше онъ не беретъ».

Совѣтъ весьма мудрый, но — увъ! — люди обыкновенно такихъ совѣтовъ не слушаются. А хорошо, еслибы слушались; вѣдь и самому князю Мещерскому, вмѣстѣ съ его «цѣльнымъ кружкомъ», можно было бы преподнести совѣтъ въ подобномъ же родѣ...

Капитонъ Соболевъ.

Въ альбомѣ знаменитымъ современникамъ.

I.

Саратовскому мировому судѣ, провозгласившему, что намъ не нужно
высшихъ учебныхъ заведеній.

(См. „Саратовскій Листокъ“ № 5).

Въ тревожномъ я недоумѣніи...
И знать хотѣлъ бы, мой зюль,
Въ какомъ учебномъ заведеніи
Ты воспитанье получилъ?

На «партахъ» древней семинаріи,
На кантонистскихъ-ли харчахъ,—
Отбросивъ всё прелиминаріи,—
Въ тебя вбивали палкой страхъ?

Или, въ кадетскомъ одѣяніи,
Ты бодро по плацу шагаль,
И въ тѣхъ маневрахъ—пониманіе
«Вопросовъ жизни» почерпалъ?

Откройся, друже:—біографію
Свою въ газетахъ изложи,
Да, заодно ужъ, эпитафію
Въ своей гробницѣ закажи!

II.

Рязанскому почтмейстеру, вскрывающему заказныя письма, подъ предлогомъ, вѣтъ ли въ нихъ денежнаго вложенія.

(См. „Русск. Вѣдомости“ № 4).

Въ чужихъ ты письмахъ ищешь денегъ,
Чтобъ «цѣнность» ту конфисковать,
Но, любопытствомъ не скупенекъ,
Въ нихъ запускаешь глаза, какъ тать.

Едва ль, однако, нужно фиску
Узнать, что пишетъ Э н ъ иль З е т ъ,
Собралъ ли Ж и в ч и к о в ъ *) подписку,
Съ вѣмъ повѣчалася Лизетъ.

Къ казеннымъ, что-ли, интересамъ
Относится любви задоръ
И ревность сердца, что повѣсамъ
Внушаетъ въ письмахъ милый вздоръ.

О, Шпекинъ новый, никому-то
Твоя уловка не нужна;—
А любишь сплетни ты, — «Минуту»
Почитывай Баталина.

И Мизантроповъ.

*) Подъ этимъ псевдонимомъ фигурировалъ въ одной публикаціи издатель вѣскога «толстаго» журнала.

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 ГОДА.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета «Южный Край» будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнею редакціею и по прежней программѣ.

Программа газеты: I. Руководяція статьи по вопросамъ внутренней и виѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы сущіальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорѣніе. IX. Виѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Смѣсь. XIV. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Киевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Крамченцугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркасѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поти, Переяславлѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ пер. иногород. . .	12 „ — „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковского Университета, № 7-й, при «Публичной Библиотекѣ» А. А. Юзефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго, и въ книжномъ магазинѣ Эмиля Гартъе, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровкѣ въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Фриндлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Оедорова; въ Одесѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. И Вѣлаго и В. П. Распопова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нотариуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Navas, Lafite et Co, Place de la Bourse.

Издатель А. А. Юзефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

СЪ 1 ОКТЯБРЯ 1881 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1882 ГОДА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

КОТОРАЯ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Подписная цѣна:

съ доставкою и пересылкою 6 рублей, за полгода 4 р., за 3 мѣсяца 3 р. за одинъ мѣсяць 1 р. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, по Васнецовской улицѣ, въ домѣ Полковой, и въ отдѣленіи конторы, въ С.-Петербургѣ, у А. А. Износкова, главнаго комиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ.

Редакторъ П. Штейнфельдъ.
Издательница А. Полкова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

СТРАННИКЪ

на 1882 годъ.

СЪ ОКТЯБРЯ 1880 ГОДА журналъ «Странникъ» ИЗДАЕТСЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ, по слѣдующей НОВОЙ ПРОГРАММѢ:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и не обнародованные матеріалы по всемъ отдѣламъ русской церковной исторіи.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по общей церковной исторіи.

3) Церковныя слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.

4) Разказы, повѣсти, характеристики, очерки изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) Вытовые очерки и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное внутреннее обозрѣніе.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востока и Западѣ, особенно у славянъ.

12) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальнымъ періодическихъ изданій.

13) Свѣтскіе журналы, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) Новыя книги: критическія и библиографическія статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подѣ духовной цензурой; библиографическія новости.

16) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Журналъ выходитъ въ началѣ cadaго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургъ шесть рублей; съ пересылкою за границу восемь рублей.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала «СТРАННИКЪ», въ С.-Петербургъ (Невскій просп., д. № 105, кв. № 1).

Оставшіеся въ меньшемъ количествѣ полныя экземпляры «Странника»

за 1881 годъ можно выписывать по прежней цѣнѣ—за шесть рублей.—Послѣднія три книги «Странника» за 1880 годъ, изданныя новою редакціей, высылаются за два рубля. Цѣна полнаго годового изданія за 1880 годъ—пять рублей.—За оба означенные года вмѣстѣ, «Странникъ» можетъ быть высланъ за десять рублей.—Требованій на «Странникъ» за прежніе годы, съ начала его изданія и по 1879 г., а также на книги, находившіяся въ продажѣ у прежнихъ его издателей, новая редакція «Странника» принимать и исполнять не можетъ.

Издателей и авторовъ, желающихъ имѣть въ нашемъ журналѣ отзвѣтъ о своихъ книгахъ (въ отдѣлѣ «Новыя книги» или «Книжная лѣтопись»), или объявленіе о нихъ, просимъ высылать въ редакцію по два экземпляра своихъ изданій.

Всѣхъ, желающихъ содѣйствовать новой редакціи доставленіемъ статей, материаловъ, замѣтокъ и т. п., просимъ обращаться по вышеозначенному адресу редакціи.

Редакторы-издатели:

А. ВАСИЛЬКОВЪ.—А. ПОНОМАРЕВЪ.—Е. ПРИЛЕЖАЕВЪ.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ, НАСТАВНИЦЪ И НАСТАВНИКОВЪ.

Въ 1882 г. (6-й годъ изданія) редакція будетъ держаться прежней программы. Въ журналѣ помѣщаются свѣдѣнія о женск. школахъ у насъ и за границей, историческ. очерки положенія и образованія женщины, психологическіе этюды, наблюденія за дѣтской жизнью, выясненіе методовъ и приѣмовъ воспитанія и обученія дѣтей. Особенное вниманіе будетъ обращено на начальное домашнее и школьное воспитаніе и обученіе. Въ отдѣлѣ „Изъ жизни и литературы“ (хроника) сообщаются новости, имѣющія отношеніе къ цѣлямъ изданія. Въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“ разбираются новыя педагогич. сочиненія, учебники и дѣтскія книги. Всѣ новыя книги для дѣтей будутъ своевременно равобраны.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“ выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля) книжками въ 4 печати, листа и болѣе. Сверхъ того, въ концѣ года будетъ дано приложеніе для дѣтей («Родная Старина». Разказы изъ русской исторіи съ гравюрами, XVII—XVIII ст.).

ЦѢНА за годъ безъ приложенія 2 р. 50 к., съ доставкой 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Желающіе получить приложеніе доплачиваютъ 1 рубль.

Подписка въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6), и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

„РОДНАЯ СТАРИНА“

Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ, сост. В. Сиповскій.

1-й выпускъ (IX—XIV ст.) 235 стр. большаго формата, 53 полтипажа въ текстѣ (древнія зданія, одежды, оружіе и пр.) и 2 отдѣльн. орг. рис. В. М. Васнецова (крещеніе киевлянъ и Куликовскія битва). Книга назначена въ помощь учащимся, вышла въ 1879 г. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. и Учебн. Ком. С. Е. И. В. Канцеляріи, цѣна 1 р. 50 к.

II-й выпускъ (XIV—XVII ст.) 408 стр. больш. формата, 76 полтипажей въ текстѣ и 2 отдѣльныхъ рис. вышелъ въ концѣ 1881 г., цѣна 1 р. 75 к.

КАЗАНСКИЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

(ЧЕТЫРНАДАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Въ 1882 году „Казанскій Биржевой Листокъ“, будетъ издаваться по слѣдующей программѣ:

1. Торговый отдѣлъ, состоящій изъ торговыхъ телеграммъ и корреспонденцій о цѣнахъ и сдѣлкахъ на пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна; о состоянїи дѣлъ и цѣнахъ на биржахъ: Петербургской, Рыбинской, Рижской, Ростовской, Одесской, Кіевской, Нижегородской и др. Въ этомъ же отдѣлѣ будутъ помѣщаться свѣдѣнія о сдѣлкахъ на Казанской биржѣ и о цѣнахъ на мѣстныхъ рынкахъ: товарномъ и денежномъ, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ и другихъ товаровъ на пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна, свѣдѣнія о цѣнахъ на прововъ (фрагты), о ярмаркахъ, объ урожаяхъ и уборкѣ хлѣбовъ, о состоянїи воды въ Волгѣ, о перекатахъ и т. п.

2) Официальный отдѣлъ. Правительственныя распоряженія, въ особенности, касающіяся торговли и промышленности.

3. Мѣстный отдѣлъ. Городская хроника (явленія мѣстной общественной жизни, разные случаи и происшествія, театръ и музыка, отчеты о засѣданїяхъ Думы, земскихъ собраній, мѣстныхъ обществъ и пр.).

4. Отдѣльныя статьи по различнымъ предметамъ, преимущественно изъ мѣстной общественной жизни.

5. Корреспонденціи Волжско-Камскаго края.

6. Внутреннія извѣстія: телеграммы Международнаго Агенства и отъ собственныхъ корреспондентовъ, извѣстія изъ газетъ.

7. Иностранное обозрѣніе наиболее выдающихся событій.

8. Библиографія. Фельетоны. Разныя разности. Состоянія счетовъ и отчеты мѣстныхъ банковъ. Объявленія казенныя и частныя.

„Казанскій Биржевой Листокъ“ выходитъ два раза въ недѣлю, но редакціей уже заявлено въ Главное Управленіе ходатайство о дозволѣніи выпускать три раза въ недѣлю, что и будетъ исполняться немедленно по полученіи разрѣшенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой: за годъ 6 р. 50 к., на полгода 4 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается рассрочка: не позже 1 января вносится 3 р., къ 1 мая—2 р. и къ 1 июля—1 р. 50 к. Лицамъ, подписавшимся на годъ не позже 1 января 1882 г., будетъ выслана въ теченіе года премія: „Десятилѣтнее обозрѣніе хлѣбной торговли Волжско-Камскаго бассейна и измѣненія цѣвъ за это время“ или, немедленно по подпискѣ, „Сельскій Сборникъ“ (2-е изд. 1880 г.), на пересылку котораго въ такомъ случаѣ прилагается 4 почт. марки по 7 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Казани: 1) въ Редакціи, на Никольской площади, въ домѣ Курманаева и 2) въ конторѣ ея, на Проломной ул., въ зданїи Казанской Биржи.

Изгородные адресуютъ свои требованія такъ: „г. Казань, въ Редакцію „Казанскаго Биржеваго Листка“.

Въ г. Харьковѣ, подъ редакцію А. П. Шимкова, выходитъ новый ежемѣсячный
политическій, литературный, ученый и экономическій журналъ

МИРЪ.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены произведенія слѣдующихъ лицъ:

С. Я. Вѣликова, Н. Василенко, Кн. Н. Волконскаго, К. Гаттенбергера (проф.).
Зеленогорскаго (проф.), В. Кандинскаго, А. И. Кирпичникова (проф.); „Лите-
ратурная хроника“ и др.), Лебедева (проф.), М. Неручева, А. Орловскаго, Л.
Павловича (проф.), Н. Сумцева, А. П. Шимкова (проф. и редактора жур-
нала), Г. Юрко и другихъ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписная цѣна съ пересылкою: годъ—12 руб., полгода—7 р. 50 к.,
три мѣсяца—4 руб., отдѣльная книжка—1 руб. 50 к.

Въ будущемъ 1882 году

журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 12—15 листовъ, по
той-же программѣ. Гг. подписчики, при подпискѣ на годъ, благоволятъ увѣ-
домить редакцію желаютъ-ли они получить его съ октября 1881 года, т. е.
съ первой книжки, или съ января 1882 года.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, (Екатери-
нославская, 1), при книжномъ магазинѣ Владиміра Александровича Сыхра.

Для овнакомленія съ журналомъ, первая книжка разослана во всѣ из-
вѣстные книжные магазины и библиотеки столичныхъ и провинціальныхъ
городовъ.

Издатель В. А. Сыхра.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

НА 1882 ГОДЪ.

Газета будетъ выходить въ 1882 году, какъ и теперь, три раза въ недѣлю:
ПО СРЕДАМЪ, ПЯТНИЦАМЪ и ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Согласно принятой программѣ, работа „Воронежскаго Телеграфа“ состоитъ:

1) въ обсужденіи вопросовъ изъ жизни общественной, нравственной и ум-
ственной,

2) выясненіи нуждъ и потребностей общественныхъ; и

3) своевременной передачѣ всѣхъ событій и новостей общественной жизни
въ возможной полнотѣ и разнообразіи.

Задача „Воронежскаго Телеграфа“ состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ,
чтобы быть органомъ мѣстныхъ нуждъ и служить отголоскомъ обществен-
наго мнѣнія по различнымъ вопросамъ вседневной жизни, не упуская въ
то же время, изъ виду интересныхъ сторонъ общественной жизни во всей
Россіи и за предѣлами ея.

Стремясь въ точности исполнить принятую на себя задачу, редакція „Во-
ронежскаго Телеграфа“ имѣетъ достаточное основаніе думать, что газета ея

пользуется должнымъ вниманіемъ среди населенія Воронежской губерніи, въ чемъ убѣждаетъ ее, между прочимъ, то обстоятельство, что помимо статей сотрудниковъ, ею приглашенныхъ, она постоянно получаетъ и отъ другихъ лицъ письма, заявленія, замѣтки и статьи по разнымъ вопросамъ общественной жизни.

Подписная цѣна на газету остается безъ измѣненія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:	За полгода:	За треть года:
въ Воронежъ безъ дост., 4 р. 50 к.	съ дост., 2 р. 75 к.	съ дост., 2 р. 25 к.
„ „ „ съ дост., 5 р. — „		
съ пересыл. въ др. гор. 6 р. — „	съ пер. въ др. гор. 3 р.	съ пер. въ др. гор. 2 р. 75 к.

Подписка на „Воронежскій Телеграфъ“ принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи В. И. Исаева, въ Воронежѣ, въ домѣ доктора Столля на Большой Дворянской улицѣ.

Редакторъ-издатель В. И. Исаевъ.

Открыта подписка на 1882 годъ

годъ IV

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ.

Журналъ выходитъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО (52 №№ въ годъ), въ форматѣ большихъ иллюстрацій, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ). Въ каждомъ номерѣ журнала помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, историческіе очерки, популярно-научныя статьи, новости наукъ, искусствъ и пр., политика, современная хроника Россіи, калейдоскопъ, шахматы, задачи, ребусы, игры, и проч.

Каждый номеръ журнала представляетъ, въ рисункахъ и текстѣ, выдающіяся явленія всемірной жизни.

Въ 1882 г. въ журналѣ будутъ особенно подробно иллюстрированы: 1) Предстоящее коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ, и 2) Всероссийская промышленно-художественная выставка.

Въ теченіе года всѣ подписчики получаютъ: ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІИ, рассылаемыхъ ежемѣсячно и представляющихъ прекрасно-выполненныя копія съ новѣйшихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Эти преміи состоятъ: изъ олеографій съ картинъ преимущественно русскихъ художниковъ (не менѣе четырехъ въ годъ), эстамповъ, гравюръ съ тономъ, и пр.

Ежемѣсячно при журналѣ рассылаются **БЕЗПЛАТНО**: **НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**. Полный модный журналъ съ 300-ми выкройками въ натуральную величину на 12 большихъ листахъ и множествомъ руководѣльныхъ работъ. Въ годъ до 500 рисунковъ модъ дамскихъ, мужскихъ и дѣтскихъ, а также бѣлья, узоровъ для вышиваній по канвѣ, атласу, кожѣ и пр.; множество тамбурныхъ и другихъ вязальныхъ работъ.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики, когда бы ни заявили свои требованія, получаютъ главную большую премію, роскошную **ОЛЕОГРАФИЮ** съ новой картины профессора **В. И. Верещагина**:

ЖЕЛАННАЯ ВСТРѢЧА

Изъ повѣсти временъ Іоанна Грознаго: «МНЯЗЬ СЕРЕБРЯНИЙ», соч. гр. А. Б. Толстаго.

Эта картина пишется профессоромъ В. П. Верещагиннымъ по заказу редакціи для главной преміи 1882 г. и будетъ выставлена на предстоящей въ 1882 г. Всероссийской промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ.

Величина картины «ЖЕЛАННАЯ ВСТРѢЧА»: 70 сантиметровъ въ ширину и 91 сантиметръ въ длину.

(Картина эта была заказана первоначально В. Якобію, но затѣмъ исполненіе ея передано профессору живописи В. П. Верещагину.)

Олеографія съ картины «Желанная встрѣча», величиною своею превосходящая всѣ выходившія до сихъ поръ олеографіи въ Россіи, будетъ исполнена въ одномъ изъ лучшихъ заграничныхъ олеографическихъ заведеній.

На исполненіе главной преміи ассигновано 15,000 рублей.

Въ отдѣльной продажѣ олеографія съ картины «Желанная встрѣча» будетъ стоить 15 руб. съ пересылкою.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ правомъ бесплатнаго полученія всѣхъ премій и приложеній:

Всѣмъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 руб. Съ доставкой въ Спб. 7 р. Для иногороднихъ 8 р. За границу 10 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи «Иллюстрированнаго Мира», по Николаевской улицѣ, домъ № 48.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Открыта подписка на 1882 годъ. Иногородные присылаютъ деньги въ редакцію „Страны“: Петербургъ, Пески, 1 ул. № 8. Городская подписка принимается въ конторахъ: при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова, Невскій, 46, а въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбаснакова, Моховая, д. Кожа. Книгопродавцы получаютъ обычную уступку.

Подписка: на годъ съ пересылкой и доставкой, 8 р.; на полгода — 5 руб.; на три мѣсяца — 2 р. 50 к., на два — 1 р. 75 к.; на одинъ мѣсяць 1 р.

„Страна“ будетъ издаваться по прежней программѣ, включая политическія статьи по внутреннимъ и вѣшнимъ дѣламъ, статьи экономическія, литературныя, юридическія, по части искусствъ, извѣстія, постоянныя корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и изъ Парижа, и фельетонъ общественной жизни съ театральнымъ обзорѣемъ.

Въ каждомъ номерѣ, по возможности, будетъ помѣщаемъ фельетонъ или другая статья для легкаго чтенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ ВЪ 1882 ГОДУ.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

XVIII

ЖУРНАЛЬ

ГОДЪ

ОТКРЫТІЙ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ

ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ НАУКИ.

ЖУРНАЛЬ УДОСТОВѢНЪ БОЛЬШОЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ НА МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ
ВЫСТАВКѢ 1872 г.

И РЕКОМЕНДОВАНЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1) Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабричной и заводской промышленности и желѣзныхъ дорогъ.

2) Механическая технология.

Оба эти отдѣла заключаютъ въ себѣ описаніе машинъ, аппаратовъ, инструментовъ и матеріаловъ для техническихъ производствъ; открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія по всѣмъ отраслямъ технологии.

4) Желѣзно-дорожное дѣло: локомотивы, вагоны, стрѣлки, сигналы, устройство монтажныхъ, различные приспособленія для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и проч.

5) Смѣсь: техническія замѣтки о новостяхъ въ технику, описанія различныхъ составовъ и средствъ, патентованныя секретныя средства и проч.

6) Библиографія.

7) Списокъ выданныхъ привилегій, съ краткимъ поясненіемъ.

8) Почтовый ящикъ редакціи.

9) Объявленія.

10) Приложенія. Въ составъ приложеній войдутъ механическія и химическія производства.

Въ журналѣ помѣщаются политипажн., образцы, чертежи, проекты и планы заводовъ и т. п.

Примѣчаніе. Отдѣлы, кромѣ десятого, не должны быть обязательны для каждаго № Сборника и отдѣлы не слѣдуютъ въ показанномъ выше порядкѣ, кромѣ перваго и десятаго. Отдѣлъ десятый, для каждаго отдѣльнаго производства, имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкою 16 руб., на полгода 9 руб.

При пережѣнн адреса прилагается 60 к.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Техническаго Сборника“ въ С.-Петербургъ, Торговая ул., домъ № 6, кв. № 1.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Цѣна томамъ журнала „Техническій Сборникъ“ отдѣльно сброшюрованнымъ и съ пересылкою, съ тома I по томъ XIV (1865—1872 г.) по 2 руб. за томъ. Тома XVI и XVII (1873 г.) 2 р. 50 к.; съ тома XVIII по томъ XXIII (1874—1876) по 3 р.; съ тома XXIV по томъ XXXIII (1877—1881 г.) по 8 руб. Выписывающимъ всѣ тома дѣляется 10 проц. уступки.

Редакторъ-издатель В. Ашикъ.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЗАРЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ.

Программа изданія:

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни. Кромѣ телеграммъ «Международн. Телеграфнаго Агенства», редація получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ; Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ. V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ вѣшной политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни за границей. Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ.

VI. Фельетонъ. Очерки и разказы (оригинальные и переводные). Обзорнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника. VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ, искусствъ и промышленности и проч. VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговья корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ и пр. IX. Отдѣлъ справочный. Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкой или пересылкой. На годъ 10 р., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к. Безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 5 руб. на 3 мѣс., 3 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается расрочка годоваго взноса, приче́мъ при подпискѣ вносится 3 руб. 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года расрочкой не пользуются. Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ, по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ кассачеувъ.

Подписка принимается: въ Кіевѣ, въ Главной Конторѣ газеты «ЗАРЯ», на Крещатику, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго. *Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентоувъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

